ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018 № 53

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета: Данишен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Институга российской истории РАН (Москва); Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; Лузянин Сергей Геннадиевич, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); Саква Ричард, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); Суляк Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; Воробьева Вероника Сергеевна, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; Некрылов Сергей Александрович, д-р ист. наук, зав. кафедры современнной отечественой истории; Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия, Троицкий Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; Фоминых Сергей Федорович, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга** Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; Черная Мария Петровна, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; Чиндина Людмила Александровна, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University: **Datsyshen Vladimir G.**. Dr. of History. Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnovarsk); Ivanova Natalia A., Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Kiryushin Yuriy F., Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); Krasilnikov Sergey A., Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; Luzyanin Sergey G., Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); Sakwa Richard, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; Ermekbay Zharas A. Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); Sulyak Sergey Georgiyevich, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; Vorobyeva Veronica S., Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; Fominykh Sergey F., Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; Fursova Elena F., Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; Kharus Olga A., Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; Nekrylov Sergey A., Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; Rumvantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; Sherstova Lyudmila I., Professor of the Department of Russian History; Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; Chernaya Maria P., Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; Chindina Lyudmila A., Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection. Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection. The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы конференции, посвященной 100-летию профессора Станислава Селиверстовича Григорцевича, основателя томской школы всеобщей истории и истории международных отношений и 70-летию профессора М.Я. Пелипася

Румянцев В.П. С.С. Григорцевич – основатель научной школы исследований международных отношений и политики ведущих стран мира Томского государственного университета

Хахалкина Е.В. Британские исследования

Вопросы истории внешней и внутренней политики Соединенных Штатов Америки

в Томском государственном университете

Александров М.В. Внутриполитическая борьба в рядах	
демократической партии США в процессе президентской	
кампании 2016 года	13
Смолякова Л.Н. Безработица как проблема образования:	
взгляд американского экономиста П.З. Пилзера	16
Соколов Н.Н. Эволюция общественно-политических	
и академических дискуссий в США на рубеже XX-XXI вв.	
о предоставлении Китаю режима «наибольшего	
благоприятствования» (РНБ)	20
Фоменко С.В. Германо-американский «диалог» октября	
1918 г.: попытка переосмысления	25

Актуальные проблемы европейской истории

Алтухова С.А. «Культурный расизм» в Великобритании

и законы о расовых отношениях второи половины 1960-х гг	
Аршинцева О.А. Имперские аспекты подготовки британской	
программы мирного урегулирования в 1917 г.	
Кирсанова Е.С. Соотношение необходимости и случайности	
Французской революции XVIII в.: историографический	
аспект	
Корнева Л.Н. Праворадикальное движение в ФРГ и выборы	
в Бундестаг 24 сентября 2017 г.	
Кузнецова М.А., Хахалкина Е.В. Процессы трансформации	
национальной идентичности Британии в контексте	
брекзита	
Метель О.В. Дискуссия на «западном участке исторического	
фронта» и развитие советской историографии	
в 1920–1930-е гг.	
Миронов В.В. Дебаты между плюралистами	
и солидаристами в английской школе международных	
отношений на рубеже XX–XXI вв.	
Сафонова Е.А. Вишеградская группа: этапы становления	
и развития	
Супрыгина Г.Г. Трансформация мифа о Лангемарке	
в немецкой истории XX в.	
Терехов О.Э. Изучение истории Германии	
в Кемеровском государственном университете	
в комеровском государственном университете	

Актуальные проблемы востоковедения

Бармин В.А. О некоторых причинах возникновения	
басмаческого движения в Туркестане в 1918–1923 гг.	88
Волков М.Н. Военно-техническое сотрудничество	
Российской Федерации на Ближнем Востоке	
и в Северной Африке в 2012–2017 гг.: прорыв в новых	
геополитических условиях	93
Лицарева Е.Ю. Проблема Корейского полуострова	
с позиций региональной безопасности: кризис 2013 г	99
Никитин Д.С. Конфессиональный состав Индийского	
национального конгресса в конце XIX – начале XX в	104
•	

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Materials of conference dedicated to 100-th anniversary of professor Stanislaw Seliverstovich Grigortsevich, founder of the Tomsk school of General History and the History of International Relations and 70-th anniversary of professor M.Ia. Pelipas

Rumyantsev V.P. Stanislav S. Grigortsevich: the founder of the scientific school of studies of International Relations			
and Politics of the great powers			
in Tomsk State University	5		
Khakhalkina E.V. British studies			
at Tomsk State University	8		
at Tomba Saite Sait From S	0		
Issues of the history of United States foreign and domestic policy	Ü		
Issues of the history of United States foreign	Ü		
Issues of the history of United States foreign and domestic policy			

Sokolov N.N. Evolution of socio-political and academic discussions in the US at the turn of the 20th and 21st centuries on granting China the "most favored nation" (MFN)

Current problems of European history

Altukhova S.A. "Cultural racism" in the UK and laws on racial

THE CIT WILL IN CUITAGE IN THE CIT WILL IN WE CIT THEIR	
relations in the second half of the 1960s	31
Arshintceva O.A. The imperial aspects of the British	
peacemaking program development in 1917	38
Kirsanova E.S. Ratio of need and accident	
of the French Revolution of XVIII age:	
historiographic aspect	43
Korneva L.N. Ultra-right movement in FRG	
and Bundestag election at 24 of September 2017	47
Kuznetsova M.A., Khakhalkina E.V. The processes	
of transformation of Britain's national identity in the context	
of Brexit	52
Metel O.V. The discussion on the «western sector	
of the historical front» and the development of the soviet	
historiography in the 1920s-1930s	59
Mironov V.V. Bebates between pluralism and solidarism	
in English school of international relations on the boundary	

XX-XXI centuries	64
Safonova E.A. The Visegrad group: stages of formation	
and development	69
Suprygina G.G. The transformation of the myth of the	
Langemarke in the german history of the twentieth century	74
Ferekhov O.E. The study of the history of Germany	
n the Kemerovo state university	83
·	

Actual problems of Oriental Studies

Barmin V.A. Several reasons for emergence of the basmachi	
movement in Turkestan in 1918-1923	88
Volkov M.N. Military and technical cooperation	
of the Russian Federation on the Middle East and	
in the North Africa in 2012-2017: the breakthrough	
in the new geopolitical situation	93
Litsareva E.Y. The problem of the Korean peninsula	
from the standpoint of regional security: the crisis 2013	99
Nikitin D.S. Confessional composition of the Indian	

		D (VDD) CDVIII (	
Румянцев В.П. Дилеммы британской дипломатии в связи с началом гражданской войны в Йемене (сентябрь 1962 г. –		Rumyantsev V.P. Dilemmas of British diplomacy in connection with the outbreak of the civil war in Yemen (September 1962 –	
февраль 1963 г.)	107	February 1963)	107
Проблемы иновационного развития: международный опь	IT	Problems of innovative development: international experience	e
Вольфсон С.В. К вопросу об истории становления		Wolfson S.V. To the question about the history of formation	
инновационного предпринимательства.		of innovative entrepreneurship. International	
Международный опыт	112	experience	112
Громова Д.В. Роль государства в поддержке инновационной		Gromova D.V. The role of the government support	
деятельности малого и среднего бизнеса и проблемы		of the small and medium businesses innovation activities	
венчурной отрасли Японии	116	and the problems of the Japanese venture sector	116
Таловская Б.М. Технион (Израиль) – опыт создания		Talovskaia B.M. Technion (Israel) - experience in creating	121
университетской экосистемы поддержки стартапов	121	a university ecosystem to support startups	121
Тройнина Е.Ю. Основные направления политики		of small and medium-sized enterprises' development	
по развитию малых и средних предприятий Тайваня в 2010–2016 гг.	127	in Taiwan in 2010-2016	127
в 2010—2010 11.	12/	III Turrum III 2010 2010	12,
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ		PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA	
Кириллова С.В. Беспошлинная и контрабандная торговля		Kirillova S.V. Free illicit trade of Russia with China	
России с Китаем и Монголией в XVII–XVIII вв.	138	and Mongolia in the 17 th -18 th centuries	138
Ларьков Н.С. Вся генеральская рать (высшее военное	1.42	Larkov N.S. All the general's men (Tomsk military authority during the Russian civil war)	1/12
руководство г. Томска в годы Гражданской войны)	142	during the Russian Civil war)	172
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ		PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY	
Тучкова Н.А. Этногенез селькупов с лингвистических		Tuchkova N.A. The ethnogenesis of the selkup people	
и этноисторических позиций	153	from the lingvistic and ethnohistorical point of view	153
проблемы историографии		PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY	
Мицук А.А. «На все есть свои специалисты»: экспертная		Mitsuk A.A. "Everything has it's experts": expert review	
оценка старообрядчества второй половины XIX в.		of old-believer's in the second half of the XIX century	
в трудах профессора И.Ф. Нильского	157	in the treatises of professor I.F. Nilsky	157
РЕЦЕНЗИИ		REVIEW	
Бойко В.П. Рецензия: Гаврилова Н.И. Купеческий род		Boyko V.P. Write-up: Gavrilova N. I. Merchant family	
Сибиряковых: страницы истории / под ред. В.П. Шахерова.		Sibiryakova: pages of history, ed. V. P. Shakherova. Irkutsk:	
Иркутск: Оттиск, 2017. 152 с.	165	publishing house "Imprint", 2017. 152 p.	165
Троицкий Е.Ф. Рецензия: Хахалкина Е.В. Между Европой	105	Troitskiy E.F. Review: Khakhalkina E.V. Between Europe	
и империей: политика Великобритании в отношении		and the empire: British policy towards European integration	
европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг.		and decolonization in 1945-1964. Tomsk; Tomsk State University	
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 334 с.	167	press, 2016. 334 p.	167
Нефедов С.А. Рецензия: Русская революция в восприятии		Nefedov S.A . Review: Russian revolution in the perception	
современников: Стейнберг М. Великая русская революция,		of sovereignments: Steinberg M. The Great Russian revolution,	
1905–1921. М.: Изд-во института Гайдара, 2018.		1905-1921. Moscow: Publishing house of Gaidar institute, 2018.	1.00
560 c	169	560 p	169
Колева Г.Ю. Историк должен уметь читать источники:		Koleva G.Y. The historian must be able to read sources // Review: article M. lytvynchuk «The inhabitans of surgut russian	
Рецензия на статью М.С. Литвинчук «Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX в.»	172	ethnographical group in the XIX - early XX centuries»	173
как этнографическая группа русских в АГА – начале АА в.//	1/3	cumographical group in the 2011 carry 2014 containes,"	175
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		SCIENTIFIC LIFE	
Рогачев И.В. Побратимские связи России и Норвегии		Rogachev I.V. Friendly relations between Russia and Norway	
крепнут. К 25-летию образования Баренцева		grow stronger. By the 25th anniversary of the Barents	150
Евро-Арктического региона	176	Euro-Arctic region	176
Кикнадзе В.Г. Международная научная конференция	170	Kiknadze V.G. International scientific conference "capital of the revolution" (Moscow, October 4-6, 2017)	170
«Капитал революций» (Москва, 4–6 октября 2017 г.)	1/8	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	182	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	182

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы конференции, посвященной 100-летию профессора Станислава Селиверстовича Григорцевича, основателя томской школы всеобщей истории и истории международных отношений и 70-летию профессора М.Я. Пелипася

УДК 327

DOI: 10.17223/19988613/53/1

В.П. Румянцев

С.С. ГРИГОРЦЕВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Статья посвящена основателю томской научной школы исследований международных отношений и политики ведущих стран мира профессору С.С. Григорцевичу. В 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения этого выдающегося ученого и педагога. Ключевые слова: Станислав Селиверстович Григорцевич; всеобщая история; международные отношения; Томский государственный университет.

Одной из признанных в России и за рубежом научных школ Томского государственного университета является школа исследований международных отношений и политики ведущих стран мира. Возникновение и развитие этой школы связано с именем Станислава Селиверстовича Григорцевича.

С конца 1940-х гг. С.С. Григорцевич осуществлял методичную работу по изучению материалов, относящихся к истории международных отношений на Дальнем Востоке в начале XX в., хранившихся в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ). Этот архив в годы Великой Отечественной войны был перевезен в Томск. Фонды архивохранилища содержали уникальные материалы из Приморья, Хабаровского края, Читинской области, с Сахалина и Камчатки.

Первым результатом научных исследований С.С. Григорцевича стала подготовка и защита в 1951 г. в Институте востоковедения АН СССР кандидатской диссертации по теме «Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.)». В 1957 г. эта диссертация была опубликована в Москве в виде монографии [1]. Международные отношения на Дальнем Востоке оставались центральной темой исследований С.С. Григорцевича и после защиты

кандидатской диссертации. Свое внимание томский исследователь перенес на период между окончанием русско-японской войны и Октябрьской революцией в России. Результатом работы не только в ЦГА РСФСР ДВ, но и в архивах Москвы и Ленинграда стала докторская диссертация «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг.». Диссертация была защищена в 1964 г., а годом позже в издательстве ТГУ была опубликована основательная (60 печатных листов) монография С.С. Григорцевича по данной теме [2].

Работа С.С. Григорцевича, получившая высокие оценки специалистов, и по сей день остается самым основательным в отечественной историографии исследованием международных отношений на Дальнем Востоке в период с 1906 по 1917 г. Оперирование только тщательно проверенными фактами, диверсификация источников, привлечение прежде не используемых архивных материалов позволили томскому ученому создать объективную картину межимпериалистических отношений на Дальнем Востоке в начале ХХ в. При написании докторской диссертации С.С. Григорцевичем были использованы материалы 43 фондов архивов, 16 названий газет, выходивших на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии.

Со второй половины 1960-х гг. внимание С.С. Григорцевича сосредоточивается на истории США. Произошло не резкое изменение темы исследований, а лишь смещение акцентов. Собственно говоря, история внешней политики Соединенных Штатов никогда и не выпадала из сферы научных интересов сибирского

ученого, «красной нитью» проходя через его кандидатскую и докторскую диссертации. Именно в развитии американистики С.С. Григорцевич видел перспективы научного роста кафедры новой и новейшей истории ТГУ, созданной в 1961 г., которую он возглавил.

Хронологические и территориальные рамки исследований, осуществлявшихся под руководством С.С. Григорцевича, были обширны: от 1860-х до середины 1950-х гг., охватывая значимые регионы мировой политики: Европу и Дальний Восток, Латинскую Америку и Ближневосточный регион. Руководство столь разнообразными темами предполагало наличие большой эрудиции, понимание сути многих сложных проблем. Этим и обладал в полной мере С.С. Григорцевич [3. С. 12].

На кафедре новой и новейшей истории ТГУ изучалась не только история США. Активно стали развиваться исследование германского национал-социализма и других вопросов внешней и внутренней политики Германии, но, пожалуй, именно американистика с 1970-х гг. стала основным научным направлением работы кафедры. Сам С.С. Григорцевич в эти годы приступил к изучению проблем историографии внешней политики США после Второй мировой войны и теоретико-методологических основ этой политики. С 1970 по 1986 г. им была опубликована серия статей по данной проблематике.

Парадоксальность деятельности томской научной школы исследований международных отношений и внешней политики ведущих стран мира заключалась в том, что эти исследования проводились вопреки расхожему в то время мнению, что в Сибири нужно заниматься краеведением. Кроме того, Томск не только находился на значительном расстоянии от Москвы и других ведущих научных центров европейской части СССР, но вплоть до начала 1990-х гг. он был «закрытым» городом. Приезд иностранных специалистов в этот старинный сибирский город был крайне затруднен, если вообще возможен. Показательной в этом плане была ситуация с попыткой профессора Университета штата Миссури Ю. Трани прочитать лекции в Томском госуниверситете в начале 1980-х гг., в чем ему было отказано под предлогом большой загруженности студентов ТГУ учебными занятиями [4. С. 22–23].

Выручала, конечно, довольно широкая возможность командировок в центральные библиотеки, архивы и научные центры. И еще — стойкая убежденность С.С. Григорцевича, которой придерживались и его ученики, в необходимости и возможности изучения различных аспектов зарубежной новейшей истории в самой глубине Советского Союза.

С.С. Григорцевич сравнительно поздно пришел в науку. У него не было хорошей исторической подготов-

ки, о чем он всегда, как вспоминает его ученик Б.С. Жигалов, сожалел. Он не был ни в аспирантуре, ни в докторантуре. У него никогда не было научного руководителя. Все недостатки и пробелы своей подготовки он восполнил (включая самостоятельное изучение английского языка, ставшего у него основным рабочим иностранным языком) огромной работой. Он был настоящим трудоголиком [3. С. 12].

Специфической чертой, отличавшей С.С. Григорцевича, был акцент на изучение процесса выработки внешнеполитических решений, при рассмотрении которого от ученого требуется скрупулезный анализ не только дипломатических документов, но и парламентских материалов, периодических изданий (как центральной, так и региональной прессы), документов политических партий, а также понимание всей внутриполитической «кухни» принятия решений в области внешней политики. Безусловно, это все шло от требовательности С.С. Григорцевича к деталям, достоверности и подтвержденности каждого приводимого факта, всесторонности рассмотрения изучаемой проблемы. Может быть, поэтому С.С. Григорцевич не давал своим аспирантам тем по американо-советским отношениям, считая их недостаточно обеспеченными доступными для отечественных исследователей материалами советских архивов.

Необходимо упомянуть, что С.С. Григорцевич был не только высокопрофессиональным ученым, но и талантливым педагогом. Он воспитал целую плеяду ученых, много и с большим удовольствием работал со студентами, аспирантами, соискателями. Среди его учеников можно отметить Н.С. Индукаеву, Б.С. Жигалова, С.В. Вольфсона, М.Я. Пелипася, Т.А. Бычкову и других. Под его руководством были защищены две докторские и 45 кандидатских диссертаций. Лекции С.С. Григорцевича отличали легкость и уместный юмор. Но вместе с тем это были серьезные и концептуально выстроенные занятия, центральное место в которых занимала Вторая мировая война. Однажды Станислав Селиверстович сказал, что прочитал, наверное, всю научную и художественную литературу, опубликованную про этот международный конфликт, и лучшим произведением художественной литературы о Великой Отечественной войне он считает повесть В. Астафьева «Прокляты и убиты».

С.С. Григорцевич прожил долгую и плодотворную жизнь. Он скончался в 2007 г. в возрасте 90 лет. Дело, начатое им много лет назад, по изучению проблем внешней политики и международных отношений ведущих стран мира продолжено последующими поколениями историков, литературоведов, культурологов во многих университетах Сибири [5].

ЛИТЕРАТУРА

^{1.} Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М., 1957. 201 с.

^{2.} Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. 608 с.

^{3.} Жигалов Б.С. У истоков сибирской американистики (к 90-летию профессора С.С. Григорцевича) // Американские исследования в Сибири. Томск, 2008. Вып. 9. С. 11–16.

- 4. Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронтира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Томск, 2005. Вып. 8. С. 15–24.
- 5. Дериглазова Л.В., Лицарева Е.Ю., Румянцев В.П., Савкович Е.В., Троицкий Е.Ф., Хахалкина Е.В. Научная школа исследований международных отношений и политики ведущих стран мира Томского государственного университета в 1992–2017 гг. // Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 / ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 175–194.

Rumyantsev Vladimir P. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

STANISLAV S. GRIGORTSEVICH: THE FOUNDER OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF STUDIES OF INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICS OF THE GREAT POWERS IN TOMSK STATE UNIVERSITY

Key words: Stanislav S. Grigortsevich; world history; international relation; Tomsk State University.

This article is devoted to the founder of the scientific school of studies of international relations and politics of the great powers in Tomsk State University Stanislav S. Grigortsevich. 100 years have passed since the birth of this outstanding scientist and teacher in 2017.

- 1. Grigortsevich, S.S. (1957) Amerikanskaya i yaponskaya interventsiya na Sovetskom Dal'nem Vostoke i yeye razgrom (1918-1922 gg.) [American and Japanese intervention in the Soviet Far East and its defeat (1918–1922)]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry.
- 2. Grigortsevich, S.S. (1965) Dal'nevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906–1917 gg. [The Far Eastern policy of the imperialist powers in 1906–1917]. Tomsk: Tomsk State University.
- 3. Zhigalov, B.S. (2008) U istokov sibirskoy amerikanistiki (k 90-letiyu professora S.S. Grigortsevicha) [At the origins of Siberian American studies (to the 90th birthday of Professor S.S. Grigortsevich)]. In: Pelipas, M.Ya. (ed.) *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Issue 9. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–16.
- 4. Pelipas, M.Ya. (2005) Opyt ispol'zovaniya idei frontira v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Zapadnoy Sibiri [Experience of using the idea of a frontier in the Humanities in Western Siberia]. In: Pelipas, M.Ya. (ed.) *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Issue 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15–24.
- 5. Deriglazova, L.V., Litsareva, E.Yu., Rumyantsev, V.P., Savkovich, E.V., Troitskiy, E.F. & Khakhalkina, E.V. (2017) Nauchnaya shkola issledovaniy mezhdunarodnykh otnosheniy i politiki vedushchikh stran mira Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v 1992-2017 gg. [School of Research in International Relations and Politics of the World's Leading Countries in Tomsk State University in 1992–2017]. In: Fominykh, S.F. & Zinovyev, V.P. (eds) *Istoricheskiye issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetskiy period. 1991–2017* [Historical research in Tomsk University in the post-Soviet period. 1991–2017]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 175–194.

УДК 001.126

DOI: 10.17223/19988613/53/2

Е.В. Хахалкина

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Показаны истоки складывания британской школы научных исследований и ее функционирование на историческом факультете Томского государственного университета как элемента томской школы международных исследований. Рассмотрены становление разных направлений в изучении истории Великобритании и современное состояние англоведения в условиях трансформации традиционного понимания научной школы в эпоху междисциплинарности.

Ключевые слова: англоведение; Томский государственный университет; научные школы.

Изучение истории Великобритании в Томском государственном университете было положено в начале 1960-х гг. на кафедре новой и новейшей истории под руководством Станислава Селиверстовича Григорцевича, человека с неординарной и яркой человеческой и профессиональной судьбой.

С.С. Григорцевич родился в 1917 г., учился в школе фабрично-заводского ученичества при паровозном депо ст. Тайга Томской железной дороги. В 1936 г. поступил в Томский горно-металлургический техникум, но уже в марте 1938 г. перешел на подготовительные курсы при Томском государственном педагогическом институте (ТГПИ) и, сдав экстерном экзамены за среднюю школу, поступил на исторический факультет ТГПИ. В первые месяцы Великой Отечественной войны принимал участие в строительстве фундамента для монтажа оборудования эвакуированных в Томск заводов, в уборке урожая. После войны стал сначала преподавателем, а с 1954 г. - заведующим кафедрой всеобщей истории ТГПИ, по совместительству работал доцентом на историко-филологическом факультете (ИФФ) Томского государственного университета. В 1951 г. Станислав Селиверстович защитил кандидатскую диссертацию «Разгром японской интервенции и крах происков американских империалистов на советском Дальнем Востоке (1920-1922 гг.)» в Институте востоковедения АН СССР. В 1955 г. в связи с закрытием исторического отделения в ТГПИ был переведен на работу в ТГУ [1]. С сентября 1961 г., после раздела кафедры всеобщей истории, по 1 июля 1993 г. Станислав Селивертович являлся бессменным заведующим кафедрой новой и новейшей истории. Его научные интересы отличались широким географическим и временным диапазоном. Наряду с американистикой, которая была основной сферой его специализации, он интересовался германской внешней политикой, чему способствовало хорошее знание немецкого языка, и затрагивал в своих работах темы по истории Великобритании. В 1964 г. С.С. Григорцевич защитил докторскую диссертацию. В монографии «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг.» (Томск, 1965 г.), написанной на ее основе, содержатся разделы о британском внешнеполитическом курсе в Китае [2]. Можно говорить о том, что в этот период происходит складывание англоведения в рамках блока «Британия и Дальний Восток».

Позднее интересы С.С. Григорцевича сместились не только в область британистики и германистики, но также — теории и историографии международных отношений. В период его заведования кафедрой им и его учениками было подготовлено 80 кандидатов наук из числа аспирантов и соискателей из вузов Сибири и Дальнего Востока.

Поражающая воображение цифра — сам Станислав Селиверстович Григорцевич был научным руководителем у более 40 кандидатов наук и 2 докторов наук, в работах которых рассматривался широкий круг проблем с конца XIX в. до современного периода истории внешней политики зарубежных стран. Сфера научных интересов Станислава Селиверстовича в более предметном поле включала изучение истории международных отношений на Дальнем Востоке, колониальную политику Великобритании и других стран.

Проблемам британской внешней политики были посвящены 14 кандидатских диссертаций под руководством С.С. Григорцевича: Балобаева З.В. Проблема получения военных долгов в европейской политике США (1929-1934 гг.). Томск, 1971; Герчикова В.В. Антибританская политика Германии и борьба в ее правящих кругах по вопросам взаимоотношений с Англией в 1911-1912 гг. Томск, 1971; Каирбекова Р.Р. Антигерманская политика Англии и борьба в британских правящих кругах по вопросам взаимоотношений с Германией (1907–1922 гг.). Томск, 1981; Михайлова В.Е. Политика Англии на Дальнем Востоке в связи с агрессией Японии против Китая (1931–1937 гг.). Ленинград, 1982; Свинин В.А. Англия в европейской политике США (1945-1948 гг.). Томск, 1982; Погодаев Н.П. Русская буржуазно-монархическая и английская буржуазная пресса как источник по англо-русским отношениям в 1906-1909 гг. Томск, 1984; Притчина Е.В. Дальневосточная политика Англии в связи с японской агрессией

в Китае в 1937-1941 гг. Томск, 1985; Монина Л.В. Антианглийская политика Германии и обсуждение в германских правящих кругах вопросов взаимоотношений с Англией (1903-1907 гг.). Томск, 1986; Комаристая Л.А. Германо-английское империалистическое соперничество и позиция германских правящих кругов в ходе переговоров с Англией в 1908–1911 гг. Томск, 1987; Лицарева Е.Ю. Проблема погашения военного долга Великобритании Соединенным Штатам Америки в американо-английских отношениях (1922–1932 гг.). Томск, 1988; Лабузова И.В. Политика Англии в отношении Японии в 1901-1905 гг. Томск, 1989; Рользинг С.К. Политика Англии по отношению к Германии и британская либерально-пацифистская оппозиция (1912-1914 гг.). Томск, 1992; Баштанов В.И. Политика правительства и позиция общественного мнения Германии в связи с англо-бурской войной (1899–1902 гг.). Томск, 1999; Усатюк Д.В. Политика США в отношении Великобритании в 1914-1918 гг. (морская блокада Германии и «свобода морей»). Томск, 2002.

Учеником Станислава Селиверстовича является и Борис Степанович Жигалов, защитивший в 1965 г. кандидатскую диссертацию «Железные дороги и борьба империалистических держав за господство в Северо-Восточном Китае в 1905–1914 гг.» и ставшийм фактическим основателем школы англоведения в Томском госуниверситете. Под руководством Б.С. Жигалова были защищены три кандидатские диссертации по британским исследованиям: Аршинцева О.А. Политика Великобритании в отношении Германии в 1922–1925 гг. (Томск, 1987), Рогожникова М.Л. Политика второго лейбористского правительства Великобритании в отношении Германии (1929–1931 гг.) (Томск, 1989) и Аноп А.Ф. Политика Англии в отношении Турции в 1918–1922 гг. (Томск, 1991).

За плечами Бориса Степановича уже 60 лет плодотворной работы на ниве не только англоведения, но и – в последние годы - германских исследований, в этом смысле Борис Степанович продолжает развивать направления, заложенные как Станиславом Селиверстовичем, так и германистом кафедры Николаем Сергеевичем Черкасовым. В 2013 г. вышло учебное пособие Бориса Степановича «Германия и СССР: экономические и политические отношения (март 1918 – июнь 1941 гг.)» [3]. В 2014 г. вышла его монография «И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его "Дневника", писем и мемуаров» [4]. Борис Степанович продолжает работать со студентами, по-прежнему пишет статьи и находится в хорошей научной форме. К нему можно обратиться по самым разным вопросам: эрудиция и острый ум неизменно вдохновляют на научный поиск, заставляют смотреть на изучаемые сюжеты с разных, порою неожиданных, аспектов. Борис Степанович в курсе всех международных проблем, отслеживает публикации во всех журналах и знает так называемую мировую повестку - отсматривает не только русско-, но и англоязычные журналы, следит за научной «модой». Борис Степанович – пример и образец ученого классической академической научной школы.

У другого ученика Станислава Селиверстовича -Савелия Вольфовича Вольфсона - две ученицы защитили работы на соискание ученой степени кандидата исторических наук по британской тематике С.В. Фоменко по теме «Политика руководства лейбористской партии Великобритании по укреплению влияния лейборизма среди молодежи (1959–1970 гг.)» (Томск, 1977) и Бандорина Е.В. - «Политика консервативной партии Великобритании по отношению к молодежи (конец 1950-х – 60-е гг.)». (Томск, 1977). Специализацией Савелия Вольфовича, защитившего в 1967 г. кандидатскую диссертацию «Политическая борьба в правящих кругах США по вопросам внешней и военной политики в 1950-1951 гг. в связи с войной в Корее», долгие годы была не только американистика, но также молодежное движение в разных странах Запада. С.В. Вольфсон и сейчас по-прежнему много внимания уделяет молодежной тематике, ведет соответствующие спецсеминары, руководит курсовыми и дипломными работами.

В 1993 г. заведующим кафедрой стал ученик С.С. Григорцевича М.Я. Пелипась. Михаил Яковлевич родился в 1947 г. в г. Петропавловске Казахской ССР. В 1965 г. он поступил на ИФФ ТГУ, десять лет спустя защитил кандидатскую диссертацию по теме «Политика правящих кругов США в связи с подготовкой и ратификацией Североатлантического военно-политического договора (1948–1959 гг.)», а в 1990 г. – докторскую диссертацию по теме «Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1955 г.».

Период, когда Михаил Яковлевич стал заведующим кафедрой, был нелегким и для отечественной науки и вузовской системы, и в целом тяжелейшим для страны временем разлома. Наука оказалась в глубоком финансовом, идеологическом кризисе, упал престиж профессии ученого, обозначился дефицит кадров. В то же время падение «железного занавеса» обозначило для отечественных ученых новые возможности, например, связанные с получением зарубежных исследовательских грантов для работы в архивах, участия в конференциях, общения с западными коллегами. Михаил Яковлевич максимально полно использовал эти открывшиеся возможности и в 1990-е гг. прошел стажировки в Свободном университете Берлина, по программе Фулбрайта в университете Ратгерс, Нью-Джерси, США и др.

В эти же годы и позднее, несмотря на ставшую хронической нехватку средств, Михаил Яковлевич организовывал на факультете научные конференции регионального, всероссийского и международного статуса с приглашением иностранных коллег. По его предложению была создана Сибирская ассоциация американистов, М.Я. Пелипась поддерживал тесные связи с ведущими российскими и зарубежными центрами по изучению истории международных отношений и хо-

10 Е.В. Хахалкина

лодной войны, приглашал российских и и зарубежных коллег на конференции и семинары.

Михаил Яковлевич, помимо активного участия в деятельности Сибирской ассоциации историков-американистов, входил в состав правления Российской ассоциации американистов и Ассоциации европейских исследований. Сложно переоценить тот огромный вклад, который был им сделан в развитие сибирской и в целом российской американистики. Однако диапазон его научных интересов, так же как и его учителя, не ограничивался американистикой. На кафедре было обозначено новое, второе направление в области англоведения - «Великобритания и Ближний и Средний Восток». В поле исследовательского внимания М.Я. Пелипася попадала не только история США, Великобритании и других стран и их политика в Ближневосточном регионе, но также история концепций и идей – например, ряд публикаций и конференций были посвящены фронтирной тематике, активно разрабатываемой в современной историографии. Под началом М.Я. Пелипася подготовлено 7 кандидатских диссертаций, три из которых были защищены в течение 2007 г. уже после его ухода из жизни. Тематика этих кандидатских работ была различной – в планах Михаила Яковлевича было не только развивать на кафедре американистику, но также укреплять позиции германистов, англоведов и заложить основы франковедения. К сожалению, пока эти планы полностью не реализованы.

Некоторые защитившиеся ученики Михаила Яковлевича работают за рубежом. Например, Е.Ю. Проден, на которую возлагалась надежда как на франковеда с ее знанием французского языка, является сотрудником Учебного и Научно-исследовательского центра при ООН (UNITAR) в Женеве, Швейцария. Большинство же учеников остались в составе кафедры и продолжают исследование тех проблем, начало изучению которых было положено под руководством М.Я. Пелипася. В 2011 г. стал доктором наук В.П. Румянцев, докторские диссертации защитили О.Г. Лекаренко и Е.В. Хахалкина в 2012 и 2017 гг. соответственно. М.Н. Волков совмещает должность доцента на кафедре с работой в качестве заместителя начальника Департамента международных и региональных связей Администрации Томской области. Другие ученики - Е.Л. Кузнецов и В.В. Руссков, хотя и не стали работать по специальности, успешно нашли себя в других сферах.

В 2000-е гг. фокус в британских исследованиях сместился в сторону изучения позиции Британии в отношении европейской интеграции и истории Британской империи, сформировалось третье направление «Британия, деколонизация и европейская интеграция», чему в немалой степени способствовал уже накопленный опыт в изучении этого материала — к сюжетам трансформации Британской империи в Содружество, влияния распада мировой колониальной системы на развитие европейской интеграции в своих работах обращались М.Я. Пелипась [5] и его ученики В.П. Румянцев, Е.Ю. Проден, Е.В. Хахалкина.

В 2007 г., после ухода из жизни М.Я. Пелипася, новым заведующим кафедрой стал Владимир Петрович Румянцев, который не только возглавил коллектив, но и продолжил научные разработки в русле тематики «Великобритания и Ближний Восток» с выходом на глубокую проработку проблем деколонизации и ее влияния на начало и развитие европейской интеграции. В 2010 г. была издана монография В.П. Румянцева «Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956—1960 гг.» [6]. В 2016 г. была опубликована монография Е.В. Хахалкиной «Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945—1964 гг.» [7].

Таким образом, усилиями С.С. Григорцевича, С.В. Вольфсона, Б.С. Жигалова, Н.С. Черкасова и их учеников была заложена и функционирует томская научная школа международных исследований (или исследований внешней политики стран Запада). Феномен удивительно плодотворной работы наших учителей состоит, на мой взгляд, в том, что наука воспринималась ими не как ремесло, а как образ жизни. Люди не мыслили и не мыслят себя даже не вне науки, а вне стен этого университета, потому что Томский государственный университет, классический университет, который сейчас подвергается стремительным трансформациям, за долгие годы и десятилетия сформировал особую среду, особую атмосферу. В немалой степени этому способствуют уникальные ресурсы, к которым имеют доступ томские исследователи – прежде всего, это Научная библиотека Томского госуниверситета, которая даже в советский период пополнялась изданиями на иностранных языках, в том числе силами сотрудников кафедры новой, новейшей истории и международных отношений. Все без исключения иногородние и зарубежные коллеги при посещении Томска отмечают, что сама среда Научной библиотеки – старое и новое здания с развитой инфраструктурой, в настоящее время максимально приближенной к нуждам студентов и преподавателей, наличие огромного фонда печатных изданий (более 3 млн. экземпляров) и доступа к удаленным ресурсам - способствует успешной научно-образовательной деятельности.

Накоплен значительный потенциал не только кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений, но также и кафедрой мировой политики в области изучения европейской интеграции и истории Европейского союза — функционирует соответствующая магистерская программа «Исследования Европейского союза» под руководством Л.В. Дериглазовой. В рамках этой программы преподаватели разных кафедр читают курсы, максимально полно отражающие научную специализацию, что представляется очень ценной возможностью: зачастую научные открытия рождаются в аудиториях и обеспечивают тесную взаимосвязь науки и образования. Темы по истории Великобритании в ее различных аспектах даются также сотрудниками кафедры востоковедения.

Томские англоведы поддерживают связи с британистами из других городов России и с зарубежными специалистами. Этому способствует реализация грантов, связанных с британской и в целом европейской тематикой. В 2013 г. Е.В. Хахалкина выиграла грант Ж. Монне по программе «Европейская модель» по теме «Великобритания в Европейском союзе: прошлое и настоящее». В том же году сотрудниками Исторического факультета был выигран мегагрант Правительства РФ (Постановление № 220) «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности». Для реализации проекта была создана Лаборатория социальноантропологических исследований, один из научных коллективов в рамках которой занимался разработкой проблем формирования и эволюции европейской идентичности в контексте европейской интеграции. Зарубежные поездки, в том числе в Великобританию, общение с коллегами и написание научных работ по этому и другим проектам способствуют интеграции сибирских англоведов в мировую науку, пониманию актуальных проблем в области британистики и в целом европейских исследований.

Можно констатировать, что в постсоветский период позиции отечественных англоведов заметно укрепились. В советское время, в эпоху «холодной войны», внимание историков в основном было приковано к отношениям двух сверхдержав – США и СССР, в то время как другие страны попадали в фокус исследовательского внимания преимущественно в контексте то набиравшей, то ослаблявшей силу конфронтации двух противоборствующих систем. Какие-то другие сюжеты, выпадавшие из общей логики «холодной войны», редко становились объектом пристального изучения, например уже упомянутые вопросы идентичности, мультикультурализма, миграционной политики Великобритании и других европейских стран. В постсоветский период исследователи получили больше «идеологической» свободы и больше возможностей для работы с архивными материалами. В настоящее время для этого уже даже не требуются заграничные поездки - впечатляющие объемы рассекреченных документов доступны исследователям для работы онлайн.

Таким образом, англоведение в Томском университете продолжает развиваться, хотя и уступая американским исследованиям; студенты и аспиранты выбирают темы по истории Великобритании в различных ее аспектах, защищают бакалаврские, магистерские, кандидатские и докторские диссертации.

В завершение размышлений о британских исследованиях в Томском госуниверситете хотелось бы обратить внимание на два тезиса.

Первое. Деление на англоведов, германистов и так далее носит во многом искусственный характер.

Грань между англоведами, американистами, европеистами, востоковедами и другими специализациями очень узкая, в своих научных исследованиях мы постоянно пересекаемся, иногда начинаем увлекаться какими-то другими тематиками – на стыке с нашими уже устоявшимися научными интересами, начинаем кооперироваться с коллегами, иногда эта кооперация приносит неожиданные и очень плодотворные результаты. Поэтому можно быть и востоковедом, и англоведом одновременно, так же как американистом и англоведом, и этот ряд множественных идентичностей можно продолжать. Междисциплинарность в научных изысканиях и методах научного познания стала нормой современной академической жизни. В этих условиях, как представляется, нужно активнее использовать возможности получения грантов, публикаций в зарубежных журналах, не бояться выходить на новые исследовательские поля, новые темы, активнее кооперироваться друг с другом. Наука как образ жизни – вот тот самый ключ, который может открыть многие двери, даже в наших непростых условиях.

Второе. В современных условиях сверхдинамичного развития науки и образования в России и в мире новыми смыслами насыщается само понятие научной школы, трансформируясь и высвечивая новые грани своего предназначения. Уже привычными нашему уху стали понятия «ведущая научная школа», «ко-лаборатория», «центр превосходства» и другие названия научных коллективов, создаваемых для реализации исследовательских проектов или решения образовательных задач. Научные группы, объединенные под такими наименованиями, носят, как правило, кратковременный характер, но они меняют прежнее понятие научной школы как некоей долговременной характеристики научного коллектива. Уже упомянутая междисциплинарность, ставшая заметной особенностью современных исследований и кооперации ученых, способствует более легкому и в то же время более тесному сотрудничеству специалистов разных кафедр, факультетов с разной сферой интересов, но объединенных на какое-то время общими исследовательскими, а подспудно и образовательными задачами. Такие новшества не отменяют прежнего понятия научной школы, но делают его более гибким, позволяя совмещать разные направления научных интересов, находить общие точки соприкосновения и расширять собственные исследовательские горизонты.

Указанные факторы не отменяют прежних подходов к характеристикам научных школ, к узким специализациям, скорее, они заставляют задуматься над важностью сохранения научных традиций, памяти о наших учителях, об их уроках, особенно в наше время стремительных изменений, иногда все разрушающих на своем пути, и ценностью существующих научных связей и простого человеческого общения.

ЛИТЕРАТУРА

12 Е.В. Хахалкина

- 2. Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965.
- 3. Жигалов Б.С. Германия и СССР: экономические и политические отношения (март 1918 июнь 1941 гг.). Томск, 2013.
- 4. Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров. Томск, 2014.
- 5. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
- 6. Румянцев В.П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск, 2010.
- Хахалкина Е.В. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск, 2016.

Khakhalkina Elena V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

BRITISH STUDIES AT TOMSK STATE UNIVERSITY

Keywords: British history; Tomsk State University; school of scientific research

The article shows the origins of the folding of the British school of scientific research and its functioning at the Faculty of History of Tomsk State University as an element of the Tomsk School of International Studies. The formation of various trends in the study of British history and the current state of English studies are shown in the context of the transformation of the traditional understanding of the scientific school in the era of interdisciplinarity. The study of the history of Great Britain in Tomsk State University was laid in the early 1960s at the Department of Modern and Contemporary History under the leadership of Stanislav Seliverstovich Grigortsevich. His research in the field of British studies was continued by Boris Stepanovich Zhigalov. It can be said that in the 1960s-1980s there is a folding of British studies within the framework of the bloc "Britain and the Far East". At the turn of the 1980-1990s the new direction the second direction in the field of British studies appeared - Great Britain and the Middle East under the leadership of new head of the Department of Modern, Cotemporary History and International Relations (the new name of the Department from 1993) Mikhail Yakovlevich Pelipas was designated. Not only the history of the United States, Britain and other countries and their policies in the Middle East region came in the field of his research attention, but also the history of concepts and ideas - for example, a number of publications and conferences were devoted to frontier topics actively developed in modern historiography. In the 2000s the focus in British studies shifted to the study of the position of Britain with regard to European integration and the history of the British Empire, the third direction "Britain, decolonization and European integration" was formed. This was largely due to the accumulated experience in the study of this material - the themes of the transformation of the British Empire into the Commonwealth, the influence of the disintegration of the world colonial system on the development of European integration in his works was addressed by M.Ya. Pelipas and his students Vladimir Petrovich Rumyantsev, Elena Vladimirovna Khakhalkina. In modern scientific and educational conditions, according to the author of the article, the division into Anglologists, Germanists and representatives of other scientific spheres is largely artificial. The line between Anglophone, Americanist, Europeanists, Orientalists and other specializations is very narrow, we constantly intersect in our scientific researches, sometimes we start to get involved in some other subjects - at the interface with our already established scientific interests, we start cooperating with colleagues, sometimes this cooperation brings unexpected and very fruitful results. Interdisciplinarity in scientific research and methods of scientific knowledge has become the norm of modern academic life.

- 1. Litvinov, A.V. (n.d.) Grigortsevich Stanislav Seliverstovich [Grigortsevich Stanislav Seliverstovich]. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Grigortsevich,_Stanislav_Seliverstovich.
- Grigortsevich, S.S. (1965) Dal'nevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906–1917 gg. [The Far Eastern policy of the imperialist powers in 1906–1917]. Tomsk: Tomsk State University.
- 3. Zhigalov, B.S. (2013) Germaniya i SSSR: ekonomicheskiye i politicheskiye otnosheniya (mart 1918 iyun' 1941 gg.) [Germany and the USSR: economic and political relations (March 1918 June 1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 4. Zhigalov, B.S. (2014) *I.M. Mayskiy: portret sovetskogo diplomata po materialam yego "Dnevnika", pisem i memuarov* [I.M. Maysky: A portrait of a Soviet diplomat based on his "Diary", letters and memoirs]. Tomsk: Tomsk State University.
- 5. Pelipas, M.Ya. (2003) *Skovannyye odnoy tsep'yu: SSHA i Velikobritanii na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Bounded by one chain: the United States and Great Britain in the Near and Middle East in 1945–1956]. Tomsk: Tomsk State University.
- 6. Rumyantsev, V.P. (2010) Blizhnevostochnaya politika SSHA i Velikobritanii v 1956–1960 gg. [Middle East policy of the USA and Great Britain in 1956–1960].

  Tomsk: Tomsk: State University
- 7. Khakhalkina, E.V. (2016) *Mezhdu Yevropoy i imperiyey: politika Velikobritanii v otnoshenii yevropeyskoy integratsii i dekolonizatsii. 1945–1964 gg.* [Between Europe and the Empire: British policy towards European integration and decolonisation. 1945–1964]. Tomsk: Tomsk State University.

Вопросы истории внешней и внутренней политики Соединенных Штатов Америки

УДК 323/324(73) DOI: 10.17223/19988613/53/3

М.В. Александров

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РЯДАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США В ПРОЦЕССЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 2016 ГОДА

В центре внимания автора статьи – фигура Берни Сандерса как одного из альтернативных кандидатов в президенты США от Демократической партии. Другой системный кандидат от этой партии – Хилари Клинтон – представляла правое крыло демократов, тогда как Берни Сандерс выступал от левого крыла партии и от лица американского «анти-истеблишмента». Ключевые слова: анти-истеблишмент; социальное государство; неолиберализм; социальное движение; Демократическая партия.

В американских общественно-политических и академических кругах ожидалось, что президентская кампания 2016 г. в США в целом будет весьма предсказуемой. Однако уже на этапе проведения предвыборных процедур стало очевидно, что значительной популярностью среди избирателей пользуются представители партий от так называемого американского «антиистеблишмента», прежде всего в лице республиканца Дональда Трампа и умеренного демократа Берни Сандерса. Триумфатором этих выборов стал Дональд Трамп. Объективно на выход в финал мог рассчитывать и Б. Сандерс, пользовавшийся широкой социальной опорой в американском обществе. Фигура Сандерса занимает сравнительно мало места в американском и российском медийном пространстве, что явно обезличивает высокую степень остроты внутриполитической борьбы в рядах Демократической партии в период предвыборной кампании 2016 г.

В изучаемый период Берни Сандерс – пожилой сенатор от штата Вермонт – позиционировал себя на политическом Олимпе американского общества как социалдемократ, который прошел путь от социалиста-радикала до умеренного демократа. При этом к убежденным демократам Сандерс себя явно не относил, вступив в ряды Демократической партии лишь в 2015 г., обеспечив себе тем самым участие в президентской гонке [1]. Ядро его предвыборной платформы – ликвидация последствий «рейганомики» – «неоконсервативных» глобалистских преобразований в стране – и возвращение к политике «социального государства».

Партийную платформу Берни Сандерса нередко сравнивают с «новым курсом» времен Ф.Д. Рузвельта. Обе левые платформы формировались в условиях экономических кризисов в стране. Но в том и заключается одна из главных слабостей левых партий в США, что левые и прогрессивные политики, опираясь на белых рабочих в провинциальных городах (наиболее остро переживавших экономические кризисы), постепенно

«дрейфовали» в сторону Республиканской партии. Радикально настроенные лидеры левых теряли в этой связи электоральную базу. Сандерс в такой обстановке предложил коллективное «мы», отраженное в его предвыборном лозунге «Not me – US», однако проиграл президентскую кампанию еще на этапе праймериз. Это обстоятельство, безусловно, способствовало победе Трампа на президентских выборах 2016 г.

Одной из причин его проигрыша стала Хилари Клинтон, которую американская финансово-олигархическая элита провозгласила безальтернативным кандидатом от демократов. Особо на этом фоне отличался крупный банк Голдман Сакс (Goldman Sachs), для которого она читала лекции на Уолл-Стрит [2]. Б. Сандерс же, в отличие от Х. Клинтон, принципиально отказался принимать пожертвования от крупных корпораций, пополняя свой фонд исключительно путем краудфандинга [3]. Во-вторых, Сандерс и Клинтон явно расходились по социальным вопросам. Клинтон настаивала на сохранении статус-кво в медицинской реформе Обамы («оватасате»), которая расширила число получателей бесплатной медицинской страховки, но не решила проблем американского здравоохранения. Многие штаты отказались принимать программу бесплатного медицинского страхования за счет повышения налогов. Сандерс, в свою очередь, предлагал продвинуть реформу здравоохранения путем его национализации [4].

Настоящим скандалом демократических праймериз 2016 г. стало обнародование организацией Викиликс (WikiLeaks) электронных писем Национального комитета Демократической партии (НКДП) США. Выложенная в интернет переписка охватывает период с января 2015 по май 2016 г., и, помимо прочего, опубликованные письма свидетельствуют о скоординированной деятельности партийного руководства по дискредитации Б. Сандерса и поддержке Х. Клинтон в ходе демократических праймериз [5].

Определяя шансы Берни Сандерса на успех в президентской кампании 2016 г., следует отметить, что ему оказывали значительную поддержку северные и западные штаты (так называемый «ржавый пояс» США), население которых склонно было отдавать голоса за левых демократов. Негативным образом на избирательной кампании Сандерса сказывались его сравнение с демократом Обамой и прогнозирование ему тех же недостатков. В частности, Обама не имел сильной аппаратной команды, что ставило его в зависимость от партийной бюрократии. Сандерс, однако, в отличие от Барака Обамы, не имея сильной аппаратной команды, все же сумел обрести связи в среднем звене демократической партии, среди левой и прогрессивной интеллигенции. С ним, например, выражали готовность работать такие ведущие экономисты-кейнсианцы, как Пол Кругман и Джозеф Стиглиц [6]. В отличие от представительницы правого крыла демократов Хилари Клинтон, у левого кандидата Сандерса должны были прогнозируемо возникнуть проблемы с республиканским Конгрессом. При этом Сандерс имел хорошую репутацию у рядовых провинциальных конгрессменов от республиканской партии, которые, выбирая между двумя представителями «анти-истеблешмента», отдавали предпочтение вермонтскому сенатору. Это, в свою очередь, закладывало основу для возможности создания провинциальнодемократического большинства в Конгрессе.

Против Сандерса активно выступали американские СМИ. Так, «Нью-Йорк Пост» Руперта Мердока назвала Берни Сандерса «коммунистом — крепким орешком» (diehard communist), пытаясь сработать на предубеждениях и стереотипах американцев. При этом Сандерсу припоминали его прошлое, связанное с симпатиями в отношении международного коммунистического движения и Советского Союза [7]. В этой связи, прежде всего, ведущие американские телеканалы, такие как «Си-Эн-Эн» (CNN), «Фокс ньюс» (Fox news) и другие, предпочитали игнорировать кампанию Берни Сандерса. Основную борьбу его сторонники развернули на сайтах и порталах Интернета и на улицах.

Кандидатура «социалиста Берни» пользовалась заметной популярностью среди молодежи. Х. Клинтон, напротив, лидировала среди людей пожилого и пенсионного возраста. За Сандерса, согласно исследованиям социологов, готовы были проголосовать многие из беспартийных и умеренных избирателей. Если смотреть на ситуацию внутри самой Демократической партии, то среди демократической молодежи до 24 лет поддержка Сандерса доходила до 90%, а среди демократов работоспособного возраста (до 44 лет) 60% поддержали поворот политики страны влево [8]. Последние проведенные опросы подтверждают, что к левому повороту наиболее склонно так называемое поколение миллениалов (поколение игрек) — молодых людей 25—30 лет [9]. Отчасти это связано с тем, что «поколение

бэби бумеров» формировалось в эпоху неолиберальных преобразований и в будущем вошло в так называемый социальный класс прекариата, т.е. трудящихся с неустойчивыми жизненными позициями, которые все активнее стали требовать от государства социальных гарантий. Все это создавало значительную нишу для левой идеологии. Именно в нее, очевидно, вписался Берни Сандерс, оказавшись скорее выразителем настроения, чем идеологом [10]. Но даже в случае прихода в Белый дом условный радикал Сандерс, скорее всего, не смог и не захотел бы выйти за рамки своей реформистской программы, показав, что лишь сталкивается с интересами таких влиятельных и могущественных групп, как лобби частного медицинского страхования и крупные банки, не претендуя на кардинальные изменения самого американского строя. Следуя этой логике, часть американских элит может придерживаться того мнения, что допустить хотя бы некоторые умеренные реформы, за которые борется Сандерс и его сторонники, менее рискованно, чем усиливать конфронтацию с протестной частью общества. Их оппоненты могут возразить, что однажды добившись успеха, социальное движение низов способно разрушить механизмы контроля элиты над обществом. В этой связи партийная платформа Берни Сандерса и его сторонников явно не вписывалась в систему утвердившегося либерального дискурса, от которого также стараются дистанцироваться и крайне правые слои американского общества во главе с Дональдом Трампом.

В заключение можно констатировать, что в 2016 г. Демократическая партия США повторила эффект английского лейбориста Джереми Корбина. Американцы устали от традиционных политиков, которые, по их мнению, полностью оторваны от общества. Начался бунт избирателей против традиционных политических элит и правящего политического класса. И, как и бывает в таких случаях, от этого бунта выиграли те, кто внутри политического класса являлся маргиналом, деятели, которые были внутри политики, но никогда не задавали ее вектор. Они, с одной стороны, достаточно профессиональны и известны, чтобы играть роль лидеров, а с другой стороны, они настолько явно вне традиционных политических раскладов, что воспринимаются как представители общественного бунта против старых политиков. Д. Трамп и Б. Сандерс в этом смысле отражают одну тенденцию, только с разных сторон справа и слева. Однако, в отличие от Трампа, Сандерс не только представлял бунт против старых политических элит, но и выступал против находящейся в кризисе политики неолиберализма и сопутствующей ей жесткой экономии. Можно предположить, что поддержавшее Сандерса социальное движение в США будет развиваться и продолжать свою борьбу, что, вероятно, станет одним из главных факторов общественной жизни в США в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Bernie Sanders biography (биография Берни Сандерса). URL: https://www.biography.com/people/bernie-sanders-02032016
- 2. The truth about Hillary Clinton's Wall Street speeches (Правда о выступлениях Хилари Клинтон на Уолл-стрит). URL: http://money.cnn.com/2016/04/20/news/economy/hillary-clinton-goldman-sachs/index.html
- 3. Sanders Is Crowdfunding a Campaign, but That Doesn't Diminish the Need for Campaign Reform (Сандерс профинансировал кампанию народными пожертвованиями, но это не уменьшает необходимости реформ). URL: https://www.thenation.com/article/sanders-is-crowdfunding-a-campaign-but-that-doesnt-diminish-the-need-for-campaign-reform/
- 4. Sanders Forces Clinton Into Strong Defense of Obamacare (Сандерс принуждает Клинтон к решительной защите «обамакэр»). URL: http://time.com/4183990/democratic-debate-bernie-sanders-hillary-clinton-obamacare/
- 5. DNC email database (база данных электронной почты НКДП). URL: https://wikileaks.org/dnc-emails/
- 6. Bernie Sanders refusal to reveal his economic advisers is an ominous sign (Отказ Берни Сандерса раскрыть своих экономических советников это зловещий знак). URL: https://qz.com/610963/bernie-sanders-refusal-to-reveal-his-economic-advisers-is-an-ominous-sign/
- 7. Don't be fooled by Bernie Sanders he's a diehard communist (Не будьте одурачены Берни Сандерсом он несгибаемый коммунист). URL: https://nypost.com/2016/01/16/dont-be-fooled-by-bernie-sanders-hes-a-diehard-communist/
- 8. February 17, 2016 Trump Surges To 2-1 Lead Among Republicans Nationwide, Quinnipiac University National Poll Finds; Clinton, Sanders Locked In A Tie Among Democrats (17февраля 2016 Трамп поднялся на лидирующие позиции среди республиканцев по всей стране, народный опрос Квиннипэкского университета; Клинтон и Сандерс скованны ничьей среди демократов). URL: https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=2323
- 9. Annual Report on US Attitudes towards Socialism (Годовой отчет об отношении США к социализму). URL: https://victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final.pdf
- 10. Building a Movement: From Occupy Wall Street to Bernie Sanders (Создание движения: от Захвати Уолл-стрит к Берни Сандерсу). URL: https://www.telesurtv.net/english/opinion/Building-a-Movement-From-Occupy-Wall-Street-to-Bernie-Sanders-20160416-0023.html

Aleksandrov Mark V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mark150795@gmail.com

INTERNAL POLITICAL STRUGGLE IN THE DEMOCRATIC PARTY OF THE UNITED STATES DURING THE PRESI-DENTIAL CAMPAIGN IN 2016

Keywords: anti-establishment; social state; neoliberalism; social movement; Democratic Party.

The author of the article focuses on the figure of Bernie Sanders as the main alternative to Hilary Clinton in the Democratic Party for the nomination of the US president. Hilary Clinton is a systemic candidate representing the right wing of the party, while Bernie Sanders was the left-wing candidate, speaking on behalf of the American "anti-establishment".

The article is aimed at observing Bernie Sanders' position, role and potential in the internal political struggle within the party and in the American social and political life in general. Being an insignificant player in American politics, Sanders managed to gain popularity in the broad strata of American society, which allowed him to be a mutually acceptable candidate protesting against traditional political elites and the neoliberal course.

The article is intended to solve a number of tasks: to determine Sanders' position in the American political system and his role as an out-of-system democratic candidate; to reveal the reasons for his loss to the systemic candidate in the person of Clinton at the primaries stage and his prospective features, which allowed him to reach the final of the pre-election race.

Adhering to the left-conservative views and the idea of returning to a social state, Sanders faced the Democratic Party management, the legislative and executive power system, the largest American media. Alongside with this, the main support for him was the mid-provincial layer in American society, the progressive youth and the social movements they created.

Expressing the protest moods of the left wing, Sanders did not have a clearly expressed function of the leader, which allows talking about the prospect of further action on the part of his most ideologically left electoral base already in the context new management's arrival in the White House.

- 1. The Biography.com website. (n.d.) Bernie Sanders biography. [Online] Available from: https://www.biography.com/people/bernie-sanders-02032016.
- 2. Griffin, D., Fitzpatrick, D. & Devine, K. (2016) *The truth about Hillary Clinton's Wall Street speeches*. [Online] Available from: http://money.cnn.com/2016/04/20/news/economy/hillary-clinton-goldman-sachs/index.html.
- 3. Nichols, J. (2015) Sanders Is Crowdfunding a Campaign, but That Doesn't Diminish the Need for Campaign Reform. [Online] Available from: https://www.thenation.com/article/sanders-is-crowdfunding-a-campaign-but-that-doesnt-diminish-the-need-for-campaign-reform/.
- Berenson, T. (2016) Sanders Forces Clinton Into Strong Defense of Obamacare. [Online] Available from: http://time.com/4183990/democratic-debate-bernie-sanders-hillary-clinton-obamacare/.
- $5. \ Wikileaks.org. \ (n.d.) \ \textit{DNC email database}. \ [Online] \ Available \ from: \ https://wikileaks.org/dnc-emails/.$
- 6. Fernholz, T. (2016) Bernie Sanders refusal to reveal his economic advisers is an ominous sign. [Online] Available from: https://qz.com/610963/bernie-sanders-refusal-to-reveal-his-economic-advisers-is-an-ominous-sign/.
- 7. Sperry, P. (2016) Don't be fooled by Bernie Sanders he's a diehard communist. [Online] Available from: https://nypost.com/2016/01/16/dont-be-fooled-by-bernie-sanders-hes-a-diehard-communist/.
- 8. Quinnipiac University. (2016) Trump Surges To 2-1 Lead Among Republicans Nationwide, Quinnipiac University National Poll Finds; Clinton, Sanders Locked In A Tie Among Democrats. [Online] Available from:
- https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=2323.
- 9. Victimsofcommunism.org. (2017) Annual Report on US Attitudes towards Socialism. [Online] Available from: https://victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final.pdf.
- 10. Myerson, J.A. (2016) Building a Movement: From Occupy Wall Street to Bernie Sanders. [Online] Available from: https://www.telesurtv.net/english/opinion/Building-a-Movement-From-Occupy-Wall-Street-to-Bernie-Sanders-20160416-0023.html.

УДК 364.075.1

DOI: 10.17223/19988613/53/4

Л.Н. Смолякова

БЕЗРАБОТИЦА КАК ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИСТА П.З. ПИЛЗЕРА

Статья посвящена анализу взглядов американского экономиста П.З. Пилзера на проблемы безработицы США после кризиса 2008–2009 гг. Помимо роста социальных требований к профессиональным качествам рабочей силы в условиях внедрения новых технологий, автор называет другие причины увеличения числа безработных – стагнацию инноваций в США в первое десятилетие XXI в., демонтаж крупных корпораций, а также изменения на «первом рынке труда». Выявленные причины и отличительные признаки современной безработицы позволяют П.З. Пилзеру сделать вывод о становлении новой крупнейшей отрасли в США по переподготовке рабочей силы и сформулировать рекомендации по сокращению числа незанятых на рынке труда. Особый интерес представляет теория исследователя о том, что безработица – это необходимый и позитивный признак того, что экономика растет.

Ключевые слова: США; безработица; П.З. Пилзер; кризис 2008–2009 г.; бизнес-возможность.

В своем выступлении в конгрессе США в конце февраля 2017 г. президент Д. Трамп назвал шокирующие цифры, касающиеся проблемы безработицы в стране: 94 млн человек безработных, или 42% [1]. Подводя итоги своей деятельности на посту президента в ноябре того же года, глава Белого дома с гордостью, в частности, заявил, что безработица в октябре 2017 г. достигла минимума с декабря 2000 г. – 4,1% [2].

Стоит отметить, что прозвучавшие цифры 42 и 4,1% невозможно сравнивать между собой, потому что они из разных списков. В США для учета безработицы используют различные индикаторы, которые учитывают совокупность определенных факторов занятости. Популярная цифра, чаще всего представляемая прессой, это число, которое каждый месяц выпускает Бюро статистики труда (BLS) - U-3. U-3 преуменьшает истинную картину безработицы, учитывает людей, которые находятся в активном поиске работы в течение последних четырех недель, и исключает тех, кто не активно ищет работу. Уровень безработицы с учетом американцев, выбравших частичную занятость исключительно по причинам экономического характера (индикатор U-6)¹, составил в октябре 2017 г. 7,9% (самый низкий показатель с 2006 г.). Фактические показатели безработицы действительно намного хуже тех, которые показал президент во втором заявлении. Существование значительной доли частично безработных является признаком того, что условия на рынке труда неприглядней тех, которые дает официальный уровень безработицы.

Следует признать, что безработица — одна из серьезных проблем, к решению которой ищут подходы президенты постиндустриального периода США, начиная с Дж. Буша-ст. Американский экономист П.З. Пилзер² определяет характер современной безработицы как долгосрочный (структурный), решение этой проблемы видит в тесной связке с образованием.

Итак, какова связь современной безработицы в США с проблемами образования? Сначала разберемся с причинами структурной безработицы.

Начнем с глубинных процессов, определяющих развитие американской экономики, - первое десятилетие XXI в. П.З. Пилзер назвал периодом стагнации инноваций [3]. В период с 1999 по 2008 г. ВВП США увеличился на 65% (с 8,7 до 14,3 трлн долл.). Численность населения за этот же период выросла всего на 10% - с 273 до 303 млн человек. Это привело, отмечает автор, к увеличению доходов от заработной платы и инвестиций. Однако в сложившихся условиях возможности для реализации растущего потребительского спроса мало изменились. Так, например, средняя цена нового автомобиля в Соединенных Штатах выросла на 40%, с примерно 20 тыс. долл. в 1999 г. до 28 тыс. долл. в 2008 г., без каких-либо значительных изменений качества или производительности. «Я помню каждый новый автомобиль, который мой отец покупал в 1960-е гг., а также то, чем он превосходил замененный автомобиль, - поясняет П.З. Пилзер. - Кондиционер, автоматическая коробка передач, стеклоподъемник с электроприводом, ремни безопасности - этот список можно продолжать... Или, если вы не приобретали новый автомобиль для новой функции, вы приобретали новый автомобиль, потому что он стоил меньше... В настоящее время не было новых функций, которые могли бы стать веской причиной для покупки нового автомобиля» [3]. Таким образом, считает П.З. Пилзер, в предшествующий кризису 2008-2009 гг. период имело место снижение покупательского спроса, а растущая в это время безработица была вызвана неспособностью многих предприятий сохранить своих клиентов, предоставив им новые или улучшенные продукты и услуги.

Для возвращения интереса клиентов компаниям необходимо предложить новые продукты, которые действительно заслуживают того, чтобы их покупать. Если бы Детройт — «автомобильная столица мира» середины XX в., — утверждает автор, отреагировал на рост цен на нефть до 5 долл. за галлон и предложил энергоэффективные автомобили, то смог бы удовле-

творить потребительский спрос, а также пережить нагрянувший в 2008 г. кризис³.

Кризис 2008-2009 гг. в США вызвал массовые банкротства, охватившие и банковский, и реальный промышленный сектор. «Фактически большая часть безработицы, которую мы испытываем сегодня, на самом деле является постоянным демонтажем многих наших крупных корпораций, поскольку они конкурируют с небольшими компаниями и индивидуальными предпринимателями» [4], - утверждает П.З. Пилзер, ссылаясь на теорию о «трансакционных издержках»⁴ нобелевского лауреата по экономике 1991 г. профессора Р. Коуза [5]. Рональд Коуз считал, что в середине XX в. «транзакционные издержки» лиц, занимающихся бизнесом и не находящихся под одной крышей, были настолько высокими, что превышали их экономический результат, поэтому ранее большие компании были более эффективными. Сегодня с помощью Интернета, компьютеров и недорогой телефонной связи «трансакционные издержки» отдельных лиц бизнеса незначительны, в связи с этим многие крупные организации больше не должны существовать. Таким образом, постоянный демонтаж крупных корпораций США является устойчивым источником безработицы.

П.З. Пилзер выделил некоторые отличительные черты современного безработного [6]: его прежняя работа не существует, потому что заменена новым методом или машиной, либо продукт больше не производится вообще или больше не производится в США; он не имеет специальных навыков, необходимых сегодня работодателям; у него есть проблемы со здоровьем (например, злоупотребление наркотиками или психологические проблемы).

П.З. Пилзер отмечает, что рынок занятости сегодня неэффективен с позиции запроса предпринимателя, который часто знает, как решить возникшие проблемы, но не готов потратить свои собственные средства на обучение рабочей силы. Кроме того, автор описывает еще одну тенденцию современного «первого рынка труда» - рост безработицы среди выпускников колледжей и одновременно появление небольшого количества вакансий с заработной платой в размере от 60 до 120 тыс. долл. на старте для лучших выпускников новых колледжей, являющихся первыми в своем классе, окончивших самые престижные школы, имеющих лучшие летние стажировки в своих резюме. Например, до 2009 г. крупная компания ежегодно нанимала 1 000 новых выпускников колледжей, чтобы заполнить позиции начального уровня в сфере продаж и обслуживания клиентов. Сегодня, благодаря Интернету, текстовым сообщениям sms и автоматическим центрам обработки вызовов, этой же компании может потребоваться только 105 новых выпускников колледжей – 100 выпускников для традиционных позиций и 5 лучших, способных разрабатывать системы и писать тексты для веб-сайтов, текстовые программы sms и сценарии для центров обработки вызовов. Хорошие навыки письма и отличные технические навыки выпускников (например, HTML и веб-дизайн) позволяют компаниям сократить издержки и повысить производительность, поэтому в современном технологическом мире лучшие выпускники колледжей стоят в десять раз больше по сравнению со средним студентом, утверждает П.З. Пилзер [7].

На вопрос президента одного из колледжей известному предпринимателю и экономисту: «"Когда вы нанимаете новоиспеченного выпускника колледжа, на что вы обращаете внимание в первую очередь, что вы ищете?" Я ответил: "Способность писать". Большинство новоиспеченных выпускников колледжа не имеют хороших навыков письма. Хорошее письмо требует ясного и логического мышления, знания грамматики и способности увлекательно излагать свои мысли. Иногда, - отмечает П.З. Пилзер, - во время собеседования с кандидатом на вакансию я прошу ученика сесть за компьютер (не подключенный к Интернету) в соседней комнате и написать 300-600 слов о нашем интервью и очень часто обнаруживаю, что немногие могут написать четкий абзац» [7]. Бывшие студенты просто не знают о своих собственных недостатках. П.З. Пилзер считает, что необходимо разработать стандартизованное письменное тестирование после бакалавриата, которое будет проводиться для всех выпускников. Такой тест позволит работодателям различить квалифицированных кандидатов, учащимся - выявить свои недостатки, а преподавателям – научить тому, что поможет их ученикам. Социальные требования к профессиональному качеству рабочей силы постоянно растут.

Как известно, для борьбы с безработицей Конгресс США традиционно продляет сроки выплат пособий в зависимости от ситуаций в различных штатах. С продлениями на периоды кризисов продолжительность получения пособия составляет обычно от 46 до 79 недель [8]. Хотя эта политика кажется справедливой, на самом деле, отмечает П.З. Пилзер, Конгресс предлагает плохое решение большинству безработных, поскольку они никогда не вернут свою прежнюю работу. По мнению автора, Конгресс должен рассмотреть вопрос о расширении пособий по безработице для того, чтобы потерявшие работу могли иметь возможность пройти программы обязательного обучения и переподготовки. Для получения пособия по безработице на определенный период времени безработный должен обязательно записаться на курсы или стажировки, чтобы обрести новые навыки или улучшить те, которые востребованы сейчас в рамках имеющихся профессий. Когда правительство сделает это, убеждает П.З. Пилзер, целые отрасли появятся, предлагая программы обучения и развития, а работодатели начнут предлагать стажировки, дающие безработным возможность опробовать новые профессии.

Безработица способствует росту кредитной задолженности. В условиях расширения торгового кредитования многие малые предприятия перестали полностью оплачивать своих поставщиков в декабре 2008 г., когда

18 Л.Н. Смолякова

их продажи снизились. В результате огромное количество малых предприятий не имели финансовых возможностей для решения растущей дебиторской задолженности. П.З. Пилзер ссылается на проведенный им опрос местных поставщиков и друзей, владеющих малым бизнесом, который позволил обнаружить, что бизнесмены, обычно зарабатывавшие от 100 до 200 тыс. долл. в год, имеют долги от 1 млн долл. по кредитам и не знают, как им решать эту проблему. Конгрессу и правительству необходимо разработать программы спасения для малого бизнеса, так же как программы крупнейшим банкам и автопроизводителям⁵, считает П.З. Пилзер и прогнозирует, что переподготовка рабочих и предложение заранее упакованных бизнесвозможностей тем, кто не может или больше не хочет работать на кого-то другого, скоро станет крупнейшей отраслью в США [8].

В последние несколько десятилетий повышение квалификации профессиональных работников в США отставало от темпов технологического развития. В условиях кризиса 2008-2009 гг. проблема безработицы обострилась и привлекла внимание правительства и общества. Лучший метод повышение квалификации тренинг. Обучение персонала само по себе является огромной отраслью, и Соединенные Штаты еще не полностью использовали свой потенциал. Организацию переподготовки безработных П.З. Пилзер рассматривает как деловую возможность. Когда правительство введет обязательное условие пройти переподготовку для получения пособия по безработице, появятся целые отрасли, предлагающие программы обучения и развития, а работодателям будут интересны стажировки, дающие безработным возможность опробовать новые профессии, заявляет автор [6].

Для ускорения становления новой крупнейшей отрасли в США по переподготовке рабочих – тех, кто не хочет покидать рынок труда, а также по созданию предложений бизнес-возможностей тем, кто не хочет работать на кого-то другого, П.З. Пилзер рекомендует правительству принять следующие меры: субсидировать работодателей для найма тех, кто получает пособия по безработице; субсидировать рабочие места и / или стажировки с «обратным удержанием заработной платы»; ввести обязательную переподготовку: любой человек, получающий пособие по безработице более 90 дней, должен пройти регистрацию в программах обучения и / или стажировки, спонсируемых местными школами или работодателями; тестировать на наркотики: пособия по безработице не должны выплачиваться более 30 дней без обязательного тестирования на наркотики; расширить общественное образование для взрослых, многие из безработных входят в число 60 млн взрослых американцев без диплома о высшем образовании, однако государственные программы не существуют для лиц старше 19 лет; предложить государственные программы спасения для малого бизнеса; разработать и ввести стандартизованное письменное тестирование после бакалавриата [6].

Для борьбы с фрикционной безработицей П.З. Пилзер предлагает усилить действие правительственных программ помощи местным «центрам занятости», чтобы помочь трудоустроить ищущих работу в короткие сроки. Кроме того, он настаивает на исключении ситуаций, когда тысячи миллионеров получают пособия по безработице: не выплачивать их тем, кто имеет недвижимость стоимостью более 1 млн долл. или доходы от домашнего хозяйства более 100 тыс. долл.

В целом П.З. Пилзер смотрит на безработицу как на показатель экономического развития и инструмент влияния на его процесс. Безработица, считает он, хотя и является болезненной для рабочих, - это необходимый и позитивный признак того, что экономика растет. По сути, она отключает рабочую силу от менее производительных предприятий, чтобы переучивать ее для работы на новых и более продуктивных, - так же, как в XX в. миллионы рабочих покинули фермы и ушли на заводы, а затем с фабрик переместились на предприятия сферы услуг. Однако процветать будут только определенные люди, отрасли и экономики - те, кто быстрее адаптируется к новым технологиям и новым рынкам, сможет воспользоваться этим ростом. Это связано с тем, указывает П.З. Пилзер, что темпы изменений стали очень быстрыми.

В сегодняшнем мире работа на себя является более безопасным маршрутом, а работа в корпорации стала более рискованной. Современная тенденция к децентрализации крупных фирм и переходу к более мелким предприятиям, «виртуальным корпорациям» и независимым подрядчикам делает индивидуального предпринимателя гораздо более конкурентоспособным, чем крупную корпорацию. Предприниматели станут крупнейшими бенефициарами этого экономического бума. Мы вступаем в эпоху предпринимателя, уверяет П.З. Пилзер. Изменения в технологиях позволили индивидуальным предпринимателям получить преимущество. Домашние предприятия – один из самых быстрорастущих сегментов в американской экономике, и эта тенденция будет продолжаться по мере того, как эра корпорации, начавшаяся почти сто лет назад, будет уступать место эре предпринимателя [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Способ расчета уровня безработицы U6 (Unemployment Rate) учитывает не только находящихся в активном поиске работы в течение последних четырех недель (U3), но и тех, кто в данный момент не ищет работу, и убедившихся в том, что на данный момент их трудоустройство невозможно, а также трудоустроенных на неполный рабочий день.

² Пол Зейн Пилзер – финансовый советник в администрации Р. Рейгана, бывший руководитель финансового сектора крупнейшего международного банка Citibank, профессор Нью-Йоркского университета в 1979–2000 гг., написал 11 книг, изданных на 24 языках, и основал шесть компаний.

³ В 2009 г. две компании «дейтройской тройки» General Motors Company и Chrysler объявили о банкротстве. В 2014 г. итальянский концерн Fiat получил полный контроль над Chrysler.

- ⁴ «Трансакционные издержки» издержки функционирования институциональной структуры бизнеса, в том числе расходы на транспортировку, телефон, почту и т.п.
- ⁵ Например, после объявления процедуры банкротства компанией General Motors Company в 2009 г. правительство США предоставило компании около 30 млрд долл., а взамен получило 60% акций концерна.
- ⁶ Фрикционная безработица связана с поиском работы уже готовыми специалистами с определенным уровнем профессиональной подготовки и квалификации, дополнительная переподготовка не требуется. Основной причиной этого типа безработицы является несовершенство информации (сведений о наличии свободных рабочих мест).

ЛИТЕРАТУРА

- Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-address-congress/
- 2. Безработица в США в октябре опустилась до минимума за 16 лет. URL: http://www.interfax.ru/business/586090
- 3. The Great Crash of 2008-2009 What Really Happened? URL: http://www.paulzanepilzer.com/the-great-crash-of-2008-2009-what-really-happened
- 4. Theory of Nobel Prizewinning Economist Predicts Entrepreneurship vs Employment. URL: http://www.paulzanepilzer.com/ entrepreneurship_vs_employment
- 5. Ron Coase, 1910–2013. URL: http://www.paulzanepilzer.com/ron-coase
- 6. Unemployment is Not an Economic Problem-It's an Education Problem. URL: http://www.paulzanepilzer.com/unemployment-is-not-an-economic-problem-its-an-education-problem
- 7. The Class of 2010 What New Job Applicants Need Most. URL: http://www.paulzanepilzer.com/the-class-of-2010-what-new-job-applicants-need-most
- 8. Employment Update: Why Things are About to Get Much Worse. URL: http://www.paulzanepilzer.com/employment-update-why-things-are-about-to-get-much-worse
- 9. Crisis or Opportunity Your Business Magazine July 2006. URL: http://www.paulzanepilzer.com/ybcyberwize-htm

Smolyakova Lyudmila N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smol_ln@mail.ru UNEMPLOYMENT AS A PROBLEM OF EDUCATION: A VIEW OF THE AMERICAN ECONOMIST P.Z. PILZER Key words: USA; unemployment; P.Z. Pilzer; crisis 2008-2009; business opportunity.

The rapid growth of unemployment in the United States started after the Great Crash of 2008-2009. The authoritative American economist P.Z. Pilzer in several published articles reflected his view of the nature of the modern unemployment, defining it as a long-term and also explained why he sees the solution to this problem in close conjunction with the educational system. Among the causes of rising unemployment, the author calls not only changing social requirements for the competencies of the workforce due to technology, but also took place in the United States in innovation stagnation in the first decade of the 21st century as well as the dismantling of large corporations and changes on the "first job market".

No significant changes in product quality and productivity in 1999-2008 allow P.Z. Pilzer call this period of stagnation of innovation. Growing at this time, unemployment was caused by the inability of many companies to provide its clients with new or improved products and services and thus save them.

"In fact, a large portion of unemployment that we experience today, is actually a permanent dismantling of many of our major corporations as they compete with small companies and individual entrepreneurs", - P.Z. Pilzer contends, referring to the theory of the "transaction costs" of the Nobel Memorial Prize in Economics in 1991 Professor Ron Coase. Much of the unemployment today is actually the permanent dismantling of large organizations in favor of smaller entrepreneurial units, said P.Z. Pilzer. Today with the help of the Internet, computers inexpensive telephone communication, the "transaction costs" of individuals in business are insignificant.

The current trend towards decentralization of large firms enables P.Z. Pilzer conclude that we are entering the era of the entrepreneur. Home businesses-one of the fastest growing segments in the U.S. economy, and this trend will continue as the era of corporations that began almost a hundred years ago, will give way to the era of the entrepreneur.

New trends of modern unemployment – its growth on the "first job market" for newly-minted college graduates, and the emergence of a small number of vacancies for graduates at starting salaries from \$60 000 to 120 000. Good writing skills and excellent technical skills of graduates allow companies to reduce costs and increase productivity, therefore they are worth ten times more than the average student, alleges P.Z. Pilzer.

The retraining of the unemployed has the potential to become one of the greatest business opportunities of our time, considers P.Z. Pilzer. When the Government will introduce a mandatory condition of retraining to get unemployment benefits, there will be entire industries, offering training and development programs.

In General, the P.Z. Pilzer looks at unemployment as the indicator of economic development and an instrument of influence on his process. Unemployment, he said, while it is painful for the workers, is a necessary and positive sign that the economy is growing.

- 1. Whitehouse.gov. (2017) Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. [Online] Available from:
- https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-address-congress/.
- 2. Interfax. (2017) Bezrabotitsa v SSHA v oktyabre opustilas' do minimuma za 16 let [Unemployment in the USA fell to a minimum in 16 years in October]. [Online] Available from: http://www.interfax.ru/business/586090.
- 3. Pilzer, P. (2009a) *The Great Crash of 2008–2009 What Really Happened?* [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/the-great-crash-of-2008-2009-what-really-happened.
- 4. Pilzer, P. (2013a) Theory of Nobel Prizewinning Economist Predicts Entrepreneurship vs Employment. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/entrepreneurship_vs_employment
- 5. Pilzer, P. (2013b) Ron Coase, 1910 2013. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/ron-coase.
- Pilzer, P. (2011) Unemployment is Not an Economic Problem-It's an Education Problem. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/unemployment-is-not-an-economic-problem-its-an-education-problem.
- 7. Pilzer, P. (2010) The Class of 2010 What New Job Applicants Need Most. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/the-class-of-2010-what-new-job-applicants-need-most.
- 8. Pilzer, P. (2009b) Employment Update: Why Things are About to Get Much Worse. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/employment-update-why-things-are-about-to-get-much-worse.
- 9. Pilzer, P. (2006) Crisis or Opportunity Your Business Magazine July 2006. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/ybcyberwize-htm.

УДК 327 (73:510)

DOI: 10.17223/19988613/53/5

Н.Н. Соколов

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В США НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв. О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КИТАЮ РЕЖИМА «НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ» (РНБ)

Анализ общественно-политических и академических дискуссий в Соединенных Штатах на рубеже XX–XXI вв. по поводу предоставления Китаю режима «наибольшего благоприятствования» (РНБ) позволяет выделить и оценить содержание двух основных этапов развития американо-китайских финансово-экономических и торговых отношений в изучаемый период. На первом этапе (конец 1980-х — первая половина 1990-х гг.) ежегодное продление РНБ стало предметом острых дебатов в американских правящих и академических кругах, связанных с поисками инструментов давления на Пекин по самому широкому кругу политических и территориальных проблем в отношениях между двумя странами. На втором этапе (1995–2001 гг.) про-исходит деполитизация финансово-экономических и торговых отношений между двумя странами. В 2001 г. американо-китайский торговый договор 1999 г. о предоставлении Китаю постоянного и безусловного РНБ был ратифицирован американским Конгрессом, что снизило накал общественно-политических и академических дискуссий в США вокруг этого вопроса. Ключевые слова: неолибералы; неоконсерваторы; режим «наибольшего благоприятствования» (РНБ).

В 1979 г. между США и Китаем были восстановлены дипломатические отношения, которые были разорваны в 1949 г. в связи с образованием коммунистического режима в этой стране. Китай получил также режим «наибольшего благоприятствования» в торговле с США на временной основе. В договоре предусматривалось, что американский президент ежегодно будет вносить на рассмотрение Конгресса предложение о его очередном продлении [1].

Для Вашингтона это было простым проявлением очередного дружественного шага в сторону Пекина, поскольку в годы «холодной войны» экономические связи между странами практически отсутствовали. Для Китая же предоставленный ему в 1979 г. РНБ с США, хотя и на временной основе, был крайне выгоден, поскольку в определенной степени облегчил доступ китайских товаров на американский рынок, что значительно расширяло финансовые возможности КНР для осуществления рыночных экономических реформ в своей стране. Объективным фактором развития и укрепления дружественных отношений между США и Китаем в экономической области в это время выступало стратегическое партнерство обеих стран по сдерживанию и развалу СССР, в котором обе стороны были заинтересованы. Поэтому вопрос о ежегодном продлении РНБ для Китая со стороны американских правящих кругов какое-то время решался без особых затруднений, можно сказать, автоматически.

После окончания «холодной войны» апологеты теории «американской исключительности» 3б. Бжезинский, Г. Киссинджер, Р. Кеохане, Дж. Най и другие так называемые «неореалисты» в США предсказывали: новая историческая обстановка на международной арене открывает широкие возможности для строительства «мира поамерикански», в котором Соединенные Штаты станут авторитетным лидером, но не господином [2–7].

Крах биполярного противостояния на международной арене в конце 1980-х - начале 1990-х гг. способствовал разрушению консенсуса в американском обществе, который сложился в годы «холодной войны». Это обстоятельство, в свою очередь, обострило внутриполитическую борьбу в США по вопросам международной политики, в частности в отношении Китая, в рамках «жесткого треугольника» (исполнительная власть, законодательная власть, общественное мнение) и на уровне «двойной игры» между федеральным центром и штатами. В результате вокруг проблем двусторонних американо-китайских отношений стали разворачиваться активные общественно-политические и академические дискуссии, в том числе по вопросу о предоставленном Китаю режиме «наибольшего благоприятствования» в торговле. Непосредственным поводом для этого послужили известные события на площади Тяньаньмэнь в Пекине (1989) [8].

Китайское лоббисты в США нашли себе сторонников в лице американских академических центров. Даже те из них, кто занимал достаточно жесткую позицию в вопросах содержания китайской политики со стороны Вашингтона, указывали, что РНБ необходим самой американской экономике, кроме того, он будет способствовать более глубокому вовлечению КНР в экономические отношения на глобальном уровне, научит китайские правящие и деловые круги «играть по правилам» на международной арене. Это, в свою очередь, явится стимулом для развития рыночной экономики в Китае, приведет к росту среднего класса и, как следствие, повысит шансы на демократические преобразования в этой стране. Схожие позиции заняли Тайвань и Гонконг.

Оппонентами прокитайски настроенным «группам интересов» в США в конце 1980-х – начале 1990-х гг. выступили правозащитные и консервативно настроен-

ные религиозные организации, профсоюзы, сторонники независимости Тибета, китайские студенты и диссиденты, находящиеся в США, и др. Они рассчитывали использовать РНБ для оказания давления на Пекин по важным для них вопросам. Однако их объединили достаточно разные интересы, и, несмотря на сочувствие со стороны американской общественности, их деятельность была менее эффективна и последовательна, чем у их соперников. Сказывались также опасения, что последствия потери Китаем РНБ могут оказаться прямо противоположными тем, на которые рассчитывали указанные представители антикитайской коалиции [9. С. 88–89].

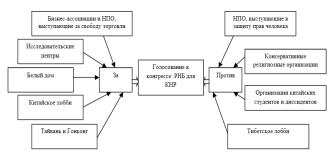

Рис. 1. Коалиции сторонников и противников РНБ для Китая [10. P. 82]

В 1989 г. конгресс США рассмотрел несколько инициатив, призванных «наказать» Пекин за события на площади Тяньаньмэнь. Вопрос о продлении РНБ тогда еще не был в центре дискуссий. Поскольку президент Дж. Буш тоже осудил действия китайских властей, казалось, что между его администрацией и Конгрессом присутствует относительное согласие о том, какие действия следует предпринять в отношении КНР. Но это была лишь видимость. Опытный политик, Буш намеревался сохранить за собой ведущую роль во внешнеполитических делах, полагая, что это поможет ему наилучшим образом отстаивать интересы США на мировой арене. В результате большинство инициатив Конгресса, связанных с ограничением режима «наибольшего благоприятствования» в торговле с Китаем, было блокировано президентом с использованием права вето с его стороны. Некоторые из них (которые, по мнению Буша, не могли слишком навредить американо-китайским отношениям) были затем реализованы им самим с помощью президентских указов. Отказ Буша прислушиваться к мнению Конгресса и его слишком мягкая, как многим казалось, позиция по отношению к Пекину положили начало своего рода противостоянию между видной частью конгресса, занимавшей антикитайские позиции по целому ряду вопросов, и администрациями (сначала во главе с республиканцем Дж. Бушем, потом во главе с демократом Б. Клинтоном), придерживавшимися в целом гораздо более умеренных взглядов [11. Р. 9-11; 12. Р. 26]. События на площади Тяньаньмэнь привели к тому, что в повестке дня американо-китайских отношений стали заметно выделяться вопросы о соблюдении прав человека в КНР. Они дополнялись вопросами о принудительных мерах по контролю рождаемости, преследованиях за религиозные убеждения, статусе Тибета и правах его жителей и др. Это привлекло значительное внимание соответствующих за-интересованных групп [13].

Схожие взгляды по этому поводу высказывали сторонники как «неолиберальных», так и «неоконсервативных» парадигм, связанных, в частности, с развитием американо-китайских финансово-экономических и торговых отношений. Тем не менее известные события на площади Тяньаньмэнь в Пекине (1989 г.) обострили общественно-политические и академические дискуссии в этой области, в частности по поводу предоставления Китаю РНБ.

Список обострявших проблем, американокитайские финансово-экономические и торговые отношения, оказался весьма широким: соблюдение прав человека и развитие демократии, свобода вероисповедания, принудительные аборты, свобода телерадиовещания, независимость Тибета, Синьцзяна и Тайваня, воссоединение Китая с Гонконгом и Макао, роль КНР в распространении ракетных и ядерных технологий, стремительный рост китайского военного потенциала, растущий торговый дефицит США в торговле с Китаем, использование китайскими предприятиями недобросовестных конкурентных практик, массовые нарушения прав интеллектуальной собственности в Китае и т.д. Некоторые из этих вопросов, например воссоединение Гонконга и Макао с КНР, оказывались включенными в повестку дня лишь временно, другие (и их в вышеприведенном списке подавляющее большинство) сохраняли свою значимость все 1990-е гг. и остаются актуальными до сих пор. По каждому из этих вопросов, в том числе и по вопросу о РНБ, разворачивались активные дебаты, в которых участвовали многочисленные заинтересованные группы, стоявшие как на прокитайских «неолиберальных» основах, так и на антикитайских «неоконсервативных» позициях.

Базой для «неолиберального» подхода служила категория взаимозависимости, введенная в свое время при анализе международных отношений. В своих работах представители данного направления, например Д. Лэмптон, М. Пирсон, К. Финдли и А. Уотсон, доказывают, что интеграция Китая в международную экономику, включение его в различные международные экономические режимы и институты сделает эту страну гораздо более ответственным участником международных отношений, незаинтересованным в каких-либо резких, революционных изменениях и склонным «играть по правилам». Более того, сотрудничество Китая и остального мира, в том числе США, носит взаимовыгодный характер, так как, с одной стороны, КНР за счет внешнеэкономической деятельности получает ресурсы, необходимые для собственного развития, с другой стороны, китайская экономика стала двигателем роста мировой экономики [14–16].

22 Н.Н. Соколов

например Американские «неоконсерваторы», Бернштейн, Манро, Б. Бузан и Г. Сигал, напротив, утверждали, что по мере роста экономического, политического и силового потенциала Китай будет все критичнее относиться к современной структуре международных отношений, основанных на политике Рах Americana. Разрушая «американскую исключительность», эта страна попытается изменить сложившийся статус-кво на международной арене в свою пользу, что приведет ко все более жесткой конфронтации между Вашингтоном и Пекином. Многие исследователи, среди которых можно назвать Дж. Курлянчика, Р. Саттера и др., указывают при этом, что Китай давно уже пытается стать региональным лидером в Юго-Восточной Азии, потеснив в этом регионе Соединенные Штаты [17–18]. В такой обстановке, считают эти авторы, следует укреплять стратегическое сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Тайванем и стать в глазах южных соседей КНР надежным противовесом растущим китайским амбициям. При этом сближение с Китаем в сфере безопасности, в финансово-экономической области, прежде всего, не отвергается и даже признается важным [18-20].

В 1990 г. сторонники введения санкций против Китая впервые обратили свое внимание на ежегодную процедуру продления РНБ как на возможный рычаг давления на Пекин. Впрочем, идея о полном отказе от предоставления Китаю РНБ (хотя она и будет раз за разом предлагаться к обсуждению в Конгрессе) сразу же не стала пользоваться популярностью среди конгрессменов. Лишение КНР этого статуса означало утрату самого инструмента давления. Гораздо привлекательнее в глазах американских законодателей выглядела идея о введении дополнительных условий, которые должен был выполнять Китай, претендующий на очередное продление РНБ. Все 1990-е гг. бизнесассоциации, в отличие от американских законодателей, проявляли себя не слишком активно по вопросу о предоставлении Китаю РНБ на постоянной основе. Экономические связи между США и КНР все еще были довольно слабыми. После событий на площади Тяньаньмэнь американские деловые круги долгое время опасались, что китайские власти могут свернуть с пути реформ и снова «закроют» свою страну.

Со временем накал борьбы в американских общественно-политических и академических кругах возрастал. Одной из причин такого развития было нежелание КНР идти даже на незначительные уступки США. В 1992 г. конгрессмены, выступавшие за введение дополнительных условий, и поддерживающие их заинтересованные группы дважды «бросали вызов» президенту. В этот год позиции Буша были наиболее уязвимы: появились признаки замедления американской экономики, приближались президентские выборы, продолжались обвинения в недостаточной твердости по отношению к КНР. Тем не менее, отстаивая свою точку зрения, Буш наложил вето на законопроекты, ставящие

под угрозу торговый статус Китая, и нашел себе союзников в Конгрессе, не позволивших это вето преодолеть. Таким образом он обеспечил победу своей позиции в дискуссиях о продлении РНБ для КНР. Но одержать верх на президентских выборах не сумел, и президентом США стал Б. Клинтон.

Одним из элементов предвыборной программы Клинтона стало обещание привязать вопрос о продлении РНБ для Китая к тем самым дополнительным условиям, введения которых безуспешно добивались Конгресс и ряд заинтересованных групп при Буше. Соответствующее решение новый президент принял в 1993 г. Чтобы вновь получить РНБ в торговле с США, Китай должен был выполнить ряд условий, касающихся, прежде всего, улучшения ситуации в области соблюдения прав человека. Важно отметить, что Клинтон, в отличие от своего предшественника на посту американского президента, не обладал большим опытом в сфере внешней политики и не разбирался детально в ее китайском аспекте. Вероятно, в начале президентства у него не было четкого видения целей, к реализации которых следует стремиться в отношениях с КНР.

Решение Клинтона о введении дополнительных условий вызвало резкий всплеск активности со стороны широких кругов американского бизнес-сообщества, которое впервые столкнулось со столь реальной угрозой кризиса в экономических связях между двумя странами. В результате вновь разгорелись жаркие дебаты, в которых позиция прокитайских групп влияния оказалась сильнее. В результате в 1994 г. Клинтон отменил свое же решение о введении дополнительных условий для Китая. Заметного всплеска активности в конгрессе при обсуждении очередного продления РНБ при этом не последовало. Большинство американских законодателей склонились к тому, что необходимо отделить проблему РНБ от других вопросов американокитайских отношений и рассматривать ее, прежде всего, в экономической плоскости. А с этой точки зрения отказ Китаю в РНБ больно ударил бы не только по КНР, но и по самим Соединенным Штатам.

Процедура продления РНБ вновь превратилось в дело практически автоматическое (даже тайваньский кризис 1995—1996 гг. не оказал заметного влияния на рассмотрение данного вопроса), а также стала служить поводом для активизации дебатов по самому широкому кругу вопросов американо-китайских отношений, которые теперь рассматривались без увязки с РНБ. Таким образом, в американской элите сложился относительный консенсус по вопросу о торговом статусе Китайской Народной Республики. Это означало, что позиции сторонников предоставления Китаю РНБ окрепли настолько, что актуальным стало заключение торгового договора между США и КНР. Это поставило бы точку в дебатах о РНБ, сделав этот режим для Китая постоянным и безусловным.

Соответствующие переговоры велись всю вторую половину 1990-х гг., но их активная фаза пришлась в

основном на 1999 г. Снова произошел всплеск дебатов, продемонстрировавший преобладание позиции сторонников торгового договора с Китаем, которому был предоставлен постоянный и безусловный РНБ в торговле с США. Его заключение стало частью процедуры вступления Китая в ВТО, завершившейся в 2001 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Trade in Goods (Imports, Exports and Trade Balance) with China // U.S. Census Bureau, Foreign Trade Division, Data Dissemination Branch. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html; http://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0015.html
- 2. Keohane R., Nye J. Power and interdependence: world politics in transition. Little Brown, 1977. 273 p.
- 3. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
- 4. Бжезинский 36. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы : пер. с англ. М. : Международные отношения. 1998. 256 с.
- 5. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? : пер. с англ. М. : Ладомир, 2002. 352 с.
- 6. Nye J. The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone. Oxford University Press, 2003. 240 p.
- 7. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство : пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.
- 8. Suettinger R. Beyond Tiananmen: The Politics of U.S. China Relations 1989-2000. Washington: Brookings Institution Press, 2004. 556 p.
- 9. Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 5. С. 88–89.
- 10. Hook S. U.S. foreign policy: the paradox of world power. Washington: CQ Press, 2008. P. 82.
- 11. Dumbaugh K. China's most-favored-nation status: congressional consideration, 1989–1998 / Congressional Research Service. Updated August 1, 1998. P. 9–11.
- 12. Sutter R. U.S. policy toward China: an introduction to the role of interest groups. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman and Littlefield, 1998. P. 26.
- 13. Human Rights in China: официальный сайт организации. URL: http://www.hrichina.org/
- 14. Lampton D. Same Bed Different Dreams: Managing U.S.-China Relations 1989-2000. Berkley: University of California Press, 2001. 510 p.
- 15. Pearson M. China's Integration into the International Trade and Investment Regime // China Joins the World: Progress and Prospects / ed. E.C. Economy, M.C. Oksenberg. Council on Foreign Relations, 1999. P. 161–205.
- 16. Findlay Ch., Watson A. Economic growth and trade dependency in China // China rising: nationalism and interdependence / ed. G.D. Goodman, G. Segal. Routledge / Curzon, 1997. 196 p.
- 17. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press, 2007. 306 p.
- 18. Sutter R. U.S. policy toward China: an introduction to the role of interest groups. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman and Littlefield, 1998. 184 p.
- 19. Buzan B., Segal G. Rethinking East Asian security // Survival: Global Politics and Strategy. 1994. Vol. 36, № 2. P. 3–21.
- 20. Bernstein R., Munro R. The Coming Conflict with China. Vintage Books, 1998. 272 p.

Sokolov Nikolay N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru

EVOLUTION OF SOCIO-POLITICAL AND ACADEMIC DISCUSSIONS IN THE US AT THE TURN OF THE 20TH AND 21ST CENTURIES ON GRANTING CHINA THE "MOST FAVORED NATION" (MFN) REGIME

Key words: neo-liberals; neoconservatives; most-favored-nation treatment (MFN).

The author focuses on the process of granting the most-favored-nation treatment (MFN) regime to China from the US in the field of financial and economic relations between the two countries at the turn of the 20th and 21st centuries.

The purpose of the article is to trace the evolution of this process from the moment of establishment of diplomatic relations between the USA and the PRC in 1979 and before the ratification of the US-China trade treaty by the US Congress in 2001.

In this connection, the article deals with a number of tasks connected with the discussions between neo-liberals and neoconservatives - supporters and opponents of granting the "most favored nation" regime in American ruling and academic circles. At the same time, the factors of both external and internal influences are revealed that led to the transition from the annual extension of the "most favored nation" regime to China, approved by the Congress during the years of the republican administration headed by George W. Bush, and until the regime was granted on a permanent and unconditional basis in the years of Administration of Democrats led by B. Clinton.

All the 1990s business associations, unlike the American lawmakers and the White House administration, showed little activity on the issue of granting China MFN on an ongoing basis. After the events in Tiananmen Square, the American business community for a long time feared that the Chinese authorities could turn off the path of reform and again "shut down" their country.

Thus, the process of granting the "most favored nation" regime to China from the US at the turn of the 20th-21st centuries occurred in two stages. At the first stage (the late 1980s and the first half of the 1990s), the temporary state of the MFN was the subject of heated debates in American ruling and academic circles related to the search for instruments of pressure on Beijing from Washington on the widest range of political and territorial problems in the East Asian region. At the second stage (1995-2001), the financial-economic and trade relations between the two countries depoliticized, which led to the provision of China with a permanent and unconditional MFN as the basis of the US-China trade treaty (1999). In 2001, this treaty was ratified by the US Congress, which reduced the intensity of sociopolitical and academic discussions in the United States around this issue.

- 1. U.S. Census Bureau, Foreign Trade Division, Data Dissemination Branch. (n.d.) *Trade in Goods (Imports, Exports and Trade Balance) with China*. [Online] Available from: http://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html.
- 2. Keohane, R. & Nye, J. (1977) Power and interdependence: world politics in transition. Boston: Little, Brown.
- 3. Kissinger, H. (1997) Diplomatiya [Diplomacy]. Translated from English by V.V. Lvov. Moscow: Ladomir.
- 4. Brzezinski, Z. (1998) Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Translated from English by O. Uralskaya. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- 5. Kissinger, H. (2002) Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? [Does America Need a Foreign Policy?]. Translated from English by V. Verchenko. Moscow: Ladomir.
- 6. Nye, J. (2003) The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone. Oxford University Press.
- 7. Brzezinski, Z. (2004) *Vybor. Mirovoye gospodstvo, ili global'noye liderstvo* [The Choice: Global Domination or Global Leadership]. Translated from English by E. Narochnitskaya, Yu. Kobyakov. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- 8. Suettinger, R. (2004) Beyond Tiananmen: The Politics of U.S.-China Relations 1989-2000. Washington: Brookings Institution Press.

24 Н.Н. Соколов

- 9. Rudenkin, V.N. (2008) Lobbizm, gruppy interesov i korruptsiya v SSHA [Lobbyism, Interest Groups and Corruption in the US]. Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 5. pp. 88–89.
- 10. Hook, S. (2008) U.S. foreign policy: the paradox of world power. Washington: CQ Press. pp. 82.
- 11. Dumbaugh, K. (1998) China's most-favored-nation status: congressional consideration, 1989–1998. Congressional Research Service. August 1, 1998. pp. 9–11.
- 12. Sutter, R. (1998) U.S. policy toward China: an introduction to the role of interest groups. Lanham, Boulder, New York and Oxford: Rowman and Littlefield.
- 13. Human Rights in China. (n.d.) Human Rights in China. Official website. [Online] Available from: http://www.hrichina.org/.
- 14. Lampton, D. (2001) Same Bed Different Dreams: Managing U.S.-China Relations 1989-2000. Berkley: University of California Press.
- 15. Pearson, M. (1999) China's Integration into the International Trade and Investment Regime. In: Economy, E.C. & Oksenberg, M.C. (eds) *China Joins the World: Progress and Prospects*. Council on Foreign Relations. pp. 161–205.
- 16. Findlay, C. & Watson, A. (1997) Economic growth and trade dependency in China. In: Goodman, G.D. & Segal, G. (eds) China rising: nationalism and interdependence. Routledge/Curzon.
- 17. Kurlantzick, J. (2007) Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press.
- 18. Sutter, R. (1998a) U.S. policy toward China: an introduction to the role of interest groups. Lanham, Boulder, New York and Oxford: Rowman and Littlefield.
- 19. Buzan, B. & Segal, G. (1994) Rethinking East Asian security. Survival: Global Politics and Strategy. 36(2). pp. 3–21. DOI: 10.1080/00396339408442734
- 20. Bernstein, R. & Munro, R. (1998) The Coming Conflict with China. Vintage Books.

УДК 94 (3) + 94 (73) + 94 (430) DOI: 10.17223/19988613/53/6

С.В. Фоменко

ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКИЙ «ДИАЛОГ» ОКТЯБРЯ 1918 г.: ПОПЫТКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Германия направила США просьбу о перемирии 5 октября 1918 г., но перемирия добилась лишь 11 ноября. Автор обращается к анализу причин более чем месячного затягивания с прекращением Первой мировой войны, а также его последствий. Высказывается мнение, что главную роль в затягивании конфликта сыграл не германский генералитет, а заявленное президентом США нежелание иметь дело с «военными господами и монархическими автократами». Фактически потребовав изменения политического режима Германской империи, В. Вильсон прервал начавшийся в ней эволюционный конституционный процесс. Но возникшая Веймарская республика оказалась «демократией без демократов». Очень скоро в Германии появился эрзацкайзер Гинденбург, а затем и «вождь» Гитлер.

Ключевые слова: Первая мировая война; Вудро Вильсон; Макс Баденский; «кризис отречения».

Предыстория окончания Первой мировой войны хорошо известна: канцлер Германии направил президенту США в ночь на 5 октября 1918 г. телеграмму с просьбой «предпринять шаги к восстановлению мира, уведомить все воюющие державы об этой просьбе... Чтобы избежать дальнейшего кровопролития, германское правительство просит о *немедленном* (курсив везде мой. – $C.\Phi$.) заключении перемирия на суше, на воде и в воздухе» [1. С. 337]. Однако перемирие между Германией и победителями будет подписано лишь 11 ноября. В связи с этим автор предпринимает попытку еще раз обратиться к проблеме причин более чем месячного затягивания с прекращением войны, а также его последствий.

После того как в 1919 г. зачинщицей войны провозгласили Германию, обвинять в затягивании мирового конфликта стало принято ее военное руководство: оно, мол, запросив перемирия, не рассталось с мечтой о возобновлении борьбы после передышки [2]; «истинный военный» Людендорф расценил требование Вильсона об обеспечении «невозможности возобновления Германией военных действий» «как требование безоговорочной капитуляции и готов был поэтому продолжить сопротивление» [3].

Но подобного рода интерпретации кажутся не очень убедительными, поскольку германская просьба о перемирии была выработана, прежде всего, по настоянию Людендорфа и Гинденбурга - «военного дуэта», с августа 1916 г. определявшего жизнь не только армии, но и всей Германии. И этот же «дуэт» позволил правительству сообщить в США о принятии «в качестве базиса мирных переговоров программу, изложенную президентом... в его послании к Конгрессу 8 января 1918 г. и в его последующих заявлениях, особенно в его речи 27 сентября 1918 г.» [1. С. 337]. Значит, германский генералитет уже примирился с поражением, с тем, что придется уйти с оккупированных территорий, отдать соседям Эльзас-Лотарингию и часть восточных провинций, отказаться от приобретений, полученных по мирным договорам с Россией и Румынией, и т.п. Не исключено, что «военный дуэт» примирился даже с необходимостью реформирования государства с целью его приближения к буржуазно-демократической модели.

Известно: просьба Германии о перемирии была направлена стране, лишь 1,5 года назад вступившей в войну, потому что по мере приближения конфликта к концу Францию и Англию стала захлестывать волна под лозунгом: «Заставим раскошелиться бошей», – и даже с требованием: «Кайзера на виселицу!». Президент же США профессор Вудро Вильсон - не без влияния большевистского призыва к миру без аннексий и контрибуций – в своем послании к Конгрессу 8 января 1918 г. изложил в 14 пунктах условия мира, который мог считаться более или менее справедливым. Произнесенные до окончания войны еще три речи Вильсона – 11 февраля, 4 июля и 27 сентября – превратили его 14 пунктов фактически в 22 [4. Р. 5], выдвинув в качестве неотъемлемой части мирного урегулирования также самоопределение наций, «власть закона», неприятие секретных договоров и т.п. В том числе первым из «существенных условий мира» Вильсон назвал 27 сентября «беспристрастную справедливость»: она «должна быть оказана в одинаковой мере всем, без разделения на тех, к кому мы хотим быть справедливы, и тех, кому мы не хотим оказывать справедливость. Это должна быть справедливость, которая не знает любимцев и не знает иного мерила, кроме равных прав для всех заинтересованных народов» [5. С. 358].

В речах президента США звучал, правда, и еще один, не очень приятный для германской элиты мотив. В преддверии объявления войны Германии Вильсон, например, провозгласил 2 апреля 1917 г. в Конгрессе: «...нам не нужны военные контрибуции и никакие материальные компенсации за жертвы, которые мы добровольно принесем... наша цель сейчас, как и всегда, – восстановить принцип мира и справедливости в международной жизни против эгоистической и автократической силы». «Прусская автократия» развязала, мол, войну «так же, как предпринимались войны в недобрые старые времена, когда... войны провоцирова-

26 С.В. Фоменко

лись и велись в интересах династий или небольших групп честолюбивых людей, которые привыкли пользоваться своими согражданами как орудием для достижения своих целей». «Мы рады бороться за окончательный мир во всем мире, — заявил тогда Вильсон, — и за освобождение народов, включая и германский... Миру должна быть обеспечена демократия. Мир должен быть основан на прочной основе политической свободы» [1. С. 324–326].

Аналогичные мысли развивались в публичном выступлении Вильсона 27 сентября 1918 г. в ньюйоркской Метрополитэн-опере: «...никакого рода торгом или компромиссом не может быть достигнут мир с правительствами центральных империй... Они не соблюдают соглашений, не признают принципов, кроме силы и собственной выгоды. Мы не можем заключать условия с ними. Они сделали это невозможным. Германский народ должен теперь быть вполне осведомленным о том, что мы не можем принять слово тех, кто навязал нам эту войну» [2].

Принято считать, что военные Германии, в отличие от ее политиков, не были знакомы с данным блоком идей Вильсона. Но, судя по всему, о них был осведомлен все же генерал фон Людендорф, который вплоть до своей отставки являлся диктатором, обладавшим почти императорскими полномочиями. Не исключено также, что именно Людендорф явился инициатором «парламентаризации монархии»: 30 сентября 1918 г. было создано первое в истории Германии парламентское правительство — кабинет Макса (Максимилиана) Баденского с участием представителей крупнейших партий Рейхстага, включая и марксистскую СДПГ. Если это так, то Людендорф, по-видимому, надеялся инициированной им «революцией сверху» облегчить переговоры с США о мире. Но этого не произошло.

В первой своей ноте, переданной 8 октября посреднику в отношениях США с Германией, Вильсон писал: он «считает необходимым предварительно уточнить смысл ноты имперского канцлера. Хочет ли... канцлер сказать», что его правительство принимает «условия, которые были изложены президентом в его послании конгрессу... и в последовавших за этим речах и что, следовательно, переговоры коснутся только практических деталей их исполнения?» Затем следовало заявление Вильсона, что «он не найдет в себе смелости предложить (союзным) правительствам... прекратить военные действия до того, пока армии этих (центральных) держав находятся на территории союзников». И наконец, в конце ноты поднимался вопрос: «Говорит ли имперский канцлер только от имени установленных властей империи, которые до сих пор вели войну?» [6. Р. 240]. Тем самым президент США «включил внутренний вопрос в международный обмен дипломатическими нотами» [7].

Макс Баденский в своем ответе Вильсону повторил: его правительство принимает все условия, изложенные в свое время президентом США, а поэтому намерено

обсуждать лишь детали их исполнения. Оно готово эвакуировать все занятые территории и только просит США создать смешанную, из представителей обеих сторон, комиссию для проведения эвакуации. Что же касается последнего вопроса Вильсона, то на него был дан такой ответ: германское правительство образовано по соглашению со значительным большинством рейхстага, и канцлер говорит «от имени германского правительства и германского народа» [6. Р. 249].

Президента США не удовлетворили ни последняя часть ответа германского правительства, ни его претензия на совместную с победителями работу по эвакуации захваченных территорий. В итоге последуют еще две ноты Вильсона, в каждой из которых также содержалось две группы требований: «военная», адресованная германской армии, и «политическая», подталкивавшая власти Германии к шагам «в направлении к демократии».

«Во избежание возможного недоразумения» в своей второй ноте Вильсон обращал внимание «на форму и ясное значение одного из мирных условий», обозначенного им 4 июля как «уничтожение, где бы то ни было, всякой произвольной власти, могущей отдельно, тайно и по единственно собственному усмотрению нарушать мир в мире; а если же она не может быть уничтожена, то, по крайней мере, низведение ее до подлинного бессилия». Только что приведенные слова, говорилось в ноте, «составляют условие, предшествующее миру». Президент обязан «сказать: весь процесс мира... будет зависеть от определенности и удовлетворительного характера гарантий, которые могут быть даны по этому основному вопросу» [Ibid. Р. 250].

На наш взгляд, почти недельная задержка Берлина с ответом на данную ноту США объяснялась именно тем, что Вильсон дал понять: он не подпишет с «произвольной властью» рейха даже перемирия, не говоря уже о мире. Генерал Людендорф, судя по его воспоминаниям, был возмущен двумя обстоятельствами: несмотря на то, что к отравляющим веществам прибегали, например, обе воюющие стороны, президент США назвал германские «способы ведения военных действий противоречащими нормам международного права». Кроме того, Вильсон «глубоко вторгся (хотя и) в неясных выражениях в нашу внутриполитическую жизнь». Как следствие, считал генерал, перед властями Германии встал выбор: «сдаться на милость Антанте или поднять народ на последний решительный бой» [8. С. 333]. 17 октября Людендорф говорил министрам: «Никто не может усомниться в нашем искреннем стремлении к миру. С другой стороны, это наше неотъемлемое право – до последнего дыхания защищать свою жизнь и честь». Не требуя прекращения диалога с США, Людендорф считал необходимым «поставить вопрос ребром: "Скажите коротко и ясно, что мы должны делать, но если вы потребуете от нас чего-то несовместимого с нашим национальным достоинством, если вы вознамеритесь лишить нас способности защищаться, то мы на это не пойдем"» [Там же. С. 336-337].

Макс Баденский же для получения согласия на перемирие ускорил работу над теми конституционными изменениями, что уже считались неизбежными. (Известно: принц согласился возглавить кабинет лишь после того, как император пообещал выполнить два условия: право объявлять и заканчивать войну получит только Рейхстаг, и он, кайзер, откажется от командования армией и флотом [9. С. 591–592]. Представляя Рейхстагу свой кабинет 5 октября, канцлер публично сообщил: вслед за созданием парламентского правительства последуют конституционные изменения.

После обсуждения вопроса правительством 10 октября Рейхстаг должен был заняться рассмотрением реформы конституции 22–26 октября. Но уже 20 октября он утвердил две конституционные поправки: объявление войны / заключение мира становилось возможным отныне только с согласия Рейхстага, а канцлер оставался в своей должности, пока пользовался парламентским доверием. И тут же кайзер был лишен права назначать, повышать или увольнять офицеров и командный состав армии и флота без контрассигнования канцлера или министра. Присягу военных на верность императору заменили присягой на верность конституции [10. С. 235; 2].

Поскольку 20-го же октября Вильгельм II отдал распоряжение о прекращении подводной войны [11. С. 55], чего требовали США, канцлер отправил Вильсону ответ, в котором наряду с прочим говорилось: «После проведенной в октябре конституционной реформы германское правительство представляет не автократический режим, а правительство, подотчетное только народу и свободно избранному им парламенту» [6. Р. 254].

Только после этого в своей третьей ноте от 23 октября президент США наконец-то сообщил: так как его предварительные требования выполнены, он согласен передать германскую просьбу о перемирии на рассмотрение союзных держав. Однако при этом Вильсон «считал своим долгом» снова сказать: союзникам будет предложено на рассмотрение «только такое перемирие, которое... обеспечит за союзными правительствами неограниченную власть оградить и провести силой все детали мира, на который согласилось германское правительство». Но условием перемирия, оказывается, выдвигалось не только это. В конце ноты Вильсон прямо заявил о своем отказе поверить в то, что германское правительство подотчетно «только народу и свободно избранному им парламенту». Как бы значительны ни были, по-видимому, изменения германской конституции, писал Вильсон, «из этого вовсе не следует..., что принцип ответственности правительства перед немецким народом уже последовательно проводится в жизнь, что имеются или могут быть обеспечены какиелибо гарантии того, что частично осуществленное сейчас изменение принципов и практики будет носить длительный характер».

«Может быть, – размышлял Вильсон в "политической" части своей ноты, – вопрос о будущих войнах будет предоставлен решению германского народа, но нынешняя война была решена не им, а мы имеем дело с нынешней войной. Очевидно, что германский народ не имеет средств заставить военные власти империи подчиниться народной воле; власть прусского короля по руководству политикой империи остается неприкосновенной; решающая инициатива еще находится в руках тех, кто до сих пор был господами Германии. Чувствуя, что мир всего мира зависит теперь от ясной речи и прямых действий, президент считает своим долгом сказать, не пытаясь смягчить то, что может показаться резким: народы всего мира не верят и не могут верить слову тех, кто до сих пор был вершителями германской политики. Он считает своим долгом сказать еще раз, что при заключении мира и при попытке исправить бесконечные обиды и несправедливости этой войны правительство Соединенных Штатов может иметь дело только с истинными представителями германского народа, которые были бы обеспечены действительным конституционным положением в качестве действительных правителей Германии. Если оно (правительство США) должно сегодня иметь дело с военными господами и монархическими автократами Германии или если ему (что похоже на то) грозит иметь с ними дело по поводу международных обязательств Германской империи и в будущем, то оно (правительство США) должно требовать не мирных переговоров, а капитуляции» [2; 6. Р. 255; 12. С. 62; 13. Р. 489].

Наши современники-американцы по поводу заявления о возможности капитуляции Германии вполне справедливо замечают: «Мы не знаем точно, как это могло выглядеть, но прецедентом в сознании Вильсона могло являться то, как Союз обращался с Конфедерацией после Гражданской войны в Америке...» [14]. И все же последовавшую резкую реакцию германского «военного дуэта» на третью ноту Вильсона мы бы связали не с этой угрозой капитуляции, а с открыто заявленным в ноте нежеланием иметь дело «с военными господами и монархическими автократами».

Многие полагают: уже речи 1918 г. свидетельствовали о намерении Вильсона низвергнуть монархии в Германии и Австро-Венгрии [15. Р. 148]. Еще большее число исследователей считают, что первой нотой Вильсона [2], а скорее – второй [4. Р. 4], на очередь дня было поставлено отречение кайзера; третьей же своей нотой Вильсон просто гнал императора Германии с престола. Но этого не было. Явно стремясь избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела другого государства, президент США ни разу не упомянул имени Вильгельма II в своих нотах. Выдвигаемое им «политическое» условие начала мирных переговоров можно было трактовать как угодно: как требование отречения Вильгельма II, как требование низведения императорской власти к нулю и даже как требование ликвидации в Германии монархии вообще. Мечтавший о «вечном мире», покоящемся на американских условиях свободы торговли, морей и т.п., Вильсон искренне считал, что монархии более республик склонны к войнам.

28 С.В. Фоменко

22 октября 1918 г. Вильсон признался своим министрам, что он «боится большевизма в Германии. Чтобы блокировать большевизм, — сказал он затем, — Германии нужен император на троне» [15. Р. 36]. Тем не менее, мало думая о последствиях своих действий, Вильсон не смягчил тона своей третьей ноты. Как напишет позднее тогдашний британский премьер-министр, Вильсон, копировавший Авраама Линкольна, в отличие от Линкольна, не отдал «всю свою энергию и все свои способности» делу скорейшего прекращения войны [20. С. 204]. В условиях, когда европейцы жаждали мира, Вильсон продолжал рассматривать войну чуть ли не в качестве крестового похода за тот тип демократии, что сложился в Новом Свете, и намерен был насаждать его как «фанатичный сектант» [20. С. 202].

Состоявшийся 5-27 октября 1918 г. обмен семью нотами между властями Германии и США немецкий исследователь назвал не только «самым удивительным из всех, когда-либо предшествовавших заключению перемирия между воюющими державами», но и очень напоминающим академический диспут, который велся «между специалистами в области государственного права, принадлежащими к различным научным школам» [12. С. 62]. В верхах германского общества, в котором ликвидации монархии не требовала даже марксистская СДПГ, американское требование устранения «произвольной власти» было расценено первоначально как требование лишь ограничения полномочий монарха. «Ведущие государственные деятели рейха еще не были готовы рассматривать такую чудовищную возможность», какой, с их точки зрения, являлось отречение императора [16. Р. 7]. Для Гинденбурга, например, «верность своему императору и королю была высшим законом жизни» [17. С. 127]. Поэтому «содержание третьей ноты, требование отречения было неприемлемо» для Людендорфа с Гинденбургом [4. Р. 7] – как и для подавляющей части правящих кругов Германии вообще.

Позднее Людендорф так сформулировал мотивы, толкнувшие его 24 октября на действия: «Народ, который, не исчерпав до конца имеющихся у него возможностей, идет на унижение и допускает, чтобы ему навязали условия, которые подрывают основы его сушествования, обречен на гибель» [12. С. 65]. 24 октября войска получили такой приказ «военного дуэта»: «...перемирие должно сделать Германию настолько беззащитной, чтобы она уже никогда не могла взять в руки оружия. Вести переговоры о мире с Германией он (Вильсон) намерен только в том случае, если она полностью согласится с требованиями союзников относительно своего внутреннего устройства; иначе говоря, речь может идти только о безоговорочном подчинении». Поэтому «для нас, солдат, ответ Вильсона может служить лишь призывом к продолжению сопротивления с напряжением всех сил» [8. С. 340].

Это был такой открытый вызов правительству, ведущему переговоры о перемирии, что кайзеру при-

шлось отправить Людендорфа 26 октября в отставку (попросив, правда, Гинденбурга остаться на его посту). Теперь, когда «двойное военно-гражданское правление» закончилось [4. Р. 7], Макс Баденский направил Вильсону 27 октября ноту с сообщением: его пожелание удовлетворено, военная каста отринута, демократия восторжествовала [18]. 5 ноября последует положительный ответ из США. Но в это время «кризис отречения», по-настоящему разразившийся 23 октября, развивался в Германии уже не в одной плоскости и даже не в двух [4. Р. 6], а, скорее, в трех.

Уже по получении 2-й ноты Вильсона стали распространяться «слухи об отречении» кайзера [19. С. 188], ибо судьбу Вильгельма II начала открыто обсуждать общественность. Причем вопрос этот подняла прежде всего «буржуазная пресса» [2]. 24 октября военный кабинет даже рассматривал вопрос, какие меры следует предпринять против газет, вопреки запретам поднимавших вопрос об отречении императора [11. С. 58].

Когда же стало известно содержание третьей ноты Вильсона, у всей Германии на устах оказались «слова, которых за три недели до этого никто не слышал: "вопрос о кайзере" и "революция"». 25 октября с трибуны Рейхстага впервые прозвучало требование ухода и наказания Вильгельма II. С 27 октября «лозунг "Кайзер должен уйти!" овладел общественностью» [11. С. 58]. Многие в отречении Вильгельма II видели «лучшее, даже единственное средство спасения» и монархии, и государства. «Если же заключение перемирия сорвется из-за "вопроса о кайзере", то возникнет реальная угроза революции. О том, откуда и как грянет революция, еще никто не знал». Существовало лишь «опасение, что отчаявшиеся массы могут восстать во имя избавления от кайзера, который стоял между ними и миром» [12. С. 63].

Опасения оправдались, хотя «массы» поднялись и не в связи с «вопросом о кайзере» [Там же]: «...как и в России, революционное движение родилось в Германии из поддержки призыва к миру» [4. Р. 8].

Отданный «военным дуэтом» 24 октября приказ, как оказалось, не остался без последствий: руководство германских ВМС приказало флоту выйти в море для решающей схватки с англичанами. Элементарная воля к жизни вызвала на флоте 29 октября бунт, который вылился в вооруженное восстание, а затем, начиная с 3 ноября, — и в общенациональную революцию.

Ранее вопрос о республике не поднимался [11. С. 58]. Но теперь, поскольку фигуры авторитарных монархов стали главным препятствием к миру, поднявшиеся низы общества поставили закономерный вопрос: а зачем вообще они нужны? И в ходе выступлений 3–9 ноября повсеместно зазвучало требование республики. 7 ноября 1918 г. «демократической социалистической республикой» была провозглашена первая из германских земель – Бавария, а 9 ноября республикой объявили и Германскую империю.

Говоря о превращении Второго рейха в республику, нельзя, конечно, представлять дело так, будто речь идет о

«революции извне и сверху». Но и отрицать этого полностью тоже нельзя. Вопреки попыткам отрицать данный факт [15. Р. 36], осенью 1918 г. США фактически вмешались во внутренние дела Германии, «предпослав» ей республиканскую форму государственного устройства. Хорошо известно, чем это закончилось: Веймарская республика оказалась «демократией без демократов», и очень

скоро вместо императора в Германии появился эрзацкайзер Гинденбург, а затем «вождь» Гитлер и «великогерманское безумие» [21. С. 155, 169]. Поэтому президент США, вмешательство которого в немалой степени прервало эволюционный конституционный процесс, шедший в вильгельмовской империи, тоже в какой-то степени ответственен за такое развитие германской истории.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Шацилло В.К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 480 с.
- 2. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма, 1871-1919. М.; Л.: Гос. издательство, 1927. URL: https://history.wikireading.ru/57657
- 3. The World War I // Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com
- 4. Le Blank V. Autumn 1918: the Abdication of Kaiser Wilhelm II and Germany's Loss of the Great War // The Atlas: UBC Undergraduate Journal of World History. 2008. P. 1–12.
- Архив полковника Хауза. Избранное: в 2 т. / пер. с англ. В.В. Прокунина. М.: АСТ: Астрель, 2004. Т. 2. 744 с.
- 6. Documents and Statements relating to peace proposals and war aims (December 1916 November 1918). With an introduction by G. Lowes Dickinson. London: George Allen and Unwin Ltd.; New York: The Macmillan Co., 1919. 258 p.
- 7. Lutz R.H. The German Revolution 1918–1919. Stanford: Stanford University Press, 1922. URL: https://archive.org/stream/germanrevolution00lutz/germanrevolution00lutz djvu.txt
- 8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914—1918. М.: Центрполиграф, 2007. 351 с.
- 9. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. М.: Русич, 2000. 640 с.
- 10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 272 с.
- 11. Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М.: Наука, 1967. 433 с.
- 12. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? : пер. с нем. М.: Прогресс, 1983. 223 с.
- 13. Ludwig E. Wilhelm Hohenzollern. New York: G.P. Putnam's Sons, 1927. 528 p.
- 14. URL: https://www.quora.com/If-the-government-of-the-Second-Reich-had-not-collapsed-at-the-end-of-WWI-what-would-the-treaty-of-Versailles-have-looked-like
- 15. Bullet L. Armistice 1918. Kent, Ohio; London: Kent State University Press, 1996. 262 p.
- 16. Czernin F. Versailles, 1919. The Forces, Events and Personalities that Shaped the Treaty. New York, 1964. 437 p.
- 17. Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста / авторизованный пер. с нем. Г. Рудого. М.: Мысль, 1982. 429 с.
- 18. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Международные отношения, 1989. 320 с. URL: http://art-of-diplomacy.ru/"Art-of-Diplomacy.ru: Искусство дипломатии"
- 19. Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2003. 464 с.
- 20. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах : в 2 т. : пер. с англ. М., 1957. Т. 1. 655 с.
- 21. Шульце Х. Краткая история Германии: пер. с нем. М.: Весь Мир, 2004. 254 с.

Fomenko Svetlana V. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fomenk@gmail.com

THE GERMAN-AMERICAN "DIALOGUE" OF OCTOBER 1918: AN ATTEMPT AT RETHINKING

Key words: The Great War; Woodrow Wilson; Max Baden; Wilson's notes; the crisis of renunciation.

On October 5, 1918, the German Empire sent a request to the United States for a truce. But the truce will be signed only on November 11. The author once again turns to the analysis of the reasons for more than a month delay with the end of the Great War, as well as its consequences

The exchange of 7 notes between the German and US authorities in the period of October 5th - October 27th can be named after S. Huffner not only "the most amazing of all that ever preceded the conclusion of an armistice", but also resembling the academic debate of specialists belonging to various scientific schools.

It is difficult to say what exactly Wilson sought from the German authorities. The "political" condition for the beginning of peaceful negotiations in each of his three notes can be interpreted as a demand for the abdication of Wilhelm II, as a demand for the reduction of the imperial power to zero and even as a demand for the abolition of the monarchy in general. On the eve of sending his third note to Chancellor Max Baden, the President confessed to the ministers that he was afraid of Bolshevism in Germany. To block Bolshevism, he said, this country needed an emperor on the throne. Nevertheless, little thought about the consequences of his actions, Wilson did not soften the tone of his note. In our opinion, the main role in delaying the war was played not by the German generals, but by the fact that Wilson actually demanded to change the political regime of the German Empire, declaring his reluctance to deal "with military gentlemen and monarchical autocrats". Copying Abraham Lincoln, Wilson, unlike him, did not give all his energy to the cause of an early end to the war. In a situation where Europeans thirsted for peace, he continued to view the war almost as a crusade for the Anglo-Saxon type of democracy and intended to implant it as a "fanatical sectarian."

In Germany, where the liquidation of the monarchy was not required even by the Marxist Social-democratic party, the American demand for the elimination of "arbitrary power" was regarded by the elite initially as a requirement of merely limiting the powers of the monarch. But by the time the US agreed to a truce, the "crisis of renunciation" that had erupted in Germany under the influence of Wilson's third note of October 23rd, was no longer developed in one dimension or even in two, but rather in three: it affected not only the ruling elite and the public, but also the masses. Since the figures of authoritarian monarchs became the main obstacle to peace, the rising lower society posed a logical question: why are they needed? And in the course of actions on November 3rd — November 9th, the demand for republic, virtually absent earlier, sounded everywhere. On November 9th, the German Empire was proclaimed republic.

The Weimar Republic, however, turned out to be "a democracy without democrats". Very soon, instead of the emperor in Germany ersatz-Kaiser Hindenburg appeared, and then "leader" Hitler and "great German madness." The author considers that the US president, whose intervention interrupted the evolutionary constitutional process in Wilhelm's empire, was also to some extent responsible for such development of German history.

30 С.В. Фоменко

- 1. Shatsillo, V.K. (2003) Pervaya mirovaya voyna 1914-1918. Fakty. Dokumenty [The First World War 1914-1918. Data. Documentation]. Moscow: OLMA-PRESS
- 2. Tarle, E.V. (1927) Evropa v epokhu imperializma, 1871–1919 [Europe in the era of imperialism, 1871–1919]. Moscow; Leningrad: Gos. izdatel'stvo. [Online] Available from: // https://history.wikireading.ru/57657.
- 3. Encyclopedia Britannica. (n.d.) The World War I. [Online] Available from: // https://www.britannica.com.
- Le Blank, V. (2008) Autumn 1918: the Abdication of Kaiser Wilhelm II and Germany's Loss of the Great War. The Atlas: UBC Undergraduate Journal of World History. pp. 1–12.
- 5. House, E. (2004) Arkhiv polkovnika Khauza. Izbrannoye v dvukh tomakh [The intimate papers of Colonel House]. Vol. 2. Translated from English by V.V. Prokunin. Moscow: AST, Astrel'.
- 6. Lowes Dickinson, G. (ed.) (1919) *Documents and Statements relating to peace proposals and war aims (December 1916 November 1918).* London: George Allen and Unwin Ltd.; New York: The Macmillan Co.
- 7. Lutz, R.H. (1922) *The German Revolution 1918–1919*. Stanford: Stanford University Press. [Online] Available from: https://archive.org/stream/germanrevolution00lutz/germanrevolution00lutz_djvu.txt.
- 8. Ludendorff, E. (2007) Moi vospominaniya o voyne. Pervaya mirovaya voyna v zapiskakh germanskogo polkovodtsa. 1914–1918 [My memories of the war. The First World War in the notes of the German commander. 1914–1918]. Translated from German by A. Svechin. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
- 9. Utkin, A.I. (2000) Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne [A Forgotten Tragedy. Russia in the First World War]. Moscow: Rusich.
- 10. Shmitt, K. (2010) Gosudarstvo i politicheskaya forma [The state and the political form]. Translated from German by O. Kildyushov. Moscow: HSE.
- 11. Drabkin, Ya.S. (1967) Noyabr'skaya revolyutsiya v Germanii [The November Revolution in Germany]. Moscow: Nauka.
- 12. Haffner, S. (1983) *Revolyutsiya v Germanii 1918/19. Kak eto bylo v deystvitel'nosti?* [Revolution in Germany in 1918/19. How was it in reality?]. Translated from German by S. Gavrish, N. Portugalov, V. Kopteltsev. Moscow: Progress.
- 13. Ludwig, E. (1927) Wilhelm Hohenzollern. New York: G.P. Putnam's Sons.
- 14. Tempest, S. (2016) If the government of the Second Reich had not collapsed at the end of WWI, what would the treaty of Versailles have looked like? [Online] Available from: https://www.quora.com/If-the-government-of-the-Second-Reich-had-not-collapsed-at-the-end-of-WWI-what-would-the-treaty-of-Versailles-have-looked-like.
- 15. Bullet, L. (1996) Armistice 1918. Kent, Ohio; London, England: Kent State University Press.
- 16. Czernin, F. (1964) Versailles, 1919. The Forces, Events and Personalities that Shaped the Treaty. New York: Capricorn Books.
- 17. Ruge, V. (1982) *Gindenburg. Portret germanskogo militarista* [Hindenburg. Portrait of a German militarist]. Translated from German by G. Rudyy. Moscow: Mysl'.
- 18. Utkin, A.I. (1989) *Diplomatiya Vudro Vil'sona* [Woodrow Wilson's Diplomacy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. [Online] Available from: // http://art-of-diplomacy.ru/"Art-of-Diplomacy.ru: Iskusstvo diplomatii".
- Wilhelm II. (2003) Vil'gel'm II. Sobytiya i lyudi 1878-1918: Vospominaniya. Memuary [Wilhelm II. Events and people 1878–1918: Memoirs]. Minsk: Kharvest.
- 20. Lloyd George, D. (1957) Pravda o mirnykh dogovorakh [The Truth about the Peace Treaties]. Translated from English by V. Trukhanovsky. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannov literatury.
- 21. Schulze, H. (2004) Kratkaya istoriya Germanii [A Brief History of Germany]. Translated from German by V. Brun-Tsekhovsky. Moscow: Ves' Mir.

Актуальные проблемы европейской истории

УДК 94(410)

DOI: 10.17223/19988613/53/7

С.А. Алтухова

«КУЛЬТУРНЫЙ РАСИЗМ» В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЗАКОНЫ О РАСОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.

Работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

Возникший впервые в середине XX в. вопрос законодательного урегулирования межрасовых отношений в Великобритании остается актуальным до настоящего времени. В статье рассмотрены предпосылки и причины перехода к антирасовой стратегии британского правительства по отношению к «цветным» иностранцам на первоначальном этапе создания новой мультикультурной модели интеграции иммигрантов. Работа основана на анализе законодательных актов Великобритании и материалов парламентских дебатов и слушаний в Палате общин.

Ключевые слова: Великобритания; иммиграция; Законы о расовых отношениях 1965 г. и 1968 г.; «культурный расизм».

Великобритания столкнулась с проявлением «культурного расизма» в середине XX в. С 1980-х гг. ученые стали обозначать термином «культурный расизм» сходное явление, проявившееся в развитых странах в середине XX в. Суть этого явления таково: общество отторгало новых членов (а именно иммигрантов) под предлогом того, что их культурные установки мешают им адаптироваться к культуре и ценностям принимающего большинства (см. подробнее: [1]). Его возникновение было обусловлено начавшейся в это же время массовой «цветной» иммиграцией подданных многочисленных колоний, которую спровоцировал распад Британской колониальной системы. В результате стремительно набиравшей темп иммиграции внутри культурно-гомогенного британского общества сформировались значительные по численности и разительно отличающиеся по культуре и образу жизни сообщества. Конечно, Великобритания не впервые столкнулась с иммиграционными потоками, однако до начала 1950х гг. иммигранты были преимущественно из европейских стран и достаточно быстро и просто интегрировались в британское общество. Да и сами иммигранты независимо от их образовательных, трудовых и демографических характеристик воспринимались принимающим обществом положительно. Тогда как массовая «цветная» иммиграция сильно осложнила ситуацию в стране. В 1960-1970-х гг. культурный разрыв между группами иммигрантов из стран Карибского бассейна, Африки, Южной Азии и принимающим британским обществом считался большим. Несмотря на историческую связь и то, что большинство приезжих знали английский язык (язык метрополии), их присутствие в Великобритании сильно выделялось на фоне подавляющего «белого» большинства.

Первый прецедент «культурного расизма», получивший широкий общественный резонанс, произошел

в 1943 г. Профессиональному игроку в крикет из Тринидада Л. Константину было отказано в заселении в столичную гостиницу «Империал» в связи с его расовой принадлежностью. Защищать Л. Константина в суде взялся известный британский адвокат У.Н. Биркетт. Ему удалось выиграть дело с возмещением морального ущерба крикетисту. Два других, не менее резонансных, эпизода произошли в 1947 г. и, получив широкую публичную огласку в СМИ, явно свидетельствовали о наличии проблем в сфере межрасовых отношений [2].

Однако в политическую повестку дня вопросы иммиграции и межрасовых взаимоотношений вошли лишь после ряда открытых столкновений местного и «цветного» населения. Первые значительные беспорядки произошли в 1948 г. в Ливерпуле, в 1949 г. в Дептфорде и Бирмингеме, а в 1958 г. вспыхнули еще более серьезные волнения в Лондоне [3]. Эти беспорядки начались сразу в нескольких районах столицы: Ноттинг-Хиле, Ноттингеме, Северном Кенсингтоне и других районах западного Лондона, которые еще с начала 1950-х гг. начали заселяться карибскими иммигрантами, в основном из Тринидада и Барбадоса. За 10–12 лет образовалась крупная община иммигрантов. Бедность, безработица, насилие и преступность стали частью жизни этих районов.

В это же время в Ист-Энде, Ноттингеме и других лондонских районах стали формироваться банды подростков, приверженцев набиравшей популярность субкультуры «Teddy Boys». Поначалу их нападения на темнокожих жителей были одиночными. К тому же в этот период активизировались профашистские движения: Союз британской свободы, Британский союз фашистов О. Мосли, «Лига белой обороны», выступавшая с лозунгом «Сохраним Британию белой» («Keep Britain White»). Обстановка в стране накалилась. Погромы

32 С.А. Алтухова

начались 30 августа 1958 г. Толпа из 400 белых молодых людей, вооруженная ножами, арматурой, бейсбольными битами, громила дома иммигрантов. Волнения охватили и другие районы Лондона: Паддингтон, Ноттинг Дейле, Шепердс Буш и Мэрилебон. Отдельные инциденты произошли в Белом городе, Тоттенхэме и Актоне. Скотланд ярдом для усмирения бунтовщиков были направлены около 170 полицейских, арестованы более 100 человек, в основном коренных британцев [4].

Страна была шокирована размахом и последствиями беспорядков. Они вызвали длительные дебаты по поводу масштабов иммиграции из стран Содружества, расовых предрассудков внутри британского общества и поисков путей гармонизации общества. С 1950-х гг. вопрос о том, как бороться с расовой дискриминацией, стал главной темой в дебатах об иммиграции и расовых отношениях в Палате общин. Правительство осознало, что в долгосрочной перспективе вопрос о расовой дискриминации может стать «волатильной» политической проблемой [5. Р. 4].

Британские ученые обратились к теме межрасовых отношений и начали проводить исследования мультирасового общества Великобритании еще в середине XX в. Среди них К. Литтл [6], Э. Ричмонд [7], Б. Парекх, П. Сандерс [8], И. Спенсер [9] и др. Отечественные ученые впервые обратились к этой проблеме уже в 1980—1990-е гг. [10—12], а в 2000-х гг. стали появляться исследования, посвященные вопросам антирасового законодательства в контексте интеграционной политики [13—21].

Первый закон о расовых отношениях (Race Relation Аст 1965) был принят 8 ноября 1965 г. [22]. Акт состоял из двух частей, в первой из которых был введен запрет на проявление дискриминации по признаку расы, национальности, этничности или культуры: запрещалась дискриминация в отелях, ресторанах, кафе и других пунктах общественного питания, в местах развлечения и отдыха (театрах, кино, танцзалах, спортзалах и бассейнах), в общественном транспорте и стационарных объектах его инфраструктуры, в помещениях органов местной и государственной власти. Согласно второй части закона был создан Совет (Комиссия) по расовым отношениям (Race Relation Board) с отделениями в Англии, Уэльсе и Шотландии. В функционал Комиссии входили оценка и разрешение конкретных случаев дискриминации, право выступать в качестве посредника в жалобах, поданных в соответствии с разделами закона.

Второй закон о расовых отношениях (Race Relation Act 1968) был принят 26 октября 1968 г. [23]. Этот закон состоял уже из трех частей. В первой части, так же как и в Акте 1965 г., были перечислены те области общественной жизни, в которых запрещалась дискриминация. Однако их перечень был значительно расширен за счет включения сферы трудовых отношений и занятости, аренды жилья, банковской деятельности, страхования и финансовых операций. Во второй части за-

кона были более детально прописаны условия работы ранее созданной Комиссии по расовым отношениям и ее согласительных комитетов. Согласно третьей части закона была создана Комиссия по связям с общественностью, состоящая, так же как и первая, из 11 членов и председателя, назначаемых государственным секретарем. В задачи последней Комиссии входило формирование гармоничных отношений в этнических и национальных общинах и установление двусторонних связей между общинами и правительством. В распоряжении Комиссии по связям с общественностью были службы для предоставления консультаций местным органам власти и другим заинтересованным организациям, а также для сбора информации в отношении общественных отношений. Комиссия занималась подготовкой специалистов для работы с этническими сообществами, проведением конференций, на которых обсуждались вопросы, связанные с межэтническими отношениями, оказывала финансовую помощь этническим организациям на местах.

Что же послужило причинами для принятия антирасовых законодательных актов в Великобритании в начале второй половины XX в.? Согласно официальной версии, поводом для их введения стала волна беспорядков, прокатившаяся в конце 1950-х — начале 1960-х гт., о которой писалось выше [24]. Однако в целом причины перехода к запрету расовой дискриминации носили комплексный характер.

Со стороны «белого» британского большинства существовал негативный отклик на возникшую конкуренцию на рынке труда и жилья со стороны «цветных» рабочих. К середине 1950-х гг. стала популярной точка зрения, что большое количество «цветных» иммигрантов приведет к проблемам при найме жилья, на рынке занятости и социальных услуг [25]. И хотя по своему социальному и экономическому положению «цветные» иммигранты заняли самое низшее положение в британском обществе, в глазах многих британцев именно их приток вызвал нехватку ресурсов (рабочих мест, жилья, социальных пособий и т.д.). Без сомнения, послевоенный массовый приток «цветных» иммигрантов из стран Содружества постепенно привел к нарастанию социальной напряженности в стране, однако глубинными причинами межрасовой напряженности в Великобритании стали расовые предрассудки среди британского общества и особенно его политического истеблишмента. В частности, Королевская комиссия по вопросам населения (Royal Commission on Population) еще в 1949 г. сделала заявление, носящее явно дискриминационный характер: «Крупномасштабную иммиграцию в полностью устоявшееся общество, подобно нашему, можно приветствовать без ограничений, только если иммигранты являются людьми хорошего происхождения (возможно, европейцами) и им не мешает их религия или раса вступать в брак с местным населением и растворяться в нем» [26. Р. 31]. Согласно опросу, проведенному в 1956 г., только 17% «белых» британцев, жителей Бирмингема, считали, что «цветные люди» равны им [27. P. 40].

Британский историк 3. Лейтон-Генри считал, что истоки глубоко укоренившихся предрассудков у британцев в отношении негров и азиатов уходят в имперское прошлое Великобритании. Население бывших колоний до середины XX в. находилось в положении непосредственного подчинения и было экономически зависимым. В британском обществе они выполняли роль слуг или рабов и рассматривались как культурнонеполноценные и социально низшие. При этом, согласно подсчетам британских экономистов, общая сумма, потраченная на социальное субсидирование одного иммигранта, составляла 49 фунтов стерлингов, что было на 13 фунтов стерлингов меньше по сравнению с выделяемыми средствами на социальное обеспечение коренного британца [28. Р. 1–7].

Один из возможных способов решения проблемы расовых предрассудков в британском обществе предложила сама британская общественность, представители которой инициировали широкое пропагандистское движение. Показательным примером ее деятельности стал Бристольский бойкот (Bristol Bus Boycott), всколыхнувший Великобританию в 1963 г. Он был спрово-Бристольской транспортной Omnibus Company. Ее председатель в интервью BBC объявил об отказе принимать на работу в качестве обслуживающего персонала представителей этнических меньшинств, опасаясь оттока рабочих из числа местных жителей. В результате городская общественность объявила бойкот и в течение четырех месяцев отказывалась пользоваться автобусами этой компании, чем вызвала у руководства необходимость изменить свою позицию и снять этот запрет. Позднее один из организаторов бойкота П. Стефенсон сказал: «Пятьдесят лет назад я понял, что расизм никогда не умрет – он просто дремлет» [29. P. 6].

С 1964 по 1967 г. в Великобритании активно действовала Кампания против расовой дискриминации (Campaign Against Racial Discrimination, CARD) [30]. Ee появление было связано с визитом известного американского правозащитника М.Л. Кинга в декабре 1964 г. [31]. Инициаторами создания кампании стали широко известные в Великобритании персоны: пацифист М. Глин, политик Э. Лестер, советник лондонского графства Д. Питт, историк С. Джеймс и социолог Х. Алави. В качестве своей цели кампания провозглашала лоббирование законодательства о расовых отношениях, анализ результатов его реализации и помощь в создании и деятельности другим организациям, отстаивающим права иммигрантов. В период своей деятельности CARD стала ведущей общественной организацией в сфере расовых отношений. Не менее весомое значение в пропаганде антирасистской политики оказала и Коммунистическая партия Великобритании [32].

В борьбу с расизмом включилось и британское научное сообщество в лице сотрудников независимых

аналитических центров. В числе первых в антирасовом направлении стал работать Центр политического и экономического планирования (Political and Economic Planning, PEP) (в 1978 г. PEP объединился с Центром изучения социальной политики (CSSP) и стал Институтом политических исследований (PSI)), неправительственная организация, созданная в 1931 г. В 1966 г. Центром было проведено исследование с целью оценки уровня дискриминации в сфере трудовых отношений. Сотрудниками Центра было подано три заявки на получение вакансий, требующих соответствующих квалификаций: одна от коренного белого британца, вторая от белого восточноевропейского происхождения и третья от черного иммигранта из стран Карибского бассейна. Результаты показали, что число отказов для «цветного» иммигранта было значительно выше в сравнении с восточноевропейским иммигрантом и, тем более, «белым» заявителем. Основные рекомендации исследовательской группы заключались в следующем: расширить сферу действия закона на работу, жилье и другие услуги, а также усилить правоприменительные полномочия Комиссии по расовым отношениям. Наиболее активно деятельность аналитических и исследовательских центров в деле защиты прав иммигрантов развернулась после принятия Закона о расовых отношениях в 1968 г., а ведущей организацией с этого времени стал Runnymede Trast, развернувший активную пропагандистскую кампанию по поощрению расового равенства.

Британское правительство с самого начала старалось взять инициативу в свои руки и управлять иммиграционными процессами посредством ограничительных иммиграционных законов и системы квотирования различных категорий иммигрантов. При этом две стороны государственного вмешательства (меры по иммиграции и меры против дискриминации) рассматривались как неразрывно связанные согласно знаменитой формуле депутата нижней палаты от лейбористов Р. Хаттерсли: «...интеграция без контроля невозможна, но контроль без интеграции является неоправданным» [33]. Изначально проблема иммиграции обсуждалась в терминологии «расы» и «межрасовых» проблем, а сам рост численности «цветных» граждан, проживающих в Великобритании, рассматривался в качестве реального либо потенциального источника социальных проблем и конфликтов. Государству же предписывалась необходимость принимать меры по содействию «интеграции» иммигрантов в британское общество и его социальные институты [34].

Рост социальной напряженности стал основной причиной введения ограничений на въезд граждан стран Содружества в 1962 и 1968 гг. В конечном счете эти законы провели неявно выраженный, но глубокий водораздел между «белыми» и «цветными» членами Содружества, въехавшими в страну [13]. Государственная политика привлекала значительную академическую критику, и иммиграционный контроль стал

рассматриваться как часть «расизации» иммиграции и институционализации расизма, поскольку политика регулировалась принципом расовой исключительности [35. Р. 33]. С 1950-х гг. отдельные члены нижней палаты парламента настаивали на введении антидискриминационных мер; в частности, с подобным предложением в 1956 г. выступил лейборист Ф. Броквей. С 1959 г. после нашумевшего убийства иммигранта карибского происхождения К. Кокрейна значительно активизировались лоббистские группы, развернувшие кампанию против так называемой «цветной границы» («color bar»).

В начале 1960-х гг. правительство предприняло первые шаги по снижению межрасовой напряженности: были созданы учреждения социального обеспечения для решения на местах проблем, с которыми сталкиваются «цветные» иммигранты, а также для того, чтобы помочь «белому» большинству понять и принять общины иммигрантов. Окончательно британская концепция интеграции «цветных» иммигрантов была сформулирована в Белой книге лейбористского правительства «Об иммиграции из Содружества» 1965 г. В ней Р. Дженкинс, министр внутренних дел лейбористского правительства, назвал интеграцию иммигрантов в британское общество не упрощенным процессом ассимиляции, а политикой равных возможностей, которая должна сопровождаться сохранением культурного разнообразия и атмосферой взаимной терпимости [36]. Эта позиция позднее была отражена и в законодательстве.

В 1964 г. лейбористы представили законопроект о расовых отношениях, в котором изначально предусматривались уголовные санкции в отношении лиц, признанных виновными в случаях расовой дискриминации. Однако после обсуждения проекта в Палате общин Р. Дженкинс настоял на замене уголовных санкций штрафами. По американской модели, значительно упрощенной, была создана система статистического учета нарушений прав иммигрантов. Однако вступивший в силу в 1965 г. первый антирасовый закон не оказал заметного влияния на положение иммигрантов в британском обществе [37. P. 64-70], а у самих «цветных» иммигрантов возникла разочарованность. Они чувствовали себя исключенными из равного участия в британском обществе в результате возникшего «цветного барьера» на рынке труда и жилья наряду с явными элементами дискриминации [34].

Созданный согласно Акту Совет по расовым отношениям был уполномочен расследовать жалобы через сеть добровольных «согласительных комитетов». Если же согласительная процедура претерпевала неудачу, единственная возможность Совета защитить права обратившегося заключалась в том, чтобы передать дело Генеральному прокурору, который, в свою очередь, мог только наложить судебный запрет на проявление случаев дискриминации в будущем. Сам запрет дискриминации по признаку «цвета, расы, этнического или национального происхождения» ограничивался «ме-

стами общественного пользования»: гостиницами, пабами, библиотеками, общественным транспортом [38]. Первым председателем Совета по расовым отношениям был назначен М.Б. Картер, депутат нижней палаты от либералов в 1958–1959 гг. Всего за период реализации Закона 1965 г. (до 1968 г.) не было истребовано ни одного судебного запрета, не говоря уже о предоставлении, а из 327 поданных жалоб 238 были признаны выходящими за поле юрисдикции Совета.

Однако стоит отметить, что принятие Акта о расовых отношениях стало шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим Законом об общественном порядке 1936 г. В новом законе предусматривалось наказание за незаконную публикацию или произнесение публичных речей, носящих запугивающий, ругательный или оскорбительный характер и провоцирующих расовую ненависть. Согласно предыдущему акту необходимо было наличие еще одного условия: такая речь должна была приводить к нарушению общественного порядка [39. С. 62].

Первое антирасовое законодательство носило скорее символическое воздействие и было призвано просвещать общественность в провозглашаемых правительством ценностях британского общества. Парламент четко артикулировал мысль, что расовая дискриминация в этой стране поощряться не будет. Недостатки первой части Закона о расовых отношениях 1968 г. были учтены, а сами сферы его действия значительно расширены. Согласительная система была принципиально сохранена, но, если согласия между сторонами достичь не удавалось, Совет был уполномочен добиваться возмещения ущерба потерпевшей стороне через окружной суд. В течение следующих восьми лет после принятия Акта Советом был подан ряд дел в окружной суд, в основном успешно выигранных, но с тривиальными наградами в размере до 5 фунтов стерлингов. Именно размер штрафов и сложности в процедуре доказуемости вины в дискриминации по признаку расы, этничности или религии значительно дискредитировали закон. Во многих случаях размеры штрафов равнялись расходам на согласительное судопроизводство, а решения суда принимали весьма неконкретные формулировки: «мы отрицаем дискриминацию и обещаем не делать этого в будущем». В сфере трудовых отношений положение было еще хуже. Примирение должно было проводиться не согласительными комитетами, а «отраслевым механизмом» - совместными комитетами работодателей и профсоюзных представителей. Со стороны работодателей и профсоюзных лидеров не было никакого энтузиазма в отношении поиска виновных и, по сути, не было зафиксировано ни одного случая правовой защиты жертвы дискриминации по найму [29. Р. 10–11].

Подводя итог, можно сказать, что принятые в 1965 и 1968 гг. законы о расовых отношениях смогли задать новый вектор в развитии интеграционной политики Великобритании. Зарождающаяся стратегия заключалась в ликвидации расовой дискриминации и ее причин

в различных сферах общественной жизни, стремлении обеспечить свободную конкуренцию между лицами, отличающимися по цвету кожи, и устранить барьеры между иммиграционным и принимающим сообществами. При этом оба этих закона можно отнести лишь к

начальному поколению антидискриминационного законодательства, поскольку они основывались на понятии формального равенства. Но их принятие стало важным шагом в продвижении к многокультурному британскому обществу.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вевьерка М. Возвращение расизма // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... : сб. статей / под ред. Е. Деминцевой. М., 2013. С. 13–36.
- 2. Хахалкина Е.В. Иммигранты в британском обществе: проблемы приема и интеграции в 1945–1951 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63), т. 2. С. 145–150.
- 3. Exploring the 1958 Notting Hill race riots from the perspective of West Indian residents. URL: http://www.bbc.co.uk/learningzone/clips/notting-hill-race-riots/7681.html (дата обращения: 27.05.2015).
- 4. Notting Hill Riots, 1958. URL: http://www.20thcenturylondon.org.uk/notting-hill-riots-1958 (дата обращения: 27.05.2015).
- 5. Solomos J. Race and Racism in Contemporary Britain. London, 1989. 209 p.
- 6. Little K. Negroes in Britain: a Study of Racial Relations in English Society. London, 1947. 292 p.
- 7. Richmond A. Colour Prejudice in Britain: a Study of West Indian Workers in Liverpool, 1941-1951. London, 1954. 184 p.
- 8. Race in Britain: A Developing Agenda / ed. by B. Parekh, P. Sanders. London, 1998. 270 p.
- 9. Spencer I. British Immigration Policy Since 1939. The Making of Multi-Racial Britain. London, 1997. 129 p.
- 10. Житомирский В.А. Апартеид по-британски. М., 1985. 240 с.
- 11. Козлов В.И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987. 206 с.
- 12. Пономарев М.В. «Цветная» иммиграция и иммиграционная политика Великобритании в конце 1940-х начале 1960-х годов : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- 13. Андреева Т.Н. Основные направления иммиграционной политики Великобритании и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9. С. 100–113.
- 14. Аршба О.И. Иммиграция, интеграция, натурализация: опыт западноевропейских стран. М., 2012. 320 с.
- 15. Вдовиченко О.В. Иммиграционная политика в Великобритании в 1970–1980-е гг.: дискуссионные вопросы терминологии и хронологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 2–10.
- 16. Вдовиченко О.В. Закон о межрасовых взаимоотношениях 1976 г. и Закон о британском гражданстве 1981 г. как элементы британской иммиграционной политики в 1970–1980-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 41–44.
- 17. Денисенко М.Б., Фурса Е.В., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. М., 2003. 283 с.
- 18. Хахалкина Е.В. Мультирасовое общество: фобии и декларации миграционной политики Великобритании в 1948–1962 гг. // Вестник СГПУ. 2014. № 4 (31). С. 202–209.
- 19. Хахалкина Е.В. Деколонизация в контексте политики развития ЕС и миграционного законодательства Великобритании // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 125–132.
- 20. Шапаров А.Е. Иммиграционная политика Великобритании: наследие прошлого проблемы будущего // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Вып. 6. С. 104–116.
- Шапаров А.Е. Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания, Канада). Архангельск, 2010.
   308 с.
- 22. Race Relation Act 1965. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf (дата обращения: 25.08.2017).
- 23. Race Relation Act 1968. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/71/section/14/enacted (дата обращения: 25.08.2017).
- 24. Origins of Commonwealth immigration. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/origins-commonwealth-immigration.htm (дата обращения: 25.08.2017).
- 25. Patterson S. Immigration and Race Relations in Britain: 1960-1967. London, 1969. 460 p.
- 26. Bloch A. The migration and settlement of refugees in Britain. New York, 2002. 244 p.
- 27. Mayerlene F. Roots of the Future: Ethnic Diversity in the Making of Britain. Commission for Racial Equality. London, 1997. P. 138.
- 28. Layton-Henry Z. The Politics of Race in Britain. London, 1984. P. 208.
- $29.\ How\ Far\ Have\ We\ Come?\ Lessons\ from\ the\ 1965\ Race\ Relations\ Act\ /\ ed.\ by\ O.\ Khan.\ London,\ 2015.\ 34\ p.$
- 30. Kalbir Sh. The Changing Pattern of Black Politics in Britain. London: Pluto Press, 1998. 144 p.
- 31. From the archive. 12 December 1964: Martin Luther King stops off in the UK. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2014/dec/12/martin-luther-king-dr-uk-visit-1948 (дата обращения: 27.05.2017).
- 32. Smith E. Too Little and Too Late? The Communist Party and Race Relations in the Late 1960s // Critique: Journal of Socialist Theory. 2008. Vol. 36 (3). P. 363–384.
- 33. Hansard. Great Britain. House of Commons Debate. Parliamentary Debates. 23 March 1965. Vol. 709. col. 378-453.
- 34. Solomos J. From Equal Opportunity to Anti-Racism: Racial Inequality and the Limits of Reform // Policy Paper in Ethnic Relations. Coventry. 1989. № 17. 17 p.
- 35. Балибар Э., Валлерстайн Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. 288 с.
- 36. Deakin N. Colour Citizenship and British Society. London, 1970. 396 p.
- 37. Layton-Henry Z. The Politics of Immigration: «Race» and «Race» Relations in Post-war Britain. Oxford, 1992. 256 p.
- 38. Legomsky S.H. Immigration and the Judiciary. Law and Politics in Britain and America. Oxford, 1987. 345 p.
- 39. Перова Н.А. Запрет на призывы к религиозной, расовой ненависти или насилию как ограничение свободы слова в интересах охраны общественного правопорядка в праве Великобритании и США // Право и управление. XXI век. 2011. № 1 (18). С. 61–69.

Altukhova Svetlana A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lana.asol@mail.ru

"CULTURAL RACISM" IN THE UK AND LAWS ON RACIAL RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 1960S. Keywords: Great Britain; immigration; laws on race relations 1965 and 1968; "cultural racism".

The purpose of this article is to identify the prerequisites and reasons for the transition to the anti-racist strategy of the British government towards color immigrants at the initial stage of creating a new multicultural model of integration.

Methodologically, the research is based on the theory of "cultural racism", according to which society rejected new members (immigrants) under the pretext that their cultural attitudes prevented them from adapting to the culture and values of the host majority. Britain faced the manifestation of "cultural racism" in the middle of the 20th century in connection with the collapse of the British colonial

36 С.А. Алтухова

system and the beginning of massive "color" immigration. There are large number of communities developed in size and strikingly different in culture and way of life inside the culturally homogeneous British society. This gradually led to an increase in social tension in the country and led to the need for legislative regulation of race relations.

The sources of research were legislative acts, parliamentary debates, and media publications. In the process of research, the works of British historians, sociologists, philosophers and others were involved.

In the course of the research, the author came to the following conclusions. First, racial prejudices among British society and especially its political establishment have become the root causes of interracial tension in the Great Britain. To combat them, the British public and the scientific community, through the staff of independent think tanks, initiated a broad propaganda movement.

Secondly, the British government tried to manage immigration processes. With regard to the reception of immigration, a restrictive strategy and a system for quoting various categories of arrivals was chosen. It aroused public criticism, and the scientific community regarded it as part of the policy of "racializing" immigration and institutionalizing racism.

Thirdly, in addition to limiting the number of immigrants, the state was tasked with their "integration" into British society and its social institutions. In this connection, it was decided to supplement the immigration legislation with measures that prohibit racial discrimination in various spheres of public life.

Fourthly, the adopted laws on racial relations could set a new direction in the development of the UK's integration policy. But the first anti-racial legislation had a symbolic effect and was intended to educate the British society.

- 1. Veverka, M. (2013) Vozvrashcheniye rasizma [Return of racism]. In: Demintseva, E. (ed.) Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya. Kakimi my ikh uvideli. . . [Racism, xenophobia, discrimination. How did we see them . . .]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. pp. 13–36.
- 2. Khakhalkina, E.V. (2015) Immigrants in the british society: problems of admission and integration, 1945–1951. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Kemerovo State University. 2(3). pp. 145–150. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-3-145-150
- 3. BBC.co.uk. (n.d.) Exploring the 1958 Notting Hill race riots from the perspective of West Indian residents. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/learningzone/clips/notting-hill-race-riots/7681.html. (Accessed: 27th May 2015).
- 4. 20thcenturylondon.org.uk. (n.d.) Notting Hill Riots, 1958. [Online] Available from: http://www.20thcenturylondon.org.uk/notting-hill-riots-1958. (Accessed: 27th May 2015).
- 5. Solomos, J. (1989) Race and Racism in Contemporary Britain. London: Palgrave Macmillan.
- 6. Little, K. (1947) Negroes in Britain: A Study of Racial Relations in English Society. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- 7. Richmond, A. (1954) Colour Prejudice in Britain: A Study of West Indian Workers in Liverpool, 1941-1951. London: Routledge & Paul.
- 8. Blackstone, T., Parekh, B. & Sanders, P. (eds) (1998) Race in Britain: A Developing Agenda. London: Routledge.
- 9. Spencer, I. (1997) British Immigration Policy Since 1939. The Making of Multi-Racial Britain. London: Routledge.
- 10. Zhitomirskiy, V.A. (1985) Aparteid po-britanski [The British-style Apartheid]. Moscow: Mysl'.
- 11. Kozlov, V.I. (1987) Immigranty i etnorasovyye problemy v Britanii [Immigrants and ethno-racial problems in Britain]. Moscow: Nauka.
- 12. Ponomarev, M.V. (1992) "Tsvetnaya" immigratsiya i immigratsionnaya politika Velikobritanii v kontse 1940-kh nachale 1960-kh godov ["Coloured" immigration and immigration policy of Great Britain in the late 1940s early 1960s]. History Cand. Diss. Moscow.
- 13. Andreyeva, T.N. (2001) Osnovnyye napravleniya immigratsionnoy politiki Velikobritanii i EYu [The main directions of the immigration policy of the UK and the EU]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya World Economy and International Relations. 9. pp. 100–113.
- 14. Arshba, O.I. (2012) *Immigratsiya, integratsiya, naturalizatsiya: opyt zapadnoyevropeyskikh stran* [Immigration, integration, naturalization: the experience of Western European countries]. Moscow: Delo.
- 15. Vdovichenko, O.V. (2014) Migration policy in Great Britain between 1970-1980s: debatable issues of terminology and chronology. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki The Humanities and Social Sciences*. 4. pp. 2–10. (In Russian).
- 16. Vdovichenko, O.V. (2012) Zakon o mezhrasovykh vzaimootnosheniyakh 1976 g. i Zakon o britanskom grazhdanstve 1981 g. kak elementy britanskoy immigratsionnoy politiki v 1970 1980-ye gg. [The Race Relations Act 1976 and the British Nationality Act 1981 as elements of British immigration policy in the 1970s–1980s.]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki.* 2. pp. 41–44.
- 17. Denisenko, M.B., Fursa, Ye.V., Kharayeva, O.A. & Chudinovskikh, O.S. (2003) Migratsionnaya politika v zarubezhnykh stranakh i Rossiyskoy Federatsii: opyt sravnitel'nogo analiza []. Moscow: E.T. Gaidar Institute for Economic Policy.
- Khakhalkina, E.V. (2014) Mul'tirasovoye obshchestvo: fobii i deklaratsii migratsionnoy politiki Velikobritanii v 1948 1962 gg. [Multiracial Society: Phobias and Declarations of Migration Policy of Great Britain in 1948–1962]. Vestnik SGPU Vestnik Saratov State Technical University. 4(31). pp. 202–209.
- 19. Khakhalkina, E.V. (2014) Decolonization in the context of EU development policy and UK migration legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 382. pp. 125–132. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/382/21
- 20. Shaparov, A.E. (2010) Immigratsionnaya politika Velikobritanii: naslediye proshlogo problemy budushchego [Immigration policy of Great Britain: a legacy of the past problems of the future]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye Problem Analysis and Public Administration Projection.* 6. pp. 104–116.
- 21. Shaparov, A.E. (2010) *Immigratsionnaya politika: genezis i sovremennyye tendentsii (Avstraliya, Velikobritaniya. Kanada)* [Immigration policy: genesis and modern trends (Australia, Great Britain, Canada)]. Arkhangelsk: Northern Arctic Federal University.
- 22. The Government of the United Kingdom. (n.d.) Race Relation Act 1965. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf. (Accessed: 25th August 2017).
- 23. The Government of the United Kingdom. (n.d.) *Race Relation Act 1968*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/71/section/14/enacted. (Accessed: 25th August 2017).
- 24. The Government of the United Kingdom. (n.d.) Origins of Commonwealth immigration. [Online] Available from: http://www.nationala-rchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/origins-commonwealth-immigration.htm. (Accessed: 25th August 2017).
- 25. Patterson, S. (1969) Immigration and Race Relations in Britain: 1960–1967. London: Oxford University Press.
- 26. Bloch, A. (2002) The migration and settlement of refugees in Britain. New York: Pallgrave Macmillan.
- 27. Mayerlene, F. (1997) Roots of the Future: Ethnic Diversity in the Making of Britain. Commission for Racial Equality. London: Commission for Racial Equality.
- 28. Layton-Henry, Z. (1984) The Politics of Race in Britain. London: HarperCollins.
- 29. Khan, O. (ed.) How Far Have We Come? Lessons from the 1965 Race Relations Act. London: [s.n.].
- 30. Kalbir, S. (1998) The Changing Pattern of Black Politics in Britain. London: Pluto Press.
- 31. Coleman, T. (2014) From the archive. 12 December 1964: Martin Luther King stops off in the UK. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/us-news/2014/dec/12/martin-luther-king-dr-uk-visit-1948. (Accessed: 27th May 2017).
- 32. Smith, E. (2008) Too Little and Too Late? The Communist Party and Race Relations in the Late 1960s. Critique: Journal of Socialist Theory. 36(3). pp. 363–384. DOI: 10.1080/03017600802434425

- 33. Hansard. (1965) Great Britain. House of Commons Debate. Parliamentary Debates. March 23, 1965. Vol. 709. Col. 378 453.
- 34. Solomos, J. (1989) From Equal Opportunity to Anti-Racism: Racial Inequality and the Limits of Reform. Policy Paper in Ethnic Relations. 17.
- 35. Balibar, E. & Vallerstayn, E. (2004) Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennyye identichnosti [Race, Nation, Class: Ambiguous Identities]. Translated from French by I. Glushchenko, A. Glinchikova, D. Skopin, B. Skuratov, A. Kalinin. Moscow: Logos altera, Ecce homo.
- 36. Deakin, N. (1970) Colour Citizenship and British Society. London: Panther Books.
- 37. Layton-Henry, Z. (1992) *The Politics of Immigration: "Race" and "Race" Relations in Post-war Britain.* Oxford: Wiley-Blackwell. 38. Legomsky, S.H. (1987) *Immigration and the Judiciary. Law and Politics in Britain and America.* Oxford: Oxford University Press.
- 39. Perova, N.A. (2011) Prohibition against incitement of religious, racial hatred or violence as restriction of freedom of speech in the interests of law and order in the legal systems of the UK and the USA. Pravo i upravleniye. XXI vek. 1(18). pp. 61-69. (In Russian).

УДК 94 (410). 09

DOI: 10.17223/19988613/53/8

О.А. Аршинцева

ИМПЕРСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БРИТАНСКОЙ ПРОГРАММЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В 1917 г.

Исследуется процесс обсуждения на Имперской конференции 1917 г. британских целей войны и проектов мирного урегулирования. Она стала важным этапом на пути согласования имперских и европейских интересов Великобритании. Основываясь на принципах междисциплинарного подхода, автор приходит к заключению, что правительство Ллойд Джорджа, выступив с инициативой рассмотрения программы мирного урегулирования на имперском уровне, стремилось обеспечить более активное участие доминионов в процессе осуществления имперской внешней политики и тем самым инициировало изменения политического статуса доминионов в сторону суверенных государств-наций.

Ключевые слова: Британская империя; доминионы; Первая мировая война; Имперская конференция 1917 г.

В ряду политических и дипломатических событий, имевших место в процессе подготовки Великобритании к мирному урегулированию, Имперская конференция 1917 г. занимает особое место, находясь «в тени» более резонансных и масштабных действий британского правительства на завершающем этапе Первой мировой войны. Подобная оценка находит подтверждение и в современной отечественной историографии по проблеме британских целей в войне и проектов будущего мира: так, в очень подробной, выдержанной в достаточно традиционном историко-политическом жанре статье А.М. Фомина о ней даже не упоминается, хотя автор отметил участие доминионов в разработке общеимперского проекта [1]. На наш взгляд, это событие заслуживает внимания по нескольким причинам - и как проявление новых внутриимперских тенденций, и в силу междисциплинарных возможностей исследования контуров послевоенного миропорядка. Таким образом, в предлагаемой статье будет предпринята попытка комплексной оценки Имперской конференции 1917 г., включая ее внутриполитические и международнополитические аспекты.

Непосредственным поводом для обращения к проблеме стали высказывания британского исследователя Доминика Ливена, известного специалиста по истории Российской империи и общемперской проблематике в целом. Формулируя научную и политическую актуальность темы, в своей работе «Империя, история и современный мировой порядок» автор как раз подчеркивает междисциплинарный интерес к имперским сюжетам. По его словам, «империя не была в чести у историков предыдущего поколения, а в работах политологов и специалистов в области международных отношений она занимала маргинальное положение. Сейчас империя снова оказалась в числе приоритетных тем. Проблемы государственной власти, безопасности государства и общества... сделали актуальным изучение некоторых аспектов империй в исторической перспективе. За политкорректной терминологией глобального управления и гуманитарной интервенции просматриваются некоторые старые... имперские претензии. Все эти факторы объясняют, почему специалисты по международным отношениям заинтересовались империями как средством концептуализации и осмысления современного мирового порядка» [2].

Вслед за Ливеном следует признать, что имперская тематика находится в фокусе исследовательских интересов, о чем свидетельствуют новейшие работы отечественных и зарубежных авторов. Очевидно, что интерес продиктован не столько идейно-политической конъюнктурой, имперскими комплексами и постимперскими «фантомными болями» (как в российском случае), сколько реальным, хоть и весьма противоречивым историческим значением империй, в ряду которых Британской империи принадлежит особое место. Подтверждением может служить количество и жанровое разнообразие работ британских авторов на имперские темы – кроме самого Д. Ливена следует упомянуть Н. Фергюсона [3], Дж. Дарвина [4], коллектив создателей «Оксфордской истории Британской империи» [5].

Возвращаясь к точке зрения Ливена, более спорным, на наш взгляд, является другой его тезис, сформулированный в категориях Вестфальской политической модели мироустройства, ключевым элементом суверенное государство-нация. которой является В частности, он утверждает, что «империя по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения» [2]. На наш взгляд, из этого утверждения вытекает крайне упрощенное представление о реальных исторических процессах суверенизации разного рода владений (стран и территорий с различной степенью автономии), объединенных в сложносоставных политиях, каковыми были империи нового времени. Кроме того, империям принадлежали ключевые позиции и в складывавшемся во времени и пространстве балансе сил, исследование которого является самостоятельной проблемой комплексного историко-политического и теоретикополитологического анализа. Поскольку и Вестфальская система, и баланс сил являются наиболее универсальными способами системной организации международных отношений, то в изучении роли Великобритании в формировании Версальского миропорядка использование методов системного анализа международных отношений представляется не только уместным, но и весьма перспективным.

Имперские сюжеты присутствуют во всех событиях новейшего периода мировой истории, включая Первую мировую войну. Если предшествующий ей период 1885-1914 гг. известный британский историк Э. Хобсбаум определял как «век империй», то вполне правомерно и саму войну назвать войной империй, в результате которой произошли качественные сдвиги в состоянии миропорядка – в первую очередь именно потому, что рухнули одни империи, а победу одержали другие. Известно, что контуры будущего мироустройства формировались еще в ходе войны в процессе обсуждения программ мирного урегулирования, и британский случай примечателен тем, что глобальные (преимущественно колониальные) проблемы обсуждались не только с союзниками по Антанте, но и внутри империи. Показателен в этом отношении опыт Имперской конференции 1917 г., на которой была предпринята первая в ходе войны попытка обсуждения внутриимперских позиций в будущей программе послевоенного урегулирования.

Сразу после прихода к власти в декабре 1916 г. военный кабинет Д. Ллойд Джорджа сформулировал основные принципы военной политики и перспективы будущего мирного урегулирования, исходя из концепции войны до победного конца. Только победа над противником, по мнению британского политического руководства, могла стать основой для послевоенного мирного урегулирования. Осуществляя указанную стратегию, новое правительство уже в начальный период пребывания у власти согласовало британскую официальную позицию по поводу перспектив войны и будущего урегулирования с союзниками и, что оказалось гораздо сложнее, с США. Конференция с доминионами стала следующим важным этапом реализации этой стратегии, положив начало сложному поиску оптимального соотношения имперских и европейских интересов, который завершился только к началу 1919 г. в виде британской программы на Парижской мирной конференции.

Два с половиной года войны, в которой Великобритания принимала участие как центр мировой империи, придали совершенно новое значение имперскому фактору в ее политике и стратегии. Протяженный характер войны и огромные материальные и людские затраты, которые доминионы были готовы разделить с метрополией, создали основу для их реального влияния на принятие геополитических решений и проектов будущего мирного урегулирования с учетом их собственных интересов и целей имперской безопасности. Военный кабинет Ллойд Джорджа в своей политике исходил из признания исключительного значения внутриимпер-

ской солидарности, о чем красноречиво свидетельствуют материалы заседаний самого военного кабинета начиная с декабря 1916 г. Так, 19 декабря был утвержден текст телеграфного обращения Ллойд Джорджа к правительствам доминионов, выдержанный в самых пафосных выражениях, начиная от обращения к «нашим братьям за морями» и заканчивая уверенностью, что «жертвы не напрасны и совместные усилия приведут к блестящему триумфу во имя гуманизма и цивилизации» [6. Р. 34]. Тогда же, в декабре, у нового правительства и возник проект созыва Имперской конференции для решения неотложных проблем в условиях продолжающейся войны.

Однако в начале 1917 г. для политического руководства важнее было определить, что реально смогут сделать доминионы для «нокаута» противника, как определил британскую стратегию тогда еще будущий премьер в своем нашумевшем интервью в сентябре 1916 г. Безоговорочная победа над противником потребует напряжения всех сил империи, включая помощь доминионов. В материалах, представленных правительству военным министерством в январе 1917 г., содержались исчерпывающие данные о людском и материальном вкладе доминионов и колоний в ведение войны [Ibid. Р. 131–134] Примечательно, как эти идеи транслировались в публичном пространстве на массовую аудиторию, наряду с другими пропагандистскими патриотическими лозунгами, «шершавым языком» политического плаката. Самый популярный сюжет: Великобритания в образе мудрого льва-вожака прайда окружена молодыми, исполненными готовностью сражаться молодыми сородичами. Первая среди равных, объединяя усилия на пути к общей цели, - так недвусмысленно выстраивался визуальный ряд. Однако далекий от пафоса политический прагматизм диктовал гораздо более трезвые расчеты. Коль скоро война будет продолжаться (предположительно, и в 1918 г. - как неоднократно звучало из уст военных и гражданских министров на заседаниях кабинета), то Ллойд Джордж и его коллеги по кабинету считали преждевременными любые инициативы доминионов по разработке конкретных условий будущего мира. Это нежелание точно формулировать британские цели войны и принципы послевоенного устройства было основой внешнеполитической позиции правительства, по крайней мере на протяжении ближайших месяцев. При этом даже первые, во многом вынужденные, шаги военного кабинета в этом направлении в декабре 1916 г. вызвали беспокойство у руководителей доминионов, которые опасались, что Лондон может пожертвовать имперскими интересами ради выполнения своих обязательств по отношению к союзникам в Европе. Еще большим поводом для волнений стало принятое в феврале 1917 г. решение кабинета согласиться с тем, что Япония поддержит не все, а только часть английских претензий на тихоокеанские владения Германии [Ibid. P. 168–170]. Известный своей твердой проимперской позицией

Дж.Н. Керзон (кстати, не разделявший уступчивость кабинета по отношению к Японии) и министр по делам колоний В. Лонг, подогревая подозрения доминионов, добились, чтобы правительство формально признало право доминионов участвовать в обсуждении британских условий мира. Этот вопрос был включен в повестку дня предстоящей Имперской конференции, решение о проведении которой было принято на заседании военного кабинета 2 марта [7. Р. 28]. Таким образом, Ллойд Джордж, главный инициатор указанной тактики, в обмен на готовность доминионов внести дополнительный вклад в победу согласился выслушать их мнение по поводу будущего мирного урегулирования.

Отмеченная двойственность официальной позиции проявилась и в ходе самой Имперской конференции, открывшейся 20 марта 1917 г. Хотя формально она продолжила предвоенную практику проведения подобных конференций (1902, 1907 и 1911 гг.), но в официальных кругах и правительстве, в том числе и сам премьер, подчеркивали экстраординарность будущего мероприятия [6. Р. 49-50]. Действительно, планируемая конференция отличалась от предыдущих повесткой, которая была продиктована целями ведения войны, характером взаимной заинтересованности участников, уровнем полномочий представителей доминионов и даже формами отношений с лондонскими коллегами. В частности, параллельно действующей конференции как высшего органа империи был создан имперский военный кабинет, объединивший правительство Ллойд Джорджа с премьерами доминионов. Проект создания новой структуры возник еще в феврале 1917 г. в ближайшем окружении премьера, а образцом стало преобразование правительства в военный кабинет в декабре 1916 г. Все это служило главной цели Ллойд Джорджа – концентрации усилий руководства – теперь уже в рамках империи – для успешного ведения войны, ради этого он был готов «поделиться» властью с правительствами доминионов [4. Р. 265].

Следует иметь в виду, что премьер, при всех его известных авторитарных наклонностях, не был единственным автором новой имперской политики и даже не центральной фигурой в ее реализации. То, что для премьера было скорее вопросом тактики, для его коллег-консерваторов, влиятельных «имперцев» типа Керзона, все больше приобретало контуры будущей имперской программы. Уже в ходе обмена мнениями между правительством и руководством доминионов наряду с утилитарными военными задачами настойчиво звучала озабоченность последних общими проблемами безопасности империи не только во время войны, но и по ее окончании. Это, по сути, означало претензии на их равноправное участие в разработке стратегии, которая в предшествующий период была исключительно прерогативой Лондона.

Выступая на открытии конференции, Ллойд Джордж твердо заявил, что предстоит согласовать только общие принципы мирного урегулирования со

стороны Британской империи. С этой целью на конференции было решено создать два комитета - первый во главе с Керзоном для разработки территориальных требований и второй, возглавляемый А. Милнером, для рассмотрения не территориальных проблем [8. Р. 4-6]. Оба комитета подготовили к концу апреля 1917 г. свои проекты, которые были рассмотрены на заседаниях имперского военного кабинета 26 апреля и 2 мая. В ходе дискуссий, особенно по первому проекту, обнаружились расхождения позиций правительства и представителей доминионов по территориальным претензиям к Германии и ее союзникам. Ллойд Джордж вообще считал, что территориальные вопросы в перечне британских целей не являются первостепенными, и обвинял лидеров доминионов, настаивающих на немедленном решении судьбы германских колоний, в превратном толковании этих целей [Ibid. P. 37–38]. В конечном счете ему удалось настоять, чтобы проект комиссии Керзона объединил требования по европейскому урегулированию, которые уже были заявлены в известной совместной ноте союзников по Антанте от января 1917 г., идею отторжения от Турецкой империи Месопотамии и Палестины и сформулированный в самом общем виде принцип невозвращения ее тихоокеанских и африканских колоний, уже захваченных англичанами. Именно в отношении последних он допускал изменения, если придется уменьшить размеры британских притязаний, исходя из европейских интересов союзников. В итоге конференция согласилась с позицией правительства, хотя сам Керзон, будучи последовательным защитником интересов доминионов, оказался перед выбором между лояльностью по отношению к коллегам по кабинету и своими имперскими принципами. Забегая вперед, следует отметить, что Австралия и Новая Зеландия, особо заинтересованные в полной аннексии германских тихоокеанских колоний, не оставили попыток решить этот вопрос вплоть до следующей Имперской конференции в августе 1918 г. При этом главным аргументом с их стороны были соображения имперской безопасности [Ibid. P. 38].

Иной – менее острый – характер носили дискуссии по поводу доклада комитета Милнера, которые развернулись главным образом вокруг определения полномочий Лиги наций и проблем разоружения. Связано это было с тем, что, с одной стороны, они в меньшей степени затрагивали интересы доминионов. С другой стороны, в британском правительстве и парламентских кругах отсутствовало единство по данным проблемам, а время для их детального обсуждения еще не пришло. Ллойд Джордж, будучи сторонником узкого толкования Лиги, умело прикрывал политический прагматизм пышной риторикой, выдержанной в духе президента В. Вильсона, заявляя, что демократия и свобода являются единственными гарантиями мира между народами [Ibid. Р. 40-42]. По существу, выводы конференции по докладу А. Милнера не шли дальше признания необходимости Лиги наций и разоружения в качестве общих принципов мирного урегулирования, детальное обсуждение которых должно стать делом международной конференции после окончания войны. Сами участники конференции на заседании Имперского кабинета 2 мая 1917 г. единодушно высказали высокие оценки ее итогов – примечательно сходство весьма возвышенных риторических приемов у столь разных по политическому стилю фигур, как Ллойд Джордж, давно зарекомендовавший себя как талантливый демагог, традиционалист-консерватор Керзон, канадский премьер Р. Борден, южноафриканский лидер бывший бурский генерал Смэтс и др. Важнее отметить не столько форму, сколько общий смысл высказываний: несмотря на разногласия, и в войне, и в мире необходимо обеспечить безопасность империи на основе совместного участия в разработке ее общей внешней политики и обороны [8. Р. 43–44].

Имперская конференция 1917 г. оказалась особым этапом в процессе формирования британской программы мирного урегулирования. Основные ее решения по целям войны и принципам мироустройства не носили конкретного характера, что в общем соответствовало традиционным британским внешнеполитическим подходам, достаточно гибко соединяли имперские интересы, которые в Лондоне и доминионах не всегда понимали одинаково, и широко декларируемые в либерально-идеалистическом духе цели предотвращения войн и достижения всеобщего мира, которые отнюдь не меняли природы британского политического прагматизма. Конференция 1917 г., при всех вынужденных уступках со стороны доминионов, создала основу для постепенного увеличения их влияния на принятие общеимперских внешнеполитических решений к концу войны и накануне мирной конференции, что, в свою очередь, усилило тенденцию преобразования империи в Содружество наций. Оценивая указанную тенденцию в точки зрения популярного в международном анализе системного подхода, следует отметить, с одной стороны, признаки перераспределения внешнего суверенитета - в части фундаментальной функции национального государства современного типа в рамках Вестфальской политической модели. Создание Имперского военного кабинета и опыт Имперской конференции свидетельствовали о начале институциональной перестройки внутри традиционной Британской империи в кризисных условиях войны перед лицом беспрецедентного вызова безопасности в виде внешней угрозы. Начавшаяся суверенизация доминионов проходила именно по британской модели - на основе либеральнодемократических принципов и с учетом довоенного опыта внутренней автономии. Конечно, отдельного упоминания заслуживает известный ирландский сюжет, однако это предмет самостоятельного изучения за рамками данной темы. С другой стороны, доминионы претендовали на перераспределение силовых ресурсов империи в свою пользу за счет германских колоний и в связи с этим на большую самостоятельность и вовлеченность в отношения с союзниками Великобритании по Антанте и США. По существу, речь шла о новом геополитическом статусе самоуправляющихся частей империи в той степени, в какой их претензии были удовлетворены в процессе мирного урегулирования 1919-1922 гг.; были сформированы новые опоры для Британской империи в системе послевоенного баланса сил на фоне поражения Центральной коалиции и возвышения США. Таким образом, если исходить из реалистической парадигмы анализа Версальско-Вашингтонского порядка, то зарождавшиеся новые тенденции в отношениях Лондона и доминионов имели не только внутриимперские, но и глобальные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Фомин А.М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой Мировой Войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72–91.
- 2. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок// Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2010. 428 с. URL: http://propagandahistory.ru/books/ Kollektiv-avtorov_Mify-izabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma--sbornik-/ (дата обращения: 20.11.2017.)
- 3. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии: пер. с англ. М.: ACT CORPUS, 2014. 560 с.
- 4. Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 816 p.
- 5. Oxford History of the British Empire. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998–1999. Vol. 1–5.
- 6. War Cabinet. Original Reference. Minutes of Meetings. Dec 9, 1916 Febr 28, 1917 // The National Archives. The Cabinet Papers (1–82 inclusive). URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm#War%20Cabinet%20Conclusions% 201916%20to%201918 (access date: 19.11.2017).
- 7. War Cabinet. Original Reference. Minutes of Meetings. Mar 1 May 30, 1917 // The National Archives. The Cabinet Papers (83–153 inclusive). URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm#War%20Cabinet%20Conclusions%201916% 20to%201918 (access date: 20.11.2017).
- 8. Imperial War Cabinet. Minutes of Meetings. Mar 20 May 2, 1917 // The National Archives. The Cabinet Papers (1–14 inclusive). URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm#War%20Cabinet%20Conclusions%201916% 20to%201918 (access date: 8.01.2018).

Arshintceva Olga A. Altai State University (Barnaul, Russian Federation).. E-mail: arol-s@yandex.ru

THE IMPERIAL ASPECTS OF THE BRITISH PEACEMAKING PROGRAM DEVELOPMENT IN 1917.

Key words: the British Empire; the Dominions; the First World War; the Imperial Conference 1917.

The article examines the war aims and peace projects' discussions at the British Imperial Conference of 1917. It was of the great importance as a new political experience to coordinate British Imperial and European interests. This investigation has been motivated by the actual historians' interest in Britain's imperial past which has increased in recent decades and interest has been sustained in part by a preoccupation with certain contemporary social, political and international issues. For American researchers, British imperial history has

served as analogy for thinking about America's role as a global power. For the British-based historians, it has served as a focal point for contending claims about Britain's past and deepening anxieties about its future.

Once the author views the Imperia Conference in the frames of the significance of the British Empire as a theme in world history it engaged her to debate some fresh interpretations of significant topics such as "the empires and the world order" by D. Liven. The paper carries forward this purpose by the consideration of the Great Britain – British dominions relationship during the First World War. This relations' case indicates more complex dominions' development to the independent state than D. Liven supposes.

So the preparing, proceedings and results of the Imperial Conference are observed from the history' and international studies perspectives to study the British Empire' participating in the post-war world order and new global balance of powers. The research is based on the original historical sources of the UK National Archives which illuminate the War Cabinet politics. The investigation of the War Cabinet and the Imperial War Cabinet Papers enables the author to cast a new light on the political debates of the War Cabinet members and the Dominions leaders. Once the Dominions made the significant contribution to the British war efforts the advanced post-war demands were supported by the Unionist members of War Cabinet – opposite to Lloyd George and his pragmatic reluctance to give great promises before the War ended. Despite of the clashes of the interests all participants had agreed on the point of "imperial defence and security" strategy.

From the standpoint of an interdisciplinary approach the author concludes the Lloyd George government had initiated the peace program development at Imperial level to make Dominions more active to participate in the foreign policies of the Empire and so promoted the changes of its political status towards the sovereign nations.

REFERENCES

- 1. Fomin, A.M. (2012) British Political and War Aims at the Final Stage of the First World War. *Novaya i noveyshaya istoriya Modern and Current History Journal*. 3. pp. 72–91. (In Russian).
- Lieven, D. (2010) Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoy poryadok [Empire, history and the modern world order]. In: Gerasimov, I., Mogilner, M. & Semenov, A. (eds) Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- 3. Ferguson, N. (2014) *Imperiya. Chem sovremennyy mir obyazan Britanii* [Empire: How Britain Made the Modern World]. Translated from English by K. Bandurovsky. Moscow: AST CORPUS.
- 4. Darwin, J. (2009) The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830-1970. Cambridge: Cambridge University Press.
- 5. Canny, N. et al. (eds) (1998–1999) Oxford History of the British Empire. Vols. 1–5. Oxford, New York: Oxford University Press.
- 6. The UK Government. (n.d.) War Cabinet. Original Reference. Minutes of Meetings. Dec 9, 1916 Febr 28, 1917. *The National Archives. The Cabinet Papers* (1-82 inclusive). [Online] Available from: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.httm#War%20Cabinet%20Conclusions%201916%20to%201918. (Accessed: 19th November 2017).
- 7. The UK Government. (n.d.) War Cabinet. Original Reference. Minutes of Meetings. Mar 1 May 30, 1917. *The National Archives. The Cabinet Papers* (83–153 inclusive). [Online] Available from: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.httm#War%20Cabinet%20Conclusions%201916%20to%201918. (Accessed: 20th November 2017).
- 8. The UK Government. (n.d.) Imperial War Cabinet. Minutes of Meetings. Mar 20 May 2, 1917. The National Archives. The Cabinet Papers (1-14 inclusive). [Online] Available from: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm# War%20Cabinet%20Conclusions%201916%20to%201918. (Accessed: 8th January 2018)

УДК 930.1.09

DOI: 10.17223/19988613/53/9

Е.С. Кирсанова

СООТНОШЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается решение вопроса о закономерности Французской революции, предпринятое на основе методологии идеалистического историзма представителями этого течения в России XIX в., возглавляемого В.И. Герье. В разработанной ученым концепции закономерности революции подчеркиваются как роль прошлого, так и свободный выбор людей. Утверждается, что в условиях пересмотра в отечественной историографии сложившегося образа революции и оформления нового эта методология имеет эвристический потенциал.

Ключевые слова: необходимость; случайность; Французская революция XVIII в.; историзм; свобода выбора; историческая закономерность.

Тема революции в целом и Французской революции XVIII в. в частности имеет особое значение для России с ее социально-политическими потрясениями минувшего века и продолжающейся нестабильностью нового, XXI в. Поэтому вполне понятным и актуальным является не только неослабевающий интерес к истории Французской революции XVIII в. в современной российской исторической науке, но и стремление уяснить каналы и способы влияния этого события на российское общество, степень адекватности сложившихся в обществе представлений о событиях во Франции конца XVIII в. истинному положению вещей, связанных с революционной эпохой. Последнее обстоятельство порождено постсоветской гносеологической ситуацией в исторической науке, заключающейв своего рода «смене вех» теоретико-методологического плана [1]. В то же время следует отметить, что тот «...болезненный процесс самоидентификации отечественной исторической науки...» [2. С. 7], в рамках которого в российскую гуманитаристику хлынул поток западноевропейских технологий в области методологии, сменяющих одна другую и зачастую конкурирующих между собой, делает насущно важным и необходимым обращение к национальной историографической традиции осмысления этого события, представителям которой удалось в свое время «поколебать струны» европейской исторической науки и оставить в ней «русский след». Речь идет о «русской школе» Французской революции, известной своими достижениями в исследовании ее истории, и прежде всего главе этой школы – В.И. Герье. Герье был первым из русских специалистов по всеобщей истории, кто приступил к академическому изучению и преподаванию истории Французской революции XVIII в. в начале 70-х гг. XIX в. (до этого времени тема была под запретом для чтения в высших учебных заведениях). Несмотря на то, что, по словам одного из его учеников, П.Н. Милюкова, цель этого чтения заключалась в том, чтобы привить «свой отрицательный на нее взгляд», Герье, тем не менее, на протяжении всей жизни отстаивал идею ее закономерности.

Целью данной статьи является анализ решения В.И. Герье проблемы закономерности в истории и выводов, которые он делает на этом основании относи-

тельно Французской революции. Ведь процесс переосмысления и своеобразная «ревизия» основополагающих принципов образа революции, идущие в мировой историографии, «...неизбежно подводят к вопросу, был ли социальный взрыв 1789 г. обязательным или только возможным?» [3. С. 233].

Чрезвычайно важное место в философскоисторических воззрениях Герье занимал вопрос о соотношении закономерности и случайности при совершении исторических событий. Позитивистско-марксистскую идею естественноисторического закона «...как безусловно-производящей силы, ведущей к определенной цели и не отвлекаемой никакими реальными факторами», Герье решительно отвергал, считая ее фаталистической, убивающей свободу нравственного выбора и оправдывающей «всякое насилие». «Никакие варвары, - восклицал Герье, - ...не сделали столько зла человечеству, сколько могла бы повредить цивилизации ложная теория, что люди и народы в своих действиях подчинены только естественным законам» [4. С. 107].

Невозможность обнаружения в истории естественных законов Герье обосновывал гносеологическим анализом природы объекта исторического познания. Любой процесс, утверждал он, имеет три измерения во времени: прошлое, настоящее и будущее, которые взаимосвязаны друг с другом. «Конечно, – писал он, – в истории позднейшие факты не могут повлиять на предшествующие, но очень часто смысл известных фактов раскрывается нам только благодаря следовавшим за ними, и в этом отношении можно сказать, что они находятся во взаимной связи друг с другом» [5. С. 478]. Поскольку закон есть констатация повторения одних и тех же свойств в неограниченном времени, постольку для его правильного выведения требуется учет всех временных параметров объекта. Но это возможно осуществить только в отношении явлений природы, так как в них процесс развития уже угас и все три временных измерения существуют для исследователя в настоящем. «В истории же, - пишет Герье, этот процесс еще совершается, все находится в движении, и нет еще никакого определенного результата; поэтому всякая попытка объяснить этот процесс слишком будет подвержена опасности найти опровержение себе в следующих за ней событиях» [4. С. 56].

Сторонники поисков естественного закона в общественном развитии, по мнению Герье, совершенно игнорируют указанную опасность и тем самым лишают будущее прав на качественно новое состояние. Такова, в частности, по его мнению, позиция И. Тэна, который, сконструировав формулу «народного духа» Франции, провозгласил ее безотказным инструментом объяснения исторических событий XVIII в. Но поскольку Тэн не знает будущего своего народа, постольку его формула обобщает только известные, а потому частные факты. Где, спрашивал Герье, гарантия, что будущие факты не внесут свои поправки в формулу и что данное посредством ее объяснение прошлых фактов не окажется ошибочным? Ведь «...мы, - пишет Герье, - можем безошибочно выводить из математической формулы известные данные, потому что эти данные уже apriority заключаются в ней, и мы познаем их дедуктивным путем» [5. С. 480]. В истории же общества, вследствие ее незавершенности, такой путь ученому заказан.

Второй момент, на который указывал Герье, говоря о специфике объекта исторической науки, — сознательный характер человеческих действий. «Существенное различие между явлениями природы и действиями человека, — пишет Герье, — заключается в том, что последние сопровождаются сознательностью и что в основании их лежит понятие цели. Уже это одно не позволяет применять к ним метод, который употребляется в исследовании физических явлений» [4. С. 107].

Хотя В.И. Герье и не отрицал того, что сознание людей причинно обусловлено многими внешними по отношению к нему факторами, он, однако, был противником абсолютизации значения этого обстоятельства. Сознание человека, определяющее его поступки, зависит в конечном счете и прежде всего, считал Герье, от самого человека, ибо он волен сообразовываться со «средой» или не подчиняться ей. «Основные способности и наклонности души, - подчеркивал он, - лично ей принадлежат. Те из них, которые она заимствует из среды, становятся ее личным свойством... и если она действует посредством их, то она следует при этом самой себе самовольно, всецело по своей инициативе, за своей полной ответственностью» [5. С. 60]. К тому же, замечает историк, «самым естественным предметом наблюдения» должны быть для исследователя не те личности, убеждения и мотивы которых всецело детерминированы средой, а те, которые перерастают среду, видоизменяют ее, создают "новую среду"» [6. С. 307–308]. Действия такого рода личностей как раз и «...вносят в историю не поддающийся точной науке иррациональный момент», поскольку «...мы не смогли бы свести их на причины и законы, которые бы удовлетворили точную науку» [7. С. 455]. Ими обусловлена уникальность исторических событий, «...которые однажды случились и больше не повторяются» [4. C. 100].

С другой стороны, Герье понимал, что абсолютизация принципа свободы воли, доведенная до отрицания

связи между настоящим, прошлым и будущим, была бы «...равносильной отрицанию закона причинности, а без этого закона человечество не может обойтись» [8. С. 293]. Поэтому, отвергая идею естественно-исторических законов, Герье одновременно утверждал закономерность любых сколько-нибудь значимых исторических фактов, включая и те, которые явно не соответствовали его нравственным идеалам (папская теократия, Французская революция и др.). «В исторических событиях, - писал он, - несмотря на кажущуюся их случайность, проявляется некоторая разумность и закономерность» [4. С. 52]. Такого рода изречения Герье не единичны и могут дать повод заподозрить историка в непоследовательности и противоречивости его взглядов, соединяющих отрицание единых законов общественного развития, проявившееся в критике позитивизма, и одновременную констатацию их проявления в исторических событиях [9. С. 88-89]. Следует, однако, учитывать, что «историческая закономерность», часто упоминаемая в произведениях Герье, совсем не тождественна «историческим законам» в их позитивистскомарксистской интерпретации.

В этом легко убедиться, обратившись к его аналитическим оценкам Французской революции XVIII в. Суть их - в признании событий 1789-1793 гг. вполне закономерными. Подобные оценки на первый взгляд выглядят неожиданными, поскольку во второй половине XIX в. многие историки, менее чем Герье склонные к политическому консерватизму, настаивали на случайном характере французской революции, изображая ее как досадное отклонение от закономерного эволюционного процесса. Даже такой жесткий детерминист, как И. Тэн, сурово порицал своих соотечественников за то, что они не посчитались с естественным законом мирного развития. И вот В.И. Герье, будучи противником позитивистской идеи исторических законов, критикует позитивиста Тэна за отрицание закономерного характера событий, которые, заметим, и у самого Герье вызывали субъективное неприятие. Присмотримся же к этой критике.

«Главный недостаток И. Тэна, - писал Герье, - отсутствие исторического интереса и вследствие этого нерасположение вникать в историческое значение описываемых событий» [10. С. 511]. В силу указанного недостатка Тэн подошел к революции чрезвычайно односторонне, усмотрев в ней только следствие ошибочных теорий французских просветителей. Он, утверждал Герье, – «не видел или не хотел видеть», что просветительская утопия «...никогда бы не имела такой силы, если бы не выражала собой до известной степени действительности, подготовленной историей» [10. С. 530]. По мнению самого Герье, революция была подготовлена не только доктринами «рационалистической» философии (хотя они, безусловно, сыграли свою роль), но и комплексом других причин, из которых особое значение имели две: существовавшая накануне революции во французском обществе потребность в

преобразованиях и неспособность феодальной монархии произвести эти преобразования законным путем.

В свою очередь, каждая из указанных причин также была причинно обусловлена, поскольку имела свои корни в прошлой истории Франции. Так, недееспособность французской монархии в проведении назревших реформ была, по мнению Герье, следствием «поразительной солидарности ее с привилегированными сословиями, составляющей самую индивидуальную черту этой исторической эпохи». Она, в свою очередь, объясняется той ролью, которую играла аристократия в объединении Французского государства в XI в. [Там же. С. 558-560]. Целый ряд исторических обстоятельств оказал влияние и на формирование демократического духа, пронизывающего как психологию французского общества, так и теории XVIII в. Существование причин в прошлом, заключает Герье, обязывает историка смотреть на революцию во Франции как на «закономерное... логическое завершение всей предшествующей истории этой страны» [17. С. 534].

Таким образом, в понимании Герье раскрытие закономерности исторического явления означает показ его как «...результата целого ряда предшествующих фактов, длинного исторического процесса». «Каждое событие, — по его мнению, — порождает новое или оказывает на него непосредственное влияние» [12. С. 94], и в этом смысле все происходящее в истории носит закономерный характер. Но данная закономерность, по его убеждению, совсем не является свидетельством существования в истории единообразных «естественных законов», позволяющих объяснить любой исторический факт.

Во-первых, рассуждал Герье, всякое конкретное историческое событие является результатом воздействия индивидуальных факторов, имевших место в конкретной стране. Потому не революция как способ социально-политических перемен закономерна в концепции Герье, а конкретное историческое событие – Французская революция XVIII в. Тот факт, что события, подобные ей, имели место и в других странах, объясняется, по его убеждению, совпадением условий, близостью исторических путей отдельных народов, но не дает оснований говорить о непреложном законе. Его существование, считал Герье, опровергается уже тем, что многие народы (в качестве примера историк обычно приводил Германию, а до 1905 г. и Россию), решали возникавшие перед ними проблемы, не прибегая к революционным средствам [13. С. 87; 14. С. 568].

Во-вторых, закономерность даже конкретного исторического события, с точки зрения Герье, может быть определена только ретроспективно, т.е. после того, как оно уже произошло. До этого момента говорить о его неизбежности не представляется возможным, поскольку и в самом событии, и в предшествовавших ему об-

стоятельствах проявляется свободный непрогнозируемый выбор людей, делающих историю. Французские короли, рассуждал Герье, не осознавали пагубности своего союза с феодальной аристократией, и этому имелись исторические причины, но окажись среди Людовиков действительно выдающаяся личность, подобная Петру Великому, то она, возможно, изменила бы течение событий, создав своей деятельностью предпосылки для «правильного... устранения феодального строя». Французские просветители разжигали в обществе враждебное отношение к монархии, и этому, опять же, имелись исторические причины. Но будь среди них люди, более исторически образованные, то, возможно, многие из них стали бы воспитывать у французов «правильное отношение» к монархическому элементу [15]. Да и непосредственные участники событий 1789-1793 гг. возможно, действовали бы иначе, чем это было в действительности, если бы на гребень истории были вознесены другие вожди [16. С. 239].

Таким образом, именно благодаря определенному выбору людей, во многом обусловленному историческими обстоятельствами, но свободному в своей суги, а потому до известной степени случайному, революционный процесс во Франции XVIII в. стал необратимым. Сделай французы, их короли и философы другой выбор – и, возможно, «...Франция могла быть в наше время могущественной и цветущей державой и под управлением потомков Людовика XIV», - писал В.И. Герье, подчеркивая момент личной ответственности французских просветителей и революционеров [11. С. 529]. Как мы видим, случайности у Герье не только не составляют отделенный от необходимости ряд, но, напротив, включены в необходимость как производящие ее элементы. События происходят, с точки зрения Герье, не в силу существования независимых от сознания людей законов, а в силу предшествующих событий, в которых присутствует момент свободного выбора, а следовательно, и случайности.

Заметим, что в своем понимании исторической закономерности Герье был совсем не одинок. С.М. Соловьев, хотя и не в такой методологически заостренной форме, как его ученик, не единожды высказывался о закономерности исторических явлений, имея в виду их «преемство друг в отношении друга» [17. С. 59-60]. Б.Н. Чичерин, к которому Герье был очень близок по многим мировоззренческим вопросам, говорил даже о закономерности не только конкретных революций, но и революции как особого способа решения общественных проблем. «Можно желать, чтобы не было ни войн, ни революций, - писал он, – но эти желания не имеют ничего общего с законами развития» [18. C. 221]. Однако и для него революции случаются не как следствие объективного закона, а как закономерный результат определенной политики конкретных правительств, не умеющих вовремя «встать на путь компромиссов и реформ».

ЛИТЕРАТУРА

^{1.} Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 310 с.

Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. 704 с.

- 3. Мягкова Е.М. Новейшие подходы к изучению Французской революции конца XVIII в. в зеркале современного отечественного франковедения. Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799: итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 264 с.
- 4. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М.: Универс. Тип. Катков и К°, 1865. 114 с.
- 5. Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 462–500.
- 6. Герье В.И. М.С. Корелин // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 307–315.
- 7. Герье В.И. Новое общество истории при Московском университете // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 433–446.
- 8. Герье В. И. Новая история: лекции, читанные на историко-филологическом факультете. М., 1894. 332 с.
- 9. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 222 с.
- 10. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. № 4. С. 511–569.
- 11. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 511–582.
- 12. Герье В.И. Народник во французской историографии // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 94–139.
- 13. Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 74–111.
- 14. Герье В.И. Национальная историография в Германии // Исторический вестник. 1880. № 3. С. 567–593.
- 15. Герье В.И. Понятие о власти и народе в наказах 1789 года: речь, произнесенная в торжественном собрании Моск. ун-та 12 янв. 1884 года // Исторический вестник. 1884. Февр. С. 380–391.
- 16. Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 234–277.
- 17. Иллерицкий В.К. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. 192 с.
- 18. Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство наук. М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1892. 428 с.

Kirsanova Ekaterina S. Technological Institute – branch of Nationai Research Nuclear University "MEPhi" (Seversk, Russian Federation). E-mail: zavkir@mail.ru

RATIO OF NEED AND ACCIDENT OF THE FRENCH REVOLUTION OF XVIII AGE: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Keywords: need; accident; French revolution of the 18th century; historicism; freedom of choice; historical regularity.

The reconsideration and peculiar "audit" of the French Revolution of the 18th century proceeding in a world historiography are inevitable and for the Post-Soviet historical science which is in revision conditions, and often abandoning Marxist principles of knowledge.

However, it is necessary to emphasize that revision of the Marxist concept of revolution inevitable disputes the truth and a question of its regularity. In resolving this issue, it is important along with use of achievements in this sphere of a foreign humanitaristics to rely on Russian historiographic tradition, including its pre-revolutionary period.

This article considers the founder of the academic studying of history of the French Revolution of the 18th century in the Russian prerevolutionary historiography V.I. Guerrier who defended a thesis about regularity of the French revolution of the 18th century from positions of idealistic historicism. In philosophico-historical views of Guerrier the important place was taken by a question of a ratio of need and accident at commission of historical events. Guerrier rejected the positivistic and Marxist idea of the natural-historical law, considering it as a killer of freedom of the moral choice and justification of "any violence". Impossibility of detection of natural laws in the history Guerrier based by the gnoseological analysis of the nature of an object of historical knowledge, defending an originality of the last. But rejecting the idea of natural-historical laws, Guerrier at the same time approved regularity of significant historical events, including also those which did not correspond to his moral ideals as, for example, the French Revolution.

According to Guerrier, this revolution has been caused by a variety of reasons from which two reasons where of particular importance: the need for transformations existing on the eve of the revolution in France and inability of the feudal monarchy to make these transformations in the lawful way.

Each of them had the roots in last history of France. Existence of the reasons in the past, Guerrier concludes, obliges the historian to look at the revolution in France as on "natural", "a logical conclusion of all previous history of this country". Thus, in Guerrier's understanding disclosure of regularity of the historical phenomenon means display it as a result of a number of the previous facts, long historical process, but a revolution happens not as a result of the objective law and as natural result of a certain policy of the definite governments which are not able "to follow a way of compromises and reforms" in time.

REFERENCES

- 1. Chudinov, A.V. (2007) Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify [French Revolution: History and Myths]. Moscow: Nauka.
- 2. Hut, L.R. (2010) Teoretiko-metodologicheskiye problemy izucheniya istorii Novogo vremeni v otechestvennoy istoriografii rubezha XX-XXI vv. [Theoretical and methodological problems of studying the history of modern times in the Russian historiography at the turn of the 21st century]. Moscow: Prometey.
- 3. Myagkova, E.M. (2004) Noveyshiye podkhody k izucheniyu Frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIIIv. v zerkale sovremennogo otechestvennogo frankovedeniya [New approaches to the study of the French revolution of the late 18th century. In the mirror of modern Russian studies]. In: Chudinov, A.V. (ed.) Frantsuzskiy yezhegodnik 2000: 200 let Frantsuzskoy revolyutsii 1789-1799: Itogi yubileya [French Yearbook 2000: 200 Years of the French Revolution 1789–1799: The Results of the Jubilee]. Moscow: Editorial URSS.
- 4. Guerrier, V.I. (1865) Ocherk razvitiya istoricheskoy nauki [Essay on the development of history]. Moscow: Katkov i Ko.
- 5. Guerrier, V.I. (1890) Ippolit Ten i yego znacheniye v istoricheskoy nauke [Ippolit Tan and his role for historical studies]. Vestnik Evropy. 2. pp. 462–500.
- 6. Guerrier, V.I. (1900) M.S. Korelin [M.S. Korelin]. Vestnik Evropy. 9. pp. 307-315.
- Guerrier, V.I. (1895) Novoye obshchestvo istorii pri Moskovskom universitete [A new historical society at Moscow University]. Vestnik Evropy. 4. pp. 433–446.
- 8. Guerrier, V.I. (1894) Novaya istoriya. Lektsii, chitannyye na istoriko-filologicheskom fakul'tete [The New History. Lectures at the Faculty of History and Philology]. Moscow: [s.n.].
- 9. Safronov, B.G. (1976) *Istoricheskoye mirovozzreniye R.Yu. Vippera i yego vremya* [The historical world view of R.Yu. Vipper and his time]. Moscow: Moscow State University.
- 10. Guerrier, V.I. (1878a) Ippolit Ten kak istorik Frantsii [Ippolit Tan as a historian of France]. Vestnik Evropy, 4, pp. 511–569.
- 11. Guerrier, V.I. (1878b) Ippolit Ten kak istorik Frantsii [Ippolit Tan as a historian of France]. Vestnik Evropy. 12. pp. 511–582.
- 12. Guerrier, V.I. (1896) Narodnik vo frantsuzskoy istoriografii [The Narodnik in French Historiography]. Vestnik Evropy. 3. pp. 94-139.
- 13. Guerrier, V.I. (1880a) Sergey Mikhaylovich Solov'yev [Sergei Mikhailovich Soloviev]. Istoricheskiy vestnik. 1. pp. 74–111.
- 14. Guerrier, V.I. (1880b) Natsional'naya istoriografiya v Germanii [National Historiography in Germany]. Istoricheskiy vestnik. 3. pp. 567–593.
- 15. Guerrier, V.I. (1884) Ponyatiye o vlasti i narode v nakazakh 1789 goda: Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Moskovskogo Universiteta 12 yanvarya 1884 goda [The concept of power and the people in resolutions of 1789: Speech in the solemn meeting of Moscow University on January 12, 1884]. *Istoricheskiy Vestnik*. February. pp. 380–391.
- 16. Guerrier, V.I. (1878) Ippolit Ten kak istorik Frantsii [Ippolit Tan as a historian of France]. Vestnik Evropy. 9. pp. 234–277.
- 17. Illeritskiy, V.K. (1980) Sergey Mikhaylovich Solov'yev [Sergey Mikhailovich Soloviev]. Moscow: Nauka.
- 18. Chicherin, B.N. (1892) Polozhitel'naya filosofiya i yedinstvo nauk [Positive Philosophy and Unity of Sciences]. Moscow: I.N. Kushnerov i K°.

УДК 94(430):32

DOI: 10.17223/19988613/53/10

Л.Н. Корнева

ПРАВОРАДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ФРГ И ВЫБОРЫ В БУНДЕСТАГ 24 СЕНТЯБРЯ 2017 г.

На основании программных документов АдГ, статей публицистов, политологов и других аналитических материалов рассматриваются причины успеха правопопулистов, их отношения с праворадикальными организациями. Анализируется численность партии «Альтернатива для Германии», социальный состав ее членов и последователей. АдГ сумела мобилизовать недовольство и страхи значительной части средних слоев модернизационными процессами, особенно в таких областях, как экологическая, гендерная, семейная и миграционная политика. Предложения АдГ по решению названных проблем носят традиционалистко-консервативный характер и оцениваются как правопопулистские.

Ключевые слова: Альтернатива для Германии; правый популизм; консерватизм; бундестаг.

Праворадикальное движение в ФРГ разнообразно. Есть достаточно экстремистские группы, есть более умеренные. Старейшую на правом фланге Националдемократическую партию Германии, а также другие небольшие, в основном молодежные экстремистские группы относят к неофашистскому крылу. До недавнего времени к крайне правым радикалам относили партию «Республиканцы», которая к настоящему времени развалилась. В отношении неофашистской НДПГ предпринималось несколько попыток запретить ее путем подачи иска в Конституционный суд ФРГ. Последняя по времени в 2013 г. исходила из Мюнхенского института современной истории [1. S. 619–661]. Однако иски не имели успеха.

К более умеренному крылу «новых правых» обычно относят антиисламское так называемое «продвижение», т.е. движение «за» — например, «Про-Германия», но более всего «Пегиду». Последнюю политологи и публицисты часто причисляют не столько к правым радикалам, сколько к правому крылу консерваторов и к правым популистам [2].

Идеология праворадикальных группировок, можно сказать, альтернативна идеологии и деятельности влиятельных партий ФРГ. Эта альтернативность проявляется буквально во всех направлениях. Во внутренней политике она выражается в критике модернизационных процессов в социальной и национальной областях, в экологической, миграционной политике, в области распределения богатств и налогов, в образовании, семейной политике и др.

Во внешней политике в основном подвергается сомнению политика Германии в Евросоюзе, общеевропейская экономическая и финансовая политика (евроскептицизм). Здесь требования варьируют от выхода из еврозоны до полного разрыва с ЕС. Ожесточенная критика звучит в адрес «брюссельской бюрократии».

Общим положением в этой разнообразной критики являются идеи защиты «национальных интересов Германии», «национальной немецкой идентичности», сохранения «традиционных немецких ценностей», опас-

ности мультикультурализма как элемента размывания национальной культуры. На экстремистском полюсе эти мотивы во многом напоминают идеи национал-социалистов о построении расово чистого «немецкого народного сообщества», сохранения в чистоте «немецко-арийской» культуры, необходимости авторитарной власти.

Названные партии и движения до настоящего времени участвовали в избирательных кампаниях разного уровня вплоть до бундестага, но их успехи оставались весьма скромными, а точнее сказать – провальными, и ограничивались в основном единичным пребыванием в некоторых ландтагах земель, советах городов и коммун, где для избрания достаточно 3–4% голосов.

На этом фоне прорыв в бундестаг на выборах 24 сентября 2017 г. праворадикально-популистской и сравнительно новой в правом политическом секторе партии «Альтернатива для Германии» стал настоящим шоком для немецкой и европейской общественности. Партия вошла в бундестаг с 12,6% голосов и 92 депутатами и заняла третье место после «больших» партий ФРГ – союза ХДС / ХСС и СДПГ – и обогнав традиционные «малые» партии. «Альтернатива» в короткий срок сумела добиться того, что на протяжении десятков лет безуспешно пыталась сделать старейшая праворадикальная и неофашистская партия – НДПГ.

Результаты выборов свидетельствуют о росте спроса избирателей на требования правых сил изменить или осуществить поворот в политике правящих партий. С этой точки зрения представляет интерес анализ программных установок, состава и деятельности «Альтернативы», образованной в 2013 г.

Уже через 18 дней после открытия веб-страницы в Интернете партия получила 5 000 членов. После 7 недель партия насчитывала 10 000 членов. Согласно ее данным, из 10 476 зарегистрированных членов 2 795 были выходцами из других партий: ХДС и ХСС совокупно — 1 228, СВдП — 587, СДПГ — 558, 143 — праворадикальное объединение «Пираты», 106 — Союз-90 / Зеленые, 350 — из партии «Свобода» [3. S. 184] По

этим же данным средний возраст членов партии на тот момент составил 51 год, т.е. это были люди, уже имевшие в той или иной степени политический опыт из умеренного сектора политического ландшафта. При этом состав основателей партии состоял преимущественно из интеллектуалов - профессоров, юристов, экономистов, гуманитариев. Эти обстоятельства выгодно отличали партию АдГ от других партий и организаций правого и праворадикального толка. Обладая политическим опытом своих членов и в то же время не отказываясь от «национальной идеи», партия сумела аккумулировать и смягчить альтернативы радикалов и экстремистов, придав им форму популизма и консервативной респектабельности. Так, например, не отказываясь в целом от миграционной политики, «Альтернатива» требует «ясных критериев» для въезда в страну и признает пользование немецкой социальной системой только в том случае, если приезжие отчисляют взносы в эту систему [4. S. 165-167].

Более жесткая позиция у АдГ в отношении к так называемой «исламизации» Германии. В предвыборной программе партии содержатся требования запрещения минаретов, призывов муэдзинов, ношения на официальной службе мусульманской одежды, запрета на финансирование враждебных Основному закону ФРГ мусульманских общин другими государствами [5]. В этом она близка к требованиям таких праворадикальных и популистских организаций, как Про-движение, Пегида и др. При проведении своей политики партия опирается на так называемую «прямую демократию» в виде народной инициативы, в частности на «Общественный союз против строительства мечетей и против массовой иммиграции». При этом она признает свободу вероисповедания и готова рассматривать мусульман, обладающих правовым сознанием, как полноправных членов немецкого общества.

Тактике «прямой демократии» придается большое значение. Так, в предвыборной программе партии говорится: «Народ должен снова стать сувереном. АДГ требует народных решений по швейцарскому образцу» [5]. В программных требованиях АдГ нашли отражение и многие другие животрепещущие проблемы страны, на которые у партии есть свои «альтернативные» ответы. Так, в отношении экологической политики программа партии 2014 г. требует снижения расходов простых граждан в рискованных проектах новой энергетики, выступает за увеличение срока службы атомных электростанций [6. П. 11]. В публицистике АДГ осуждается противодействие строительству газопровода «Северный поток-2», которое может повысить стоимость использования энергоресурсов для населения Германии. Немецкие исследователи отмечают, что на энергетическую политику и на программу партии влияют члены из общества климаскептиков Europäisches Institut für Klima und Energie политически активной лоббистской организации [7].

Европейская политика правящей коалиции со стороны «Альтернативы» подвергается довольно жесткой

критике, хотя партия не является «антиевросоюзной». Четко признается необходимость нахождения страны в НАТО, хотя в публицистике альтернативистов звучат требования, чтобы немецкие соединения не участвовали в военных действиях за рубежом. Особенно «Альтернатива» недовольна еврозоной и по экономической политике занимает, по оценке Д. Плеве, «рыночнофундаменталистскую» позицию [8. S. 53, 64]. В программе партии так говорится об этом: «Мы признаем социально-рыночное хозяйство в духе Людвига Эрхарда, которое наилучшим образом создает и обеспечивает благосостояние» [9. П. 9]. Критикуется политика правящих кругов в области государственного регулирования и налогового давления на средние слои. «Они ведь являются несущей колонной (балкой) нашего социального рыночного хозяйства, за усиление, которого мы выступаем» [Там же. П. 12]. Здесь проявляется неоконсервативная тенденция, или, как пишут немецкие аналитики «новая праволиберальная политика».

Во внешней политике партии аналитик М. Левандовский видит наличие четырех противостояний (запротив): «Суверенная нация—европейское сверхгосударство», «субсидиарность—Брюссельский централизм», «граждане—элита», «немецкие плательщики—зарубежное присвоение» [10. S. 12]. Внешнеполитическую концепцию политологи обозначают популистской, так как она направлена против элиты («Брюссельская бюрократия») и постулирует кризис собственной национальной идентичности и суверенитета.

Со времени основания в 2013 г. в течение последующих лет численность партии постоянно возрастала и к 2016 г. составила 21 923, а к июлю 2017 г. насчитывала 28 тыс. членов [11]. «Альтернатива» также наращивала свое представительство в земельных и местных парламентах. В течение выборов в ландтаги 2013-2017 гг. партийная структура АдГ была представлена во всех 16 землях Германии в среднем с результатом в 10,52% проголосовавших за нее избирателей. Самый высокий результат на выборах в ландтаге в 2016 г. был достигнут «Альтернативой» в восточных землях Заксен-Ангальт и Мекленбург-Передняя Померания – 24,3 и 20,8% соответственно [12. Табл. 1]. Представители партии с 2014 г. заседают также и в Европарламенте. Прохождение АдГ в парламент на выборах в Бундестаг 24 сентября 2017 г. было вполне предсказуемо, но его результат оказался неожиданным для общественности: партия со своими 12,6% оказалась на третьем месте после «больших и малых» партий, имеющих уже длительный опыт работы в парламенте и правительственных коалициях.

Что касается социальной ориентации, то партия ориентируется на представителей правого фланга среднего класса, на достаточно образованную публику. Из этого следует, что приверженцев политики АДГ нельзя напрямую считать правоэкстремистами, так как последователями существующих в ФРГ организаций подобного толка являются преимущественно люди

другого социального статуса. Политолог М. Грайве пишет, что «избиратели АДГ фундаментально отличаются от избирателей НДПГ. Только 4% последователей правоэкстремистской партии относится к богатейшим части населения, в то время как 31% принадлежит к беднейшей пятой части населения» [13].

По некоторым идейным установкам позиции руководства партии различаются по уровню трактовки тех или иных проблем: существуют взгляды, которые, по выражению аналитика А. Кемпера являются «консервативно-фундаменталистскими», особенно в виде антифеминизма, гомофобии, возврата к консервативнотрадиционной семье и школьному образованию в том же духе [14. S. 45]. Это действительно просматривается в программе АдГ и ее предвыборных платформах, в откровенно радикальных высказываниях части руководящего слоя партии (Eilike von Storch и др.)

Взгляды других членов партии имеют неолиберальную окраску (основатели и руководители партии Frauke Petri, Jörg Meuthen и др.). Имеющиеся разногласия и оттенки трудно обозначить как политические крылья партии, поскольку те или иные деятели могут придерживаться по каким-то вопросам неолиберальных идей, а по другим высказывать достаточно экстремистские взгляды. Петри, например, покинула партию накануне выборов в бундестаг из-за исламофобии некоторых решений и призвала к выработке «более реального политического курса».

Вместе с тем в партии существуют платформы и объединения, носящие явно праврадикально-консервативный характер, такие как «Христиане в Альтернативе для Германии», «Патриотическая платформа», выдвинувшая идею объединения с исламофобской «Пегидой» и допускающая антисемитские высказывания. Учитывая разногласия, которые проявились еще в ходе становления партии, в начале 2014 г. в ней была образована «платформа КОЛИБРИ (Консерваторы и либералы в АДГ)» как место для партийной дискуссии. Респектабельность партии придают имеющиеся у нее, как и у других немецких партий, фонды с достаточно громкими названиями: Desiderius Erasmus von Rotterdam во главе с опытным публицистом и политиком (К. Adam), а также объединение «Immanuel-Kant-Stiftung» во главе с журналистом, издателем и автором в одном лице (Bruno Bandulet).

В «Альтернативе» есть ряд деятелей, которые призывают в союзники и даже к объединению другие правопулистские движения. Это не только Пегида, но и партия Свобода, а также Про-движение. К настоящему времени только партия Свобода вошла в «Альтернативу». 11 ноября 2017 г. о своем самороспуске заявило руководство Про-Германии и призвало своих сторонников войти или поддержать АдГ. После избрания в Бундестаг партия образовала фракцию из 99 членов, в которой руководящую роль играют ее председатель Алиса Вайдель (Alice Weidel) и председатель партии Йорг Мойтен (Jörg Meuthen).

Как оценивают политический успех Альтернативы для Германии журналисты, публицисты, политологи? Сразу после выборов реакция, особенно со стороны левоориентированной журналистики, была крайне нервозной и эмоциональной. Заговорили о приходе в бундестаг неофашистов. Другие высказывались более сдержанно о приходе в парламент настоящей оппозиции, от которой давно забыли, и предвидели острую парламентскую борьбу, «ветер перемен» в бундестаге.

Безусловно, прорыв в бундестаг правоконсервативной популистской партии является четким показателем пресловутого кризиса немецкой традиционной партийно-политической системы и, в определенном смысле, психологической усталости общества, в условиях которой возрастает спрос на новые лица и новые программы. Второй, более существенный спрос у определенной части населения — это запрос на отличительные от правительства предложения «Альтернативы» решений вопросов, волнующих общество. Это три главные проблемы: миграция, социальные издержки модернизации, отношения с Евросоюзом. Конечно, во многом предложения и требования АдГ носят демагогический, антимодернистский характер.

К третьей причине популярности АДГ следует отнести длительное существование в ФРГ разрозненных праворадикальных групп и объединений, требования которых по решению названных и других проблем часто являются экстремистскими, неофашистскими, вызывающими отторжение у большей части общества. Даже у той части, которая настроена правоконсервативно. АдГ сумела в своей программе отбросить крайности внесистемной оппозиции, сделав ее благообразной и направив в русло правого популизма. Отсюда – стремление партийных органов отмежеваться от экстремизма праворадикалов. Так, при приеме в партию бывших членов этих организаций проверяется, имели ли они дело с конституционными судами ФРГ (федеральным или земельными). Часть из них принимается в партию только в федеральном партийном органе. Руководство АдГ не спешит также к слиянию с исламофобской организацией Пегида, хотя некоторые члены партии считают ее «естественной союзницей». Председатель Мойтен выказывает озабоченность по поводу возможного сдвига партии вправо.

Аналитик Й. Хилие (Johannes Hillje) одной из причин популярности «Альтернативы» считает беззастенчивую пропаганду, построенную на искажениях и прямой лжи. «Фактически, — пишет он, — АдГ привнесла в немецкую политику новую форму пропаганды. И этому в значительной степени способствовали грубые ошибки крупных средств массовой информации» [15].

В бундестаге правые популисты, по словам журналистов, ведут себя демонстративно и вызывают разочарование. «В течение трех месяцев пребывания в бундестаге они занимались только "охотой на фрау Меркель", подчеркивая деструктивный характер поведения альтернативистов» [16].

Возвращаясь к итогам выборов сентября 2017 г., видно, что в целом по стране при общем росте голосов в пользу АдГ отмечается более высокая популярность партии на востоке Германии, где число проголосовавших за «Альтернативу» в некоторых землях выросло до 20 и более процентов. В ландтаге Саксонии она стала сильнейшей фракцией и обладает возможностью реально влиять на принятие его решений. В целом такое соотношение голосов не является неожиданностью, так как в восточных землях до сих пор большими проблемами остаются более высокий уровень безработицы, более слабое, чем на западе, развитие экономики, несмотря на проводимую там реструктуризацию и модернизацию, утечка квалифицированных рабочих рук и др. Часто эти проблемы являются предметом спекулятивных заявлений со стороны правого политического крыла общественной жизни, в том числе и АдГ.

Следует также принимать во внимание и тот факт, что давно известные разрозненные праворадикальные и правоэкстремистские немецкие организации обладают малыми интеллектуальными силами и постоянным финансовым голодом. «Альтернатива» в этом смысле имела своими предшественниками различные интеллектуальные общества в правополитическом секторе, такие, например, как еврокритическую «Партию свободных граждан», «Общество Хайека» и др., которые обладали лучшими возможностями для привлечения сторонников и избирателей, особенно среди среднего класса, и способствовали его «сдвигу вправо» [17].

Традиционные политические партии, сохранившие свои места в парламенте, рассматривают «Альтернати-

ву» не как обычную оппозицию, но как силу, представляющую опасность для демократии, устойчивости Евросоюза, как враждебную правам человека и правовому сознанию силу. Поэтому ни о какой коалиции традиционных партий (особенно «больших» - Союз ХДС / ХСС и СДПГ) с «Альтернативой» не может быть. Из-за противоречий между традиционными партиями уже в течение трех месяцев после выборов идут трудные переговоры о создании правительственной коалиции. На момент написания статьи дело, кажется, идет к возвращению «большой коалиции», так как СДПГ, наконец, дала согласие на ее формирование вместе с ХДС / ХСС. Между тем в бундестаге уже развернулась ожесточенная полемика относительно миграционной политики, и фракция АдГ потребовала закрыть границы Германии для мигрантов, введя усиленный пограничный контроль [18].

Избирательный успех «Альтернативы для Германии» явился очередным звеном в цепочке оживления, обновления и укрепления правых политических сил в ряде стран Европы (Дания, Финляндия и др.) Об этом красноречиво свидетельствуют и недавние выборы в Австрии. Победившая на них Австрийская народная партия (АНП) вступила в правительственную коалицию с правыми популистами в лице Австрийской партии свободы (АПС), занимающей во многом сходные позиции с немецкой «Альтернативой для Германии».

Большинство политических деятелей, политологов и публицистов Германии ставят перед собой задачу воспрепятствовать дальнейшему сдвигу вправо немецкого общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Das Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte zum zweiten NPD Verbotsvefahren vor dem Bundesverfassungsgericht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Heft 4. 2018.
- 2. Антонов А.Е. «Пегида» как движение граждан против исламизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. 2016. № 11 (73) : в 2 ч. Ч. 1. С. 19–23. URL: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/ (дата обращения: 30.01.2018).
- 3. Niedermayer O. Eine neue Konkurrentin im Parteiensystem? Die Alternative für Deutschland // Das deutsche Parteiensystem nach der Bundestagswahl 2013. Wiesbaden, 2015.
- 4. Lewandowsky M. Die Alternative für Deutschland (AfD) Einordnung und Perspektiven einer neuen Partei rechts der Mitte. URL: http://www.talk-republik.de/Rechtspopulismus/docs/05/Lewandowsky.pdf (дата обращения: 29. 01.2018).
- $5.\ URL: https://afdkompakt.de/2017/03/10/leitantrag-zum-programmentwurf-der-afd-zur-bundestagswahl-2017/\ (дата обращения: 28.01.2018).$
- 6. URL: http://www.afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2014/05/Politische-Leitlinien-der-Alternative-für-Deutschland-Mai-2014-finale-Fassung.pdf (дата обращения 25.01.2018).
- 7. Limburg M. Wir wollen den alten Energiemix // Klimaretterinfo. 22 September 2017. URL: http://www.klimaretter.info/politik/hintergrund/23702-wir-wollen-den-alten-energiemix (дата обращения: 25.01.2018).
- 8. Häusler Alexander (Hrsg.). Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. Wiesbaden, 2016.
- 9. URL: http://www.afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2014/05/Politische-Leitlinien-der-Alternative-für-Deutschland-Mai-2014-finale-Fassung.pdf (дата обращения: 30.01.2018).
- 10. Lewandowsky M. Synopse und Bewertung der gegenwärtigen offiziellen AfD-Programmatik. URL: http://www.talk-republik.de/Rechtspopulismus/docs/05/Lewandowsky.pdf (дата обращения: 29. 01.2018).
- 11. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Alternative_für_Deutschland (дата обращения: 15.01.2018).
- 12. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Alternative_fur_Deutschland (дата обращения: 25.12.2017).
- 13. Greive M. Die AfD ist eine Partei der Besserverdiener und Gebildeten // Die Welt. 30 April 2016. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article154899202/Die-AfD-ist-eine-Partei-der-Besserverdiener-und-Gebildeten.html (дата обращения: 28.01.2018).
- 14. Kemper A. Keimzelle der Nation? Familien- und geschlechterpolitische Positionen der AfD eine Expertise A. URL: http://library.fes.de/pdf-files/dialog/10641.pdf (дата обращения: 31.01.2018).
- 15. URL: https://www.blaetter.de/archiv/jahrgaenge/2017/oktober/propaganda-4.0-%E2%80%93-die-erfolgsstrategie-der-afd
- 16. URL: https://avxhm.se/newspapers/Der-Tagesspiegel--28-Januar-2018-56154471.html (дата обращения: 17. 01.2018).
- 17. Decker F. AfD, Pegida und die Verschiebung der parteipolitischen Mitte // Bundeszentrale für politische Bildung. 21 September 2015. URL: http://www.bpb.de/apuz/212360/afd-pegida-und-die-verschiebung-der-parteipolitischen-mitte?p=all (дата обращения: 27.01.2018).
- 18. Независимая газета. 30.01.2018.

Korneva Lydia N. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: korneva 21@mail.ru

ULTRA-RIGHT MOVEMENT IN FRG AND BUNDESTAG ELECTION AT 24 OF SEPTEMBER 2017

Keywords: "Alternative for Germany"; far-right populist-conservative party; bundestag.

The purpose of this work is to analyze reasons of some rise of ultra-right movement in FRG that was shown by results of Bundestag election at 24 of September 2017. Program documents, speeches of far-right populist-conservative party "Alternative for Germany" (the party, which managed getting into the Bundestag on the third place with 12,6 % following such parties as CDU/CSU and SPD) leading figures, *AfDKompakt* paper contents were sources for preparing this work.

Also this work relies on German press contents: Die Welt, die Zeit, Die Frankfurter Allgemeine Zeitung, Der Tagesspiegel and analytical papers in "Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte", "Blätter für deutsche und internationale Politik", etc.

Rightist conservative populist party "Alternative for Germany", which formed in April 2013 is the part of traditional German far-right movement represented by separate groups from right-wing populists such as islamophobic Pegida to extremist neofascist NDP. Radical and extremist views of right-wing traditionalists used to hinder their political success up to the present time, so there usually were only occasional representations in some of Landtags, city councils and communes. They could not practically come beyond the pale of non-system opposition. But then getting in to Bundestag "Alternative for Germany" succeeded being involved into political party system of FRG.

Why did "Alternative for Germany" attain such success in a short period of time as getting into almost all of 16 Landtags during the 2013-2017 period and entering the Bundestag at 2017 election?

The "old" right-wing groups were antagonizing due to their provocative extremist declarations and actions. More than once they were receiving attention of federal and territorial Offices for the protection of the Constitution. These parties and groups constantly experienced lack of financing and had no charismatic leaders. In terms of social and age composition there mainly were middle and lower classes people and radically-minded young men.

Meanwhile founding figures of "Alternative for Germany" were people of upper-middle class, well-educated ones, who had experience of public activities in different conservative organizations standing for conservation of "traditional" values and prevention of "modernistic experiments" and against the "islamisation" of Germany. They managed to use others' fears for future, to accumulate right-wing groups' ideas and to arrange some "right shift" among middle class of society of Germany.

REFERENCES

- Anon. (2018) Das Gutachten des Instituts f
  ür Zeitgeschichte zum zweiten NPD Verbotsvefahren vor dem Bundesverfassungsgericht [The opinion of
  the Institute for Contemporary History on the second NPD prohibition proceedings before the Federal Constitutional Court]. Vierteljahrshefte f
  ür
  Zeitgeschichte. 65(4).
- 2. Antonov, A.E. (2016) "Pegida" kak dvizheniye grazhdan protiv islamizatsii ["Pegida" as a movement of citizens against Islamization]. *Istoricheskiye*, *filosofskiye*, *politicheskiye i yuridicheskiye nauki*, *kul'turologiya i iskusstvovedeniye*. *Voprosy teorii i praktiki*. 11(73). pp. 19–23.
- Niedermayer, O. (2013) Eine neue Konkurrentin im Parteiensystem? Die Alternative für Deutschland [A new competitor in the party system? The
  alternative for Germany]. In: Niedermayer, O. (ed.) Die Parteien nach der Bundestagswahl 2013 [The German party system after the Bundestag
  election 2013]. Wiesbaden: Springer VS. DOI: 10.1007/978-3-658-02852-7
- 4. Lewandowsky, M. (2016) Die Alternative für Deutschland (AfD) Einordnung und Perspektiven einer neuen Partei rechts der Mitte [The alternative for Germany (AfD) classification and perspectives of a new party right of the center]. [Online] Available from: http://www.talk-republik.de/Rechtspopulismus/docs/05/Lewandowsky.pdf. (Accessed: 29th January 2018).
- 5. Anon. (2017) Leitantrag zum Programmentwurf der AfD zur Bundestagswahl 2017 [Heading for the draft program of the AfD for the 2017 Bundestag election]. [Online] Available from: https://afdkompakt.de/2017/03/10/leitantrag-zum-programmentwurf-der-afd-zur-bundestagswahl-2017/. (Accessed: 28th January 2018).
- Alternative für Deutschland. (2014a) Politische Leitlinien der Alternative für Deutschland Mai 2014 [Political guidelines of the alternative for Germany May 2014]. [Online] Available from: http://www.afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2014/05/Politische-Leitlinien-der-Alternative-für-Deutschland-Mai-2014-finale-Fassung.pdf. (Accessed: 25th January 2018).
- 7. Limburg, M. (2017) "Wir wollen den alten Energiemix" [We want the old energy mix]. *Klimaretterinfo*. 22nd September. [Online] Available from: http://www.klimaretter.info/politik/hintergrund/23702-wir-wollen-den-alten-energiemix. (Accessed: 25th January 2018).
- 8. Häusler, A. (ed.) (2016) Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verortung [The Alternative for Germany. Program, development and political positioning]. Wiesbaden 2016.
- Alternative für Deutschland. (2014b) Politische Leitlinien der Alternative für Deutschland Mai 2014 [Political guidelines of the alternative for Germany May 2014]. [Online] Available from: http://www.afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2014/05/Politische-Leitlinien-der-Alternative-für-Deutschland-Mai-2014-finale-Fassung.pdf. (Accessed: 30th January 2018).
- 10. Lewandowsky, M. (n.d.) Synopse und Bewertung der gegenwärtigen offiziellen AfD-Programmatik [Synopsis and evaluation of the current official AfD program]. [Online] Available from: http://www.talk-republik.de/Rechtspopulismus/docs/05/Lewandowsky.pdf. (Accessed: 29th January 2018).
- 11. De.wikipedia.org. (n.d.) Alternative für Deutschland. [Online] Available from: https://de.wikipedia.org/wiki/Alternative_für_Deutschland. (Accessed: 15th January 2018).
- 12. De.wikipedia.org. (n.d.) Alternative für Deutschland. [Online] Available from: https://de.wikipedia.org/wiki/Alternative_für_Deutschland. (Accessed: 25th December 2017).
- 13. Greive, M. (2016) Die AfD ist eine Partei der Besserverdiener und Gebildeten [The AfD is a party of high earners and the educated]. *Die Welt.* 30th April. [Online] Available from: https://www.welt.de/politik/deutschland/article154899202/Die-AfD-ist-eine-Partei-der-Besserverdiener-und-Gebildeten.html. (Accessed: 28th January 2018).
- 14. Kemper, A. (n.d.) Keimzelle der Nation? Familien- und geschlechterpolitische Positionen der AfD eine Expertise A [The nucleus of the nation? Family and gender policy positions of the AfD an expertise A]. [Online] Available from: http://library.fes.de/pdf-files/dialog/10641.pdf. (Accessed: 31st January 2018).
- 15. Hillje, J. (2017) *Propaganda 4.0 Die Erfolgsstrategie der AfD* [Propaganda 4.0 The success strategy of the AfD]. [Online] Available from: https://www.blaetter.de/archiv/jahrgaenge/2017/oktober/propaganda-4.0-%E2%80%93-die-erfolgsstrategie-der-afd.
- Der Tagespiegel. (2018) 28th January. [Online] Available from: https://avxhm.se/newspapers/Der-Tagesspiegel--28-Januar-2018-56154471.html. (Accessed: 17th January 2018).
- 17. Decker, F. (2015) AfD, Pegida und die Verschiebung der parteipolitischen Mitte [AfD, Pegida and the shift in the party political center]. Bundeszentrale für politische Bildung. 21st September. [Online] Available from: http://www.bpb.de/apuz/212360/afd-pegida-und-die-verschiebung-derparteipolitischen-mitte?p=all:. (Accessed: 27th January 2018).
- 18. Nezavisimaya gazeta. (2018) 30th January.

УДК 316.4.051

DOI: 10.17223/19988613/53/11

М.А. Кузнецова, Е.В. Хахалкина

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА

Работа выполнена в рамках работ по гранту Президента РФ «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018–2019 гг. (МД-4122.2018.6).

Статья посвящена вопросам трансформации национальной идентичности Великобритании, составным элементом которой является евроскептицизм, в условиях продолжающихся переговоров Лондона и Брюсселя по выходу страны из Евросоюза. Делаются выводы о том, что, несмотря на частичное удовлетворение требований сторонников Брекзита в ходе первого раунда переговоров, страна расколота и вопрос о будущем коллективного самосознания Британии остается открытым.

Ключевые слова: Великобритания; национальная идентичность; Брекзит; идентичность ЕС; мобильность; миграция.

Судьбоносный для будущего Великобритании, Европы и всей системы международных отношений референдум 23 июня 2016 г. о выходе Соединенного Королевства из состава Европейского союза неизбежно привел к обострению тлевших долгие годы и даже десятилетия сложных болезненных вопросов, раскалывающих население страны. К таковым, несомненно, относится проблема национальной идентичности, почти на всем протяжении пребывания Британии в ЕС формировавшаяся на базе противопоставления попыткам Европейских сообществ / Европейского союза сформировать общеевропейское самосознание.

Великобритания последовательно как отторгала, так и принимала сущностные инициативы «Единой Европы», направленные на построение единого пространства в разных сферах. Например, подписав Единый Европейский акт в 1985 г. и согласившись на единый внутренний рынок, страна не вошла в Шенгенское соглашение и скептически восприняла свободу передвижения рабочей силы. Сама британская идентичность укреплялась в условиях противопоставления попыткам Европейского союза сформировать общеевропейскую идентичность, одним из элементов которой выступала «Европа без границ». Сформированный за многие десятилетия евроскептицизм стал ключевым компонентом британской национальной идентичности: отталкиваясь от континента, Британия становилась сплоченнее. В то же время британской идентичности - условному понятию Britishness - угрожают вновь вышедшие на первый план центробежные тенденции – в 2014 г. в Шотландии состоялся референдум о выходе из Соединенного Королевства, на котором 55% жителей высказались против независимости этой части страны. После референдума о Брекзите Шотландия вновь озвучила желание провести аналогичный референдум с тем, чтобы обрести независимость и остаться в Европейском союзе.

Отмена с течением времени контроля на внутренних границах и заметное ослабление на внешних гра-

ницах с вхождением в ЕС государств Центральной и Восточной Европы привели к росту опасений британских граждан о начале неконтролируемой иммиграции. Именно возвращение контроля над иммиграцией из стран Евросоюза стало одной из причин победы сторонников Брекзита. Перемещение трудовых ресурсов из ЕС в Великобританию увеличивалось в последние годы, однако критической назвать его было нельзя. В 2013 г. впервые численность мобильных граждан ЕС, въехавших на территорию Британии, превысила прежние показатели – 201 тыс. чел. Самая большая группа прибыла в Британию из Испании – 27 тыс. чел., из Румынии и Болгарии – 23 тыс. чел. Такая динамика стала восприниматься частью британского общества как следствие участия страны в Евросоюзе [1. С. 51]. Нагнетанию обстановки способствовала также деятельность СМИ и отдельных политиков, зарабатывающих политические очки на обострении иммиграционной проблемы. Пар-Соединенного независимости Королевства (ПНСК), созданная в 1993 г., ставила своими целями ограничение въезда иностранцев и выход из Европейского союза, увязывая иммиграционный вопрос с пребыванием страны в ЕС.

В 2016 г. численность трудовых мигрантов в Соединенном Королевстве составляла 3,69 млн чел., из них иностранцев из ЕС – 2,5 млн чел., из стран за пределами Евросоюза – 1,19 млн чел. Иностранные иммигранты составляли 10,6% от рабочей силы Великобритании – 28,15 млн британцев против 3,34 млн. иностранцев [2]. В 2017 г. в Великобритании 3,4 млн. трудовых мигрантов (11% от общей численности рабочей силы), из них из стран ЕС – 2,2 млн чел. (7% от общей численности рабочей силы), 1,2 млн из стран, не входящих в ЕС (4%) [3]. Эксперты не исключают, что снижение численности трудовых мигрантов — на 300 тыс. чел. — из стран ЕС произошло именно под влиянием Брекзита [3].

Соотношение национальной и общеевропейской идентичности в Великобритании во временной дина-

мике показывает укрепление национальной идентичности на фоне ослабления сопричастности к Евросоюзу. Если в 2007 г. 44% респондентов указывали двойную идентичность, ставив на первое место национальное, а на второе – европейское самосознание, то в 2015 г. уже 51% респондентов указывал на британскую идентичность в качестве приоритетной и только во вторую очередь на идентичность ЕС. Соответственно, за этот же период – с 2007 по 2015 г. – сократилась доля тех, что в первую очередь соотносил себя с Евросоюзом – с 8% в 2007 г. до 5% в 2015 г. [4].

Набор элементов общеевропейской идентичности, разработанный Еврокомиссией и на сегодняшний день предлагаемый респондентам в рамках опросов Евробарометра, включает ценности демократии и свободы, географию, культуру, девиз ЕС «Единство в разнообразии», успехи европейской экономики, европейский флаг, историю, единую валюту (евро) и европейский гимн. Для британских респондентов, согласно данным за сентябрь 2015 г., наибольшее значение имели ценности демократии и свободы (51%), в меньшей степени культура (31%), история (27%), география (22%), успехи европейской экономики (19%), единая валюта (16%), девиз «Единство в многообразии» (11%), европейский флаг (9%) и, наконец, европейский гимн (2%) [Там же].

Определенный интерес представляет изменение отношения британцев к продолжению членства страны в Европейских сообществах / Европейском союзе. Наибольший спад евроскептицизма, согласно данным Британского независимого исследовательского института NatCen (измерения по этому вопросу стали проводиться с 1983 г.), наблюдался в начале 1990-х гг., и наоборот, его максимальное усиление было зафиксировано в 1983—1984 гг. В 2014 г. 57% опрошенных заявили, что Британии следует остаться в ЕС, 35% посчитали, что следует выйти из состава объединения [5].

Эксперты указывают на две основные причины таких полярных настроений: в поддержку участия страны в ЕС выступают преимущественно те, кто непосредственно выигрывает от членства Британии в союзе, например имеет работу в других странах ЕС или участвует в системе единой торговли. Наиболее же сильно чувство национальной идентичности выражено у тех, кто обеспокоен последствиями иммиграции и свободного передвижения людей внутри ЕС [Там же].

Действительно, мобильность без границ воспринимается населением Британии двояко — наплыв иммигрантов из бедных стран ЦВЕ не приветствуется, в то время как возможность «свободно получить работу в других странах ЕС» 76% опрошенных в 2014 г. назвали «очень важной» по сравнению с 67% в 1997 г. [5]. Следует заметить, что на проблему свободного передвижения людских ресурсов внутри ЕС в 2014—2015 гг. наслоилась острая фаза иммиграционного кризиса в связи с проблемой беженцев. В июне 2016 г. недовольство решением этого вопроса отмечалось не только в Соединенном Королевстве, но также в других странах ЕС. В каждой изученной стране подавляющее боль-

шинство не одобрило, как Брюссель справился с этой проблемой. Наиболее высокий процент недовольных среди греков (94%), шведов (88%) и итальянцев (77%). Наибольшее одобрение решения руководством ЕС кризиса беженцев было зафиксировано в Нидерландах, но и там эта поддержка составляла 31%. Борьба с экономическими проблемами ЕС являлась еще одним огромным источником недовольства. Около 92% греков посчитали, что ЕС неудовлетворительно справляется с продолжающимся экономическим кризисом, так же как 68% итальянцев, 66% французов и 65% испанцев, 59% шведов и 55% британцев, в том числе 84% сторонников ПНСК. Среди тех, кто одобрил экономическую политику Брюсселя – Польша и Германия (47%) [6].

24 июня 2016 г., на следующий день после референдума о выходе Британии из ЕС, когда были оглашены его окончательные результаты, глава консервативного правительства Д. Кэмерон заявил о своей отставке. 13 июля 2016 г. новым премьер-министром стала накануне и в нелегкой политической борьбе избранная лидером партии глава Министерства внутренних дел Т. Мэй. Нового главу кабинета стали называть «престолонаследницей» по причине ее прихода к власти без победы на выборах и сразу же неизбежно начали сравнивать с М. Тэтчер, первой в истории женщиной премьер-министром Соединенного Королевства. Коллеги характеризуют нынешнего руководителя правительства как жесткую, инстинктивно замкнутую, «чертовски сложную» женщину, крайне закрытого и амбициозного политика, несгибаемого в достижении поставленных целей и не проявляющего свои эмоции [7]. Сама же Т. Мэй подчеркивает свою преданность государству, приверженность и упорство в реализации национальных интересов, стремление к объективности и равноценному отношению ко всем гражданам страны. По сути, Т. Мэй оказалась «нужным человеком в нужном месте», олицетворяя собой образ надежности, стабильности и хладнокровия, необходимый стране в условиях выхода из Европейского союза. Когда новый премьерминистр вступила в должность, главным вопросом на повестке дня был процесс реализации результатов всенародного голосования о выходе Великобритании из Европейского союза.

Любопытно отметить, что до проведения референдума Т. Мэй выступала против выхода из ЕС, поскольку считала, что сохранение членства в Союзе поможет Британии поддерживать лидерские позиции в Европе и мире, обеспечит безопасность и процветание государства [8]. Однако после объявления итогов голосования она смогла повернуть свой политический курс на вывод страны из европейского коллективного партнерства. Т. Мэй особо подчеркнула, что «Брекзит означает Брекзит», окончательно отвергнув возможность проведения повторного референдума по этому вопросу. Четко обозначив свою позицию о необходимости проведения переговоров о реализации ст. 50 Лиссабонского соглашения не раньше конца 2016 г., она выполнила свое обещание в конце марта 2017 г., добившись со-

хранения на этот период статуса участника ЕС до заключения официального соглашения о выходе из объединения [7].

Отметив, что страна сделала свой выбор, а парламент взял на себя обязательство по его выполнению, Т. Мэй четко обозначила, что Соединенное Королевство покинет Евросоюз в марте 2019 г. Для того чтобы укрепить позиции на предстоящих переговорах, тори объявили о проведении досрочных выборов в Палату общин. В обычных условиях формирование следующей парламентской сессии должно было произойти в 2020 г. Всеобщие выборы в парламент Великобритании в обстоятельствах Брекзита были ожидаемы, но, как отметили критики, Т. Мэй поторопилась с их инициацией [9]. Это был третий случай досрочных всеобщих выборов после Второй мировой войны. В двух предыдущих (в 1970 г. и феврале 1974 г.) и премьер-министр, и его партия потерпели поражение, потеряв свои позиции. Избирательную кампанию премьер-министр строила вокруг решения вопроса о выходе страны из Евросоюза и делала упор на свой высокий на тот момент времени авторитет среди населения. В предвыборных заявлениях премьер-министр озвучила задачи формирования и распределения равных прав для всех граждан страны, снижения напряжения в кризисных сферах и укрепления сильных областей внутренней и внешней политики. Т. Мэй заявила, что не позволит только Брекзиту определять ее политический курс, пообещав претворить в жизнь радикальную программу социальных реформ на базе ценностей демократии торизма [10].

8 июня 2017 г. в Великобритании состоялись парламентские выборы. Т. Мэй возлагала большие надежды на результаты голосования, однако они не оправдали ее ожиданий – консерваторы потеряли большинство мест в парламенте. Тори набрали 316 мест – до парламентского большинства в 326 мест им не хватило всего 8 мест, и это при том, что до выборов они имели 330 мест в Палате общин. Такие итоги вызвали волну критики и негодования в адрес премьер-министра как среди британского политического истеблишмента, так и в рядах коллег по партии. И хотя эксперты прочили отставку премьер-министра в связи с такими провальными итогами выборов, Т. Мэй удалось удержаться в должности. Дж. Корбин, лидер лейбористов, получивших 261 место в парламенте, охарактеризовал результаты выборов как ошеломляющие и призвал премьерминистра подать в отставку [11].

Т. Мэй восприняла поражение партии как свое личное – волна критики со стороны коллег-консерваторов захлестнула ее с головой. Однако в своей речи после парламентских выборов она подтвердила, что сохранит пост премьер-министра для «выполнения обещаний о Брекзите» [12]. Признав провал предвыборной кампании Консервативной партии, Т. Мэй взяла на себя ответственность за допущенные ошибки и призвала не опускать руки и двигаться к реализации поставленных целей, в том числе для трансформации «Великой Бри-

тании» в «Глобальную Британию» и для восстановления Британской мечты [13]. Среди заявлений премьерминистра прозвучали такие требования, как ежегодное повышение финансирования Национальной службы здравоохранения, сохранение низких налогов, реформирование системы образования и профессиональной подготовки для обеспечения их широкой доступности населению, урегулирование вопроса о доступности жилья для широких слоев населения; решение проблемы выплат студенческих займов и предупреждение возникновения задолженностей по ним, отход от политики изоляционизма и полное вступление в НАТО [Там же]. Именно так, по мнению Т. Мэй, можно достичь восстановления главной цели - возрождения Британской мечты, заключающейся в том, чтобы каждое последующее поколение имело больше возможностей, чем предыдущее [Там же]. Такие политические установки явно соответствуют твердому курсу на Брекзит и укрепление роли Британии в мировых делах уже после выхода из Европейского союза.

В результате выборов тори пришлось заключить соглашение о поддержке с Демократической Юнионистской партией (ДЮП) — националистической партией Северной Ирландии. Соглашение не означает создания коалиции: ДЮП не получила министерские портфели, но по достигнутому соглашению взяла на себя обязательство голосовать вместе с тори по Тронной речи королевы, в которой обычно излагается перечень законопроектов правительства [14. С. 10–11]. Вслед за формированием правительства 19 июня 2017 г. британский министр по выходу из Евросоюза Д. Дэвис и представитель ЕС М. Барнье начали переговоры по реализации ст. 50 Лиссабонского договора. Брекзит стал обретать конкретные черты.

21 июня 2017 г. королева Елизавета II в Палате лордов Вестминстерского дворца произнесла традиционную Тронную речь, открывающую новую парламентскую сессию. Ожидалось, что церемония открытия сессии станет политической коронацией Т. Мэй, однако выступление монарха стало лишь подтверждением провала премьер-министра – ее планы по реализации внешнеполитических реформ потеряли свою амбициозность после утраты Консервативной партией большинства [15]. Выступление было воспринято общественностью внутри страны и за ее пределами неоднозначно. Эксперты обратили внимание на три факта: во-первых, послание королевы было довольно коротким, во-вторых, оно представило программу парламента на два года вместо одного и, в-третьих, носило довольно осторожный и, как посчитали СМИ, необязательный характер.

Кабинет тори, готовивший текст Тронной речи, объяснил продление парламентской сессии двухлетним периодом переговоров с Евросоюзом, поэтому логично, что столько же продлится и парламентская сессия, центральной темой повестки которой станут разработка новой законодательной базы и решение проблем, связанных с Брекзитом. Оппозиционные партии посчита-

ли, что реальная причина кроется в том, что консерваторы опасаются «не протащить» вторую Тронную речь королевы через парламент [16].

Несмотря на то, что заявленная сессия парламента предусматривает довольно большой объем работы, королева в своем послании была довольно краткой, уместив повестку дня правительства на трех листах, хотя эксперты справедливо замечают, что многие вещи не попали в Тронную речь явно не потому, что им не хватило места [Там же]. Главной проблемой попрежнему остается Брекзит – из 27 предложенных законов восемь относились к выходу Британии из Европейского союза и его последствиям в миграционном вопросе, вопросе о санкциях и ядерной безопасности [17]. Содержание речи не включило многие меры, объявленные Консервативной партией в предвыборной кампании и не получившие поддержки общественности. Так, например, были упущены вопросы об отмене бесплатных школьных обедов для младших школьников, об исключении жилья из так называемых «несгораемых» активов, которые не могут быть проданы после смерти человека для выплаты долгов за оказанную социальную помощь («налог на деменцию»). Королева также не подняла проект, представленный лично Т. Мэй, о возрождении школ для одаренных людей, не сказала ни слова об обещании премьер-министра вернуть традиционный досуг британской аристократии охоту на лис, обошла вниманием планирующийся визит президента Соединенных Штатов Д. Трампа.

Проблемам иммиграции почти не было уделено внимания. Королева заявила: «Будет внесен законопроект об отмене европейского законодательства, задачей которого будет обеспечение определенности для людей и бизнеса. Этот законопроект будет дополнен другими законопроектами, направленными на то, чтобы Соединенное Королевство добилось успеха в реализации Брекзита. Это предполагает разработку национальных стратегий в сферах миграции, международных санкций, ядерной безопасности, сельского хозяйства и рыболовства». Также правительство взяло на себя обязательство подготовить законопроект о торговле, который создаст законодательную основу для заключения соглашений о свободной торговле с неевропейскими странами после Брекзита [16].

В целом послание королевы Елизаветы II выглядело довольно осторожным и общим, подтверждая неоднократно звучавшие заявления премьер-министра о выходе из ЕС, вопросах экологии, транспорта и торговли, а также об участии в мирном урегулировании ближневосточного конфликта и борьбе с терроризмом. Таким образом, королеве удалось избежать полного разрушения твердой позиции Т. Мэй, однако критика лидера правительства продолжается до сих пор [18]. Противоречие между утверждением Т. Мэй о реализации «стабильного и крепкого правительства» под ее началом и тем хаосом, который произвели досрочные парламентские выборы, вызвал недоумение и в рядах британского истеблишмента, и среди простых обывателей. Экс-

перты подвергали сомнению «жизнеспособность» «подвешенного» парламента нынешнего премьер-министра, несмотря на ее заверения об отказе от ухода в отставку и о стремлении сотрудничества с юнионистами.

Во время партийной конференции в начале октября 2016 г. Т. Мэй подчеркнула, что правительство будет придерживаться степенных, длительных, эффективных и в то же время жестких переговоров с Брюсселем, особенно в отношении миграционного и торгового вопросов [19]. Премьер-министр уточнила, что будет формироваться «новое и глубокое партнерство между сильным, успешным Европейским союзом и суверенным Соединенным Королевством... которое позволит продолжить торговлю и сотрудничество друг с другом» [13]. Однако как эти намерения будут выглядеть на практике, пока неясно.

Тем временем Лондон и Брюссель на протяжении нескольких месяцев вели сложные переговоры, на которых основными спорными вопросами являлись сумма компенсации, которую Лондон должен выплатить за выход из ЕС, защита прав 3,2 млн граждан ЕС, живущих в Соединенном Королевстве, и открытость границы Великобритании с Ирландией [20]. 8 декабря 2017 г. на совместной пресс-конференции с британским премьером Т. Мэй председатель Еврокомисиии Ж.-К. Юнкер рекомендовал перейти ко второму этапу переговоров о Брекзите. «Нам еще предстоит много сделать, однако мы готовы добиваться отсутствия жесткой границы между (остающейся в ЕС) Ирландией и (находящейся в составе Великобритании) Северной Ирландией», - пояснил председатель Еврокомиссии. По финансовым вопросам удалось добиться согласия обеих сторон на продолжение реализации ключевых программ ЕС, в частности по обменам или научным исследованиям. В свою очередь Т. Мэй заявила, что «Великобритания нацелена на глубокое партнерство и особые отношения с ЕС. Этому будет посвящена вторая фаза переговоров». Великобритания должна покинуть ЕС 29 марта 2019 г [21]. Что касается прав более чем 3 млн граждан стран ЕС, проживающих сейчас в Британии, и 1 млн британцев, живущих в других странах Евросоюза, то достигнута договоренность, что права жителей из других стран Евросоюза будут полностью защищены в соответствии с британским законодательством, на граждан Британии, проживающих в ЕС, будет попрежнему распространяться юрисдикция Суда ЕС [Там же]. Сумма «отступных», которую заплатит Британия, по словам Т. Мэй, составит 39-43 млрд евро [22]. 14-15 декабря 2017 г. результаты этих договоренностей были зафиксированы на очередном саммите ЕС в Брюсселе.

В ноябре 2017 г. правительство Т. Мэй представило на рассмотрение парламента проект таможенного и торгового законодательства, которое вступит в силу после выхода страны из ЕС. Своей ключевой задачей Великобритания называет сохранение максимально выгодных торговых условий со странами Евросоюза, а также получение возможности заключать таможенные

соглашения с каждым из участников европейского экономического блока отдельно. Однако предсказать, насколько успешно удастся реализовать эти задачи в условиях подвижности политической ситуации как внутри самой Британии, так и в странах Евросоюза, невозможно.

Итоги референдума о выходе Соединенного Королевства из состава Евросоюза поставили не только вопросы экономического, политического и социального порядка, они, прежде всего, стали отражением кризиса национальной и общеевропейской идентичности в Британии. Сохраняется атмосфера неопределенности, артикулируются опасения населения о том, что Брекзит будет иметь больше негативных, чем положительных последствий. Итоги референдума вызвали хаос и за пределами страны - и среди выходцев Соединенного Королевства, проживающих за границей, и в других государствах. Великобритании и британцам придется самоопределиться - как на внешнеполитическом уровне, так и на уровне коллективного самосознания внутри страны - и выработать новое отношение к Евросоюзу, своей истории и своему будущему.

Международная неправительственная интернеторганизация YouGov со штаб-квартирой в Британии, осуществляющая социологические исследования, после референдума продолжает отслеживать динамику общественного мнения - только теперь на тему отношения населения к итогам голосования о выходе страны из Европейского союза. Согласно опросам, в марте 2017 г. 44% респондентов одобряли Брекзит против 43%, назвавших выход Британии из ЕС «ошибочным шагом». При этом 48% респондентов считают Т. Мэй политиком, способным договориться о «хорошей сделке с EC». Выбирая же между свободой торговли и контролем над иммиграцией, 16% ответили, что для них большое значение имеет контроль над иммиграцией из стран ЕС в Британию, 24% заявили о важности свободной торговли без барьеров, 40% считают, что если такое возможно, то следует и сохранить свободную торговлю, и полностью взять под контроль иммиграционные вопросы, 19% затруднились с ответом. При этом только 27% опрошенных выступают за проведение повторного референдума, следовательно, большая часть населения «смирилась» с произошедшим, тем более что правительство Т. Мэй не допускает никаких двойственных интерпретаций своих действий и твердо настроено на выход из ЕС [23].

Итоги опросов свидетельствуют также о том, что внутри Британии по-прежнему наблюдается раскол населения на противников и сторонников Брекзита, попрежнему острым остается вопрос о миграционном контроле и свободной торговле с ЕС. Правительство Т. Мэй не педалирует сложившуюся ситуацию, всячески подчеркивая, что следует воле большинства. Твердость взятого курса усиливает даже такая деталь: принято решение, что британские паспорта, выпущенные после октября 2019 г., будут темно-синими и золотыми, заменив текущую бордовую модель. Правительство заявило, что новый паспорт, который будет включать обновленные функции и технологии, будет одним из самых безопасных в мире. Б. Льюис, министр иммиграции Великобритании, заявил: «Выход из ЕС дает нам уникальную возможность восстановить нашу национальную идентичность и создать для нас новый путь в мире. Вот почему я рад объявить, что британский паспорт вернется к знакомому синему и золотому дизайну после того, как мы покинем Европейский союз в 2019 г.» [24].

Наиболее сложный раунд переговоров по выходу из Евросоюза у Британии впереди. И пока страна пытается «отчалить» от континента с наименьшими потерями и в надежде на восстановление национальной идентичности, в самой континентальной части Евросоюза наблюдается подъем общеевропейского самосознания. По данным Евробарометра, 68% населения стран Евросоюза (за исключением Британии) «считают себя гражданами EC» [25]. Рост еврооптимистов сопровождается увеличением доли респондентов, благоприятно оценивающих экономическое развитие ЕС. Таким образом, Брекзит не вызвал, вопреки прогнозам некоторых экспертов, эффект «домино», хотя в долгосрочной перспективе, если выход из Евросоюза пройдет удачно и Великобритания сможет найти себя в новом интеграционном формате, например вернувшись в состав Европейской ассоциации свободной торговли, и продемонстрирует достойный пример для подражания, ситуация может кардиальным образом измениться.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Хахалкина Е.В. Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.). // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 47–58.
- 2. Number of EU migrants working in UK rises to record level. URL: https://www.theguardian.com/world/2016/may/18/number-of-eu-migrantsworking-in-uk-rises-to-record-level (дата обращения: 10.12.2017).
- 3. Office for National Statistics. International Immigration and the Labour Market, UK: 2016. URL: https://www.ons.gov.uk/ peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/migrationandthelabourmarketuk/2016 (дата обращения: 27.12.2017).
- 4. United Kingdom. Socio-Demographic trendlines EP Eurobarometer (2007–2015). Identity and European Citizenship. March 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2015/national/socio_demographic_identity_Citizenship_uk.pdf (дата обращения: 21.12.2017).
- 5. Britain and Europe: Are We all Eurosceptics now? British Social Attitudes 32. URL: http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/38975/bsa32_eu.pdf
- 6. Euroscepticizm beyond Brexit. URL: http://www.pewglobal.org/2016/06/07/euroskepticism-beyond-brexit/
- 7. Wheeler B., Stamp G. Who is Theresa May? A profile of the Conservative leader. URL: http://www.bbc.com/news/election-2017-39809420 (дата обращения: 13.11.2017).
- 8. Theresa May's speech on Brexit: full text. URL: http://www.conservativehome.com/parliament/2016/04/theresa-mays-speech-on-brexit-full-text.html (дата обращения: 13.11.2017).
- 9. Merrick J. How Theresa May's "Brexit election" strategy backfired. URL: http://edition.cnn.com/2017/06/09/world/uk-election-theresa-may-brexit-strategy-backfired/index.html (дата обращения: 13.11.2017).
- 10. How Theresa May's "Brexit election" strategy backfired. URL: http://edition.cnn.com/2017/06/09/world/uk-election-theresa-may-brexit-strategy-backfired/index.html (дата обращения: 04.12.2017).

- 11. Королева разрешила Терезе Мэй сформировать правительство. URL: http://www.bbc.com/russian/news-40224361 (дата обращения: 30.11.2017).
- 12. Theresa May's response to election results speech: Read it in full. URL: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-election-results-response-speech-hung-parliament-read-in-full-a7781696.html (дата обращения: 13.11.2017).
- 13. Theresa May's Conservative conference speech, full text. URL: https://blogs.spectator.co.uk/2017/10/theresa-mays-conservative-conference-speech-full-text/ (дата обращения: 12.12.2017).
- 14. Ананьева Е. Разобщенная Европа // Современная Европа. 2017. № 5. С. 5–15.
- 15. В Брюсселе начались переговоры о выходе Британии из Евросоюза. URL: http://www.bbc.com/russian/news-40327387 (дата обращения: 29.11.2017).
- Тронная речь Королевы Елизаветы II: все «опасное» для премьера осталось за скобками. URL: https://ria.ru/world/20170621/1497034038.html (дата обращения: 22.12.2017).
- 17. Речь королевы в парламенте: главная тема «Брексит». URL: http://www.bbc.com/russian/features-40360761 (дата обращения: 23.11.2017)
- 18. Masters J. Theresa May's nightmare speech: a prankster, a lost voice and a stage-set fail. URL: http://edition.cnn.com/2017/10/04/europe/theresa-may-speech-disaster-conservative-party-conference/index.html (дата обращения: 30.10.2017).
- 19. Prime Minister: Britain after Brexit: A Vision of a Global Britain. URL: http://press.conservatives.com/post/151239411635/prime-minister-britain-after-brexit-a-vision-of (дата обращения: 23.12.2017).
- 20. ЕС и Великобритания достигли прорыва на переговорах о Брекзите. URL: http://www.dw.com/ru/ес-и-великобритания-достигли-прорывана-переговорах-о-брекзите/а-41706124 (дата обращения: 24.12.2017).
- 21. Великобритания и ЕС достигли прогресса на переговорах по «Брекситу». URL: https://www.kommersant.ru/doc/3489587 (дата обращения: 24.12.2017).
- 22. The EU "divorce bill". URL: https://fullfact.org/europe/eu-divorce-bill/ (дата обращения: 26.12.2017).
- 23. Attitudes to Brexit: Everything we know so far. URL: https://yougov.co.uk/news/2017/03/29/attitudes-brexit-everything-we-know-so-far/ (дата обращения: 06.01.2017).
- 24. British passports will be navy blue after Brexit, says Home Office. URL: https://www.theguardian.com/politics/2017/dec/22/british-passports-will-be-navy-blue-after-brexit-says-home-office (дата обращения: 02.12.2017).
- 25. More Europeans than ever say they feel like citizens of the EU. URL: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-brexit-european-union-citizens-feel-like-eurobarometer-survey-results-a7872916.html (дата обращения: 09.12.2017).

Kuznetsova Maria A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru Khakhalkina Elena V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 79528818483@yandex.ru THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF BRITAIN'S NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF BREXIT Keywords: Great Britain; national identity; Brexit; EU identity; mobility; migration.

The referendum on the withdrawal of the United Kingdom from the European Union, destiny for the future of Great Britain, Europe and the whole system of international relations, inevitably led to an exacerbation of the difficult for many years and even decades of painful issues that split the country's population. To such, undoubtedly, concerns the problem of national identity, almost throughout the entire duration of the stay of Britain in the EU, formed on the basis of opposing the attempts of the European Communities / European Union to form a common European identity. The article is based on the study of public opinion materials, the press, statements of politicians and experts, and is devoted to the transformation of the national identity of Great Britain, the integral element of which is Euroscepticism, in the conditions of the ongoing negotiations between London and Brussels on the country's exit from the European Union.

Great Britain consistently rejected and accepted the essential initiatives of the "United Europe", aimed at building a common space in different spheres. For example, by signing the Single European Act in 1985 and agreeing to a single internal market, the country was not included in the Schengen Agreement and was sceptical of the freedom of movement of labor. British identity itself was strengthened in conditions of opposition to the attempts of the European Union to form a common European identity, one of the elements of which was "Europe without borders". Formed over many decades, Euroscepticism has become a key component of British national identity: pushing away from the continent, Britain became more united. The abolition of control over internal borders over time and a marked weakening at the external borders with the accession of the states of Central and Eastern Europe to the EU led to increased fears of British citizens about the beginning of uncontrolled immigration. It was the return of control over immigration from the EU countries that became one of the reasons for the victory of the Brexit supporters. The number of labor resources from the EU to the UK has been increasing in recent years, but it could not be called critical.

In Britain, there is still a division of the population into opponents and supporters of Brexit. The government of T. May does not pedal the situation, stressing in every possible way that the will of the majority follows. The article concludes that despite the partial satisfaction of the demands of Brexit supporters during the first round of negotiations, the country is split and the question of the future of collective self-consciousness of Britain remains open.

REFERENCES

- 1. Khakhalkina, E.V. (2015) UK Immigration Policy (from 2010-2015). Sovremennaya Evropa Contemporary Europe. 4(64). pp. 47-58. (In Russian).
- 2. The Guardian. (2016) Number of EU migrants working in UK rises to record level. 18th May. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2016/may/18/number-of-eu-migrantsworking-in-uk-rises-to-record-level. (Accessed: 10th December 2017).
- 3. The UK Government. (2016) Office for National Statistics. International Immigration and the Labour Market, UK: 2016. [Online] Available from: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/migrationandthelabourmarketuk/20 16. (Accessed: 27th December 2017).
- 4. United Kingdom. (n.d.) Socio-Demographic trendlines EP Eurobarometer (2007-2015). Identity and European Citizenship. March 2016. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2015/national/socio_demographic_identity_Citizenship_uk.pdf. (Accessed: 21st December 2017)
- 5. United Kingdom. (n.d.) Britain and Europe: Are We all Eurosceptics now? *British Social Attitudes*. 32. [Online] Available from: http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/38975/bsa32_eu.pdf.
- 6. Stokes, B. (2016) Euroscepticizm beyond Brexit. [Online] Available from: http://www.pewglobal.org/2016/06/07/euroskepticism-beyond-brexit/.
- 7. Wheeler, B. & Stamp, G. (2017) Who is Theresa May? A profile of the Conservative leader. [Online] Available from: http://www.bbc.com/news/election-2017-39809420. (Accessed: 13th November 2017).
- 8. May, T. (2016) *Theresa May's speech on Brexit: full text.* [Online] Available from: http://www.conservativehome.com/parliament/2016/04/theresa-mays-speech-on-brexit-full-text.html. (Accessed: 13th November 2017).

- 9. Merrick, J. (2017a) How Theresa May's "Brexit election" strategy backfired. [Online] Available from: http://edition.cnn.com/2017/06/09/world/uk-election-theresa-may-brexit-strategy-backfired/index.html. (Accessed: 13th November 2017).
- 10. Merrick, J. (2017b) How Theresa May's "Brexit election" strategy backfired. [Online] Available from: http://edition.cnn.com/2017/06/09/world/uk-election-theresa-may-brexit-strategy-backfired/index.html. (Accessed: 4th December 2017).
- 11. BBC.co.uk. (2017) Koroleva razreshila Tereze Mey sformirovat' pravitel'stvo [The Queen allowed Teresa May to form a government]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/news-40224361. (Accessed: 30th November 2017).
- 12. Independent.co.uk. (2017) Theresa May's response to election results speech. [Online] Available from: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-election-results-response-speech-hung-parliament-read-in-full-a7781696.html. (Accessed: 13th November 2017).
- 13. May, T. (2017) Theresa May's Conservative conference speech. [Online] Available from: https://blogs.spectator.co.uk/2017/10/theresa-mays-conservative-conference-speech-full-text/. (Accessed: 12th December 2017).
- 14. Ananyeva, E. (2017) Divided Britain. Sovremennaya Evropa. 5. pp. 5-15. (In Russian).
- 15. BBC.com. (2017a) V Bryussele nachalis' peregovory o vykhode Britanii iz Yevrosoyuza [Negotiations on Brexit begin in Brussels]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/news-40327387. (Accessed: 29th November 2017).
- 16. RIA. (2017) Tronnaya rech' Korolevy Yelizavety II: vse "opasnoye" dlya prem'yer ostalos' za skobkami [Throne speech of Queen Elizabeth II: everything "dangerous" for the prime minister remained behind the brackets]. [Online] Available from: https://ria.ru/world/20170621/1497034038.html. (Accessed: 22nd December 2017).
- 17. BBC.com. (2017b) Rech' korolevy v parlamente: glavnaya tema "breksit" [The Queen's speech in Parliament: the main theme is "Brexite"]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/features-40360761 (Accessed: 23rd November 2017).
- 18. Masters, J. (2017) Theresa May's nightmare speech: a prankster, a lost voice and a stage-set fail. [Online] Available from: http://edition.cnm.com/2017/10/04/europe/theresa-may-speech-disaster-conservative-party-conference/index.html. (Accessed: 30th October 2017).
- 19. May, T. (n.d.) *Prime Minister: Britain after Brexit: A Vision of a Global Britain*. [Online] Available from: http://press.conservatives.com/post/151239411635/prime-minister-britain-after-brexit-a-vision-of. (Accessed: 23rd December 2017).
- 20. Deutsche Welle. (2017) ES i Velikobritaniya dostigli proryva na peregovorakh o Brekzite [The EU and the United Kingdom have reached a breakthrough in the Brexite negotiations]. [Online] Available from: http://www.dw.com/ru/ec-i-velikobritaniya-dostigli-proryva-na-peregovorakh-o-brekzite/a-41706124. (Accessed: 24th December 2017).
- 21. Kommersant.ru. (2017) *Velikobritaniya i ES dostigli progressa na peregovorakh po "Breksitu"* [The UK and the EU have made progress in negotiations on Brexit]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/3489587. (Accessed: 24th December 2017).
- 22. Fullfact.org. (2018) The EU "divorce bill". [Online] Available from: https://fullfact.org/europe/eu-divorce-bill/ (Accessed: 26th January 2018)
- 23. Wells, A. (2017) Attitudes to Brexit: Everything we know so far. [Online] Available from: https://yougov.co.uk/news/2017/03/29/attitudes-brexit-everything-we-know-so-far/. (Accessed: 6th January 2017).
- 24. Greenfield, P. (2017) British passports will be navy blue after Brexit, says Home Office. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/politics/2017/dec/22/british-passports-will-be-navy-blue-after-brexit-says-home-office. (Accessed: 2nd December 2017).
- 25. Stone, J. (2017) More Europeans than ever say they feel like citizens of the EU. [Online] Available from: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-brexit-european-union-citizens-feel-like-eurobarometer-survey-results-a7872916.html. (Accessed: 9th December 2017).

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/53/12

О.В. Метель

ДИСКУССИЯ НА «ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА» И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В 1920–1930-е гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50040.

Автор обращается к изучению материалов нескольких дискуссий, прошедших в СССР в 1930–1931 гг. на «западном участке исторического фронта». Автор полагает, что дискуссии о германской социал-демократии, буржуазных историках Запада в СССР и достижениях советских историков-марксистов в области анализа истории промышленного капитализма и империализма носили схожий характер. Они были призваны подвести черту под предшествующим этапом развития советской «западноисторической» науки и «мобилизовать» историков на решение политически актуальных проблем. Названные обсуждения сыграли значительную роль в утверждении партийного контроля над советской исторической наукой.

Ключевые слова: советская историография; история Запада; Коммунистическая академия; Общество историков-марксистов; Коминтерн.

Период 1920 – начала 1930-х гг. вошел в историю советской исторической науки как время кардинальных перемен, приведших к превращению исследовательской традиции в особый участок «идеологического фронта», на котором, так же как и на других «фронтах», шли непрерывные «бои» за построение социализма. В этих «сражениях» рождались базовые черты советской историографии, одной из которых стала идея практической полезности исторического знания для нужд социалистической реконструкции. Как утверждал М.Н. Покровский, основная задача историков должна заключаться в соединении теории с практикой, «в увязке той исторической работы, которую мы ведем, с борьбой пролетариата против наемного рабства» [1. С. 7]. Одним из этапов этой борьбы за практическую полезность истории стала так называемая дискуссия на «западном участке исторического фронта», прошедшая, согласно устоявшейся традиции, в стенах исторического Института красной профессуры в феврале-мае 1931 г. и имевшая широкий резонанс. В отечественной историографии о ней известно немного. Фактически, мы располагаем лишь общими сведениями о ходе развернувшихся прений, представленными в отдельных трудах по истории советской новистики [2. С. 315-318; 3. С. 21]. Однако изображенная в них картина прошедших событий оказывается отнюдь не бесспорной. Так, на наш взгляд, их авторы неоправданно игнорировали общий контекст, в котором протекала дискуссия, лишая читателя возможности понять ее значение для развития советской исследовательской традиции. В рамках настоящей статьи мы, напротив, рассмотрим материалы обсуждений, развернувшихся в советской «западноисторической» науке, в контексте общей эволюции советской новистики рубежа 1920-1930-х гг. Для решения поставленной задачи нами будут использованы материалы прений, опубликованные в советской печати (журналы «Историк-марксист», «Борьба классов», «Пролетарская революция», «Вестник Коммуни-

стической академии») и сохранившиеся в фондах отечественных архивов (Архив РАН, РГАСПИ).

Дискуссия на «западном участке исторического фронта», на наш взгляд, стала «заключительным аккордом» в череде обсуждений проблем, накопившихся к началу 1930-х гг. в данной отрасли знания. В частности, ей предшествовали прения в Обществе историковмарксистов и Институте истории Коммунистической академии по вопросу об эволюции германской социалдемократии и «вредительстве» буржуазных историков, работавших после революции в СССР [4, 5]. Проходившие в обстановке «поворота» исторического фронта к решению актуальных проблем социалистического строительства и борьбы с «правыми и левыми уклонами», они, как и многие другие диспуты конца 1920 начала 1930-х гг., не являлись строго научными прениями, предполагающими обсуждение спорных вопросов на основе принципов научной объективности и взаимного уважения участников [6]. Напротив, данные дискуссии напоминали политические процессы того времени, сочетая элементы научной критики с политическими обвинениями и «разоблачениями» оппонентов. Их общая цель состояла в борьбе с «правыми и левыми уклонами», также обнаруживаемыми в исследовательском пространстве, как и в политическом.

Поводом к началу дискуссии о германской социалдемократии, давно являвшейся объектом исследовательского интереса со стороны советских историков, стремившихся доказать факт ее «перерождения», послужила публикация в XVI томе БСЭ статьи А.А. Зиновьева, признанной его оппонентами ошибочной. Последние полагали, что автор не учел проблему центризма и представил развитие социал-демократического движения в Германии в ложном свете [4. С. 86]. Собравшиеся должны были исправить ошибки А.А. Зиновьева и предложить подлинную марксистскую концепцию истории германской социалдемократии, учитывающую все этапы ее эволюции. О.В. Метель

Однако это стремление к поиску истины было отнюдь не единственным побудительным мотивом участников прений. Фактически, их важнейшая задача состояла в том, чтобы доказать, что именно большевики являлись идейными наследниками К. Маркса и Ф. Энгельса, которым, в отличие от их немецких оппонентов, удалось сохранить подлинный революционный дух марксизма. А раз так, то и право трактовать марксизм отныне должно было принадлежать только советским лидерам.

Дискуссия о «буржуазных историках Запада в СССР», в свою очередь, являлась прямым продолжением «академического дела», приведшего к аресту С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других отечественных историков и краеведов, обвиненных в контрреволюционной деятельности [7]. Стремясь выяснить «идейную связь между буржуазной исторической наукой и интересами того класса, который она представляла», участники прений обрушились с критикой на идеи Е.В. Тарле, Д.М. Петрушевского, Н.И. Кареева и других специалистов-«всеобщников», уличая их в различных грехах, начиная от реабилитации государства и заканчивая методологической слабостью и эклектизмом. Особенно сильной была критика в адрес «антантофила» Е.В. Тарле [8. С. 14], являвшегося, по словам Н.М. Лукина, наиболее «вредным» элементом из всех буржуазных историков, работавших после революции в СССР, так как, в отличие от других, он искусно маскировался под марксизм, проталкивая «под видом марксизма абсолютно чуждые и враждебные марксизму концепции» [5. С. 48]. Столь же резкой критика в адрес Е.В. Тарле была и со стороны его ленинградских коллег, поручивших подвести итоги его научной деятельности директору Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии Г.С. Зайделю, который в специальном докладе постарался «обнажить классовое лицо» бывшего академика и доказать, что все его идеи враждебны марксизму [9. С. 8]. Борьба против «буржуазных историков» на «внутреннем фронте» дополнялась борьбой советских ученых с «внешними врагами». В 1930 г. в их число вошел бывший «друг советской России» А. Матьез, из-за своих резких протестов против ареста Е.В. Тарле обвинявшийся в переходе на позиции мелкобуржуазной идеологии [10].

Дискуссия на «западном участке исторического фронта» являлась логичным продолжением подобных обсуждений, только на этот раз огонь критики был направлен не на очевидных оппонентов – ревизионистов из рядов социал-демократии или буржуазных ученых, а на лидеров советских историков-марксистов, специализировавшихся в области истории Запада (Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд, В.П. Волгин и др.). Как мы указывали ранее, начало данной дискуссии принято относить к февралю 1931 г., когда по инициативе кафедры по истории международного рабочего движения и Коминтерна Международной ленинской школы состоялось заседание широких кругов историков-марксистов СССР, посвященное обсуждению резолю-

ции, подготовленной названным центром. Базовая идея представленного документа заключалась в том, что советские историки не оправдали «кредит доверия», выданный им партией, правительством и мировым коммунистическим движением. «К ответу» ученых должны были призвать лидеры ИККИ – Д.З. Мануильский и В.Г. Кнорин, подготовившие программные статьи, в которых они предъявили историкам-марксистам «иск», обвиняя их в неумении разработать вопросы, являющиеся основными для развертывания нормальной работы секций Коминтерна [11-12]. Вполне в духе времени настаивая на увязке теории с практикой, они требовали перенести центр тяжести исследовательской работы советских специалистов в области истории Запада на изучение послевоенного периода, сделав предметом своих изысканий проблемы империализма, послевоенного рабочего и революционного движения в их связи с деятельностью Коминтерна, эволюцию социал-демократии в сторону социал-фашизма и другие политически актуальные и злободневные сюжеты. К изучению заявленных тем советским ученым следовало подходить, вооружившись марксистско-ленинской методологией и координируя свою работу с руководителями Коммунистического Интернационала и профдвижения. Другие участники прений (Н.М. Лукин, Г.С. Фридлянд и др.) в целом выражали согласие с позицией лидеров ИККИ, хотя и пытались более взвешенно оценить результаты работы коллег, отмечая их очевидные заслуги в изучении эпохи промышленного капитализма [13]. Итогом дискуссии стала резолюция, принятая 21 июля 1931 г. Президиумом Коммунистической академии, в состав которой в это время входили Институты красной профессуры. Фиксируя наличие в СССР исключительно благоприятных условий для разработки проблем истории Запада, Президиум, однако, отмечал целый ряд недостатков, выявленных в трудах «бойцов» этого фронта. К числу таковых, в частности, относились недооценка историками ленинского наследия, проникновение в их работу ошибочных либеральных и социал-демо-кратических идей, приведших к «уклонам» в работе не только очевидных оппортунистов (Д.Б. Рязанов, Яроцкий), но и многих руководите-«исторического фронта» (H.M. Лукин, Г.С. Фридлянд, Г.С. Зайдель, В.П. Волгин и др.). Против обвинений в адрес Н.М. Лукина, А.Ф. Ротштейна, В.П. Волгина и других видных советских ученых протестовал М.Н. Покровский, обратившийся к Президиуму с письмом, в котором ставил под сомнение необходимость подобной разгромной критики, не сопровождающейся отстранением названных ученых от занимаемых ими должностей [14. Л. 128]. Для того чтобы исправить сложившуюся ситуацию, Президиум призывал в кратчайшие сроки произвести решительную перестройку «западноисторического фронта», намечая ряд шагов в данном направлении. В первую очередь, в резолюции был очерчен круг тем, к изучению которых надлежало приступить специалистам по истории Запада. Как того и требовали В.Г. Кнорин и Д.З. Мануильский, в их число вошли сюжеты по истории послевоенного рабочего движения, Коминтерна, фашизма, «военной и послевоенной социал-демократии», империалистической войны, профессионального движения, колониализма и крестьянских движений [15. С. 50-51]. Далее Президиум настаивал на необходимости обратиться к ленинскому наследию, увязать планы работы исследователей с задачами Коминтерна и Профинтерна, ввести ответственных работников данных структур в число руководителей советских исследовательских учреждений исторического профиля, подготовить новые «политически выдержанные» учебники по истории послевоенной эпохи, обеспечить организацию тематических библиографических работ и публикацию соответствующих документальных материалов [Там же. С. 51].

Вынужденные принять навязываемые им правила игры, советские ученые отреагировали на прозвучавшие призывы началом очередной кампании критики и самокритики. Первые шаги в данном направлении были сделаны лидером советских новистов того времени Н.М. Лукиным, опубликовавшим в ближайшем номере журнала «Историк-марксист» передовую статью, призывающую бросить все силы на оплату «векселя», предъявленного советской «западноведческой» науке Коминтерном [16]. Во многом повторив сказанное им ранее, Н.М. Лукин признал справедливость критики, прозвучавшей в адрес советских историков Запада, не сумевших оправдать возлагавшиеся на них надежды, однако, вновь подчеркнул вклад советских ученых в разработку истории революционного движения эпохи промышленного капитализма, также имевшей серьезное политическое значение для современного этапа классовой борьбы. «Разработкой таких проблем, как 9 термидора, они [советские ученые] боролись с устряловской и троцкистской клеветой о неизбежности перерождения нашей партии и советской власти», утверждал Н.М. Лукин [Там же. С. 4]. Вслед за Н.М. Лукиным на путь самокритики встал Г.С. Зайдель. На открытом заседании, прошедшем летом 1931 г. в Ленинградском отделении Коммунистической академии, он подчеркнул абсолютную справедливость критики, обрушившейся на историков-западников за их нежелание дать должный отпор социал-демократической идеологии и выводам буржуазно-рязановского блока [17. Л. 5, 28]. В подобных «грехах», по его мнению, были повинны все советские специалисты по истории Запада, или допускавшие, как М. Лукин и сам Г.С. Зайдель, серьезные теоретико-методологические ошибки, или уличенные, как А.А. Зиновьев и А.Ф. Ротштейн, в правом оппортунизме, или испытавшие, как Г.С. Фридлянд и А. Бернштейн, влияние левого оппортунизма [Там же. Л. 21]. Для преодоления общего отставания «западного участка исторического фронта» от решения задач соцстроительства его «бойцам», как того и требовала резолюция Комакадемии, необходимо было вооружиться ленинским наследием и обратиться к решению актуальных проблем послевоенной истории. По устоявшейся традиции самокритика была дополнена критикой в адрес историков со стороны их коллег. Причем к обсуждению подключились не только столичные, но и провинциальные специалисты, связанные с Обществом историков-марксистов. Уже в июне 1931 г. на конференции ячеек содействия Общества историковмарксистов в адрес Г.С. Зайделя, С.М. Моносова, Г.С. Фридлянда и Н.М. Лукина прозвучали обвинения в неверной постановке проблемы империализма, отличающейся (особенно в работах Н.М. Лукина) излишним академизмом [18]. В Казани работники Восточного педагогического института и Татарского коммунистического университета и вовсе предложили исправить ошибки московских и ленинградских коллег, проведя критику всех антимарксистских построений, все еще находивших отражение в советской учебной литературе [19. Л. 1].

Для советской новистики и дискуссия на «западном участке исторического» фронта, и предшествующие ей обсуждения истории германской социал-демократии и наследия буржуазных историков Запада, в первую очередь, выступали формой мобилизации историков на решение конкретных политических задач. Благодаря им, как мы не раз указывали ранее, в историографии утвердилась идея практической пользы данной отрасли знания для нужд социалистического строительства, в дальнейшем превратившейся в представление об обязательной актуальности всех проводимых изысканий не столько для конкретной отрасли знания, сколько для общества в целом. Кроме того, итогом дискуссии стала легитимация права властных структур вмешиваться в выбор историком и исследовательской проблемы, и инструментария для ее решения (окончательно это право утвердится после публикации в декабре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» печально знаменитого письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» [20. С. 440-441]). Подобное положение было вполне логичным, учитывая, что историки, даже не являясь членами партии, были ее «бойцами», сражающимися с идеологическим «врагом» на вверенном им участке «фронта», и, следовательно, подлежали партийному контролю. Последний мог проявляться по-разному. В 1930-е гг. он заявлял о себе и при решении кадровых вопросов, когда многие представители первого поколения историков-марксистов были арестованы из-за идеологических ошибок или связей с троцкистами и представителями правой оппозиции; и при разработке конкретных исследовательских тем и сюжетов, когда даже в условиях отказа от преимущественного изучения событий современности советские новисты, в гораздо большей степени, чем антиковеды или медиевисты, испытывали на себе идеологическое воздействие со стороны партийных структур, заинтересованных в сохранении не правдивых, а «полезных» объяснительных моделей недавнего революционного прошлого. Причем если от грубых

62 О.В. Метель

форм давления на научное сообщество вскоре все же отказались, то присутствие политически ангажированных концепций было характерно для советской новистики на всем протяжении ее дальнейшей истории. Иными словами, дискуссии 1930–1931 гг. способствовали формированию новых качеств советской исследовательской традиции, объединяемых А.В. Гор-

доном в общее понятие «культура партийности». Именно она, по мнению историографа, определяла работу историков в СССР вплоть до конца 1980-х гг. [21. С. 88–91]. И хотя с терминологией автора можно не соглашаться, сам факт рождения новой модели исторического письма зафиксирован А.В. Гордоном вполне справедливо.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Покровский М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 3-7.
- 2. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941. М.: Наука, 1974.
- 3. Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки / под ред. И.П. Дементьева и А.И. Патрушева. М. : Простор; ЧеРИО, 2000
- 4. Дискуссия о германской социал-демократии // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 83–148.
- 5. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 44–86.
- 6. Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 124–161.
- 7. Академическое дело 1929-1931 гг.: сб. / под ред. В.П. Леонова и др. СПб.: БАН, 1993-1998. Вып. 1-2.
- Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
- 9. Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1931.
- 10. Лукин Н.М. Новейшая эволюция Альбера Матьеза // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 38–43.
- 11. Мануильский Д.З. Лицом к боевым задачам Коминтерна! // Борьба классов. 1931. № 2. С. 1-8.
- 12. Кнорин В.Г. За поворот к боевым задачам Коминтерна! Некоторые проблемы истории Запада // Пролетарская революция.1931. № 4–5. С. 3–34.
- 13. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 371. Оп. 2. Д. 172.
- 14. АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 414.
- 15. Резолюция президиума Комакадемии о положении и задачах на фронте истории Запада // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 8–9. С. 47–52.
- 16. Лукин Н.М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта // Историк-марксист. 1931. № 22. С. 3–10.
- 17. СПФ АРАН. Ф. 227. Оп. 2. Д. 83. Л. 5, 28.
- 18. АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 206. Л. 12–73.
- 19. АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
- 20. Очерки истории отечественной исторической науки ХХ века / под ред. В.П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005.
- 21. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.

Metel Olga V. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgametel@yandex.ru

THE DISCUSSION ON THE «WESTERN SECTOR OF THE HISTORICAL FRONT» AND THE DEVELOPMENT OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE 1920S-1930S.

Keywords: the soviet historiography; the history of the West; the Communist Academy; the Society of the Historians-Marxist; the Comintern

The aim of the presented article is to consider the discussions about the situation at "the western sector of the historical front". The source base of research consists of the published and unpublished works of soviet historians and members of Communist party: the articles in politics and scientific reviews and the archival materials of discussion (the funds of Archive of Russian Academy of Science and Russian State Archive of Social and Political History). The author analyzed these materials in a broad scientific and political context. This discussion was the last of three others. There were the discussion about German Social-Democracy and the discussion about the bourgeois historians of the West in USSR. The initiators of the discussion at "the western sector of the historical front" were the members of the Leninist international school. The members of the Comintern played a huge role in this discussion, they demanded from the Soviet historians of the West to study the topics necessary for the international revolutionary movement. At the same time, the participants of this discussion criticized the basic ideas of N. M. Lukin, G. S. Fridliand, V. P. Volgin and other Soviet specialists in the history of the West. The goal of this critics was affirmation of authority of the Communist politics in the historical research. The result of the discussion was the resolution also criticized the Soviet Marxist historians and wanted to make the main subject of research for Soviet scientists the problem of imperialism. The author of the article came to the following conclusions. The discussion on "the western sector of the historic front" was a form of mobilization of soviet historians. This discussion led to the politicization of Soviet historical science. Now the political power dictated to scientists research topics and methods of its study.

REFERENCES

- 1. Pokrovskiy, M.N. (1931) O zadachakh marksistskoy istoricheskoy nauki v rekonstruktivnyy period [On the tasks of Marxist historical science in the reconstructive period]. *Istorik-marksist*. 21. pp. 3–7.
- 2. Dunayevskiy, V.A. (1974) Sovetskaya istoriografiya novoy istorii stran Zapada 1917–1941 [The Soviet historiography of the Modern history of the West, 1917–1941]. Moscow: Nauka.
- 3. Dementyev, I.P. & Patrushev, A.I. (2000) Istoriografiya novogo i noveyshego vremeni stran Evropy i Ameriki [The Historiography of the Modern and Contemporary times of the countries of Europe and America]. Moscow: Prostor, CheRIO.
- 4. Anon. (1930) Diskussiya o germanskoy sotsial-demokratii [Discussion about the German Social Democracy]. Istorik-marksist. 18–19. pp. 83–148.
- 5. Anon. (1931) Burzhuaznyye istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskiy, Kareyev, Buzeskul i dr.) [The bourgeois historians of the West in the USSR (Tarle, Petrushevsky, Kareyev, Buzeskul, etc.)]. *Istorik-marksist*. 21. pp. 44–86.

- 6. Sakharov, A.N. (1996) Diskussii v sovetskoy istoriografii: ubitaya dusha nauki [The discussions in the Soviet historiography: The murdered soul of the science]. In: Afanasyev, Yu.N. (ed.) Sovetskaya istoriografiya [The Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 124–161.
- 7. Leonov, V.P. et al. (eds) (1998) Akademicheskoye delo 1929-1931 gg. [The Academic Affairs of 1929-1931]. St. Petersburg: BAN.
- 8. Pokrovskiy, M.N. (1928) "Novyye" techeniya v russkoy istoricheskoy literature [The "new" currents in the Russian historical literature]. *Istorik-marksist*. 7. pp. 3–17.
- 9. Zaydel, G. & Tsvibak, M. (1931) Klassovyy vrag na istoricheskom fronte. Doklady G. Zaydelya i M. Tsvibaka o Tarle i Platonove i ikh shkolakh i preniya na ob"yedinennom zasedanii Instituta istorii pri LOKA i Leningradskogo otdeleniya Obshchestva istorikov-marksistov [The class enemy on the historical front. The Reports of G. Zeidel and M. Zviibak about Tarle and Platonov and their schools and the debate at the joint meeting of the Institute of History at LOCA and the Leningrad branch of the Society of the Historians-Marxist]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
- 10. Lukin, N.M. (1931) Noveyshaya evolyutsiya Al'bera Mat'yeza [The new evolution of Albert Mathiez]. Istorik-marksist. 21. pp. 38-43.
- 11. Manuilskiy, D.Z. (1931) Litsom k boyevym zadacham Kominterna! [The face to the combat tasks of the Comintern!]. Bor'ba klassov. 2. pp. 1–8.
- 12. Knorin, V.G. (1931) Za povorot k boyevym zadacham Kominterna! Nekotoryye problemy istorii Zapada [For turning to the military tasks of the Comintern! Some problems of the history of the West]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 4–5. pp. 3–34.
- 13. The Archive of the Russian Academy of Science. Fund 371. List 2. File 172.
- 14. The Archive of the Russian Academy of Science. Fund 350. List 1. File 414.
- 15. Anon. (1931) Rezolyutsiya prezidiuma Komakademii o polozhenii i zadachakh na fronte istorii Zapada [The Resolution of the Presidium of the Communist Academy on the situation and tasks at the front of the history of the West]. Vestnik Kommunisticheskoy akademii. 8–9. pp. 47–52.
- 16. Lukin, N.M. (1931) Za bol'shevistskuyu partiynost' v istoricheskoy nauke. K itogam diskussii na zapadnom uchastke istoricheskogo fronta [For the Bolshevik Partyness in the Historical Science. To the results of the discussion on the western sector of the historical front]. *Istorik-marksist.* 22. pp. 3–10.
- 17. St. Petersburg Branch of the RAS Archive. Fund 227. List 2. File 83.
- 18. The RAS Archive. Fund 377. List 1. File 206. pp. 12–73.
- 19. The RAS Archive. Fund 377. List 1. File 122.
- 20. Korzun, V.P. (ed.) (2005) Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka [Essays on the history of Russian historical science of the 20th century]. Omsk: Omsk State University.
- Gordon, A.V. (2009) Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoy istoriografii [The Great French Revolution in the Soviet historiography]. Moscow: Nauka.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/53/13

В.В. Миронов

ДЕБАТЫ МЕЖДУ ПЛЮРАЛИСТАМИ И СОЛИДАРИСТАМИ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Статья посвящена проблеме эволюции Английской школы международных отношений в конце XX – начале XXI в. Цель статьи – показать специфику развития школы в условиях разделения данного научного сообщества на две группы – плюралистов и солидаристов. Главные выводы состоят в том, что плюрализм объективно развивал традиционную систему взглядов сторонников Английской школы. Солидаризм помог расширить исследовательскую повестку и привлечь в школу новых адептов. Вследствие этого Английская школа международных отношений на рубеже двух веков перестала быть реальной социальной группой, но увеличила число своих сторонников и вес в мировой науке о международных отношениях.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений; международное сообщество; Р. Джексон; Майалл; плюралисты; солидаристы.

Английская школа теории международных отношений стала складываться на рубеже 1950–1960 гг. Ее идейным стержнем стала концепция международного общества, контуры которой были определены в работах М. Уайта, Х. Булла, А. Уотсона в 1960–1980 гг. Однако к середине 1980-х гг. развитие школы столкнулось с рядом трудностей как объективного, так и субъективного характера.

К числу относительно объективных факторов, препятствующих дальнейшему развитию школы, можно отнести прекращение работы Британского комитета по изучению международной политики. Комитет был основной площадкой формирования школы и функционировал на протяжении четверти века с 1959 по 1985 г. Кроме того, в 1980-х гг. произошло завершение крупных школьных проектов в виде публикации коллективных монографий, последняя из которых увидела свет в 1984 г. [1]. Первоначальная повестка школы, сформулированная в 1960-х гг., оказалась исчерпанной [2]. В Великобритании изменился институциональный и образовательный ландшафт изучения международных отношений: к 1980-х гг. в стране сложилась система образовательных учреждений, занимавшихся подготовкой международников. Она состояла как из «классических» для британской системы образования университетов - Оксфорда, Кембриджа, Итона, так и включала так называемые новые университеты. Наконец, на судьбе школы сказалась кончина сразу нескольких знаковых ее представителей. В 1972 г. скончался М. Уайт, в 1979 г. – Г. Баттерфильд, в 1985 г. – Х. Булл, в 1990 г. – Р.Д. Винсент. В этих условиях Английская школа вынуждена была вступить в новый период, который, в конечном счете, обеспечил ее развитие как за счет поиска новых научных тем, так и за счет формирования нового - третьего поколения исследователей. При этом школа, как говорят социологи, перестала быть реальной социальной группой, но увеличила свой вес в мировой науке путем подключения к проблематике изучения неанглийских исследователей.

Этот этап развития Английской школы хотя и начинался как кризис общей концепции в 1980 г., но привел к консолидации теоретических позиций, обусловивших процесс дальнейшего внутреннего развития в начале XXI в. К концу XX в. Английская школа оказалась расколотой на два внутренних течения — плюралистов и солидаристов.

Традиционную линию изучения международных отношений, понимаемых как международное общество государств, отстаивали плюралисты. Как отмечает один из современных канадских адептов Английской школы Р. Мюррей, плюралистская версия международного общества подчеркивала минималистское понимание государствами международного порядка [3. Р. 9]. Истоки такого понимания заложил Х. Булл, когда констатировал, что цели международного общества заключаются в гарантиях выживания государств, выполнении достигнутых договоренностей и уважении к иностранной собственности [4. Р. 66–68]. Таким образом, продвижение минимального количества общих интересов составляет главные функции такого международного общества.

При этом и плюрализм, и солидаризм изменялись и эволюционировали со временем. Достаточно в этом отношении сравнить идеи канадского исследователя Р. Джексона — центральной фигуры плюралистского подхода в школе — в конце XX и начале XXI в. Научные интересы Джексона, свидетельствующие о его близости к Английской школе, начали формироваться еще в 1970-е гг. Примечательна в этом отношении работа 1977 г., где он пытался изучить проблему нормативного диссонанса для стран, которые принимали идеи международного общества в постколониальном мире [5].

Ключевой тезис автора состоял в том, что в условиях отсутствия собственных единых социальных стандартов нельзя говорить о принятии странами третьего мира норм и ценностей международного общества [Ibid. P. 68]. Процессы политической модернизации в

постколониальных странах привели к формальному принятию норм и институтов европейского международного общества, в то время как внугри новых государств общество оставалось разобщенным. В свою очередь, такая ситуация создавала пространство для переноса частных интересов на сферу публичной политики [5. Р. 68–69]. Результат — масштабы коррупции в постколониальном мире свидетельствуют о кризисе социальных норм и институтов.

Развивая данный подход, Р. Джексон в 1993 г. публикует книгу «Квазигосударства», где пытается показать изменения, произошедшие в международном обществе во второй половине XX в. В основе центрального для работы понятия «квазигосударство» лежат процессы трансформации суверенитета. В качестве инструмента анализа этих изменений Р. Джексон использует известную дихотомию Исайи Берлина о позитивной и негативной свободе. Р. Джексон пишет, что категория «свобода» — это понятие, которое применяется в отношении людей. Государственная политика оперирует категорией «суверенитет». Применяя схему И. Берлина, по мнению ученого, можно говорить о позитивном и негативном суверенитете [6. Р. 26–29].

Негативный суверенитет предполагает свободу действий от внешнего вмешательства. Формальноправовое равенство государств и признание независимости выступают фундаментальными признаками такого суверенитета в международном обществе. Именно негативный суверенитет становится основным требованием квазигосударств, которые появились в результате деколонизации [Ibid. P. 27]. Позитивный суверенипредставляет собой не столько формальноправовой, сколько политический институт. Он необходим для свободного развития страны. Такой суверенитет выступает показателем развитого государства, где бенефициарами суверенитета выступают граждане, а не только власть [Ibid. P. 29–30].

Само по себе выделение разных сторон в суверенитете применяется науке и не вызывает существенных возражений. Ж. Боден в XVI в. изначально выделял две стороны суверенитета - внутреннюю и внешнюю. В трактовке Р. Джексона нельзя не отметить искусственности противопоставления одних аспектов суверенитета другим, что имело важные научные и политические последствия. Дихотомия негативного и позитивного суверенитета приводит к противопоставлению внешних функций государства внутренним. Такой подход в отношении постколониальной эпохи изначально умаляет роль новых стран в качестве состоявшихся акторов международных отношений. Подчеркивание политической стороны в так называемом позитивном суверенитете, как и противопоставление одних функций государства другим, ведет и к отрицанию общих признаков правосубъектности государств. Это подрывает и правовую основу суверенитета. Правовые признаки государства, как известно, носят универсальный характер, что нашло отражение в международном законодательстве в «Конвенции о правах и обязанностях стран».

Основным тезисом новой книги Р. Джексона стала идея нормативного диалога государств в международном обществе начала XXI в. Джексон исходил из его возможности, несмотря на расширяющийся раскол ценностей между отдельными цивилизациями. При этом особенность современного этапа развития международного общества состоит в том, что международные нормы образуют глобальный пакт. Это понятие обозначает первую попытку в мировой истории сконструировать общество государств, основанное на принципах невмешательства во внутренние дела и уважения суверенитета других стран в масштабах всего земного шара [7. Р. 12].

Несмотря на отрицание суверенитета за многими из новых государств в ранних своих работах, в данном исследовании Джексон все же сформулировал его новую апологию. Тем самым он выступил сторонником государствоцентричной модели международного общества и фигурой, обосновавшей плюралистский подход к международному порядку внутри Английской школы.

Иное понимание существа международных отношений присутствует в солидаризме. Данное течение внутри Английской школы легко вписывалось в более широкий круг современных представлений о международных отношениях. Интересы солидаристов при этом размещаются не только в предметном поле понятия «международное общество», но и в теоретических представлениях об обществе мировом. Этот подход соотносится с революционистской (кантианской) и рационалистской (гроцианской) традициями международной политической мысли, о которых писал М. Уайт [8]. Субъектами международных отношений в данном подходе признаются, в конечном счете, люди. Иначе здесь понимается и государство как актор международных отношений. Это не унитарный игрок в условиях анархии, заботящийся о своей безопасности, но участник, имеющий сложное внутреннее строение и конкурирующие интересы.

Цель международного порядка в рамках указанного подхода — не только выживание, но и справедливость. Как писал Д. Винсент, современное общество остается традиционным, мало шансов на то, что оно радикально изменится, но чтобы международное общество было устойчивым, необходимо дополнить идею международного порядка пониманием справедливости. Порядок среди людей выступает как более фундаментальная ценность, чем порядок в отношениях государств. Поэтому, он первичен и иногда морально приоритетен [9. Р. 43].

Истоки обоих подходов уходят к одной из работ X. Булла, где основатель школы заметил, что солидаризм начинается с того, что государства формируют определенный консенсус в отношении роли международного права. В оппозицию этому положению Булл поставил плюрализм — ситуацию, при которой государства интересуются не целями сотрудничества, но лишь выживанием. И в том и в другом случае присутствует

общность норм для функционирования международного общества, но само понимание международных норм отражает разную основу международного порядка [4]. По мнению В. Баина, Булл, таким образом, впервые не только выделил, но и противопоставил одну позицию другой, рассматривая их как антагонистические [10. Р. 59].

В солидаризме можно выделить несколько течений. Первое связано с интерпретацией «поздних идей» X. Булла адептами школы и представляло собой движение от «консенсусного» солидаризма к насильственному, если пользоваться терминологией Э. Харрелла [11. Р. 149–150]. Здесь обосновывалась правомерность гуманитарной интервенции и необходимость соблюдения прав человека в современной мировой политике. Основу этого подхода задали работы Д. Винсента, а затем Э. Харрелл и Д. Майалл продолжили его развитие. Особенностью этого типа размышлений было то, что изменения в мире рассматривались в пределах международного общества, или, точнее, – обозначали границы международного и транснационального мира.

Второе течение — это так называемый либеральный солидаризм. Указанный подход возник после окончания холодной войны. Он исходил из победы либеральных ценностей в современной международной политике и утверждал, что Вестфальский тип международных отношений исчерпал свои возможности: на смену старым принципам суверенитета и нерушимости границ должны идти ценности поствестфальского порядка. Ключевой фигурой здесь был Н. Уилер, а предмет исследований в школе смещался в сторону мирового, а не международного общества. Международное общество как эмпирическая основа международного сотрудничества здесь отрицалась.

Третьим течением внутри солидаризма можно считать конструктивистский его вариант. О нем как о самостоятельном течении пишет Д. Вильямс [12. Р. 29—30]. Здесь также изучались вопросы прав человека, но они стали рассматриваться как новые конструкты в повестке исследования мирового общества. Представителями этого течения можно считать Э. Линклейтера, М. Финнемор и, отчасти, Б. Бузана. Таким образом, солидаристы поставили вопрос о границах международного общества, природе современных международных отношений. Вопросы прав человека и гуманитарной интервенции были объединяющими для всех течений солидаризма, несмотря на некоторые внутренние различия.

Новизна подхода отчетливо просматривается в творчестве Н. Уилера. Критика плюрализма проявилась в том, что, с позиции ученого, применение силы в международных отношениях возможно лишь с санкции Совета Безопасности ООН в случаях нарушения международного мира и международной безопасности, но такое положение не выступает гарантией от нарушений прав человека [13. Р. 100, 289]. Иначе говоря, интервенция по гуманитарным основаниям показывает пределы сотрудничества в плюралистском обществе госу-

дарств. Она считается законной, только если ее санкционировал Совет Безопасности. Если же она организована в одностороннем порядке и осуществляется без санкции, то ее считают еще большей опасностью для мира, чем сами нарушения прав человека. Гуманитарная интервенция способна легитимизировать и воскресить представление о справедливой войне [13. Р. 33–52, 168–169].

Попытку примирения плюралистов с солидаристами в начале XXI в. предпринял Д. Майалл, чье творчество демонстрирует современное состояние споров. Майалл повторяет идеи Уайта о наличии трех традиций политической мысли, применяемых для анализа международных отношений: реализм, либеральный рационализм и революционизм [14. Р. 15]. При этом он стремится обратить все эти подходы на анализ современного мира.

Для реалистов такое понятие, как «международное общество», не существует. Сдерживающим фактором, предотвращающим войну «всех против всех», выступает лишь потребность в самосохранении. Защита национальных интересов - главный фактор, а международное общество – просто умозрительная гипотеза. Рационализм, напротив, исходит из реальности существования международного общества. Оно представляет собой особый тип социума, который отличается от общества, существующего внутри государства. Для революционистов общество в международных отношениях только должно возникнуть на основе идей человеческой солидарности [Ibid. Р. 15]. Как и для Р. Джексона, для Д. Майалла основа размышлений о международном обществе такая же, как и у классиков Английской школы. Однако Майалл считает эти традиции идеальными типами, находящимися вдоль определенного континуума, на одном полюсе которого находится реализм, применяемый для исследования системы государств, на другом – революционизм, валидный для изучения мирового общества, а в середине - рационализм, который как раз изучает общество международное. Но если международное общество исторично, как об этом писали Уайт, Булл, Баттерфильд и Джексон, то оно также находится в определенных пространственных и временных рамках. Тогда верхняя граница международного общества, идентифицируемая исследователем с Вестфальским мирным договором, должна изучаться плюралистским подходом, а нижняя, идентифицируемая с современными и будущими международными отношениями, - подходом солидаристским.

 Реализм
 Либеральный рационализм
 Революционизм

 Плюрализм
 Солидаризм

 Анархия
 Система государств
 Международное общество
 Мировое общество

Рис. 1. Международный порядок и традиции его изучения, по Л. Майаллу

Д. Майалл исходит из того, что возникшее в Вестфальский период международное общество было минималистским, т.е. отражало лишь минимальные потребности в сосуществовании стран. Оно было основа-

но на взаимном признании суверенитета, праве на участии в военных союзах и ряде других прав [14. Р. 20]. Однако экономическая и стратегическая интеграция мира привела к изменению традиционного понимания международного общества. Промышленная революция усиливала экономическую взаимозависимость между странами. Как следствие, возникает особый психологический солидаризм, который в середине XX в. привел к появлению новых политико-правовых правил международного общества в виде пактов о правах человека, новых международных норм и институтов.

К концу XX в. возникает новая модель солидаризма, когда проблемы прав человека трансформируют представление даже о широкой трактовке международного общества. В оценке этих изменений есть свои оптимисты и пессимисты. Первые верят в формирование мирового общества на солидаристской основе, вторые — в то, что такие перемены приведут к победе анархии над минималистскими целями сосуществования государств.

Таким образом, с одной стороны, дебаты между указанными подходами внутри Английской школы раскололи ее единство, заставляли говорить о кончине сообщества в 1980-е гг. [15. Р. 185-206]. С другой раскол на две методологические позиции уберег школу от распада, заставляя в новых обстоятельствах проверять прочность концептуального ядра. В этих условиях прекращение старого формата работы школы в виде Британского комитета не привело к кончине всего сообщества, но способствовало утверждению третьего поколения школьников в новом институциональном и проблемном поле британской и мировой науки. Дебаты между подходами в рамках коммуникативного пространства концепции международного общества стали источником развития школы сегодня. В свою очередь, эти процессы заставляют признавать Английскую школу международных отношений оригинальным автономным кластером по изучению международной теории в современной мировой науке [16].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. The Expansion of International Soceity / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 479 p.
- 2. Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight, L.: Allen & Unwin, 1966. 227 p.
- 3. System, Society and the World. Exploring the English School of International Relations / ed. by Robert W. Murray. Bristol, 2013. 73 p.
- 4. Bull H. The Grotain Conception of International Society // Diplomatic Investigations. Essays in the theory of International Politics / ed. by H. Butterfield, M. Wight. L., 1966. P. 51–73.
- 5. Jackson R. Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis. California, Berkley: Institute of International Studies Research, 1977. № 30. 76 p.
- 6. Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 225 p.
- 7. Jackson R. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 p.
- 8. Wight M. International Theory: The Three Traditions / ed. by G. Wight, B. Porter. Leicester: Leicester University Press, 1991. 236 p.
- 9. Vincent R.J. Hedley Bull and Order in International Politics // Order and Violence: Hedley Bull and International Relations / ed. by J.D.V. Miller, R.J. Vincent. Oxford: Clarendon Press. 1990. P. 39–62.
- 10. Bain W. The Pluralist-Solidarist Debate in English School // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 159–169.
- Hurrell A. Order and Justice // Guide to the English School in International Studies / ed. by C. Navari, D. Green. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 143-158.
- 12. Williams J. Pluralism, Solidarism and Emergence of World Society in English School Theory // International Relations. 2005. № 19 (1). P. 19–38.
- 13. Wheeler N.J. Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society. Oxford University Press, 2000. 316 p.
- 14. Mayall J. World Politics. Progress and its Limits. Oxford: Polity Press, 2000. 170 p.
- 15. Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // Review of International Studies. 1981. Vol. 7, № 1. P. 185–206.
- 16. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 429 p.

Mironov Victor V. Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vvm 512@rambler.ru

DEBATES BETWEEN PLURALISM AND SOLIDARISM IN ENGLISH SCHOOL OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE BOUNDARY XX-XXI CENTURIES.

Keywords: English school of International relations; International Society; R. Jackson; Mayall; Pluralists; Solidarists.

This article is devoted to Barry Buzan and his role in the modern development of English school of International relations. The aim of the article is to demonstrate the main aspects and the problems of English school theory on the boundary of XX-XXI centuries. The sources for the study were the texts of published works by leading members of the English school and B. Buzan.

English school of International relations formed in the end 1950-1960. Historians H. Butterfield, M. Wight, A. Watson, M. Howard, philosophers D. McKinnon and H. Bull took an active part in the creation of this school. Concept "International Society" became symbol and special mark of this scientific community thanks to the books by H. Bull in 1970-1980. But to the end of XX century the development of the English school clashed with many objective and subjective difficulties.

- B. Buzan is a famous and authoritative specialists on International relations in the world science. His scientific work obtains general recognition in United States, China, many European countries. His books demonstrate his abilities to work in the different theoretical directions. At the same time, he is an important figure for understanding the main change in English school of International Relations during last 20 years. The results of his involvement into English school theory are the following:
- 1. He supposes that the concept "World Society" is an important part of the English school theory. Like two other principal elements of general conception "International Society" and "System states" "World Society" had principal position for the M. Wight, H. Bull and other first members of the community. But the content of the concept was uncertain. B. Buzan arose the complex of the specific questions, which can define the content of the concept in the research program of English school.
- 2. He continues to study the history of international relations as autonomous part of the agenda of English school. He adopted the international system idea to the epoch before Westphalia Peace of 1648. B. Buzan continues tradition of the school's writers (M. Wight, A. Watson), who thought that history is an important part of the study of International relations. Such position of the English school differs from American discipline, where International relations traditionally are considered as a branch of Political Science.

- 3. He tries to include economic questions into agenda of the English school theory. The ignorance of the economic problems in International relations is a traditional shortage of conception of International Society. This part of B. Buzan's work is not finished, but he made the first important steps.
- 4. He made a new organizational format for the School after British Committee for the Theory of International Politics finished its work. Committee had worked during 25 years (1959-1985) and became the base for the development of two first generations of English school of International relations. B. Buzan made the conception of International Society more open to discussions of modern science, more popular among specialists on International relations abroad. At the same time, he keeps the basis of the English school theory. Thanks to his activity during last 20 years English school of International Relations is considered nowadays as an autonomous part of world theory in International relation.

REFERENCES

- 1. Bull, H. & Watson, A. (eds) (1984) The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press.
- 2. Butterfield, H. & Wight, M. (eds) (1966) Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. London: Allen & Unwin.
- 3. Murray, R.W. (ed.) (2013) System, Society and the World. Exploring the English School of International Relations. Bristol.
- 4. Bull, H. (1966) The Grotain Conception of International Society. In: Butterfield, H. & Wight, M. (eds) *Diplomatic Investigations. Essays in the theory of International Politics*. London: Allen & Unwin, pp. 51–73.
- Jackson, R. (1977) Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis. California, Berkley: Institute of International Studies, University of California.
- 6. Jackson, R. (1993) Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press.
- 7. Jackson, R. (2000) The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford: Oxford University Press.
- 8. Wight, M. (1991) International Theory: The Three Traditions. Leicester: Leicester University Press.
- 9. Vincent, R.J. (1990) Hedley Bull and Order in International Politics. In: Miller, J.D.V. & Vincent, R.J. (eds) Order and Violence: Hedley Bull and International Relations. Oxford: Clarendon Press. pp. 39–62.
- 10. Bain, W. (2014) The Pluralist-Solidarist Debate in English School. In: Navari, C. & Green, D. (eds) Guide to the English School in International Studies. Oxford: Wiley Blackwell. pp. 159–169.
- 11. Hurrell, A. (2014) Order and Justice. In: Navari, C. & Green, D. (eds) *Guide to the English School in International Studies*. Oxford: Wiley Blackwell. pp. 143–158.
- 12. Williams, J. (2005) Pluralism, Solidarism and Emergence of World Society in English School Theory. *International Relations*. 19(1). pp. 19–38. DOI: 10.1177/0047117805050060
- 13. Wheeler, N.J. (2000) Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society. Oxford: Oxford University Press.
- 14. Mayall, J. (2000) World Politics. Progress and its Limits. Oxford: Polity Press.
- Jones, R. (1981) The English School of International Relations: A Case for Closure. Review of International Studies. 7(1). pp. 185–206. DOI: 10.1017/S0260210500115086
- 16. Wendt, A. (2001) Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 944

DOI: 10.17223/19988613/53/14

Е.А. Сафонова

ВИШЕГРАДСКАЯ ГРУППА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Выделены предпосылки становления и основные этапы функционирования Вишеградской группы — объединения четырех центральноевропейских государств: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии. Рассмотрены основа и характер вишеградского сотрудничества на каждом этапе. Показаны факторы и направления активизации Вишеградского форума в настоящее время, его ведущая роль в реализации программы «Восточное партнерство». Сделан вывод относительно эффективности данной формы регионального сотрудничества в рамках Европейского союза.

Ключевые слова: Вишеградская группа; Европейский союз; НАТО; «Восточное партнерство».

Вишеградская группа выступает формой регионального сотрудничества четырех государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), функционирующей на сегодняшний момент в рамках Европейского союза (ЕС).

К моменту распада социалистического блока демократически ориентированные политики Польши, Чехословакии и Венгрии выразили стремление к сохранению солидарности, что не замедлило отразиться в их конкретных шагах. Чем же они были вызваны? Исследователи выделяют ряд причин, которые привели к рождению вишеградской идеи. Первостепенным для понимания истоков вишеградского взаимодействия представляется общий исторический опыт. Если для Западной Европы историческая память основывалась на событиях Второй мировой войны, Холокосте и борьбе с нацизмом, то для стран Центральной и Восточной Европы это еще оккупация и коммунизм. В отличие от западноевропейских народов, как утверждает венгерский историк Чаба Д. Кишш в своей работе «Вишеградское родство» [1], народы центральной ее части пережили «двойной тоталитаризм»: нацистский и большевистский. Соответственно, войти в Европу возможно было только лишь в качестве особой составляющей. Помимо очевидных культурно-исторических предпосылок важную роль в оформлении стремления стран ЦВЕ к сотрудничеству сыграл экономический фактор: Венгрия, Польша и Чехословакия были самыми динамично развивающимися в экономическом отношении странами Совета экономической взаимопомощи, что и определило интерес к ним Запада в лице Европейского сообщества. Неудивительно, что эти страны играли важную роль в период окончания холодной войны: именно с Польши и Венгрии США и Европейское сообщество начали «программу помощи» Восточной Европе в целях ее демократизации. Свой вклад внес и геополитический фактор, а именно промежуточность положения региона – нахождение между европейскими Западом и Востоком, отразившаяся в синтезе цивилизационных характеристик и особой собственной идентичности. «Образование Вишеградской группы можно, в определенной мере, рассматривать как манифестацию стремления региона к преодолению этого непростого наследия» [2. С. 21]. Примечательно, что Вишеградская группа вернулась в западноевропейский регион, не только не нарушив геополитические планы США и Европейского сообщества, но будучи поддержанной ими, взяв на себя функции буферной зоны, ограждающей ядро «развитой Европы» от нестабильности на территории распавшегося СССР. Нельзя не отметить роль Вишеградской группы в роспуске Организации Варшавского договора (ОВД).

Таким образом, выбор Венгрией, Чехословакией и Польшей стратегии совместных действий был обусловлен целым комплексом причин: схожее историческое прошлое, общий характер экономического развития, особая геополитическая ситуация, территориальная близость. Появление вишеградской идеи следует считать еще и явным свидетельством наметившегося в постбиполярном мире возрастания роли регионального сознания.

Идея вишеградского сотрудничества зародилась еще в ноябре 1990 г., когда была подписана Парижская хартия, регулирующая основные принципы новой Европы после окончания холодной войны. Именно тогда премьер-министр Венгрии Йожев Анталл пригласил лидеров Польши и Чехословакии в Вишеград, напомнив им о событии многовековой давности. 15 февраля 1991 г. премьер-министр Венгрии И. Анталл, президент Чехословакии В. Гавел и президент Польши Л. Валенса в присутствии президента Венгрии, премьер-министров и министров иностранных дел подписали в Королевском дворце в Вишеграде Декларацию о сотрудничестве трех государств. Первыми шагами Вишеградского взаимодействия было освобождение от институтов, воплощавших военную и экономическую зависимость от ОВД и Совета экономической взаимопомощи. Сотрудничество трех стран, как было заявлено в Декларации, выступало условием их демократизации, создания свободной рыночной экономики и современного правового государства. В качестве важных совместных практических шагов рассматривались вступление в европейские институты и регулярные консультации по вопросам безопасности. При этом Группа виделась не

только как инструмент общения с Организацией североатлантического договора (НАТО) и Европейским сообществом, но и как прообраз регионального центра на Европейском континенте. Важно отметить, что это было самостоятельно принятое решение трех государств осуществлять взаимодействие ради «содействия ускоренному переходу трех "новых демократий" Центральной Европы с советской орбиты в сторону евроатлантических структур» [3. С. 14].

На первом этапе сотрудничества договоренности государствами-членами касались укрепления региональной безопасности. По словам стоявшего у истоков зарождения Вишеградской ассоциации бывшего министра иностранных дел Венгрии и историка Геза Есенского, Вишеград «стал краеугольным камнем стабильности после окончания холодной войны», а также «идеальным балансом между двумя традиционными, но не удавшимися либо невозможными политическими ориентациями: исключительно Восточной и односторонней Западной» [Там же. С. 15]. Наиболее успешным результатом сотрудничества Вишеградской группы на начальном этапе стало подписание 21 декабря 1992 г. Центральноевропейского соглашения о свободной торговле. В рамках Центральноевропейской ассоциации свободной торговли страныучастницы отменили большинство пошлин и ограничений в торговле промышленными товарами. В последующем к данному соглашению присоединились Словения, Хорватия, Румыния, Болгария, Молдова, страны бывшей Югославии, Албания. После вступления стран Вишеградской группы в ЕС они были вынуждены выйти из ассоциации. К сожалению, ликвидация таможенных барьеров не способствовала интенсификации горизонтальных экономических связей в регионе, в качестве ориентира для каждой из стран по-прежнему оставались дотации из фондов ЕС и западные инвестиции. «На протяжении 1990-х гг. отношения между странами региона характеризовались скорее довольно жесткой борьбой за право быть первыми принятыми в ЕС, нежели взаимопомощью» [4].

Не желая оставаться яблоком раздора между НАТО и Россией, страны Вишеградской группы сразу же заявили о своем намерении присоединиться к Вашингтонскому договору, для реализации которого уже имелись структурные основания: в ноябре 1991 г. на очередном саммите руководителей НАТО было принято решение о создании Совета Евроатлантического партнерства для регулярных консультаций между странами альянса и государствами ЦВЕ, первая сессия которого состоялась в 1997 г. К существенному ослаблению политического единства группы привел и «бархатный развод» Чехословакии в 1993 г. Антизападные идеи Словакии и пропаганда идеологии индивидуализма в достижении национальных целей Чехией способствовали значительному снижению интенсивности сотрудничества и его переориентации сугубо в экономическое русло. В период с 1994 по 1997 г. Вишеградская группа не собиралась ни разу, полагая, что индивидуальные усилия по вступлению в евроатлантические интеграционные формирования будут более эффективными [4].

Импульсом к продолжению активного сотрудничества стало официальное приглашение со стороны Совета ЕС начать переговоры о вступлении в Европейский союз Венгрии, Польше и Чехии в декабре 1997 г. В канун вступления этих стран в НАТО на трехсторонней встрече президентов было принято заявление о возобновлении Вишеградского сотрудничества и его расширении. В ней также в очередной раз была выражена приверженность традиционным европейским демократическим ценностям, гражданскому праву и рыночной экономике. Конфликты на Балканском полуострове и вступление в 1999 г. в НАТО отчасти сблизили страны Вишеградской группы, но не решили проблемы основ сотрудничества. Важным событием этого этапа стало подписание на саммите премьер-министров 9 июня 2000 г. соглашения о создании Вишеградского фонда для поддержки проектов в области культуры и науки. Фонд аккумулирует и распределяет денежные средства в поддержку регионального взаимодействия в гуманитарных областях, а также сближения со странами «Восточного партнерства», выступая до сегодняшнего дня единственной созданной в рамках Вишеградской четверки структурой, имеющей юридический адрес и постоянного председателя. Фонд обеспечивает финансирование деятельности неправительственных организаций и отдельных граждан. Ежегодные поступления в фонд имеют тенденцию к увеличению: с 3 млн евро в 2004 г. до 8 млн евро в 2014 г. [5]. Согласование планов сотрудничества на год вперед осуществляется на основе принципа периодических встреч представителей государств-членов на всех уровнях. Официальные встречи на высшем уровне происходят ежегодно. Между этими встречами одна из стран-участников председательствует в группе. Порядок председательства определен в принятом на саммите премьерминистров в Братиславе 14 мая 1999 г. документе, касающемся содержания Вишеградского сотрудничества. Таким образом, страны получают мандат на председательство в течение одного года в следующем порядке: Чехия, Польша, Венгрия, Словакия. Председательствующая сторона определяет повестку дня и основные направления сотрудничества на ближайший год. В период с 1998 по 2002 г. в рамках Вишеградского форума прошло восемь совещаний, посвященных проблемам присоединения к ЕС, причем в качестве главного опасения выступало возможное неравенство между «новыми» и «старыми» странами – членами EC.

Третий виток активизации Вишеградского взаимодействия связан со вступлением стран Группы в ЕС в мае 2004 г. Свою эффективность вишеградское сотрудничество подтвердило к этому моменту и тем, что при несомненных совместных усилиях Венгрии, Польши, Чехии к своим региональным союзникам в НАТО присоединилась Словакия. Успешное достижение первичных целей интеграции поставило вопрос о том, имеет ли смысл продолжать сотрудничество, находясь в рамках более крупных интеграционных группировок, членами которых стали страны Вишеградской четверки. После интенсивных дискуссий назревавший кризис идентичности удалось предотвратить в процессе подготовки Кромержижского саммита в 2004 г., где было отмечено, что цели, поставленные в 1991 г., достигнуты и принята новая Декларация. В ней указывалось на то, что «интеграция стран Вишеградской группы в европейские и евроатлантические структуры открывает новые возможности и ставит новые задачи для дальнейшего сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес» [6]. Помимо этого полагалось, что сотрудничество стран Вишеградской группы будет направлено на укрепление идентичности Центрально-Европейского региона и содействие странам, стремящимся в ЕС.

В этой связи заявления о желании быть приобщенными к вишеградскому сотрудничеству и расширении ее формата стали озвучивать такие страны, как Австрия, Хорватия, Словения, Румыния и Украина. Группа отклонила данные предложения, опасаясь размывания вишеградской идеи, выступив при этом с инициативой сотрудничества в рамках Вишеградской четверки с участием приглашенных партнеров в формате «В4+». В период с 2005 по 2008 г. прошли такие встречи с участием Австрии, Украины, Словении и Хорватии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Болгарии и Румынии.

Значимыми событиями первых лет членства стран Вишеградской группы в ЕС стали вступление в Шенген в 2008 г., а также избрание представителя Польши Ежи Бузека председателем Европейского парламента в 2009 г. как признание вклада стран бывшей Восточной Европы в развитие европейской интеграции. Внутри Европейского союза Вишеградской четверке пришлось бороться за свои права и равенство, как при принятии европейской конституции, так и участии в разработке его восточной политики. Оппортунистический настрой эти страны продемонстрировали и в период обсуждения Лиссабонского договора.

Четвертый виток активности Вишеградского форума начался с принятием ЕС программы «Восточного партнерства» в 2009 г., когда у стран-участников появился еще один общий интерес, способный их сблизить. Целью программы выступали поддержка демократизации стран-партнеров и приближение их в политическом, экономическом и социальном измерениях к Европейскому союзу. Страны Вишеградской группы активно включились в процесс содействия развитию, поскольку это создавало возможность использовать их vникальный ОПЫТ политического и социальноэкономического транзита, а также способствовало повышению их рейтинга на международной арене. Передача трансформационного опыта стала для Группы одним из путей реализации важной внешнеполитической цели - создание в своем окружении стабильных и безопасных демократий, на что указывала программа председательствующей в 2009 г. в Вышеградской группе Венгрии, выбравшей в качестве приоритетной задачи «содействие стабильному и безопасному окружению путем оказания помощи государствам, заинтересованным в евроатлантической интеграции» [7]. Возглавила этот процесс Польша, выделив наибольший объем средств на помощь содействию развития (66,62%) [8]. Значимое место для стран Вишеградской группы имела Белорусь, получившая большую долю (27,9%) из всех выделенных в период 2009-2014 гг. средств [8]. Тем самым Вишеградская четверка обрела на этом этапе свою сферу ответственности в ЕС в виде программы «Восточное партнерство», выступая в качестве посредника между центральными институтами ЕС и странами Восточного партнерства.

Символическим началом упадка вишеградской идеи некоторые скептически настроенные эксперты считают 1 января 2009 г. – дату вступления Словакии в зону евро. Экономический кризис, в свою очередь, спровоцировал появление идеи создания «твердого ядра ЕС» на основе еврозоны, разделив при этом союз на две асимметричные области, что не замедлило вызвать негативную реакцию Варшавы, Праги и Будапешта. Наибольшую приверженность вишеградскому сотрудничеству выказывают, несомненно, Польша и Венгрия, в то время как Чехия не уделяет ему должного внимания, Словакия же, изначально опираясь на поддержку партнеров по Группе, сегодня уже не считает деятельность в ее рамках для себя более приоритетной, нежели свои задачи в ЕС. Словакия не последовала примеру Венгрии, Польши и Чехии и не признала независимость Косово. Польша и Чехия, не посоветовавшись с Венгрией и Словакией, принимали решение в отношении размещения американской системы противоракетной обороны. Как видно, не всегда странам четверки удавалось выработать общую позицию по целому ряду вопросов: желание Венгрии и Польши смягчить условия въезда граждан Украины наталкивалось на сопротивлении Чехии. После аннексии Крыма Словакия и Венгрия выступали против санкций в отношении России. Чехия, Словакия и Венгрия не признавали ведущую роль Польши в формировании восточной политики ЕС, не часто удавалось достичь регионального консенсуса в области экономической политики. Несмотря на сохраняющееся противоречие интересов одним из достижений Вишеградской группы стало принятие западными политиками ее позиции в отношении ряда важных вопросов, в частности о необходимости контроля над потоком беженцев. На фоне наметившихся в последнее десятилетие кризисных тенденций страны Группа смогла обеспечить планомерное экономическое развитие и сохранить свое региональное объединение.

Обрушившиеся на рубеже 2010-х гг. на Европейский союз кризисы и «брекзит» вскрыли внутри него различные линии раскола, в частности усилилось акцентирование различий между «старой» и «новой» Ев-

ропой. Вишеградская четверка в ответ на такое положение дел активизировала свое позиционирование как единой силы, совместно отстаивающей свои позиции перед лицом «старой» Европы. Страны Группы, особенно Польша, стремятся продемонстрировать свою состоятельность даже тем, что готовы самостоятельно обеспечить демократизацию стран, входящих в программу Восточного партнерства с ЕС [9]. Активизация деятельности Группы в последние несколько лет, как указывает Е.С. Хотькова, «можно расценивать как своего рода защиту тех основ, на которых она строилась» [10. С. 59]. В качестве катализатора развития вишеградского сотрудничества выступили начавшиеся кризис ЕС, пересмотр подходов к решению международных проблем, изменение во внешней политике России. Эти события скорее будут способствовать дальнейшей эволюции Вишеградской группы и ее укреплению в институциональном аспекте, учитывая, что единственным общим рабочим механизмом до сих пор остаются консультации представителей четырех стран. В контексте грядущей подготовки реформы ЕС, суть которой будет сводиться к разделению Европы на две группы – «быстрых» и «медленных» стран, Вишеградская четверка уже заявила о том, что сформулирует общую позицию и подготовит общее предложение по реформе Евросоюза. Она отстаивает идею сохранения финансирования из бюджета ЕС в полном объеме и крайне категорично выступает против концепции Европы «двух скоростей». В 2014 г. после действий России в отношении Украины и присоединения Крыма к РФ Группа заявила о необходимости более тесного регионального сотрудничества в области обороны, а именно создании собственной военной группировки. В настоящее время Вишеградская четверка стремится к развитию военного сотрудничества как составной части Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Отпраздновав 25-летний юбилей, Вишеградская четверка подчеркивает незыблемость групповых целей по укреплению взаимного доверия и проявляет высокий уровень солидарности, о чем красноречиво свидетельствует сделанное в рамках программы польского председательства в 2016 г. заявление: «В4 стала известным брендом — символом успешной инициативы для реализации совместных интересов и центральным элементом сотрудничества в Центральной Европе» [11].

Таким образом, процесс становления Вишеградской группы распадается на четыре основных этапа: 1991—1997 гг.: оформление Группы и определение ее первичных целей; 1998—2004 гг.: реализация поставленных целей, а именно, вступление в НАТО и начало переговорного процесса по вступлению в Европейский союз, завершение определения процедур, регламентирующих ее деятельность; 2004—2008 гг.: борьба за равенство стран Вишеградской группы в ЕС и расширение зоны сотрудничества до формата «В4+»; 2009—2014 гг.: принятие роли ответственной структуры за восточную политику ЕС, укрепление ее международного статуса.

С 2014 г. Вишеградская группа переживает новый виток активизации сотрудничества, обусловленный украинским кризисом и усиливающимися противоречиями на уровне ЕС. Эти события не только не привели к расшатыванию основ регионального сотрудничества, а, напротив, заставили Группу выступить в качестве консолидированной силы, имеющей порой достаточно жесткую общую позицию. Таким образом, идея регионального сотрудничества четырех восточноевропейских стран эволюционировала от стремления к интеграции в европейские институты, вызванного желанием преодоления общего тоталитарного прошлого, к постановке вполне прагматичных целей, в которых проявлялись как состязательность, так и консолидированость.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кишш Д. Чаба. Вишеградское родство. Варшава, 2016. 242 с.
- 2. Вишеградская Европа: откуда и куда? два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010. 568 с.
- 3. Есенский Г. 25 лет Вишеградской группе // Современная Европа. 2016. № 6 (72) ноябрь–декабрь. С. 13–20.
- 4. Шишелина Л.Н. Вишеградская группа: этапы становления и развития // Перспективы. 20.08.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/vishegradskaja_gruppa_etapy_stanovlenija_i_razvitija_2014-08-20.htm
- 5. Aims and Structure / Официальный сайт Вишеградской группы. URL: http://www.visegradgroup.eu/about/aims-and-structure
- 6. Visegrad Declaration 2004 / Официальный сайт Вишеградской группы. URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1
- 7. 2009/2010 Hungarian Presidency / Официальный сайт Вишеградской группы. URL http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/2009-2010-hungarian-110412
- 8. Котулевич-Вишиньска К. Вишеградская помощь странам «Восточного партнерства» // Современная Европа. 2016. № 6 (72) ноябрь—декабрь. С. 72—81.
- 9. Еремина Н. Чем кончится бунт Вишеградской группы в Евросоюзе? // Евразия. Эксперт. 17.03.2017. URL: http://eurasia.expert/chem-konchitsya-bunt-vyshegradskoy-gruppy-v-es/ свободный (дата обращения: 08.01.2018).
- 10. Хотькова Е.С. Вишеградская группа: опыт и перспектива // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 56–70.
- 11. Program of the Polish Presidency in the Visegrad Group / Официальный сайт Вишеградской группы. URL: http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/program-of-the-polish.

Safonova Evgeniya A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esafonova@list.ru

THE VISEGRAD GROUP: STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Keywords: Visegrad Group; European Union; NATO; «Eastern Partnership».

The Visegrad Group (V4) was formed on 15 of February 1991 at a meeting of the President of the Czechoslovak Republic, Vaclav Havel, the President of the Republic of Poland, Lech Walesa, and the Prime Minister of the Republic of Hungary, Jozsef Antall. On the

first period of its existence (1991-1997) main objectives were elimination of all existing social, economic and spiritual aspects of the totalitarian system and integration into the Euro-Atlantic Formations. The main achievement on this period was the signing of Central European Free Trade Agreement in 1992.

In the following years the interest of cooperation between the V4 countries began to slacken due to the prevalence of the idea that individual effort towards accession to the Euro-Atlantic integration formations would be more efficient.

Visegrad cooperation was resumed in 1998 when Council of the European Union proposed to begin negotiation on accession to the EU. Visegrad cooperation is not institutionalized. The only organization within the V4 platform is the International Visegrad Fund. The fund was established in 2000 with the aim of supporting the development of cooperation in culture, scientific exchange, education.

After their accession to the European Union in 2004 and NATO in 1999 countries of the Visegrad Group signed new declaration on 12 of May 2004 in Kromeriz. The cooperation of the Visegrad Group countries will continue to focus on regional activities and implementing the European Union policies towards the countries of Eastern and Southeastern Europe particularly within the "Eastern Partnership" program. To implement these tasks Group adopted a new format of cooperation with the participation of partner countries - "V4+".

The fourth stage of cooperation is related to the implementation of "Eastern Partnership" program.

Thereby, in development of the Visegrad Group are four stages:

- 1991-1997: formalization of the Group and setting of primary goals;
- 1998-2004: realization of the set goals, namely, joining NATO and start of negotiation on accession to the EU;
- 2004-2008: struggle for equality in the EU and expansion of the cooperation area to a format "V4+";
- 2009-2014: acceptance of the role of the responsible for the eastern policy of the EU, strengthening of international status.

At the present time during the EU crisis and change of approaches to solving international problem the Visegrad Group shows a high level of solidarity.

REFERENCES

- 1. Csaba Kiss, S. (2016) Vishegradskoye rodstvo [Visegrad kinship]. Warsaw: [s.n.].
- 2. Shishelina, L.N. (ed.) (2010) Vishegradskaya Evropa: otkuda i kuda? dva desyatiletiya po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakii i Chekhii [Visegrad Europe: where from and where to? Two decades on the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic]. Moscow: Ves' Mir.
- 3. Yesenskiy, G. (2016) 25 years of the Visegrád group. Sovremennaya Evropa Contemporary Europe. 6(72). pp. 13–20. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope620161319
- 4. Shishelina, L.N. (2014) Vishegradskaya gruppa: etapy stanovleniya i razvitiya [Visegrad Group: Stages of Formation and Development]. Perspektivy. 20th August. [Online] Available from: http://www.perspektivy.info/ oykumena/europe/vishegradskaja_gruppa_etapy_stanovlenija_i_razvitija_2014-08-20 htm
- 5. Visegrad Group Official Website. (n.d.) Aims and Structure. [Online] Available from: http://www.visegradgroup.eu/about/aims-and-structure.
- Visegrad Group Official Website. (n.d.) Visegrad Declaration 2004. [Online] Available from: http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1.
- Visegrad Group Official Website. (n.d.) 2009/2010 Hungarian Presidency. [Online] Available from http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/2009-2010-hungarian-110412.
- 8. Kotulevich-Vishinska, K. (2016) Visegrad Assistance to the Eastern Partnership Countries. Sovremennaya Evropa Contemporary Europe. 6(72). pp. 72–81. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope620167281
- 9. Eremina, N. (2017) Chem konchitsya bunt Vishegradskoy gruppy v Yevrosoyuze? [What will end the riot of the Visegrad group in the European Union?]. Evraziya. Ekspert. 17th March. [Online] Available from: http://eurasia.expert/chem-konchitsya-bunt-vyshegradskoy-gruppy-v-es/. (Accessed: 8th January 2018)
- 10. Khotkova, E.S. (2012) Vishegradskaya gruppa: opyt i perspektiva [Visegrad Group: Experience and Perspective]. *Problemy natsional'noy strategii*. 4(13). pp. 56–70
- 11. Visegrad Group Official Website. (n.d.) *Program of the Polish Presidency in the Visegrad Group*. [Online] Available from: http://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/program-of-the-polish.

УДК 94(430).082

DOI: 10.17223/19988613/53/15

Г.Г. Супрыгина

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О ЛАНГЕМАРКЕ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ XX в.

Статья посвящена созданию в начальный период Первой мировой войны военной пропагандой Германии мифа о Лангемарке. Его героями стали «молодые бойцы», погибшие в бою во Фландрии из-за бездарного руководства. Милитаристы превозносили героизм и самопожертвование павших, превращая их в код фронтового поведения, и навязывали его немецкой молодежи. Миф о Лангемарке использовался националистами Германской империи, Веймарской республики и Третьего рейха. В ФРГ этот миф утратил свой статус, его мемориалы рассматриваются ныне как «места памяти».

Ключевые слова: миф о Лангемарке; молодые бойцы Германии в Первой мировой войне; миф о Лангемарке в эпоху национал-социализма; Лангемарк как место памяти.

Многие немецкие авторы, изучавшие общественное настроение в Германии в самом начале Первой мировой войны, констатировали взрыв ура-патриотических националистических чувств у значительной части немцев, которые порой доходили до эйфории. Этот феномен получил в немецкой научной литературе название «августовское переживание». Исследователи указывают, что подобные настроения были присущи преимущественно слоям «образованной буржуазии», проживающей в урбанизированных центрах. Наиболее высокий уровень воодушевления был отмечен в ее молодежных группах. Эти чувства питали так называемые идеи 1914 г., которые еще до войны были сформулированы представителями интеллигенции рейха и оказали сильное воздействие на немецкое общество. Авторы «идей 1914 г.» категорически отвергали утверждения противников Германии о том, что ее целью в войне является борьба за расширение влияния в Европе и в мире. Они подчеркивали «непоколебимое миролюбие кайзера» и доказывали, что Германии «навязана война за само ее существование», поэтому она вынуждена обороняться [1]. Особую активность проявили профессора Берлинского университета, которые доказывали, что критикуемый противниками «немецкий милитаризм» играет позитивную роль в этой войне, так как защищает не только немецкую, но и западную культуру и цивилизацию от угроз с Востока и Запада. В начальный период войны под воздействием «идей 1914 г.» многие охваченные энтузиазмом немцы, особенно молодые, отправлялись на призывные пункты добровольцами, чтобы защитить «фатерланд», добиться для немцев «экономической свободы», достойного «места под солнцем».

В ходе военных действий, особенно после первых болезненных поражений, атмосфера воодушевления постепенно развеивалась, уступая место отрезвлению. Но осенью 1914 г. произошли события, которые были использованы официальной пропагандой для создания «мифа о Лангемарке», который помогал германским властям поддерживать моральный дух солдат. Немецкие вооруженные силы в первые недели войны в боях

на территории Бельгии и в Пограничной битве с Францией добились ряда побед, имели стратегическое превосходство, но постепенно утрачивали его. Лишь в конце августа - со значительным отставанием от сроков, установленных планом молниеносной войны (блицкриг) Шлиффена, они пересекли границу Франции. После неудачного для германцев сражения на р. Марне 6-12 сентября они были вынуждены все чаще переходить к обороне. В следующей операции «Бег к морю» 16 сентября – 15 октября 1914 г. противники предпринимали отчаянные попытки обойти и охватить друг друга с открытых флангов, чтобы установить контроль над побережьем Северного моря и занять выгодные позиции для дальнейших наступлений. Но ни одна из сторон не достигла этой цели. В итоге операции линия обороны удлинилась до 180 км и концы «уперлись» в пролив Па-де-Кале.

В октябре ход битвы показал, что военные действия на Западном фронте все более утрачивают способность к маневренности и принимают позиционный характер. В такой ситуации германское Верховное военное командование было крайне заинтересовано в наступлении, которое могло бы поддержать боевой дух солдат, настроенных на блицкриг. Перед ним стояла также трудная задача, несмотря на огромные потери, довести численность вооруженных сил Германии до 5 млн человек, в том числе за счет обеспечения массового притока добровольцев. Для привлечения новобранцев в печати сообщалось, что на фронт добровольно уже отправились 1 млн мужчин. На самом деле число добровольцев не превышало 180 тыс. [2. S. 34]. Официальная пропаганда превозносила добровольцев как героев нации и призывала к подобному «доблестному поведению» тех, кто еще не явился на призывные пункты.

Призывы имели успех: хотя среди добровольцев были мужчины разных возрастов, но основную их массу составляли молодые люди. Это были студенты и даже гимназисты, служащие, рабочие, ремесленники, члены различных молодежных союзов. Многие юные новобранцы добивались приема на военную службу, прибегая к протекции влиятельных родственников,

знакомых, реже благодаря собственной настойчивости. Известны случаи, когда военнослужащими становились подростки моложе 15 лет [2. S. 22]. Таким немецкая пресса уделяла особое внимание, называя их детьми-солдатами (Kindersoldaten). Информация о них была хорошим агитационным материалом, побуждала следовать их примеру. Несовершеннолетние солдаты должны были до достижения призывного возраста служить в обозах, в прифронтовых районах, в тыловых подразделениях. Но в кризисных ситуациях их отправляли в резервные полки и после краткосрочной подготовки бросали в бой [3].

После операции «Бег к морю» германское командование не утратило веру в возможность решительного удара. Оно поставило новую цель – захватить побережье Па-де-Кале для угрозы Великобритании. Германским командованием был разработан новый план наступления в Западной Фландрии, где на северо-западном участке фронта еще сохранялась возможность маневра (этой операции, получившей название первой фламандской битвы (всего состоялось четыре) придавалось особое значение). 14 октября в Гент прибыл даже Вильгельм II. Он обратился к солдатам с воззванием, в котором выражал уверенность в достижении этой важной стратегической цели [4]. Предполагалось, что победа в этой операции окажет позитивное воздействие на солдат всего Западного фронта. Основной целью немцев был захват французских портов на берегу Па-де-Кале (прежде всего Дюнкерка и Кале), через которые Британский экспедиционный корпус получал снабжение и пополнение из метрополии. Для главного удара по приказу военного министра Германии в октябре в помощь 4-й армии наспех было сформировано четыре корпуса, состоящих преимущественно из молодых добровольцев, ополченцев и резервистов зрелого возраста. Британцы тоже готовились к наступлению во Фландрии, чтобы осуществить с ее территории широкий охват германских армий во Франции и разбить их. Первая фламандская битва носила крайне ожесточенной характер, поскольку от ее исхода зависело решение вопроса о краткосрочной войне, на которую надеялись обе стороны.

Наступление германских войск против бельгийскофранцузских сил начались на вспомогательном направлении у р. Изер. 23 октября немцы сломили оборону изможденного противника и закрепились на правом берегу. Отступившие бельгийцы прибегли к радикальной мере: с 26 по 29 октября они открывали шлюзы и затапливали морскими водами долину Изера, превращая ее в непроходимое болото. Наводнение стало непреодолимой преградой для немцев, и победа осталась за союзниками [Ibid.]. Активные военные действия на Изере были прекращены, и противники перебросили свои основные силы в район Ипра, который стратегически являлся бастионом Дюнкерка и других портов Ла-Манша [5].

В ходе кровопролитных боев 20–21 октября англофранцузские войска создали вокруг Ипра дугообразный выступ протяжением в 20 км. Концентрическое наступле-

ние немцев в направлении дуги продолжалось до середины ноября. Части 4-й и 6-й германских армий смогли продвинуться к Ипру, но решительного успеха не добились и здесь из-за прочной обороны британских армий, которым помогали французы. Постепенно из-за больших потерь напор немцев ослабел, и в конце октября их наступление остановилось. Германское командование решило все же добиться перевеса и к 10 ноября сосредоточило северо-западнее Ипра все имеющиеся резервы, чтобы сделать еще одну попытку сломить оборону союзников и нанести им решительное поражение. Но наступление провалилось, немцы добились лишь локальных успехов, так как англичане подтянули свежие резервы [6].

В этом последнем наступлении маневренной войны между Лангемарком и Биксхоте произошли события, интерпретация которых и стала основой «мифа о Лангемарке». В качестве ударной группы были спешно переброшены наспех обученные и слабо вооруженные солдаты 6-й резервной дивизии XXII корпуса, в составе которого было больше обычного студентов и даже гимназистов. «полных безрассудного энтузиазма 1914 года» [5]. Современные немецкие авторы ход событий излагают следующим образом: прибывшие в октябре на место неопытные рекруты 10 ноября 1914 г. получили приказ рано утром 11 ноября штурмовать передовые позиции англичан, которые представляли собой гряду холмов. На них расположились опытные стрелки, в том числе гвардейцы, вооруженные пулеметами и поддерживаемые артиллерией. С этих холмов они буквально скосили пулями и снарядами более 2 тыс. немецких резервистов, которые, согласно приказу, волнами беспомощно штурмовали высоты противника.

В работе Е. Буллита и Х. Буллита содержится письмо участника Ипрской битвы 17-летнего солдата А. Вильмера от 28 октября 1914 г., которое передает ужас, пережитый юношей в бою. Он сообщает, что хотел первоначально написать о большом наступлении во Фландрии, как это обещали его офицеры. «Но перед глазами стоят только немногие ужасные детали, которые я хотел бы как можно скорее забыть: сослуживец с кровоточащей культей, размозженное пулей лицо одного из моих товарищей» [7. S. 47, 49]. После битвы под Лангемарком 11 ноября Вильмар писал уже из лазарета: «...мы все знали, что началось решающее наступление. Все резервисты - к ним еще присоединилось много гимназистов и даже производственных учеников – находились близь Ипра. Наш командир сказал перед сражением, что большой прорыв будет совершать молодежь. И поэтому мы выступили в утреннем тумане, надеясь все время, что враг нас не заметит и мы сможем захватить его врасплох. Но все случилось по-другому: тишину разорвали раскаты грома и вспышки огня. Хуже не могло быть даже в аду. Воздух вскипал, настолько сильным был огонь пехоты и пулеметов. Вокруг меня раздавались крики и стоны, тщетные зовы санитаров...». Следующее послание с фронта его мать получила через пять дней от штабного врача. Он сообщал ей, что ее сын умер от последствий ранения пулей в легкое, которое он получил в битве под Лангемарком. Далее следовали типичные слова утешения, что он «заснул тихо, не испытывая боли» и «погиб за Бога и отечество» [7].

Верховное военное командование уже 11 ноября 1914 г. опубликовало коммюнике, содержащее краткую информацию для населения рейха об итогах кровопролитных боев севернее Ипра. Оно сразу было воспроизведено на первых страницах ведущих газет. В сравнении с действительностью изложение событий было похоже на издевку. В документе не было и речи о бездарном руководстве этим наступлением, о преступной готовности военного командования бездумно жертвовать жизнями тысяч мало обученных новобранцев, циничном отношении к ним как к пушечному мясу [Ibid. S. 49]. Авторы коммюнике стремились отвлечь внимание общественности от военной катастрофы и представить ее успешной операцией. В сообщении превозносился героизм молодых солдат, однако о тысячах погибших в этом бою даже не упоминалось. Документ гласил, что западнее Лангемарка молодые бойцы XXIII резервного корпуса, «бесстрашно демонстрируя презрение к врагу», строем с развевающимися знаменами пошли в атаку на передовые позиции противника, исполняя национальную песню «Германия, Германия превыше всего...». Экспрессивное изложение событий должно было создать впечатление о спонтанном взрыве патриотических чувств у молодых солдат.

Пока коммюнике продвигалось по инстанциям, появилась обновленная версия произошедшего, но и в ней ни слова не было о катастрофических потерях, а сообщалось о студентах и гимназистах, которые якобы прорвали первую линию вражеских позиций и взяли пленными 2 тыс. французских пехотинцев и 6 пулеметов. Следует отметить, что большая часть населения тыла приняла эту историю на веру и восхищалась героизмом молодых солдат [8]. В частности, Э.-М. Ремарк впоследствии сообщал в интервью писателю Г. Грассу, что осенью 1914 г., когда он был еще школьником, легенда о Лангемарке произвела на него неизгладимое впечатление [9].

При содействии военного руководства официальная пропаганда оперативно формировала миф о Лангемарке. Он основывался исключительно на коммюнике командования и вскоре стал одним из самых популярных мифов в истории Германии первой половины XX в. Творцы мифа из каждого кусочка краткого сообщения искусно выстрачвали его составные части. В реальности военные действия проходили близь населенного пункта с неблагозвучным наименованием Биксшоте. Но вместо точного указания места боя в коммюнике предпочтение было сознательно отдано топониму Лангемарк, звучащему якобы более выигрышно как типично прусско-немецкое название, созвучное к тому же слову «Бисмарк» [10].

В сводках подчеркивалось, что бой произошел «западнее Лангемарка», чтобы внушить читателю, что немецкие солдаты были охвачены «наступательным духом» и продвинулись вперед. В реальности незначительные успехи были достигнуты на других отрезках ипрского фронта. Вместо указания на конкретные части и батальоны, которые участвовали в сражении, в сообщениях фигурировали лишь «молодые резервисты», «молодые бойцы», хотя среди атакующих были и зрелые мужчины. Такие термины употреблялись и ранее, но с целью подчеркнуть неопытность, «необстрелянность» большинства новоприбывших солдат. Молодежь выдвигалась на первый план намеренно, чтобы пробуждать настроения сопереживания, горестной утраты и гордости за нее. Так, в 224-м пехотном полку из почти 2,9 тыс. человек только 7% добровольцев имели свидетельство о годичной военной подготовке; треть из них являлись школьниками. Из 1 тыс. военнослужащих 26-го резервного егерского батальона, сформированного в основном из студентов горной академии Фрайбурга, военную подготовку прошли 160 человек [11]. По данным Франкфуртер альгемайне цайтунг, доля молодых солдат в подразделениях не превышала 20% [12]. Неслучайно, интерпретируя события ипрской битвы, пропагандисты изобрели новую смысловую единицу: «бойня детей» (Kindermord), которая как метафора часто и долго использовалась.

Во всех трактовках мифа о Лангемарке главным его компонентом, а затем и символом стало пение солдат на поле боя. В реальности этого факта сомневались даже современники. Трудно поверить, что прибывшие незадолго до боя неопытные солдаты, обвешанные 30килограммовым вооружением, в предрассветных сумерках, в густом тумане пошли на штурм противника по размокшей из-за затяжных дождей глине свекольного поля с развернутыми знаменами, исполняя патриотическую песню (темп который был медлительный). Но в более поздних исследованиях указывается, что в бою «западнее Лангемарка» «Песнь немцев» использовалась как опознавательный сигнал и как патриотическая песня для поддержания боевого духа, но не при наступлении на вражеские позиции. В частности, Е. Булитта и Г. Булитта пишут, что новобранцы в незнакомой местности и в тумане потеряли ориентировку. Чтобы собраться воедино, они запели песню о Германии, которую знали все и которую многие солдаты исполняли еще до появления на фронте [7]. Другие авторы считают, что в хаосе наступления пением солдаты подавали сигнал о своем присутствии, чтобы избежать обстрела собственной артиллерии, установить связь с соседними батальонами, упуская из вида, что немецкая артиллерия находилась позади солдат на глубине четырех километров. Однако как раз эти невыясненные обстоятельства и давали возможность официальным лицам на свой лад интерпретировать произошедшие события. Пение превратилось в устойчивый компонент мифа о Лангемарке.

Имеются сведения, что опыт этой атаки, несмотря на ее трагизм, нашел последователей. Невзирая на

свертывание боевых действий по обе стороны фронта, по приказу генерала фон Деймлинга 15 ноября в атаку против французов в сопровождении полкового оркестра с пением были брошены 12 тыс. человек, половина из которых погибла [10]. Лишь 18 ноября немецкие войска получили приказ о прекращении наступления, и вскоре весь Западный фронт перешел к затяжной позиционной войне, создавая из окопов монументальные линии обороны [13]. Героизация солдат, павших под Лангемарком, в течение всей войны выполняла функцию поддержания «боевого духа и воли к противостоянию» у тех, кто был призван на фронт, и у тех, кто должен был вскоре стать новобранцем. В первую годовщину битвы под Лангемарком вышел поток публикаций. Большинство газет вновь поместили на своих страницах коммюнике Верховного военного командования, статьи о героях и их последователях. В статьях вновь живописались образы боя, превозносился героизм «цвета молодежи», но по-прежнему сохранялось молчание по поводу причин и виновниках ее гибели. Вместо слова «смерть» во всех публикациях было поставлено многоточие или оставлено пустое место.

Миф о Лангемарке явился удачной попыткой военного руководства Германии обратить сокрушительное военное поражение в моральную победу, в то время как итог военных действий в северной части Западного фронта протяженностью в 300 километров был удручающим. Командованию не удалось достичь здесь ни одной стратегической цели: ни прорвать фронт союзников по Антанте, ни занять хотя бы один порт. Хотя почти вся Бельгии была оккупирована, бельгийские и английские войска, несмотря на численный перевес немцев, в течение всей войны удерживали небольшую территорию страны, зажатую между Северным морем и р. Изер, которая находилась всего в шести километрах от дислокации германских войск. В борьбе за незначительные территории, приобретенные в результате этого бесславного наступления, немцы потеряли 20 тыс. солдат. Общие их потери в первой фламандской битве составили 130 тыс. убитыми и ранеными [6].

Беспощадная расправа, которую пережили молодые добровольцы, ужасающие разрушения окрестностей, беспорядок в частях кардинально изменили их настроение. В работе Ф. Виткофа «Военные письма немецких студентов» (1916), которая формировала образ «поколения Лангемарка», показан переход новобранцев от былого энтузиазма к отчаянию. Один из них 28 октября 1914 г. писал из Диксмюде: «С какой радостью и восторгом я отправился воевать, война казалась мне наивысшим поводом позволить себе жизненный порыв и испытать живой восторг. С каким разочарованием сижу я здесь – ужас в сердце» [14. S. 47].

Немецкий ученый Б. Хюппауф, изучавший феномен Лангемарка, отмечает, что в годы Первой мировой войны в Германии было создано два мифа, которые сосуществовали, противостояли и усиливали друг друга. Первый – миф о Лангемарке «вдувал жизнь» в тра-

дицию прошлого с его идеалами рыцарства героизма и жертвенности и прославлял их. Этот миф создавался консерваторами и националистами с целью внушить, что «молодежь» Лангемарка доказала «возрождение героического человека», омоложение духа нации и право на представительство ментальности всех буржуазных групп [14. S. 49]. Однако повторяемые как заклинание лозунги: «Самая большая победа – умереть за отечество», «Отдельный человек – ничто, народ – все», в первую очередь были обращены к молодежи [15. С. 47]. Миф стал инструментом воспитания целого «поколения Лангемарка». Ему внушали, что от его борьбы и даже смерти зависит спасение германского народа, нации, государства. Самопожертвование «героев Лангемарка» провозглашалось эталоном, равняться на который должны были не только солдаты, но и немцы тылового общества. Таким образом, через молодежь эти призывы транслировались всем немцам.

Создание второй редакции мифа началось в 1916 г., когда военное командование Германии осмысливало опыт «великой войны», особенно сражения под Верденом, которое унесло жизни почти 1 млн человек. Военное руководство провозгласило, что идет «битва материалов», от объемов производства которых зависит исход войны. Солдат в этом контексте был приравнен к боеприпасам, вооружениям и рассматривался лишь как одна из разновидностей «материалов». Командование поставило задача создать «иконографию солдата нового типа». По оценке Б. Хюппауфа, этот миф был отме-«агрессивностью, футуристически-нигилистическими чертами». Вместо героя Лангемарка – эмоционального, спонтанного идеалиста, идущего на смерть, предстает фигура бойца «новой конструкции» - вымуштрованного, хладнокровного и технически хорошо вооруженного, который без оглядки на мораль и политические последствия претворяет уроки фронта в жизнь [14. S. 43-44]. Воин нового типа должен был стать аналогом «боевой машины» (Kampfmaschine). Его визуальными символами явились автоматический пулемет, газовая маска и стальной шлем, которые олицетворяли современную высокотехничную, функциональную войну. Боец «новой конструкции» потеснил образ юного солдата-идеалиста из легенды о Лангемарке. Но ссылки на него все же сохранились, только пропаганда перенесла акцент в трактовке его образа на такие качества, как воля к победе, безоговорочная готовность служить кайзеру, народу, фатерланду, демонстративное презрение к смерти [16. S. 108].

Миф о Лангемарке выстраивался в целях решения задач, стоящих перед германскими националистами, и вылился в кампанию героизации и эстетизации мученической смерти погибших. Немецкий исследователь А. Вайнрих пишет, что с точки зрения культуры памяти в мифе о Лангемарке акцентом сакрального смысла был сделан чистый героизм, в котором не было места трезвому расчету и сопоставлению оперативной цели и возможных потерь. В пространственно-временном плане

«Лангемарк» не стал «поэтической банальностью, порожденной первой фламандской битвой октября / ноября 1914 г.». Он сотворил неразрывную триаду: молодежь, жертвенность и смерть, а героическую смерть молодых немцев возвел в ранг обязательного кода поведения молодежи на всех фронтах и на всю войну. Милитаристы, создавая культ молодежи, безжалостно навязывали ей культ смерти. Молодых людей убеждали, что «самая большая победа — это умереть за отечество». Смерть или готовность к смерти должны были стать самоцелью. Творцы мифа стремились внедрить в молодежную культуру установку на героизм и самопожертвование. Логика действий героев Лангемарка — бросится навстречу верной смерти, исполнить свой долг и добиться моральной победы — навязывалась как эталон [17].

Большой вклад в эту кампанию внесли деятели культуры Германии. В широко известной песне «Прощание солдата» (1916 г.) на слова поэта Г. Лерша звучало «Пусть живет Германия, даже если мы умрем». Стихотворец В. Флекс писал, что «война — это алтарь, на котором из германской крови Бог готовит свое вино»; «...под мечами и знаменами гаснет наша улыбка». Герой Первой мировой войны и писатель Эрнст Юнгер и в 70 лет помнил текст «Фландрской пляски мертвых»: «Фландрия в беде, Фландрия в огне, смерть скачет по ней на черном коне» [18].

Значительное число солдат оказалось восприимчиво к идеям, составляющим ядро мифа о Лангемарке. Примечательно, что даже в конце войны многие из них оставались привержены им. Хотя большинство их со временем осознало бессмысленность и жестокость империалистической войны, но они считали необходимым выполнять свой долг, ставили его выше страданий и страхов. Так Карл Шенкель в письме от 20 апреля 1917 г. сообщает родным о локально успешном противостоянии англичанам в районе Appaca: «...вы в тылу ощущаете благодарность, ...но она предназначена Богу, а не нам – мы выполняем наш долг ...И если однажды от нас потребуется последняя жертва, мы... отбросим ненужные жалобы и надломы, ибо в такой момент война как раз является испытанием нашей веры. Да, печально, но по-другому мы не сможем поступить... нам под силу следующее: для нас самих - из боли создать благодать, для других - стать им образцом для подражания» [19].

Миф о Лангемарке был сфабрикован по инициативе и усилиями милитаристских сил, уловивших ментальный настрой так называемой образованной буржуазии, прежде всего ее более молодых групп, адептов «нового национализма». Последние связывали с войной надежды как на повышение значимости Германии в мире, на территориальные приобретения, так и на обновление общества, проникнутого стагнацией, косностью, традиционализмом. Б. Хюппауф, исследуя истоки популярности мифа о Лангемарке, указывает, что на сознание и подсознание националистически настроенных немцев действовали красочные архетипы этого мифа:

рыцарское поведение, чувство товарищества (Kameradschaft), верность долгу, приоритет нации и Германии над индивидуализмом. В годы военных потрясений и изломов убеждения и культурные ориентации многих людей подвергались эрозии и трансформации, а их социальная идентичность на фронте и в тылу размывалась, оказываясь на грани уграты. Миф о Лангемарке способствовал их стабилизации, которую они старались обрести, обращаясь к образцам прошлого. Им казалось, что «сияющий свет, который исходил от этого мифа, вновь давал им возможность устоять и утвердиться, несмотря на заслуживающую проклятия действительность, в которой самым тяжелым были последствия фронтового опыта и поражение 1918 г.» [14. S. 47].

Призывы помнить о героях Лангемарка и подражать им на протяжении всей войны содержались в речах военных и государственных деятелей, священников, руководителей молодежных организаций, в печати, в школьных и вузовских учебниках, даже в детских журналах. Среди лавины патетических публикаций, появившихся в первую годовщину Лангемарка, было немало статей, в которых, наконец, заговорили о смерти участников боев севернее Ипра. Но акцент в них был сделан не на осуждении виновников, а на прославлении самопожертвования молодежи [10]. Авторы публикаций требовали увековечить память героев: внести день битвы в реестр памятных дат нации, воздвигать мемориалы в их честь, проводить дни поминовения в школах и вузах для сохранения памяти о них.

Воздаяние почестей погибшим во время войны, а затем и в годы Веймарской республики превратилось в «разновидность поминальной службы» по ним. Неслучайно уже в годы Веймарской республики день Лангемарка отмечался в стиле, присущем церковной службе. Выполнение ритуала, особенно ветеранами войны, воспринималось как гарантия того, что высокие моральные качества и верность долгу, проявленные героями, будут и впредь передаваться от поколения поколению. Упомянутый поэт В. Флекс пророчил, что «слава воинов породит таких же внуков» [16. S. 110]. Участие в чествовании павших при Лангемарке помогало участникам войны справиться с собственным страхом по поводу того, что и они «могут выпасть из истории», т.е. будут забыты. Во время войны пропаганда твердила, что в кровопролитных битвах решается вопрос «быть или не быть» Германии, и эта дилемма страшила не только перспективой национального позора в случае поражения, но и возможностью утраты «места своего бытия в мире истории». Гарантией от такого исхода являлась верность памяти жертв Лангемарка. Поклонение им стало знаком борьбы с угрозами будущего [14. S. 44]. День Лангемарка уже в годы войны вошел в реестр военных национальных памятных дат, его отмечали наряду с датами битвы при Танненберге, Лейпцигской битвы, битвы под Седаном.

Миф о Лангемарке содействовал возникновению в Германии целого культурного пласта. В эпоху Веймара

поэты, писатели, композиторы, публицисты посвящали героям свои стихи, драмы, песни, эссе. Памятные доски, барельефы и витражи напоминали о них в церквях. К теме Лангемарка обращались такие известные художники, как Отто Дикс и Кэте Кольвец, которая потеряла 17-летнего сына-добровольца в Бельгии и возвела на месте его гибели памятник молодежи, обманутой и безжалостно принесенной в жертву.

После проигранной войны потребность в культе героев, сложивших головы во благо рейха, еще более возросла, что повлекло за собой дальнейшую институционализацию мифа о Лангемарке. 10 ноября 1919 г. военнослужащие XXII резервного корпуса впервые провели в Берлине день памяти битвы. Он проходил в помпезном соборе, посвященном императору Вильгельму II. Многолюдные чествования состоялись в гарнизонной церкви Потсдама, известного своими милитаристскими традициями. Блок правых сил Веймарской республики, а затем нацисты, используя популярность мистификации о Лангемарке, представляли его антитезой, оппозицией Ноябрьской революции, развязанной социалистами, демократами и евреями, которая нанесла Германии «удар в спину кинжалом». Лангемарк толковался и как противовес Веймару, «соглашательской» политике его лидеров, подписавших грабительский Версальский договор. По утверждению националистов, правительство республики предало память павших героев.

Особую активность в сохранении памяти о Лангемарке проявили союзы студентов и молодежи и объединения участников войны. В 1921 г. они создали Комитет Лангемарка высшей школы и армии, который руководил устройством «дней Лангемарка» в вузах, вооруженных силах, школах, молодежных союзах. С 1928 г. эти торжества стали ежегодными и проводились в вузах по всей Германии. В 1929 г. в Берлине на организованное при участии студенческих комитетов имперское чествование Лангемарка у Дворца спорта собралось 150 тыс. человек [20]. Особо пышные церемонии были организованы в юбилейные годы: 1919, 1924, 1929 и в 1932 гг. На открытие памятника павших в горах Рен в десятую годовщину сражения прибыли 2 тыс. представителей молодежных союзов. В годы Веймара в проведении торжеств Лангемарка участвовали высшие офицеры, лидеры и члены консервативных, ветеранских и националистических союзов. В конце 1920-х гг. помощь в их организации неофициально оказывали земельные правительства. Повышению престижа акций памяти Лангемарка содействовало присутствие на них принцев Пруссии и Баварии. В 1929 г. из студенческих групп, которые вышли из подчинения боевому союзу фронтовиков «Стальной шлем», и членов союза фехтовальщиков «Ваффенринг» был создан Круг студентов Лангемарка с целью демонстрации верности памяти молодых героев.

В годы республики отдельные группы немецкого общества стремились придать чествованию павших антивоенный смысл, сделать его символом примирения сторон, но эта интерпретация не стала доминирующей.

С 1928 г. немецкое студенчество взяло «Лангемарк» под особую опеку. Немецкий Союз студентов создал «Общество пожертвований на Лангемарк» для финансирования работ по созданию «Немецкого солдатского кладбища № 123» в бельгийской Фландрии неподалеку от места битвы. К 1932 г. оно было преобразовано в мемориал. Его территория была окаймлена дубами и окружена валом и рвом. Вход на кладбище был оформлен воротами из красного песчаника. В одном из мемориальных помещений были размещены дубовые доски с выявленными именами павших. Во дворе располагалась большая братская могила, где были похоронены останки около 25 тыс. немецких солдат, большинство имен которых были неизвестны. Со временем были выявлены фамилии 17 тыс. погребенных. Их имена отлили на бронзовых досках, закрепленных на массивных каменных глыбах, обрамляющих братскую могилу с трех сторон. Позднее на это мемориальное кладбище были перенесены останки немецких солдат из других мест Фландрии, и общая численность захоронений достигла 44 тыс. На заднем плане располагалась скульптурная группа из бронзы «Скорбящие солдаты», созданная скульптором Э. Кригером. В северной части вдоль частично сохранившейся линии фронта располагались три отреставрированных блиндажа и 52 каменных саркофага с надписями воинских частей и студенческих союзов, которые участвовали в сборе пожертвований на восстановление кладбища [10]. В эпоху Веймара во многих населенных пунктах Германии появились памятники и мемориалы преимущественно в псевдоантичном стиле. Многие из них были установлены церковными общинами или по частной инициативе граждан [18].

Нацисты подхватили миф о Лангемарке и превратили его в инструмент своей политики в 1928 г. До этого Гитлер отделывался приветственными репликами в адрес его героев. Он считал, что миф носит элитарный характер, поскольку объектом прославления были студенты (как правило, принадлежащие буржуазным слоям). Фюрер отмечал, что у них было много энтузиазма, но не хватало решимости [10]. Обострившаяся в конце 1920-х гг. внутриполитическая борьба и погоня за электоратом побудили нацистов акцентировать участие в битве молодых рабочих, ремесленников, торговцев, крестьян и студентов, что должно было подчеркнуть «общенародный» состав павших солдат, доказательство наличия в Германии «народного сообщества». Однако со временем, как и консерваторы, нацисты стали утверждать, что Лангемарк может стать «символом программы омоложения немецкой нации». Они заявляли, что образованная молодежь с ее «страстной тоской по "смыслу" истории и поисками "метафизического пристанища" может пойти по следу Лангемарка и найти пристанище в нацистской партии» [14. S. 49].

В годы Третьего рейха «Лангемарк» не только был принят, но расширен и преобразован. Стилизованный миф давал нацистам возможность прославлять войну как таковую, воспитывать молодежь в духе расизма, реванша и агрессии. Нацистская пропаганда твердила, что социа-

листы и демократы предали забвению подвиг героев: демократы радовались перемирию 11 ноября 1918 г., а социалисты привели Германию 9 ноября 1918 г. к революции и предали дело героев Лангемарка. Осенью 1933 г. во многих немецких городах синхронно состоялась премьера героической драмы боннского писателя Г. Церкаулена «Молодежь Лангемарка», а затем «Отчет о штурме Лангемарка» Э. Кана и М. Гейслера-Монато. С согласия Гитлера Союз ветеранов XXVI резервного батальона, участвовавшего в Ипрской битве, учредил в 1933 г. «Крест за Лангемарк» в качестве неофициальной почетной награды [18]. Нацисты положили начало переименованию улиц и площадей в честь Лангемарка.

В 1934 г. проведение акций чествования Лангемарка и пожертвований на него было передано под контроль официальной молодежной организации НСДАП «Гитлерюгенд», которая оттеснила на второй план студенческие организации и даже рейхсвер. Нацисты переименовали общество «Пожертвований немецкого студенчества на Лангемарк» на «Пожертвования немецкой молодежи».

В этот же год была учреждена и трехсеместровая программа «Лангемаркского обучения», которая действовала почти до конца Второй мировой войны. Ее выполняли многие ведущие университеты рейха. Этот проект предназначался для «одаренных молодых мужчин... из всех слоев, сословий и профессий» 17-24 лет, не имевших аттестата о полной школе. В 1937 г. была установлена ежегодная квота приема на программу 1 тыс. человек. Малоимущие имели право на бесплатное обучение. На деле попасть на «Лангемаркское обучение» было непросто, так как возможность свободного поступления и выбора курсов исключалась. Претендовать на участие в программе могли только члены подразделений НДСАП, в первую очередь ее молодежных организаций (в годы войны и вермахта), или молодые люди, получившие их рекомендацию, а также лица, отслужившие в вермахте или выполнившие трудовую повинность. Отбор производился после проверки в специальных лагерях на соответствие критериям «расовой чистоты», приверженности идеологии националсоциализма, а также состояния «физического здоровья и наличия функциональных способностей» [21]. Целями «Лангемаркского обучения» была подготовка кадров, преданных режиму, и демонстрация дееспособности «народного сообщества», обеспечивающего якобы широкую доступность высшего образования. Лангемарку были посвящены спортивные состязания молодежи, в которых видное место занимала военная подготовка.

В эпоху нацизма Лангемарку было отведено почетное место и в историческом здании Новая вахта. Она была возведена еще в 1818 г. в центре Берлина как пост караула короля Пруссии. В годы Первой мировой войны в ней был размещен центральный военный телеграф. В 1931 г. архитектор Г. Тессенов преобразовал это сооружение в мемориал. Новая вахта являлась местом почитания не только героев Лангемарка, но и немцев, павших

в эпоху наполеоновских войн за освобождение Германии, а также «бойцов движения»: нацистов, которые погибли в период «пивного путча» 1923 г. и в ходе столкновений с их политическими противниками.

«Лангемарк» был интегрирован и в Имперское спортивное поле - монументальный стадион, построенный для проведения Олимпийских игр в Германии в 1936 г. Сооружения стадиона занимали 132 га, на нем могли разместится 100 тыс. человек. В боковой части комплекса архитектором В. Мархом была возведена величественная 80-метровая кампанила - колокольня с олимпийским колоколом, посвященная Адольфу Гитлеру [22]. В цокольном этаже кампанилы был создан Зал Лангемарка, предназначенный для чествования бойцов, погибших в ипрской битве. Павильон был оформлен в стиле античного храма, декорирован знаменами полков и табличками с именами павших. Залу было предназначено стать национальным символом культа жертвы. В деревянном алтаре находился ларец с землей с кладбища № 123 во Фландрии, которую привез организатор Олимпийских игр Карл Дьем, ветеран Первой мировой войны. Архитектор вписал мемориал в сооружение стадиона ради реализации идеи, что «спорт должен закалять германскую молодежь для войны и готовить к жертвенной смерти» [23]. Демонстрацией «слияния культа тела и спорта с культом жертвы и солдатского мужества» явился перенос официальных чествований героев Лангемарка на Майское поле стадиона, созданное для массовых манифестаций. Но после того как летом 1940 г. нацисты оккупировали Францию и Бельгию и вермахт и верхушка нацистов праздновали эти событие как «подлинное окончание Первой мировой войны», очередное и последующие чествования павших героев были перенесены на кладбища Лангемарка и Вердена. Там организаторы торжественно провозгласили: «И все же вы победили!», и в этом с ними было согласно большинство немцев. Роль Зала Лангемарка резко снизилась. В конце Второй мировой войны он был разрушен, его «святыни» бесследно утрачены.

В годы Второй мировой войны, когда требовалось постоянно наращивать мощь армии, гитлеровцам пришлось отступить от принципов расовой чистоты и пойти на создание дивизий СС из жителей оккупированных стран. В октябре 1944 г. из молодых фламандских и немецких добровольцев была сформирована 27-я гренадерская дивизия СС «Langemarck» [24].

Катастрофическое поражение нацистов во Второй мировой войне и разоблачение его преступлений постепенно меняли и отношение немецкого общества к войне. В эпоху ФРГ для «демилитаризации сознания» легенду, приукрашенную до неправдоподобия, со временем разобрали по пунктам, и теперь она включена в немецкую историю лишь как *миф* о Лангемарке [25]. Он, как и другие националистически-милитаристские мифы, потерял свое значение, хотя публичные дискуссии по поводу снесения мемориалов и памятников, переименования улиц и пр. развернулись не сразу.

Постепенно преобразовывались и «места памяти», связанные с этим топосом. Вплоть до объединения Германии совершались военные ритуалы у Новой вахты, но они происходили редко и утратили свой прежний подтекст. В 1960–1962 гг. Марх восстановил колокольню и Зал Лангемарка, но удалил «трибуну Гитлера» перед ним. Полностью павильон был реконструирован и отреставрирован к чемпионату мира по футболу в 2006 г. Немецкий исторический музей 4 мая 2006 г. организовал там выставку на тему спорта, истории и политики, которая поставила целью создать «противоядие против мифа о Лангемарке». Тем не менее выставка получила неоднозначные оценки.

В 1957, 2006 и 2015 гг. реконструировалось и обновлялось военное кладбище во Фландрии. В 2006 г. на его северной стороне соорудили туннельный павильон, в котором непрерывно демонстрируют кинокадры войны, географический обзор мест сражений и расположений бывших солдатских захоронений в регионе, а также историю солдатского кладбища Лангемарк. В настоящее время его курирует Национальный союз по уходу за военными захоронениями. Кладбище посе-

щают ежегодно около 100 тыс. человек. Оно рассматривается как «место памяти» нации [25]. Многие памятники, посвященные Лангемарку, уцелели, потому что не слишком бросаются в глаза и их знают лишь немногочисленные ценители и специалисты.

Ныне более чем в 20 городах ФРГ сохранились улицы и площади, носящие имя Лангемарка. Но многим современным школьникам это название уже ничего или почти ничего не говорит. Старшее поколение осведомлено лучше, и Лангемарк олицетворяют в их сознании не только две тысячи «молодых резервистов», погибших в бессмысленной атаке, но и всех студентов и молодых людей, которые действительно могли стать «цветом нации», но, одурманенные националистической пропагандой, пали на фронтах этой кровавой войны. По свидетельству профессора теологии Т. Шредера, на фронты Первой мировой войны было призвано 90% студентов Германии, 20% из них погибли. Ученый пишет о «преданном кураже» молодых солдат, чей энтузиазм был использован для реализации навязчивой идеи мирового господства правящей верхушки Германии [26].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. URL: https://www.dhm.de/lemo/jahreschronik/1914
- 2. Flemming Th., Ulrich B. Heimatfront. München: Bucher Verlag, 2014.
- 3. URL: https://www.volksbund.de/fileadmin/redaktion/BereichInfo/BereichPublikationen/Friedenserziehung/Handreichungen/0082_Kindersoldaten.pdf
- 4. URL: http://первая-мировая.pф/article/item/39
- 5. URL: http://germans-medal.com/shop/znaki-organizacij/znak-v-chest-20-ti-letiya-bitvy-za-langemark-1914-1934/
- 6. URL: https://topwar.ru/65784-bitva-za-flandriyu.html
- 7. Bulitta E., Bulitta H. Um die Jugend betrogen (Hrsg.). Kindersoldaten. URL: http://docplayer.org/128142-Kindersoldaten-paedagogische-handreichung-von-erich-und-hildegard-bulitta.html
- 8. URL: http://deredactie.be/cm/vrtnieuws.deutsch/I.WK/1.2144738
- 9. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:LKvt4eisszYJ:www.libed.ru/knigi-nauka/1078513-1-annotation-gyunter-grass-chelovek-sumevshiy-naryadu-odnim-lish-sartrom-voplotit-svoem-tvorchestve-ves-vek-vse.php+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
- 10. URL: https://p-w-w.org/index.php?topic=16242.0
- $11.\ URL:\ https://de.wikipedia.org/wiki/Erste\_Flandernschlacht$
- 12. URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/der-mythos-von-langemarck-13256715/eine-zerstoerte-strasse-in-13256701; hhttp://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/der-mythos-von-langemarck-13256715/eine-zerstoerte-strasse-in-13256701.h
- 13. URL: http://osutivremeni.ru/flandrskoe-srazhenie-pervaja-bitva-pri-ipre/
- 14. Hüppauf B. Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen» // Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch. Erlebnis u. Wirkung des Ersten Weltkrieges. Hrsg. v. Hirschfeld G, Krummeich G. // Verbindung mit Renz I. Essen: Kartext Verlag, 1993.
- 15. Hamann Br. Der Erste Weltkrieg. Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten. München: Piper, 2014.
- 16. Reulecke J. «Ich möchte einer werden so wie die…». Männerverbände im 20. Jahrhundert. Fr. a M.: Campus-verlag, 2001.
- Weinrich A. Kult der Jugend Kult des Opfers: der Langemarck-Mythos in der Zwischenkriegszeit // HistoricalSocial Research. 2009. Vol. 34, № 4.
   P. 319–330. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/28775/ssoar-hsr-2009-no_4__no_130-weinrich-kult_der_jugend__kult.pdf?sequence=1DOI:vjhfkmyjq
- 18. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:LKvt4eisszYJ:www.libed.ru/knigi-nauka/1078513-1-annotation-gyunter-grass-chelovek-sumevshiy-naryadu-odnim-lish-sartrom-voplotit-svoem-tvorchestve-ves-vek-vse.php+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
- 19. URL: http://www.lexikon-erster-weltkrieg.de/Feldpost:_Karl_Schenkel
- 20. URL: https://starcom68.livejournal.com/1558061.html
- $21.\ URL:\ https://de.wikipedia.org/wiki/Langemarck-Studium$
- 22. URL: http://www.deutschlandfunkkultur.de/mythos-langemarck-entzaubert.1001.de.html?dram:article_id=156033
- 23. URL: https://www.focus.de/wissen/mensch/geschichte/erster-weltkrieg/vergessene-mythen-die-schlacht-bei-langemarck-so-schlau-nutzte-die-nazi-propaganda-das-gemetzel-von-1914_id_6054185.html
- 24. URL: http://historicaldis.ru/blog/43240785853/SCHUTZSTAFFEL-(CHto-takoe-SS)
- $25.~URL:~https://vk.com/wall-8300406\_43354?offset=last\&f=replies$
- 26. Schröder T. Verratene Courage Studenten im Ersten Weltkrieg. URL: http://www.uni-stuttgart.de/esg/zettelkasten/Schroeder%202015%20-%20Verratene%20Courage%20-%20Studenten%20im%20Ersten%20Weltkrieg.pdf

Suprygina Galina G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: askis@ngs.ru

THE TRANSFORMATION OF «THE MYTH OF THE LANGEMARKE» IN THE GERMAN HISTORY OF THE TWENTIETH CENTURY

Keywords: the myth of Langemark; young fighters of Germany in World War I; the myth of Langemark in the year of national socialism; Langemark as place of memory.

The article focuses on the sentiments of excitement among wide groups of German society, especially youth groups, at the beginning of the war. It was due to these sentiments that most of the young and poorly trained soldiers who were ordered to advance on the well-fortified positions of the British army in the Battle of Langemark in Flanders perished. Avoiding their responsibility for the losses in killed and wounded the Supreme military Command of Germany interpreted the event as "moral victory of the youth". The militarists

glorified heroism and readiness to self-sacrifice of the perished soldiers and imposed these ideas on the German youth as a code of conduct at the front and in the rear.

This myth served the basis for glorification of the heroes of Langemark during the time of the Weimar Republic. Remembrance pray was to save the victims of the bloody war from oblivion. The day of the Battle was celebrated as one the national holidays; there appeared memorials dedicated to war heroes and the tradition of remembrance was observed at secondary and higher schools as well as in the army.

During the period of Third Reich the ideas of the myth were used by the Nazis to glorify the war, educate young generation in the spirit of racism and aggression and recruit them into their party. They introduced the practice of renaming streets and squares in honor of Langemark and passed on the right of honoring heroes to their youth organization Hitlerjugend. A special Langemarks teaching program aimed at training at higher schools young people from lower classes as devoted and loyal cadres to the regime and as well as glorification the possibilities of the "people's community" created by Nazis was carried out through the war.

The "Hall of Langemark" built in the chapel on the Imperial Stadium errected for the Olympic Games in Germany of 1936 served as sanctuary. Annual sport competitions in honor of Langemark were aimed at improving military training of the young.

The myth of Langemark was debunked during the process of "demilitarization of mind" in the Federal Republic of Germany. Most of the monuments and memorials have survived and are taken by German population as symbols reminding of young people who fell as victims of German nationalist and militarist's claims to word domination during the two wars.

The myth of Langemark proved to be the most popular among such legends of the XX century. The myth makers created a triad: of cult victims, death cult and the cult of youth. The myth was subjected to transformations for the sake of mobilizing the younger generation to meet the challenges set by right-wing forces of Germany.

REFERENCES

- 1. Lebendiges Museum Online. (n.d.) Chronik 1914 [Chronicle 1914]. [Online] Available from: https://www.dhm.de/lemo/jahreschronik/1914.
- 2. Flemming, Th. & Ulrich, B. (2014) Heimatfront [Homefront]. München: Bucher Verlag.
- 3. National Association of Bavaria Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge. (n.d.) *Um die Jugend betrogen Kindersoldaten* [Cheated on the youth-child soldiers]. [Online] Available from: https://www.volksbund.de/fileadmin/redaktion/BereichInfo/BereichInfo/BereichPublikationen/Friedenserziehung/Handreichungen/0082 Kindersoldaten.pdf.
- 4. Zaionchkovskiy, A.M. (n.d.) Srazheniye vo Flandrii (oktyabr' noyabr' 1914 g.) [The Battle of Flanders (October November 1914)]. [Online] Available from: http://первая-мировая.рф/article/item/39.
- German-medal.com. (n.d.) Znaki organizatsii [Signs of the organization]. [Online] Available from: http://germans-medal.com/shop/znakiorganizacij/znak-v-chest-20-ti-letiya-bitvy-za-langemark-1914-1934/.
- 6. Samsonov, A. (n.d.) Bitva za Flandriyu [The Battle of Flanders]. [Online] Available from: https://topwar.ru/65784-bitva-za-flandriyu.html.
- 7. Bulitta, E. & Bulitta, H. (eds) (n.d.) *Um die Jugend betrogen. Kindersoldaten* [Cheated on the youth. Child soldiers]. [Online] Available from: http://docplayer.org/128142-Kindersoldaten-paedagogische-handreichung-von-erich-und-hildegard-bulitta.html.
- 8. Kockartz, A. (2014) *Propagandalüge oder Der Mythos von Langemarck* [Propaganda lie or The myth of Langemarck]. [Online] Available from: http://deredactie.be/cm/vrtnieuws.deutsch/I.WK/1.2144738.
- 9. Grass, G. (n.d.) *Moe stoletie* [My century]. [Online] Available from: http://webcache.googleusercontent.com/se-arch?q=cache:LKvt4eisszYJ: www.libed.ru/knigi-nauka/1078513-1-annotation-gyunter-grass-chelovek-sumevshiy-naryadu-odnim-lish-sartrom-voplotit-svoem-tvorchestve-ves-vek-vse.php+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.
- 10. Globalnyy khutorok. (n.d.) Mif o Langemarke [The Myth of Langemark]. [Online] Available from: https://p-w-w.org/index.php?topic=16242.0.
- 11. De.wikipedia.org. (n.d.) Erste Flandernschlacht [The First Battle of Flanders]. [Online] Available from:

https://de.wikipedia.org/wiki/Erste_Flandernschlacht.

- Wande, A. (2014) Langemarck, der verschleierte Irrsinn [Langemarck, the veiled insanity]. [Online] Available from: http://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/der-mythos-von-langemarck-13256715/eine-zerstoerte-strasse-in-13256701.
- 13. Liveinternet.ru. (2013) Flandrskoye srazheniye pervaya bitva pri Ipre [The Battle of Flanders the first battle of the Ipra]. [Online] Available from: http://osutivremeni.ru/flandrskoe-srazhenie-pervaja-bitva-pri-ipre/
- 14. Hüppauf, B. (1993) Schlachtenmythen und die Konstruktion des Neuen Menschen [The myth of the Battle and the construction of the New Man]. In: Hirschfeld, G. & Krummeich, G. (eds) Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch. Erlebnis u. Wirkung des Ersten Weltkrieges [No one here feels more than human. Experience and effect of the First World War]. Essen: Kartext Verlag.
- 15. Hamann, Br. (2014) Der Erste Weltkrieg. Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten [he First World War. Truth and lies in pictures and texts]. Munich: Piper.
- 16. Reulecke, J. (2001) *Ich möchte einer werden so wie die . . . Männerverbände im 20. Jahrhundert* [I want to be one of those . . . Men's associations in the 20th century]. Frankfurt am Main: Campus-verlag.
- 17. Weinrich, A. (2009) Kult der Jugend Kult des Opfers: der Langemarck-Mythos in der Zwischenkriegszeit [Cult of Youth cult of the victim: the Langemarck myth in the interwar period]. Historical Social Research. 34 (4). pp. 319–330. [Online] Available from: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/28775/ssoar-hsr-2009-no_4_no_130-weinrich-kult_der_jugend__kult.pdf?sequence=1DOI:vjhfkmyjq.
- 18. Grass, G. (n.d.) *Moe stoletie* [My century]. [Online] Available from: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:LKvt4eisszYJ:www.libed.ru/knigi-nauka/1078513-1-annotation-gyunter-grass-chelovek-sumevshiy-naryadu-odnim-lish-sartrom-voplotit-svoem-tvorchestve-ves-vek-vse.php+&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.
- 19. Schenkel, K. (2017) Feldpost: Karl Schenkel [Field Post: Karl Schenkel]. [Online] Available from: http://www.lexikon-erster-weltkrieg.de/Feldpost:_Karl_Schenkel.
- 20. Starcom68. (2014) *Pamyatniki nemetskim soldatam* [Monuments to the German soldiers]. [Online] Available from: https://starcom68.livejournal.com/1558061.html.
- 21. De.wikipedia.org. (n.d.) Langemarck-Studium [Langemarck Study]. [Online] Available from: https://de.wikipedia.org/wiki/Langemarck-Studium.
- 22. Stock, A. (2006) Mythos Langemarck entzaubert [The Langemarck Myth Disenchanted]. [Online] Available from: http://www.deutschland-funkkultur.de/mythos-langemarck-entzaubert.1001.de.html?dram:article_id=156033.
- 23. Wiederschein, H. (2016) Wie die Nazi-Propaganda ein Gemetzel aus dem Ersten Weltkrieg für sich nutzte [How the Nazi propaganda used a carnage from the First World War for itself]. [Online] Available from: https://www.focus.de/wissen/mensch/geschichte/erster-weltkrieg/vergessene-mythen-die-schlacht-bei-langemarck-so-schlau-nutzte-die-nazi-propaganda-das-gemetzel-von-1914_id_6054185.html.
- 24. Vorobiev, S. (2014) *Schutzstaffeln (Chto Takoye SS)* [Schutzstaffeln (What is SS)]. [Online] Available from: http://historicaldis.ru/blog/43240785853/SCHUTZSTAFFEL-(CHto-takoe-SS).
- 25. Vkontakte. (n.d.) [Online] Available from: https://vk.com/wall-8300406_43354?offset=last&f=replies.
- 26. Schröder, T. (2015) Verratene Courage Studenten im Ersten Weltkrieg [Betrayed courage students in the First World War]. [Online] Available from: http://www.uni-stuttgart.de/esg/zettelkasten/Schroeder%202015%20-%20Verratene%20Courage%20-%20Studenten%20im%20Ersten%20Weltkrieg.pdf.

УДК 94:378.4(571.17) DOI: 10.17223/19988613/53/16

О.Э. Терехов

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Рассматриваются становление и развитие исторической германистики на историческом факультете в Кемеровском государственном университете. Автор выделяет этапы развития исторической германистики в КемГУ, выявляет ее главную проблематику, анализируют основные труды ее ведущих представителей. Показано значение региональной интеграции историковгерманистов Западной Сибири. Создание в 1999 г. Западносибирского центра германских исследований стало ключевым моментом в развитии исторической германистики в регионе.

Ключевые слова: Кемеровский государственный университет; Западносибирский центр германских исследований.

Становление исторической германистики в Кемеровском государственном университете началось в 1987 г. с приходом на должность заведующего кафедрой всеобщей истории кандидата исторических наук, доцента, специалиста по отечественной историографии германского национал-социализма Юрия Владимировича Галактионова (1949–2005), ученика основателя сибирской школы историков-германистов, кандидата исторических наук, доцента Томского государственного университета Николая Сергеевича Черкасова (1931-1993). К этому времени на кафедре уже несколько лет работала также ученица Черкасова кандидат исторических наук, доцент Лидия Николаевна Корнева, заниисториографией мавшаяся немецкой националсоциализма. В 1991 г. кафедра всеобщей истории была разделена на кафедру новой и новейшей истории зарубежных стран (НИНИЗС) и кафедру истории средних веков (ИСВ), затем кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, в 2016 г. в связи со структурной реорганизацией исторического факультета кафедры вновь были объединены в кафедру всеобщей истории и социально-политических наук.

Ю.В. Галактионов и Л.Н. Корнева сделали германские исследования приоритетным направлением работы кафедры и сформировали свою научную школу. Они расширяют научные связи с коллегами-германистами из Иваново, Липецка, Челябинска, Волгограда и т.д., активно участвуют в российских и международных конференциях, выходят на международный уровень научных контактов. С 1993 г. начинается плодотворное сотрудничество с кафедрой восточноевропейской истории Рур-университета города Бохум ФРГ, возглавляемой профессором Б. Бонвечем (1940–2017), затем первым директором Германского исторического института в Москве в 2003-2009 гг. Научные интересы Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой связанные с историографией и историей германского правого радикализма и тоталитаризма как феномена XX столетия, определили основной тренд германских исследований кафедры. В 1990-х гг. на кафедре открылась аспирантура по тематике германских исследований и проблем тоталитаризма.

Как уже было сказано выше, объектом исследования Ю.В. Галактионова была отечественная историография германского фашизма. Этой проблематике были посвящены кандидатская и докторская диссертации, которые он защитил в Томском государственном университете, монографии, учебное пособие и статьи [1-4]. Научная деятельность Галактионова в области изучения историографии германского фашизма четко разделяется на два периода и отражает характерную для отечественной историографии тенденцию к переосмыслению подходов к изучению этого периода немецкой истории XX в. Первый период, который можно условно датировать 1970-1980-ми гг., отмечен повышенным интересом профессора к марксистской историографии германского фашизма. Ее становлению и развитию он посвятил около полутора десятков статей и свою первую кандидатскую диссертацию «Критический анализ идеологии и пропаганды германского фашизма в документах Коминтерна, советской историографии и историографии ГДР» (1980 г.).

Главным предметом исследования в этот период для Галактионова становятся межвоенная историография германского фашизма и его оценка в документах Коминтерна. Характеризуя ее состояние, он выделяет основные тенденции в ее развитии. Это, во-первых, «недостаточная изученность новой и новейшей истории Германии, малочисленность хорошо подготовленных кадров германистов, сложность развития самого феномена фашизма – все это не могло не сказаться на развитии советской историографии» [4. С. 15]. Вовторых, эта историография, которая возникла в период рождения самого германского фашизма, что определило ее некоторую злободневность и публицистичность. В-третьих, Галактионов отмечал, что в период 1920-1930-х гг. марксистскими исследователями было создано немало фундаментальных работ, что послужило основой для развития и достижений послевоенной советской историографии германского фашизма.

Второй период творчества Галактионова начинается в 1990-х гг. и продолжается вплоть до его безвременной кончины в 2005 г. На этом этапе своей деятельно-

О.Э. Терехов

сти в фокусе его научных интересов стоят две проблемы: переосмысление в новых идеологических и теоретико-методологических условиях опыта советской историографии германского фашизма и теория тоталитаризма, ее смысловые качества, положительные и отрицательные стороны возможности и границы применения концепции тоталитаризма к гитлеризму и сталинизму.

Рубежной точкой в изучении этих проблем стала докторская диссертация «Отечественная историография германского фашизма (20-е годы – первая половина 90-х годов)», защищенная Юрием Владимировичем в 1997 г. в Томском университете. Поскольку исследование отечественной историографии германского фашизма (фактически советской) было проделано Галактионовым уже в постсоветскую эпоху в отечественной исторической германистике, перед ним стояла сложная задача: рассмотреть и проанализировать значение марксистской методологии в изучении германского фашизма. Надо сказать, что эта задача была им успешно решена. Научная общественность высоко оценила труды автора. Галактионов, отмечая отрицательные моменты в марксистской трактовке фашизма, тем не менее убедительно доказал, что анализ германского фашизма на основе классового подхода сыграл существенную роль в историографии, например рассмотрение антикоммунистической и антирабочей политики национал-социализма, его связей с финансовым капиталом и т.д.

Исходя из современного ему уровня развития теоретического знания, Галактионов одним из первых отечественных историков-германистов использовал концепцию тоталитаризма в исследовании германского фашизма, считая, что концепция тоталитаризма позволит отечественным историкам расширить понимание германского фашизма и провести его сравнительный анализ в контексте право- и левототалитарных диктатур. Он писал, что «историография националсоциализма — эта часть мировой историографии фашизма и тоталитаризма в целом» [4. С. 91]. Юрий Владимирович активно включился в процесс тесного взаимодействия российских и немецких историков в области исследования национал-социализма и сталинизма в их сравнительном анализе.

Плодотворно продолжает работать в области изучения правого радикализма в Германии один из ведущих сотрудников кафедры, известный отечественный специалист по германской историографии националсоциализма доктор исторических наук, профессор Л.Н. Корнева. В центре ее научных интересов, начиная от кандидатской диссертации [5] и до докторской [6], находится проблема исследования различных аспектов истории национал-социализма в германской историографии второй половины XX — начала XXI в. Ее учебное пособие [7] на момент выхода из печати стало одной из первых обобщающих работ в отечественной исторической науке по германской историографии

национал-социализма. Автор выделил основные этапы германской историографии национал-социализма, раскрыл главные проблемные поля и направления, проанализировал вклад ее отдельных представителей, показал современное состояние. Подводя итог своему исследованию, Л.Н. Корнева делает следующий вывод: «В течение последних 50 лет были достаточно глубоко освещены внутренняя и внешняя политика нацизма, система подавления и пропагандистская деятельность, социальная и военная политика. В достаточной полноте раскрыт преступный характер фашистского режима для Германии и мира. История фашизма стала одной из самых изученных страниц германской истории» [7. С. 102].

Заметным явлением современной отечественной германистики стала докторская диссертация Л.Н. Корневой, опубликованная в виде монографии [8]. Автор впервые в отечественной историографии проанализировал и дал развернутую характеристику состоянию германской историографии национал-социализма в конце XX – начале XXI в.: от концепции «историзации» национал-социализма Мартина Брошата и «спора историков» второй половины 1980-х гг. до 2005 г. По мнению Л.Н. Корневой, «коренные перемены в Европе 90-х гг. XX века с особой остротой поставили вопрос о континуитете германской истории, особенно в свете нового объединения германских земель. В особой мере это относится к истории Третьего рейха. Его изучение во многом мотивируется проблемой непрерывности истории. Это обстоятельство подтолкнуло к определенному переосмыслению некоторых сторон истории нацизма, не затрагивая при этом его преступной сущности» [8. С. 264]. Это обстоятельство и стало характерной чертой современной германской историографии национал-социализма, расширив ее исследовательские возможности.

Лидия Николаевна также является автором главы по истории национал-социализму и редактором третьего тома в известном учебном пособии «История Германаписанного коллективом историковгерманистов Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ). Авторы учебного пособия вышли за рамки простого изложение материала в учебных целях. На большом фактическом материале с учетом новейших достижений исторической науки показаны основные этапы развития германской истории с древнейших времен до начала XXI в., дана характеристика политических, экономических, социальных и культурных составляющих исторического процесса, освещена повседневная жизнь населения Германии. Глава IV «Германия в годы нацистской диктатуры (30 января 1933 г. – 8 мая 1945 г.) (Т. 2. С. 190–283), написанная Корневой, является одной из первых попыток в современной отечественной исторической науке систематического изложения истории национал-социализма, в которой автор затронул многие, ранее не изученные внутрии внешнеполитические аспекты Третьего рейха.

Одним из главных направлений научных исследований сотрудников кафедры новой, новейшей истории,

новой, затем новейшей истории и международных отношений, на данный момент — кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета стало изучение проблем тоталитаризма в XX в. Эту проблематику затрагивали в своих трудах Ю.В. Галактионов и Л.Н. Корнева, но основной она стала для доктора исторических наук, доцента Е.В. Мороз (сотрудника кафедры в 1998–2006 гг.) и кандидата исторических наук, доцента Н.Г. Костроминой.

Кандидатская (научный руководитель доктор исторических наук, профессор Ю.В. Галактионов) и докторская (научный консультант доктор ист. наук, профессор Н.П. Шуранов) диссертации Е.В. Мороз были посвящены историографическим аспектам исследования концепции тоталитаризма в западной историографии. Е.В. Мороз – автор монографии [10], учебного пособия [11] и около двух десятков статей по этой тематике. Она отмечает, что концепция тоталитаризма начинает формироваться с историческим возникновением и эволюцией самого феномена, образцом для исследователей становятся фашистские режимы 1920-1930-х гг., и в первую очередь германский националсоциализм, воплотившийся в практику Третьего рейха. Именно идеология, государственный и политический строй нацистской Германии и фашистской Италии (а уже затем СССР) становятся основой для формирования категориального и методологического аппарата западных авторов концепции тоталитаризма.

Предметом исследования Н.Г. Костроминой является французская историография тоталитаризма. Этой проблематике посвящены ее кандидатская диссертация «Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке» (защищенная в 2006 г., научный руководитель доктор ист. наук, профессор Л.Н. Корнева), написанная на ее основе монография [12], более десятка статей. Давая общую оценку французской историографии тоталитаризма, автор пишет: «Ведущая роль в анализе тоталитаризма принадлежала левым авторам, поэтому долгое время под тоталитаризмом понимались фашистские и националистические режимы. После войны эта тенденция получила дополнительный стимул после разгрома нацистской Германии» [Там же. С. 198].

В 2002 г. доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений О.Э. Терехов под научным руководством Ю.В. Галактионова защитил диссертацию по теме отечественной историографии Веймарской республики. В дальнейшем О.Э. Терехов приступил к изучению малоисследованной в отечественной исторической науке проблемы истории и историографии значительного праворадикального интеллектуального течения немецкой общественно-политической мысли ХХ столетия — феномена «консервативной революции» в Веймарской Германии. Основные выводы автора изложены в докторской диссертации и в написанной на ее основе монографии [13].

Автор впервые не только в отечественной, но и западной историографии этой проблемы подробно проанализировал основные концепции и тенденции в развитии германской историографии «консервативной революции» от момента ее становления до современного состояния. О.Э. Терехов делает следующий важный вывод о германской историографии «консервативной революции» и в целом об ее феномене: «Накопленный опыт и современное состояние германской историографии «консервативной революции» в Веймарской республике свидетельствуют о неослабевающем интересе к этому феномену немецкого правого интеллектуального радикализма XX столетия, оставившему заметный след в духовной, социокультурной и политической жизни Европы» [13. С. 189]. В дальнейшем автор продолжил изучение «консервативной революции» в конкретно историческом и историографическом аспектах [14, 15].

Кандидат исторических наук, доцент С.В. Арапина продолжает исследовательскую работу, начатую кандидатской диссертацией по истории официального профсоюза нацистской Германии Германского трудового фронта (науч. руководители Ю.В. Галактионов и Л.Н. Корнева) [16]. Автор впервые в отечественной исторической науке комплексно рассмотрел создание и деятельность ДАФ в 1933–1939 гг., его идеологическую и организационную структуру, направления основной деятельности, политику социального страхования, деятельность организации «Сила через радость». С.В. Арапина убедительно доказывает, что деятельность ДАФ полностью укладывалась в нацистскую идею создания в Германии «народного сообщества».

В настоящий момент основное внимание С.В. Арапина уделяет социальной политике и социальным практикам Третьего рейха [17, 18]. В частности, большой не только учебно-методический, но и содержательный интерес представляет написанная С.В. Арапиной в соавторстве с Е.В. Ипатенко третья глава «Третий рейх: социальная политика под знаком «народного сообщества» (1933–1945 гг.)» в учебном пособии «Социальная политика и социальное государство в Германии» (Кемерово, 2014. Отв. ред. Л.Н. Корнева).

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Е.А. Жаронкина продолжает разрабатывать тематику кандидатской диссертации (науч. рководитель Л.Н. Корнева), связанной с проблемами американской оккупационной зоны в Западной Германии [19, 20]. В ряду работ по истории Германии в Кемеровском государственном университете необходимо также упомянуть кандидатскую диссертацию А.В. Равнюшкина «Осуществление потсдамских соглашений в английской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.)» (науч. руководитель Л.Н. Корнева).

Аспирант кафедры А.Е. Антонов подготовил к защите диссертацию «Правый экстремизм и радикализм в современной Федеративной республике Германия (на примере НДПГ и "про движения"), в которой он на при-

86 О.Э. Терехов

мере деятельности ряда организаций рассматривает современное состояние правого радикализма в Германии.

Как уже отмечалось выше, с момента своего становления историческая германистика в КемГУ развивалась в процессе тесной интеграции с коллегамигерманистами других регионов Российской Федерации. Особенно это было характерно для связей с региональными вузами Западной Сибири: Томским государственным университетом, Алтайским государственным университетом, Новосибирским государственным университетом и другими высшими учебными заведениями западносибирского региона. Логичным завершением этого процесса стало создание в сентябре 1999 г. на учредительной конференции в Кемерово при Кемеровском государственном университете общественной некоммерческой организации Западносибирского центра германских исследований с центром в Кемерово.

ЗСЦГИ объединил преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов Барнаула, Томска, Новосибирска и Кемерово, занимающихся изучением исто-

рии Германии. Центр стал первым в России объединением историков-германистов подобного рода. Председателями ЗСЦГИ были: с 1999 по 2005 г. д-р ист. наук, профессор Ю.В. Галактионов, с 2006 по 2008 г. канд. ист. наук, доцент С.А. Васютин, с 2008 г. и по настоящее время д-р ист. наук, профессор Л.Н. Корнева. Члены ЗСЦГИ являются авторами ряда учебных пособий. Средин них наиболее известные «История Германии» и «Социальная политика и социальное государство в Германии», а также ряд коллективных сборников из серии «Германские исследования в Сибири».

Созданная почти тридцать лет назад на историческом факультете Кемеровского государственного университета школа по изучению истории Германии прошла интересный и интеллектуально насыщенный путь, развиваясь и эволюционируя вместе с отечественной исторической наукой и отечественной исторической германистикой. Как индивидуальная, так и коллективная работа кемеровских историков-германистов внесла определенный вклад в развитие современной российской исторической германистики.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20-40-х гг. Новое прочтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996.
- 2. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы первая половина 1990-х годов). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007.
- 3. Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945–90-х годов: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.
- 4. Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления. Избранные труды. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006.
- 5. Корнева Л.Н. Проблемы сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистической партией в 1919–1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974.
- 6. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985—2005 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2007.
- 7. Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы): учеб. пособие. Кемерово, 1998.
- Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005).
   Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
- 9. История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005.
- 10. Мороз Е.В. Феномен тоталитаризма в американской историографии (1930–50-е годы). Кемерово ; Москва : Издательское объединение «Российские университеты»: Кузбассвузиздат АСТШ, 2006.
- 11. Сердюк Е.В. Феномен тоталитаризма в оценках зарубежной и отечественной историографии (20–90-е гг.) : учеб. пособие. Кемерово : Кемеровский госуниверситет. 2001.
- 12. Костромина Н.Г. Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008.
- 13. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово, 2011.
- 14. Терехов О.Э. Традиционализм, культурпессимизм, модерн: к идейным истокам немецкой «консервативной революции» // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 88–93.
- Терехов О.Э. Большевизм в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 163–168.
- 16. Арапина С.В. Германский трудовой фронт: создание и деятельность (1933-1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
- 17. Корнева Л.Н., Арапина С.В. Идеология «народного сообщества» как форма и средство консолидации нацистского режима в Германии (на примере деятельности Германского трудового фронта // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52), т. 1. С. 63–67.
- 18. Арапина С.В., Ипатенко Е.В. Социальная практика национал-социалистического режима (довоенный период) // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), т. 3. С.7–11.
- 19. Жаронкина Е.А. Некоторые аспекты социальной политики американской военной администрации в Германии (1945–1949 гг.) // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), т. 3. С. 61–65.
- 20. Жаронкина Е.А. Американская позиция по германскому вопросу в рамках сотрудничества стран антигитлеровской коалиции // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59), т. 2. С. 287–292.

Terekhov Oleg E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terehov1968@mail.ru

THE STUDY OF THE HISTORY OF GERMANY IN THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Keywords: Kemerovo State University; West Siberian Centre for German Studies.

The formation of Historical Germanistics at Kemerovo State University began in the late 1980s under the guidance of candidates of historical sciences, associate professors Y.V. Galaktionov and L.N. Korneva, who in turn were students of the famous Tomsk historian

N.S. Cherkasov. Presently, German history studies is one of the leading scientific direction of the Department of World History and Socio-Political Sciences of Kemerovo State University.

The purpose of the article is to consider the development of studying of German history in the faculty of History at Kemerovo State University. The sources of the research are the works of the members of the Department of World History and Socio-Political Sciences of Kemerovo State University: dissertations, monographs, articles, manuals.

The specific of German history studies at the Kemerovo University was originally determined by the founders of Historical Germanistics school, who were interested in the Russian and German historiography of German National Socialism, the historiographic problems of the theory of totalitarianism. The recognized expert on the Russian historiography of German fascism Y.V. Galaktionov in his works analysed its various aspects from origins until the 1990s. L.N. Korneva analysed in detail the German historiography of National Socialism of the second half of XX – beginning of XXI centuries. The works of E.V. Moroz and N.G. Kostromina are devoted to the historiography of totalitarianism. The German historiography of the "conservative revolution", a right-wing intellectual phenomenon of German history during the Weimar Republic, has become the main subject of O.E. Terekhov scientific researches. It should be noted, that over time the scientific interests of Kemerovo historians-germanists have affected the problems of world history, which is reflected in the works of S.V. Arapina, A.V. Ravnushkin, E.A. Zharonkina, A.E. Antonov devoted to various political, economic and social aspects of Germany history of the XX – early XXI centuries.

A West Siberian Centre of German Studies, created in 1999 on the initiative of Y.V. Galaktionov and B. Bonvech, played significant role in the development of German history studies at Kemerovo State University and West Siberian region: under his auspices two collective manuals of Germany history and ten collections from the series "German Studies in Siberia" were published, a number of international scientific conferences were held. Thus, both the individual and collective work of Kemerovo historians made a definite contribution to the development of modern Russian historical germanistics.

REFERENCES

- 1. Galaktionov, Yu.V. (1996) Germanskiy fashizm v zerkale istoriografii 20–40-kh gg. Novoye prochteniye [German fascism in the mirror of historiography of the 1920 1940s. A new reading]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 2. Galaktionov, Yu.V. (2007) Otechestvennaya istoriografiya germanskogo fashizma (1920-ye gody pervaya polovina 1990-kh godov) [Russian historiography of German fascism (the 1920s first half of the 1990s)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 3. Galaktionov, Yu.V. (1999) Germanskiy fashizm kak fenomen pervoy poloviny XX veka: otechestvennaya istoriografiya 1945 90-kh godov [German fascism as a phenomenon of the first half of the 20th century: Russian historiography 1945 1990s]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 4. Galaktionov, Yu.V. (2006) *Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya i preodoleniya. Izbrannyye trudy* [National Socialism in Germany: The problems of studying and overcoming. Selected works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 5. Korneva, L.N. (1974) Problemy sushchnosti germanskogo fashizma i vzaimootnosheniy monopolisticheskogo kapitala s natsional-sotsialisticheskoy partiyey v 1919 1933 gg. v burzhuaznoy istoriografii FRG [The essence of German fascism and the relationship between monopoly capital and the National Socialist Party in 1919–1933 in the bourgeois historiography of the FRG]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
- Korneva, L.N. (2007a) Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985 2005 gg.) [German historiography of National Socialism: problems of research and trends of modern development (1985–2005)]. Abstract of History Dr. Diss Kemerovo
- 7. Korneva, L.N. (1998) Germanskiy fashizm: nemetskiye istoriki v poiskakh ob"yasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945-90-ye gody) [German fascism: German historians in search of an explanation of National Socialism (1945–1990s)]. Kemerovo.
- 8. Korneva, L.N. (2007b) Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985–2005) [Germanic historiography of National Socialism: problems of research and trends of modern development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 9. Bonvech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2005) Istoriya Germanii [History of Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- 10. Moroz, E.V. (2006) Fenomen totalitarizma v amerikanskoy istoriografii (1930 50-ye gody) [The phenomenon of totalitarianism in American historiography (1930s–1950s)]. Kemerovo; Moscow: Rossiyskiye universitety, Kuzbassvuzizdat ASTSH.
- 11. Serdyuk, E.V. (2001) Fenomen totalitarizma v otsenkakh zarubezhnoy i otechestvennoy istoriografii (20-90-ye gg.) [The phenomenon of totalitarianism in the assessments of foreign and Russian historiography (1920-1990s.)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- 12. Kostromina, N.G. (2008) Teoriya i praktika totalitarizma v otsenke frantsuzskoy istoricheskoy i politicheskoy mysli v XX veke [The theory and practice of totalitarianism in the evaluation of French historical and political thought in the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
- 13. Terekhov, O.E. (2011) Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnyye kontseptsii i problemy interpretatsii [The phenomenon of the "conservative revolution" in the Weimar Republic in the historiography of Germany: Basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo: Kemerovo State University.
- 14. Terekhov, O.E. (2016) Traditsionalizm, kul'turpessimizm, modern: k ideynym istokam nemetskoy "konservativnoy revolyutsii" [Traditionalism, cultural pessimism, modernity: to the ideological origins of the German "conservative revolution"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya Tomsk State University Journal of History. 3(41). pp. 88–93. DOI: 10.17223/19988613/41/12
- 15. Terekhov, O.E. (2017) Bolshevism in Oswald Spengler's cultural and historical concept. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal. 417. pp. 163–168. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/417/23
- Arapina, S.V. (2006) Germanskiy trudovoy front: sozdaniye i deyatel'nost' (1933–1939 gg.) [The German Labour Front: Creation and Activity (1933–1939)]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
- 17. Korneva, L.N. & Arapina, S.V. (2012) Ideologiya "narodnogo soobshchestva" kak forma i sredstvo konsolidatsii natsistskogo rezhima v Germanii (na primere deyatel'nosti Germanskogo trudovogo fronta [The ideology of the "people's community" as a form and means of consolidation of the Nazi regime in Germany (on the example of the German Workers' Front]. Vestnik KemGU Bulletin of Kemerovo State University. 4(52). pp. 63–67.
- 18. Arapina, S.V. & Ipatenko, E.V. (2013) Social practice of the national socialist regime in Germany (pre-war period). Vestnik KemGU Bulletin of Kemerovo State University. 3(2). pp.7–11. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-7-11
- 19. Zharonkina, E.A. (2013) Some aspects of social policy of the American military government in Germany (1945–1949). Vestnik KemGU Bulletin of Kemerovo State University. 3(2). pp. 61–65. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-61-65
- 20. Zharonkina, E.A. (2014) The American position on the German question within the cooperation of the anti-Hitler coalition. *Vestnik KemGU Bulle-tin of Kemerovo State University*. 2(3). pp. 287–292. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2014-3-287-292

Актуальные проблемы востоковедения

УДК 94 (57)

DOI: 10.17223/19988613/53/17

В.А. Бармин

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В 1918–1923 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918—1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».

Статья посвящена сложной и дискуссионной проблеме, связанной с причинами возникновения басмаческого движения на территории Туркестана в 1918-1923 гг. На основе вновь выявленных и впервые вводимых в научный оборот источников автор показывает, что причинами возникновения и развития в регионе басмаческого движения, среди прочего, стали: непродуманная политика советского руководства в области межнациональных отношений, игнорирование особенностей конфессионального характера, оскорбительное попрание обычаев и традиций коренного населения и, наконец, грубейшие нарушения воинской дисциплины со стороны бойцов и командиров Красной армии.

Ключевые слова: басмаческое движение; советская власть; Туркестан.

В ряду неоднозначных и дискуссионных вопросов истории новейшего времени молодых государств Центральной Азии, получивших свою независимость после распада Советского Союза, наиболее сложной проблемой сегодня представляется басмаческое движение, возникшее после установления в Туркестане советской власти и продолжавшее действовать с разной степенью активности, по крайней мере, до конца 1930-х гг. Историография этого вопроса берет свое начало еще от первого периода движения и активно развивается до настоящих дней. При этом один из центральных вопросов непрекращающихся в среде исследовательского сообщества дискуссий - в чем заключаются основные причины возникновения басмачества и «почему басмаческое движение привлекало в свои ряды столь большое количество участников из разных социальных групп коренного населения Средней Азии» - попрежнему остается в исторической науке нерешенным [1. C. 29].

Это обстоятельство определяет необходимость нового обращения к указанной проблеме с целью более тщательного анализа на основе вновь выявленных архивных источников, ранее по разным причинам недоступных исследователям или оставшихся за рамками их внимания. Наряду с этим изменение геополитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе заставляет во многом по-новому взглянуть на роль указанных событий в истории дальнейшего становления советского государства, а в более широком контексте и на причины его распада.

Советская власть в Ташкенте была установлена буквально через несколько дней после победы большевиков в Петрограде. 28 октября 1917 г. Совнарком Тур-

кестанского края отстранил от должности областных комиссаров Временного правительства; вместо них были избраны областные Совнаркомы [2. С. 476].

С 15 по 22 ноября в Ташкенте проходил III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одним из наиболее важных и острых вопросов в работе съезда стал вопрос организации краевой власти. При его обсуждении делегаты съезда разделились на две основные группы. Первая группа, представленная в основном объединенными социал-демократами, считала, что власть должна состоять из представителей Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, городских самоуправлений и мусульман (курсив мой. – B.Б.). В то же время вторая группа, в которую входили большевики и социалисты-революционеры-максималисты, доказывала, что краевая власть должна быть создана по образцу советского правительства в России. Подразумевалось, что Туркестаном должен управлять Совет народных комиссаров, формирующийся из большевиков, левых социалистов-революционеров (без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших Временное правительство).

В итоге съезд избрал новый верховный орган края: Совет народных комиссаров. При формировании СНК было решено не допускать в его составе на руководящие должности представителей местного мусульманского населения. Это решение съезд объяснял тем, что «Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских клас-

совых организаций, представительство которых в органе высшей власти фракция приветствовала бы» [3. Л. 11]. Осознавая, что такое решение может вызвать негативную реакцию коренного населения края, делегаты съезда поясняли в своей резолюции по этому вопросу, что «отнюдь не устраняются от активной работы широкие слои населения, так как каждый из народных комиссаров, стоящий во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в своей сфере деятельности, проводниками же в жизнь выставляемых всем СНК принципов, явятся те съезды представителей с мест, не исключая мусульман (курсив мой. - B.Б.), которые будут периодически созываться тем или иным комиссаром». «Таким образом, - гласила резолюция, - ни местное туземное население, ни местные интеллигентные слои не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе» [Там же].

Однако такое разъяснение вряд ли устраивало национальную буржуазию, интеллигенцию и скольнибудь грамотную часть коренного населения. Надо полагать, что решение съезда сыграло значительную роль в том, что целый ряд национальных партий и мусульманских общественных организаций («Шурои Улема», «Иттифак», «Шурои Исламия») на своих собраниях и съездах объявили о непризнании новой власти. Улемисты, например, объявили об этом на самом Ш съезде, где были представлены их делегаты. В итоге национальный вопрос стал в Туркестане одним из наиболее проблемных, и именно этот вопрос, как показали дальнейшие события, во многом определит формирование и деятельность басмаческого движения.

Первым серьезным сигналом, требовавшим от новых властей настоятельного внимания к национальному вопросу, стало создание Кокандской автономии. В ответ на создание в Ташкенте Совета народных комиссаров, 26 ноября 1917 г. в Коканде под руководством «Шурои Исламия» был созван IV Всетуркестанский Курултай мусульман. 27 ноября делегаты Курултая приняли резолюцию о провозглашении Туркестанской автономии — «Туркистон мухторияти». В советской истории это образование известно под названием «Кокандская автономия». Съезд избрал органы власти: Временный Народный Совет (парламент) и Временное правительство Автономного Туркестана.

П.А. Кобозев являвшийся в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, а затем первым председателем ЦИК Туркестанской СФР, отмечал в своих воспоминаниях, что делегаты Всетуркестанского Курултая мусульман в проекте положения об автономии отдельно записали: «Не желая иметь конфликт между своими братьями русскими и мусульманами, – высказываем наше первое и последнее слово: не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий к осуществлению нашего самоопределения... Дайте нам убедиться, что вы искренне руковод-

ствуетесь вашими лозунгами о самоопределении и воззваниями, обращенными к трудящимся Востока» [4. Л. 6–7].

Таким образом, в регионе сложилось формальное двоевластие. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, «возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны» [5. С. 231].

В январе 1918 г. правительство Кокандской автономии получило ультиматум Ташкента о признании советской власти, но отказалось его принять. Для ликвидации самопровозглашенной Туркестанской автономии из Москвы в Ташкент прибыли 11 эшелонов с войсками и артиллерией под командованием К. Осипова. В состав карателей входили также вооруженные дашнакские отряды. В результате карательных акций погибли десятки тысяч мирных жителей. Особой жестокостью при этом отличились дашнаки [6. Л. 16].

Именно после разгрома Советами Кокандской автономии возникли первые значительные очаги басмаческого движения. На это прямо указывал ответственный секретарь ЦК КП(б) Туркестана И. Сольц в статье «К борьбе с басмачеством», опубликованной в газете ЦИК Туркестанской республики «Известия» 25 мая 1921 г. Он, в частности, писал, что «в восьмидневных боях за "Кокандскую автономию" в январе 1918 года родилось басмачество как широкое национальное движение, направленное против русской власти». Здесь же автор статьи вполне откровенно объясняет причины широты и массовости басмаческого движения. По его мнению, «Кокандские события» фактически были бойней для невооруженных мусульманских масс города (полупролетарских и мелкобуржуазных). Впечатления этой бойни должны были надолго отравить ядом национальной вражды трудящихся мусульман и «заставить сотни даже тысячи их бежать, отступить вместе с бандами Иргаша вглубь страны, в недоступные русской власти районы» [7. Л. 97]. Это мнение полностью разделял начальник разведывательной части штаба Туркфронта военком Ипполитов. В справке «О движении басмачества в Туркестанской республике с 1920-го по октябрь 1923 года» он указывал, что «возникшее с момента разгрома "Кокандской автономии" ферганское басмачество сразу обнаружило тенденцию к быстрому росту и развитию» [8. Л. 1].

Дополнительным мощным фактором, повлиявшим на дальнейшее распространение и массовость басмачества, стала авантюра, известная как «Колесовский поход на Бухару». Бухарский эмират, возникший в 1785 г., в 1868 г. попал в вассальную зависимость от Российской империи и стал ее протекторатом. После установления в Туркестане советской власти Совнарком РСФСР признал независимость Бухары и отменил соглашение о протекторате России. В самой Бухаре к

этому времени достаточно активно действовало политическое движение, сформировавшееся на основе идей джадидизма и получившее название «младобухарцы». После неудачных попыток склонить эмира к проведению реформ младобухарцы решили добиться своей цели с помощью вооруженного восстания и обратились за помощью к советскому правительству в Ташкенте. В марте 1918 г. большевистское руководство Туркестана, исходя из завышенных оценок протестных настроений населения Бухарского эмирата, предоставленных ему младобухарцами, предприняло поход на Бухару с целью свержения власти эмира. Однако этот «дикий», как назвал его в своих воспоминаниях П.А. Кобозев, поход под руководством возглавлявшего в тот период СНК Туркестана Ф.И. Колесова закончился провалом [5. С. 270].

Активный участник этих событий и будущий крупный военачальник Красной армии И. Куц отмечал в своих мемуарах: «Начинать войну с Сеидом Алимханом (эмиром Бухары. — B.Б.) было не в наших интересах. Туркестанская республика и без того истекала кровью. Для бухарской экспедиции удалось выделить лишь около тысячи бойцов. Это были плохо вооруженные отряды, собранные со всех концов Туркестана» [9. С. 30].

Помимо неудачи военного характера, Колесовский поход стал яркой иллюстрацией еще одного крайне негативного явления в процессе становления и деятельности новой власти. Появление красногвардейских частей в Бухаре и ее окрестностях сопровождалось массовыми грабежами, мародерством и убийствами мирного населения. Достаточно объективную оценку результатов такой деятельности приводит на своих страницах популярная в рассматриваемый период ташкентская «Наша газета». В номере от 28 апреля 1918 г. она писала: «Поход, затеянный бывшим в то время председателем Совета Народных Комиссаров Туркменской Республики Колесовым, резко повлиял на политику Бухары и в корне изменил ее отношение к России. Поход был неудачен и не достиг своей цели, а бухарский народ, который был ограблен недисциплинированными отрядами, озлобился до того, что потребовал войны с Туркестанской Республикой» [10. Л. 2]. В свою очередь П.А. Кобозев отметил в своих воспоминаниях, что отряды Красной гвардии «вернулись из Кокандского и Бухарского налетов с массой реквизированных... денег, коров, лошадей и прочего. Часть из них они официально сдали казначейству и правительству Республики, а значительную часть утаили себе» [11. Л. 2]. В результате нараставшее у коренного населения чувство протеста стало переходить в вооруженное сопротивление. Командующий группой войск Красной армии в Фергане Михаил Сафонов по этому поводу позже писал: «Ограбленные родственники убитых и изнасилованных, избитые - все это превращалось (согласно обычаю) в кровавых мстителей, и так как мстить приходилось не отдельным личностям, а "советским войскам", то мстители вступали в ряды противной стороны, то есть к басмачам» [12. Л. 76].

Начиная с 1919 г. одним из наиболее активных районов развития басмаческого движения в Туркестане стал район Ферганской долины. Уже к концу 1918 г. здесь против большевиков действовали около 40 повстанческих отрядов, в которых сражалось более 7 тыс. бойцов [8. Л. 1]. Избегая боевых столкновений с крупными частями, басмачи совершали налеты на кишлаки, небольшие городки, убивали представителей советской власти, уничтожали небольшие войсковые гарнизоны и скрывались в труднодоступных районах, часто расположенных в горной местности или песках.

В этих условиях советские власти попытались решить проблему, используя традиционные способы борьбы с партизанским движением: брали заложников, уничтожали целые селения. В 1922 г. председатель Совнаркома Туркестана К. Атабаев, анализируя ход борьбы с басмачеством, заявлял следующее: «Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, "пораженные басмачеством", уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. Население оставалось враждебным к нам...» [13. С. 83-84]. Таким образом, усиление репрессий только ожесточало население, оно с оружием в руках включались в борьбу с большевиками и увеличивало количество басмачей. В отдельные периоды их формирования достигали численности 8-10 тыс. человек.

Активное влияние на развитие и массовость басмаческого движения в Туркестане, в том числе поставками оружия и засылкой своих офицеров и даже целых воинских отрядов, оказывали власти Афганистана и Англии. Так, английское консульство в Кашгаре (китайская провинция Синьцзян. - В.Б.) направляло в Фергану в отряды басмачей своих агентов, пересылало оружие и деньги. В феврале 1919 г. английский консул передал бывшему царскому консулу 100 тыс. руб. для передачи басмаческим курбаши. Сюда же прибыли из иранского Мешхеда представители английского военного командования [14. С. 56]. Еще 13 ноября 1918 г. на совещании британского кабинета лорд Милнер, представлявший военное министерство, заявил, что интересы Британской империи требуют ликвидации большевизма «в районах к востоку от Черного моря». При этом он объяснил, что имеет в виду «Кавказ, Дон и Туркестан» [14. С. 40]. С первых месяцев своей деятельности руководители крупных отрядов басмачей установили тесные связи и с белогвардейцами. Во многих отрядах басмачей воевали русские офицеры и бывшие чиновники царской администрации в Туркестане.

Пытаясь обобщить опыт и найти наиболее действенные формы борьбы с басмачеством, советское и партийное руководство одновременно с этим прилагало, как представляется, искренние усилия к тому, чтобы понять, какие факторы способствуют росту басма-

ческого движения и притоку в его ряды широких масс населения. Отдел военного контроля Главного штаба войск Туркестанской республики сообщал в направленной командованию записке, что «Туземное население присоединяется к Мадамин-беку, и все его распоряжения выполняются охотно... Если бы хватило у Мадамин-бека оружия, то все туземное население, живущее в кишлаках, как один взялись бы за него и пошли бы вместе с Мадамин-беком» [15. Л. 1].

Основной тезис советских и партийных органов при объяснении причин возникновения и быстрого распространения басмаческого движения в Туркестане строился, как правило, на том, что невежественное и фанатично религиозное население вливается в ряды басмачей под влиянием родовых и племенных вождей, религиозных авторитетов, беков и мулл (т.е. всех тех, кто по объективным причинам оказался врагом революции) и начавшихся в регионе социально-экономических реформ. Отчасти такая формулировка причин этого явления соответствовала реальному положению. Но только отчасти. На самом деле более мощное воздействие на развитие ситуации оказывали, как уже отмечалось выше, факторы, порожденные деятельностью самой новой власти в лице ее партийных и советских органов, а также частями Красной армии.

В июле 1919 г. орган ЦК КПТ и СНК Туркестана газета «Известия» опубликовала статью, под названием «Какова действительность» о борьбе с басмачеством в Фергане и подписанную псевдонимом Нелли-Ленталь. Автор статьи пытался доказать, что пропаганда и агитация, направленные против басмачей, дают ощутимые результаты. Он, в частности, писал: «Через несколько дней после митинга, после нашего ухода в селении Аим стало известно о приближении разбойников (басмачей. – B.Б.). Все население: старики, женщины, дети – вышло навстречу разбойникам и заявило: через наши трупы вы войдете в кишлак» [12. Л. 69].

Командующий ферганской группой войск Красной армии М. Сафонов, комментируя в своем отклике этот пример, с иронией замечает: «Однако до чего легко поддаются эти сарты митинговым речам, подумает читатель, доверившись на слово Нелли-Ленталь. Каково же будет его удивление, когда он узнает, что в этом походе коноваловские отряды перебили до десяти ты-

сяч сартов и обещали сравнять с землей всякий кишлак, в котором окажутся басмачи. Поэтому не митинговые речи сагитировали сартов ложиться под басмаческих лошадей, а безвыходность и полное отчаяние. Пропускать такие факты – значит не выяснять, а затуманивать действительность» [12. Л. 69]. Далее М. Сафонов дает развернутую и убедительную картину тех обстоятельств и факторов, которые способствовали появлению массового басмаческого движения в регионе. В их число он включает проблему межнациональных отношений, анархию, беззаконие и насилия, связанные с революционными событиями. Отдельно командарм останавливается на отрицательной роли бойцов Красной армии. «При сохранении недисциплинированности, - замечает красный командарм, - Красная армия не ликвидировала басмачество, а усилила его рост, не укрепила советскую власть, а дискредитировала ее» [Там же. Л. 83]. Таким образом, предпринятая в настоящей статье попытка анализа причин возникновения басмаческого движения в Туркестане позволяет сделать следующие выводы.

Возникновение и широкое распространение басмаческого движения на территории Туркестана в 1918-1923 гг. наряду с очевидными объективными факторами стали следствием грубейших ошибок советского руководства в реализации внутренней политики. Экономическая и социальная отсталость Туркестана требовали особой гибкости и постепенности в осуществлении революционных преобразований. Однако это требование в большинстве случаев не учитывалось в практической деятельности советских и партийных работников. По сути полное отсутствие в центральном руководстве Республики специалистов, хорошо знающих местные условия, профессионально разбирающихся в вопросах этнополитического и этносоциального характера, в сочетании с радикализмом в проведении реформирования повседневной жизни и быта населения определили нарастание противостояния между властью и обществом, которое быстро переросло в открытую вражду. Просчеты в области межнациональных отношений, игнорирование особенностей конфессионального характера, оскорбительное отношение к обычаям и традициям коренного населения усугублялись грубейшими нарушениями воинской дисциплины со стороны бойцов и командиров Красной армии.

ЛИТЕРАТУРА

- Пылев А.И. Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 2, № 10.
- 2. Батыров Ш.Б., Минц И.И. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.
- 3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.
- 4. РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24.
- 5. Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017.
- 6. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503.
- 7. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527.
- 8. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1480.
- 9. Куц И.Ф. Годы в седле. М., 1964.
- 10. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483.
- 11. РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 25.
- 12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585.
- 13. Михайлов В.Ф. Хроника великого джута // Юность. 1990. № 1.

92 Н.А. Тучкова

- 14. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов, А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
- 15. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1525.

Barmin Valeriy A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: valbarmin@mail.ru

SEVERAL REASONS FOR EMERGENCE OF THE BASMACHI MOVEMENT IN TURKESTAN IN 1918-1923.

Keywords: basmachi movement; Soviet power; Turkestan.

The following article is devoted to a complicated and continuous issue, connected with reasons for the emergence of the Basmachi movement on the territory of Turkestan after Soviet power was established. It considers methods that were used by the Bolshevist Government to combat this movement.

On the ground of the new identified sources from the central archives of Russia, works of Soviet, Russian and foreign scholars, the author reveals that among the causes that determined the emergence and large scale of the Basmachi movement, strategic mistakes, made by the new government, take central stage. Amongst other mistakes there are bad Soviet Government policy in international relations, disregarding of peculiar local conditions including denominational nature, abusive treatment of customs and traditions of indigenous people. These errors were compounded by soldiers and commanders of the Red Army, flagrantly violating military discipline. Sometimes these violations turned into massive crimes. Consequently at the beginning of 1918 indigenous people of the region began armed resistance to the new government. By early 1919 ravaged and few in number Basmachi squads started to organize themselves into major units, moreover, the movement became massive.

Methods used by the Soviet Government to combat the Basmachi in the first stage of the movement involved force. However, soon it became obvious that cruelty and ruthlessness towards civilian population that featured the Red Army at that period only aggravated the situation and contributed to the development of the Basmachi movement. There were extremely few indigenous representatives of the region in the rank of soldiers and commanders in particular and it seemed to be a serious problem. Beyond that in power there were no specialists who were aware of the specifics of the local ethnic religious and ethnodemographic conditions. With this in mind, numerous actions were taken to attract local representatives to central and local authorities as well as to the Red Army. Besides, the situation was eased by the abolition of surplus appropriation system, waiver of radical reforms in people's daily life and flagrant interference in the sphere of religious terms.

Accordingly, the analysis of the addressed problem implies that emergence and widespread of the Basmachi movement in Turkestan in 1918-1923 along with several other reasons appeared to be the result of gross miscalculations and mistakes of the Soviet Government in their policy towards indigenous people of the region. At the same time force methods to combat the movement, accompanied by cruelty and lawlessness, led to its increase. Consequently, the Soviet power of Turkestan had to seek and implement the forms and methods to combat the Basmachi movement which led to decrease the tension degree and partly regain masses' credibility to the government.

REFERENCES

- Pylev, A.I. (2003) Ob ideologicheskikh techeniyakh basmacheskogo dvizheniya v Sredney Azii v nachal'nyy period (1918-1920 gg.) [On the ideological currents of the Basmachi movement in Central Asia in the initial period (1918–1920)]. Vestnik SPbGU Vestnik of St. Petersburg University. 2(10).
- Batyrov, Sh.B. & Mints, I.I. (1967) Pobeda Sovetskoy vlasti v Sredney Azii i Kazakhstane [The victory of Soviet power in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent: FAN.
- 3. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1632.
- 4. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 133. List 1. File 24.
- 5. Lysenko, Yu.A., Barmin, V.A., Anisimova, I.V. & et al. (2017) Etnopoliticheskiye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g. [Ethnopolitical processes in the Central Asian suburbs of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul: [s.n.].
- 6. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1503.
- 7. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1527.
- 8. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1480.
- 9. Kuts, I.F. (1964) Gody v sedle [Years in the saddle]. Moscow: Voenizdat.
- 10. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1483.
- 11. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 133. List 1. File 25.
- 12. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1585.
- 13. Mikhaylov, V.F. (1990) Khronika velikogo dzhuta [Chronicle of the Great Jute]. Yunost'. 1.
- 14. Zevelev, A.I., Polyakov, Yu.A. & Chugunov, A.I. (1981) Basmachestvo: vozniknoveniye, sushchnost', krakh [Basmachestvo: the emergence, essence, collapse]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
- 15. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 71. List 34. File 1525.

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/53/18

М.Н. Волков

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В 2012–2017 гг.: ПРОРЫВ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Анализируются качественные изменения в развитии военно-технического сотрудничества (ВТС) России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки в период 2012–2017 гг. Фиксируется уровень и глубина ВТС до 2012 г., важнейшие военно-политические изменения в регионе в указанные хронологические рамки, повлиявшие на изменение текущего уровня ВТС, а также качественные и географические изменения ВТС России в регионе в период 2012–2017 гг. Выводятся причинно-следственные связи между данными событиями.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество и торговля оружием; Россия; Ближний Восток и Северная Африка; региональный баланс сил.

Мировой рынок продукции военного назначения и военных технологий, возможно, является одним из самых консервативных и наименее подверженных быстрым рыночным изменениям. Это связано прежде всего со спецификой самого товара - современные системы вооружений имеют многолетние циклы создания, эксплуатации и модернизации. Поэтому государствапокупатели, выбрав однажды ту или иную военную технологию, предпочитают не менять ее поставщика и в последующие поколения развития. В этой связи изменения военно-технической ориентации государств покупателей оружия связаны, как правило, с серьезными, иногда принципиальными изменениями внешнеполитической ориентации в системе отношений «покупатель - продавец». Зачастую они являются следствием более глобальных изменений мировой политики, таких как, например, окончание холодной войны, после чего в 1990-е гг. американские военные компании пришли на рынки восточно-европейских стран, а российское оружие стало продаваться на абсолютно новых для себя направлениях - Южная Корея, Малайзия, Филиппины [1].

События, происходящие на Ближнем Востоке и Северной Африке после 2011 г., по глубине своих изменений, безусловно, повлияли на конфигурацию регионального рынка вооружений и военной техники. Активность крупнейших продавцов оружия в такой бифуркационный для ближневосточной системы международных отношений момент способна определить долевую структуру регионального рынка вооружений и военной техники на годы вперед. В этих условиях Россия, как крупнейший игрок на мировом рынке вооружений и как государство, имеющее важные национальные интересы на Ближнем Востоке и Северной Африке, предприняла ряд последовательных шагов, которые должны привести к новым прорывам ее обороннопромышленного комплекса в регионе.

Распад СССР, война в Персидском заливе 1990— 1991 гг. ослабили некогда сильные позиции Москвы в регионе и значительно сократили поставки вооружений. За период после окончания холодной войны ближневосточный рынок вооружений и военной техники являлся важным, но никогда не был доминирующим сегментом для российской системы военно-технических связей, по объемам продаж уступая Индии, Китаю, иногда и странам Юго-Восточной Азии. Согласно анализу Стокгольмского института проблем мира (SIPRI), за период 2012–2016 гг. Ближний Восток получал долю в 8,1% от всего российского экспорта ВВТ, Африка (с учетом стран Северной Африки) — 12%, где около 9% занимал Алжир — крупнейший российский партнер. При этом страны АТР и Индия, согласно данным SIPRI, занимали долю в 68% [2].

Самые емкие в регионе рынки нефтяных монархий стран Персидского залива рассматривались Москвой как наиболее перспективные еще с первой половины 1990-х гг. [1. С. 109-114]. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) традиционно закупали оружие на Западе (США, Великобритания, Франция), с которым имели тесные военно-политические и экономические связи. Кроме того, основным фактором западного военнотехнического доминирования на данном рынке являлись обязательства по обеспечению безопасности монархий Персидского залива в случае военной угрозы, что было весьма эффективно продемонстрировано в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991 г. «Благодарность» шейхов выразилась в крупных контрактах на перевооружение национальных вооруженных сил, заключенных в течение первой половины 1990-х гг. с США, Великобританией, Францией, Италией. «Импорт безопасности», как фактор спроса на вооружения и военную технику, имеет особое значение в регионе Персидского залива. За период 1991–1994 гг. только Саудовская Аравия потратила на покупку оружия 30,2 млрд долл. США (из них США получили 20,3 млрд долл., а Франция, Великобритания и Италия – 9,5 млрд долл.) [3].

Для России данный рынок был новым, поэтому даже скромные, по сравнению с западными конкурента-

94 М.Н. Волков

ми, показатели российских продаж рассматривались как важные успехи, имеющие потенциал развития. В период 1994-2012 гг. наиболее значимые и даже резонансные сделки Москва заключила с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) – поставка в 1990-е гг. 815 БМП-3, систем залпового огня РЗСО «Смерч» и в 2000 г. – 50 установок ЗРПК «Панцирь-С1» Кувейт, который практикует диверсификацию закупок ВВТ на международном рынке и имел военно-технические связи с СССР с 1977 г., также стал клиентом и российского ОПК (поставки в 1990-е гг. РЗСО «Смерч» и БМП-3). Интересным примером захода на «чужие» рынки стран ССАПГЗ стала продажа армейских грузовиков «КАМАЗ» в 2004 г. в Катар (500 штук) и в Бахрейн (40 штук). Однако за 20 лет после окончания холодной войны настоящего прорыва в виде многомиллиардных контрактов на поставку дорогостоящих систем вооружений и военной техники странам Персидского залива так и не произошло. Более того многие российские эксперты в данной тематике со скепсисом относились к подобной перспективе [4. С. 56].

Ирак в 1970-1980-е гг. являлся крупнейшим потребителем советского оружия в регионе, однако поражение режима Саддама Хуссейна в войне 1990-1991 гг. и последующие жесткие международные санкции и гражданская война в стране после американского вторжения в 2002 г. исключили Ирак из числа вероятных клиентов российской «оборонки» почти на 20 лет. Исламская Республика Иран могла стать крупным партнером по военно-техническим связям еще в 1990-е гг. Однако под давлением США (соглашение «Гор-Черномырдин» 1995 г.) Россия отказалась от выполнения ранее заключенных соглашений по поставкам вооружений и военной техники в Иран и ввела мораторий на заключение новых. По оценкам ряда экспертов, потери страны могли оцениваться не менее 4 млрд долл. [5]. Военно-технические сотрудничество с Ираном было возобновлено с 2000 г. Однако к 2010 г. в Исламскую Республику было поставлено лишь ограниченное количество вооружений (транспортные вертолеты Ми-17, штурмовики Су-25, тактические ЗРК «Тор-М1») [6]. По-настоящему крупной сделкой на иранском направлении могла стать поставка систем ПВО С-300 (соглашение об этом Москва и Тегеран заключили в 2007 г.). Однако его выполнение было приостановлено с принятием 9 июня 2010 г. Советом Безопасности ООН резолюции 1929, которая наложила запрет на передачу Ирану современных вооружений, в том числе систем ПВО.

Иордания, диверсифицирующая закупки вооружений, является важным партнером России в сфере военнотехнического сотрудничества. Доля России в оружейном импорте Иордании во второй половине 2000-х гг. достигала 20%. Учитывая прямую военную помощь, которую эта страна получает от США в рамках кемп-дэвидской логики ближневосточного мирного урегулирования, это очень существенная доля России. Египет, основываясь на американских технологических плат-

формах в боевой авиации и бронетехнике, так и не стал крупным клиентом российского ОПК после окончания холодной войны. Военно-техническое сотрудничество с Россией ограничилось контрактами по модернизации советских систем ПВО, стоящих на вооружении, ремонтом техники, а также поставкой 34 танков Т-80У, 20 военно-транспортных вертолетов Ми-17-1В, нескольких комплексов ПВО «Тор-М1» и «Бук-М1» в 1990–2000-х гг. [7]. Сирия, являясь крупнейшим потребителем советского оружия в годы холодной войны, вместе с крупным арсеналом унаследовала и 14миллиардный долг, урегулирование вопросов по выплатам которого не позволяли России продолжить ВТС с этой арабской страной до 1998 г. Однако ограниченная платежеспособность Дамаска, а также принципиальные позиции США и Израиля по вопросам продажи ему передовых вооружений и военной техники не позволяли Москве предложить серьезную программу модернизации сирийской армии [8. С. 62]. Начало гражданской войны изменило планы развития военнотехнического сотрудничества с Сирией.

Крупнейшим российским партнером в сфере военно-технического сотрудничества в Северной Африке, как и советские времена, остается Алжир. Острый внутриполитический кризис не позволил Алжиру заниматься перевооружением армии в 1990-е гг. Этот процесс начался в 2005 г. Общая сумма подписанных с Россией контрактов в 2005—2008 гг. достигла 8 млрд долл., утверждая Алжир в качестве третьего по значимости партнера России в сфере военно-технического сотрудничества после Индии и Китая. Российские системы вооружений составляют основу всех родов войск алжирских вооруженных сил [8].

За 20 лет после окончания холодной войны российские экспортеры вооружений в регионе Большого Ближнего Востока не смогли кардинально увеличить свой рыночный сегмент. По-настоящему серьезных прорывов, которыми можно было бы считать поставку системообразующих видов вооружений (боевые истребители, системы ПВО, крупные надводные корабли) крупным потребителям военной техники в регионе (к коим можно отнести Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Турцию, Египет), не произошло. Как уже отмечалось, подобного рода переориентация ключевых покупателей вооружения с одного поставщика на другого происходит крайне нечасто и является следствием, как правило, серьезных геополитических изменений, сопровождающихся кризисами в региональной подсистеме международных отношений. Именно события такого рода в период 2011-2017 гг. привели к увеличению спроса на российские военные технологии в странах Ближнего Востока и Северной Африки и, как следствие, расширению географии продаж и углублению качества ВТС с крупнейшими региональными потребителями:

1. События «арабской весны», которые запустили процесс гражданской войны в Сирии, Ливии и Йемене в 2011 г.

- 2. Трехлетняя борьба исламистов со сторонниками либеральной модернизации в Египте закончилась массовыми беспорядками лета 2013 г., вмешательством военных во главе с генералом Абдул-Фаттахом АсСиси, который, после ареста действующего президента Мухаммеда Мурси, стал президентом Египта 8 июня 2014 г.
- 3. Смещение президента Али Абдаллы Салеха в Йемене в 2011 г. имело долгосрочные последствия не только для страны, но и для всего Аравийского полуострова. Слабость власти нового президента-суннита Хади, поддерживаемого арабскими монархиями Залива, активизировала давний конфликт с йеменскими мусульманами-зейдидами (названными в честь своего лидера Хусейна аль-Хуси хуситами), представляющими шиитскую ветвь ислама. 26 марта 2015 г. король Саудовской Аравии объявил в начале военной операции государств ССАГПЗ против повстанцев-хуситов в Йемене. Хуситов поддерживал Иран, что, с легкой руки журналистов Wall Street Journal, позволило назвать данный конфликт PROXY-войной Саудитов и Ирана [9]. Вопреки ожиданиям война коалиции арабских армий против хуситов, которые перешли к активным партизанским действиям, затянулась и перспективы ее завершения не ясны.
- 4. С 2014 г. с территории Ирака начинает действовать новая военно-политическая сила в регионе Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Ставя политическую задачу образования исламистского фундаменталистского государства на территориях современного Ирака и Сирии, ИГИЛ начинает быстрое и эффективное военное наступление на позиции армии Башара Асада в Сирии и вооруженных сил Ирака.
- 5. В сентябре 2015 г. Россия осуществляет военное вмешательство в сирийский конфликт на стороне и по просьбе правящего политического режима Башара Асада. В течение двух лет ограниченный контингент Воздушно-космических сил и Сил специальных операций России добивается коренного перелома в войне.
- 6. Сирийский конфликт повлиял на развитие российско-турецких отношений, которые в 2015–2017 гг. подобно маятнику раскачивались от партнерства и дружбы до взаимных санкций и угроз. Во многом сближению Москвы и Анкары способствовала необходимость взаимодействия по сирийскому урегулированию и выстраивания новых геополитических реалий в регионе в условиях противодействия стран Запада. Анкара была недовольна позицией Вашингтона относительно поддержки сирийских курдов.
- 7. В апреле 2015 г. Президент России В.В. Путин подписал указ о снятии запрета на поставки ЗРК С-300 в Иран и возобновление активного военнотехнического сотрудничества с этим государством. Это решение было обусловлено снятием с повестки остроты вопроса по развитию иранской ядерной программы (соглашение «Иран-deal» 14 июля 2015 г.) и постепенным смягчением западных санкций в отношении Теге-

рана, а также значительным ухудшением отношений России и Запада после событий в Крыму и на Юго-Востоке Украины 2014 г.

Все эти изменения, по мнению многих отечественных и зарубежных экспертов [10], привели к прорыву России на ближневосточном рынке вооружений, открыв для нее ранее недоступные рынки и увеличив имеющийся портфель заказов до 8 млрд долл. [11]. Безусловно, наибольший успех связан с проникновением на ранее «чужие» для Москвы рынки Турции и Саудовской Аравии.

Одним из символов нормализации российскотурецких отношений стал контракт, подписанный в сентябре 2017 г., на поставку четырех дивизионов новейшего ЗРК С-400 стоимостью 2,5 млрд долл. По словам премьер-министра Турции Бинали Йылдырыма, Анкара подписала этот контракт, потому что не смогла получить аналогичные системы ПВО из стран НАТО [112]. Действительно, близким по военно-техническим параметрам решением, имеющемся на рынке, является американский ЗРК Patriot PAC-3. Однако при нынешнем уровне американо-турецких отношений Анкара вряд ли захочет усугублять зависимость от Вашингтона поставкой таких важнейших для национальной безопасности технологий.

Визит короля Саудовской Аравии Салмана Аль Сауда в Москву 5 ноября 2017 г. открыл новую страницу в ВТС России с крупнейшим потребителем оружия на Ближнем Востоке. В ходе визита был подписан меморандум, предусматривающий полную и частичную локализацию производства в Королевстве автоматов АК-103 и ряда других образцов легкого и стрелкового оружия и тяжелых огнеметов ТОС-1А. Однако основным предметом для переговоров двух сторон являлась поставка Эр-Рияду ЗРК С-400 стоимостью не менее 2 млрд долл. [13]. В отличие от Турции, на вооружении Саудовской Аравии стояли американские системы Patriot PAC-3 прямые конкуренты С-400. С одной стороны, усиление влияния Москвы в регионе (в том числе и на давнего оппонента Саудитов - Иран), ее возможность проецировать силу и оперативно оказывать военную помощь, а с другой – недостаточная эффективность ЗРК Patriot, показанная в реальной боевой обстановке в противостоянии с хуситами [14], заставили военных Королевства очень серьезно рассматривать альтернативы американским технологиям для обеспечения надежной ПВО страны. Если переговоры России и Саудовской Аравии о приобретении С-400 завершатся положительно, то не исключено, что и другие богатые страны Залива могут последовать примеру Эр-Рияда [15].

Ирак возобновил ВТС с Россией после более чем 20-летнего перерыва. В октябре 2012 г. подписан контракт о поставках ВВТ стоимостью 4,3 млрд долл., который предполагал поставки штурмовиков Су-25, ЗРПК «Панцирь-С1», ударных вертолетов Ми-28НЭ, тяжелый огнеметов ТОС-1 и танков Т-90С. Руководство Ирака приняло решение возобновить масштабные

96 М.Н. Волков

закупки ВВТ в России в результате трудностей, которые возникали с основным партнером в сфере безопасности – США. Особенно активно отношения с Москвой начали развиваться после оперативных поставок ПВН при наступлении ИГИЛ на юг страны в 2014 г.

Иран, возобновив военно-техническое сотрудничество с Россией, уже получил четыре дивизиона ЗРК С-300ПМУ-1 на сумму не менее 1 млрд по ранее заключенному контракту. В отличие от Саудовской Аравии и Турции, выбор перспективных военных технологий у Тегерана невелик — Москва остается наиболее вероятным их поставщиком. Иранцы интересуются широким спектром вооружений (тяжелые истребители, бронетехника, войсковая ПВО и т.д.). Однако Тегеран не собирается впадать в серьезную военно-техническую зависимость от Москвы. Уровень сотрудничества двух стран во многом будет зависеть от развития политической повестки в регионе и состояния их отношений с такими игроками, как США, ЕС, Китай.

Продажи российских вооружений в Северной Африке также имеют тенденцию к росту. Алжир остается крупнейшим партнером в регионе. Эффективная «реклама» российских тактических бомбардировщиков Су-34 (в экспортной версии – Су-32) и истребителей Су-35С в Сирии привели к заключению контракта на поставку 12 Су-32 в 2016 г. [16]. Настоящая перезагрузка военно-технического сотрудничества с Египтом случилась после прихода к власти президента Ас-Сиси в 2014 г. Позиция США по введению моратория на поставку истребителей F-16 и других вооружений после свержения президента Мурси заставила египетских военных сделать соответствующие выводы. В 2014 г. Каир объявил о готовности закупить вооружений на 3,5 млрд долл. Россия поставила или планирует к поставке системы ПВО С-300ВМ «Антей-2500», ударные вертолеты Ка-52, истребители МиГ-29М [17]. По состоянию на 2010 г. между Россией и Ливией был заключен пакетный контракт на сумму 2,4 млрд на поставку широкой номенклатуры вооружений, выполнение которого было прервано после начала гражданской войны и краха режима Муаммара Каддафи в 2011 г., а также в связи с введенным СБ ОНН оружейным эмбарго. С 2013 г. Россия возобновила ВТС с Ливией – были осуществлены поставки противотанковых комплексов «Хризантема-С» во исполнение контрактов, заключенных ранее [18]. В июне 2016 г. командующий ливийской армией генерал Халиф Хафтар посетил Москву и выразил желание начать закупки ряда вооружений. В настоящее время есть основания полагать, что ВТС с Ливией будет возобновлено в полном объеме. Марокко может стать еще одним государством Северной Африки, которое значительно расширит номенклатуру российских военных поставок, при том, что эта страна традиционно делала ставку на западные вооружения. Осенью 2017 г. в марокканских и российских СМИ появились сообщения о серьезной заинтересованности страны ЗРК С-400 [19]. Если это произойдет, то Россия не просто станет крупнейшим поставщиком вооружений в североафриканском регионе, но и укрепит военно-политическое влияние в ряде межгосударственных конфликтов (например, между Алжиром и Марокко).

Итак, в 2015—2017 гг. произошел серьезный прорыв России на рынке вооружений Ближнего Востока и Северной Африки. С финансовой точки зрения это приведет к существенному росту выручки от продаж, прибыль от которых уже в среднесрочной перспективе в значительной степени перекроет затраты на ведение военной операции в Сирии. С точки зрения реальной политики, Москва, продвигая новейшие и стратегически важные для безопасности технологии, укрепляет влияние на руководство ключевых стран региона, что позволит ей оставаться одним из ключевых арбитров в выстраивании нового ближневосточного баланса сил.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Кузык Б.Н. За кулисами прорыва. Россия на рынках вооружений. М.: Русский биографический институт, 1998. С. 85–86.
- 2. Fleurant A., Wezeman P., Wezeman S., Tian N. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf
- 3. R. Grimmet. Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1987–1994. CRS Report to Congress. 1995. P. 30. URL: https://fas.org/sgp/crs/weapons/transfers87-94.pdf
- Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами: анализ рынков / под ред. А.Л. Рыбаса. М.: Наука, 2008.
- 5. Горностаев Д., Коротченко И. Сделка Гор-Черномырдин. Ущерб России четыре миллиарда? // Независимая газета. 2000. 19 окт. URL: http://www.ng.ru/world/2000-10-19/1_deal.html
- 6. Иран Россия: оценка ВТС двух стран за период с 1990 г. по настоящее время. Материал ЦАМТО. Новости ВПК. 2016. 17 февр. URL: https://vpk.name/news/149729_iranrossiya_ocenka_voennotehnicheskogo_sotrudnichestva_dvuh_stran_za_period_s_1990_goda_po_nastoyashee_v remya.html
- 7. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Египтом. Досье. URL: http://tass.ru/info/744961
- 8. Подтверждена поставка BC Алжира 3PK «Бук-2МЭ» на колесном шасси. // Новости ВПК. 17 августа 2017. URL: https://vpk.name/news/189551 podtverzhdena postavka vs alzhira zrk bukm2e na kolesnom shassi.html
- 9. Saudi Arabia vs Iran: The Sunni Shiite Proxy War. // Wall Street Journal. 2015. 4 July. URL: https://www.wsj.com/video/saudi-arabia-vs-iran-the-sunni-shiite-proxy-wars/A7B70696-9A6D-4B26-88EC-BBFDD44AE112.html
- 10. Kozhanov N. Arms Exports Add to Russia's Tools of Influence in Middle East. //Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. Expert Comment. 20 July 2016. URL: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/arms-exports-add-russia-s-tools-influence-middle-east
- 11. Портфель заказов «Рособоронэкспорта» от стран Ближнего Востока и Северной Африки составляет 8 млрд. долл. глава «Рособоронэкспорта» Михеев // Новости ВПК. 2017. 16 ноября. URL: https://vpk.name/news/198365_portfel_zakazov_rosoboroneksporta_ot_stran_bliz-hnego_vostoka_i_severnoi_afriki_sostavlyaet_8_mlrd_dollarov__glava_rosoboroneksporta_miheev.html
- 12. Премьер Турции объяснил контракт с Россией на покупку 3PK C-400 // Ведомости. 2017. 12 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/11/12/741369-premer-turtsii-obyasnil

- 13. «Коммерсант» узнал о договоренностях по поставкам C-400 «Триумф» Эр-Рияду // Ведомости. 2017. 16 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/06/736831-kommersant-dogovorennostyah-s-400
- 14. FisherM., Schmitt E., CarlsenA., Browne M. Did American Missile Defense Fail in Saudi Arabia? // The New York Times. Dec. 4, 2017. URL: https://www.nytimes.com/interactive/2017/12/04/world/middleeast/saudi-missile-defense.html
- 15. Никольский А. Катар интересуют российские системы ПВО // Ведомости. 2017. 24 авг. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/24/730767-katar-rossiiskie-pvo
- 16. Nkala O. Algeria Orders 12 Su-34 'Fullback' Fighter-Bombers from Russia // Defense News. Jan. 5, 2016. URL: https://www.defensenews.com/home/2016/01/05/algeria-orders-12-su-34-fullback-fighter-bombers-from-russia/
- 17. Russia, Egypt seal preliminary arms deal worth \$3.5 billion // Reuters. World news. Sept. 17, 2014. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-egypt-arms/russia-egypt-seal-preliminary-arms-deal-worth-3-5-billion-agency-idUSKBN0HC19T20140917
- 18. Россия передала Вооруженным силам Ливии первую партию новой военной техники после смены власти в стране // Новости ВПК. 2013. 1 окт. URL: https://vpk.name/news/97766_rossiya_peredala_vooruzhennyim_silam_livii_pervuyu_partiyu_novoi_voen-noi_tehniki_posle_smenyi_vlasti_v_strane.html
- 19. Марокко ведет переговоры о приобретении 3PK C-400 // Новости ВПК. 2014. 14 нояб. URL: https://vpk.name/news/198121_marokko_vedet_peregovoryi_o_priobretenii_zenitnoi_raketnoi_sistemyi_s400.html

Volkov Maxim N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: u66@yandex.ru

MILITARY AND TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE MIDDLE EAST AND IN THE NORTH AFRICA IN 2012-2017: THE BREAKTHROUGH IN THE NEW GEOPOLITICAL SITUATION.

Keywords: military and technical cooperation and arms trade; Russia; the Middle East and the North Africa; the regional balance of power.

The global arms market is conservative. The weapon buyers once have chosen the supplier prefer not to change it in future or not to do it too often. The changes of the military and technological orientation of the state-buyer depend on its foreign policy priorities shift or relations between the arms seller and the arms buyer. Usually these changes are the consequence of the world policy shifts, such as the end of the Cold War. The deepness of the Middle East international system events since 2011 definitely influenced the regional arms market configuration. The activity of the main arms suppliers in the region in this crucial time will determine the market share structure for the near future. Under these circumstances Russia as one of the leading global arms seller and the state having its national interests in the Middle East Region, has done some successive steps which should bring it to the breakthrough on the regional arms market. The article describes Russian activity and its results in 1990-2012. The main outcomes of the article are that the real breakthrough for Russia occurred in the period 2012-2017 and was influenced by the following reasons: the Arab Spring of 2011, civil wars in Libya, Syria, Yemen, Iraq, the birth of the Islamic State and the Russian intervention in the Syrian civil war, revival of the Russian-Iranian military and technical cooperation. As the result Russia has increased its stock of orders for the military industry up to 8 bln. of USD. The article builds the cause and effect relationship between these facts and significant Russian arms deals with Turkey, Saudi Arabia, Egypt, Algeria and other states, signed in 2015-2017. The main article outcome is that the wide expansion of the Russian military technologies will definitely strengthen its influence on the crucial states of the Middle East and the Northern Africa.

REFERENCES

- 1. Kuzyk, B.N. (1998) Za kulisami proryva. Rossiya na rynkakh vooruzheniy [Behind the scenes of the breakthrough. Russia in the arms markets]. Moscow: Russkiy biograficheskiy institut. pp. 85–86.
- 2. Fleurant, A., Wezeman, P., Wezeman, S. & Tian, N. (2016) *Trends in International Arms Transfers*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf.
- 3. Grimmet, R. (1995) Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1987–1994. [Online] Available from https://fas.org/sgp/crs/weapons/transfers87-94.pdf.
- 4. Rybas, A.L. (ed.) (2008) Voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo Rossii s zarubezhnymi gosudarstvami: analiz rynkov [Military-technical cooperation of Russia with foreign countries: the market analysis]. Moscow: Nauka.
- Gornostayev, D. & Korotchenko, I. (2000) Sdelka Gor-Chernomyrdin. Ushcherb Rossii chetyre milliarda? [The Gore-Chernomyrdin deal. A four billion damage to Russia?]. Nezavisimaya gazeta. 19th October. [Online] Available from: http://www.ng.ru/world/2000-10-19/1_deal.html.
- 6. Centre for Analysis of World Trade in Arms. (2016) Iran Rossiya: otsenka VTS dvukh stran za period s 1990 gg. po nastoyashcheye vremya [Iran-Russia: Assessment of military and technical cooperation of the two countries since 1990]. Material TSAMTO. Novosti VPK. 17th February. [Online] Available from: https://vpk.name/news/149729_iranrossiya_ocenka_voennotehnicheskogo_sotrudnichestva_dvuh_stran_za_period_s_ 1990_goda_po_nastoyashee_vremya.html.
- 7. TASS. (2015) Voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo mezhdu Rossiyey i Yegiptom. Dos'ye [Military-technical cooperation between Russia and Egypt. A dossier]. [Online] Available from: http://tass.ru/info/744961.
- 8. Centre for Analysis of World Trade in Arms. (2017) Podtverzhdena postavka VS Alzhira ZRK "Buk-2ME" na kolesnom shassi [The delivery of the Buk-2ME air defense system with the wheeled chassis for the Algerian Armed Forces is confirmed]. Novosti VPK. 17th August. [Online] Available from: https://vpk.name/news/189551_podtverzhdena_postavka_vs_alzhira_zrk_bukm2e_na_kolesnom_shassi.html.
- 9. Wall Street Journal. (2015) Saudi Arabia vs Iran: The Sunni Shiite Proxy War. 4th July. [Online] Available from: https://www.wsj.com/video/saudi-arabia-vs-iran-the-sunni-shiite-proxy-wars/A7B70696-9A6D-4B26-88EC-BBFDD44AE112.html.
- 10. Kozhanov, N. (2016) Arms Exports Add to Russia's Tools of Influence in Middle East. [Online] Available from: https://www.chathamhouse.org/expert/comment/arms-exports-add-russia-s-tools-influence-middle-east.
- 11. Centre for Analysis of World Trade in Arms. (2017) Portfel' zakazov "Rosoboroneksporta" ot stran Blizhnego Vostoka i Severnoy Afriki sostavlyayet 8 mlrd. doll. [Rosoboronexport's portfolio of orders from the Middle East and North Africa is \$ 8 billion, according to Head of Rosoboronexport Mikheev]. Novosti VPK. 16th November. [Online] Available from: https://vpk.name/news/198365_portfel_zakazov_rosoboroneksporta_ot_stran_blizhnego_vostoka_i_severnoi_afriki_sostavlyaet_8_mlrd_dollarov__glava_rosoboroneksporta_miheev.html.
- 12. Vedomosti. (2017a) Prem'yer Turtsii ob"yasnil kontrakt s Rossiyey na pokupku ZRK S-400 [The Turkish Prime Minister explained the contract with Russia for the purchase of the S-400 air defense system]. 12th November. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/11/12/741369-premer-turtsii-obyasnil.
- 13. Vedomosti. (2017b) "Kommersant" uznal o dogovorennostyakh po postavkam S-400 "Triumf" Er-Riyadu ["Kommersant" learned about the arrangements for the delivery of S-400 Triumph to Riyadh]. 16th October. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/06/736831-kommersant-dogovorennostyah-s-400.
- 14. Fisher, M., Schmitt, E., Carlsen, A. & Browne, M. (2017) Did American Missile Defense Fail in Saudi Arabia? *The New York Times*. 4th December. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/interactive/2017/12/04/world/middleeast/saudi-missile-defense.html.

98 М.Н. Волков

- 15. Nikolskiy, A. (2017) Katar interesuyut rossiyskiye sistemy PVO [Qatar is interested in Russian air defense systems]. *Vedomosti.* 24th August. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/24/730767-katar-rossiiskie-pvo.
- 16. Nkala, O. (2016) Algeria Orders 12 Su-34 'Fullback' Fighter-Bombers from Russia. *Defense News*. 5th January. [Online] Available from: https://www.defensenews.com/home/2016/01/05/algeria-orders-12-su-34-fullback-fighter-bombers-from-russia/.
- Reuters. World News. (2014) Russia, Egypt seal preliminary arms deal worth \$3.5 billion. 17th September. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-russia-egypt-arms/russia-egypt-seal-preliminary-arms-deal-worth-3-5-billion-agency-idUSKBN0HC19T20140917.
- 18. Centre for Analysis of World Trade in Arms. (2013) Rossiya peredala Vooruzhennym silam Livii pervuyu partiyu novoy voyennoy tekhniki posle smeny vlasti v strane [Russia has transferred to the Armed Forces of Libya the first batch of new military equipment after the change of power in the country]. Novosti VPK. 1st October. [Online] Available from: https://vpk.name/news/97766_rossiya_peredala_vooruzhennyim_silam_livii_pervuyu_partiyu_novoi_voennoi_tehniki_posle_smenyi_vlasti_v_strane.html.
- Centre for Analysis of World Trade in Arms. (2014) Marokko vedet peregovory o priobretenii ZRK S-400 [Morocco is in the process of negotiating the purchase of the S-400 SAM]. Novosti VPK. 14th November. [Online] Available from: https://vpk.name/news/198121_marokko_vedet_peregovoryi_o_priobretenii_zenitnoi_raketnoi_sistemyi_s400.html.

УДК 627

DOI: 10.17223/19988613/53/19

Е.Ю. Лицарева

ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА С ПОЗИЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КРИЗИС 2013 г.

Анализируется противостояние на Корейском полуострове с 2003 по 2013 г. Особое внимание уделяется шестистороннему переговорному формату по северокорейской ядерной проблеме. Конфронтация на Корейском полуострове весной 2013 г. свидетельствовала о том, что эффективное коллективное решение обеспечения безопасности при многосторонности и открытости переговорного процесса жизненно необходимо для государств региона.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; Корейский полуостров; безопасность; ядерная проблема.

На рубеже XX-XXI вв. вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сводились к поддержанию стабильности как на национальном, так и на региональном уровнях, что было жизненно необходимо для создания благоприятного инвестиционного климата и осуществления необходимых экономических реформ, обеспечивающих государствам региона рост и устойчивое развитие. Безопасность, свобода и благосостояние региональных стран непосредственным образом зависели от «постмодернистской» политики, предусматривающей переговоры, компромиссы и экономическое сотрудничество [1. С. 106]. Тем не менее давали о себе знать продолжающиеся региональные конфликты и дестабилизирующие факторы, в том числе противостояние на Корейском полуострове и северокорейская ядерная угроза. Период после войны между Северной и Южной Кореями (1950–1953 гг.) стал не только периодом неудачных попыток межкорейского урегулирования и ликвидации конфронтации, но и постоянного сталкивания интересов четырех крупнейших мировых держав - СССР, Китая, США и Японии. Одной из причин резкого обострения обстановки также стало стремление Северной Кореи обладать ядерным оружием. Это было слишком опасным, так как КНДР находилась вне контроля Международного Агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

На первоначальном этапе (1950–1970-е гг.) СССР и частично Китай помогали КНДР в области основных исследований, касающихся ядерного оружия, включая создание необходимой инфраструктуры и подготовку технических и научных кадров. С конца 1970-х гг. и фактически по настоящее время Северная Корея продолжает развивать научную и производственную базы, привлекая иностранных инвесторов для создания атомно-энергетического комплекса страны, чтобы, прежде всего, снять энергетическую проблему. Пекин на протяжении многих лет предоставлял режиму КНДР экономическую помощь и обеспечивал дипломатическую защиту от Соединенных Штатов и Республики Корея. С подписанием Соединенными Штатами Америки и

Южной Кореей в 1953 г. договора о «совместной обороне» и размещением в Южной Корее американских войск, территория Республики Корея становилась важным стратегическим пунктом в регионе, являясь, фактически, военной базой США в Северо-Восточной Азии. Присутствие в Южной Корее вооруженного новейшей техникой и ядерным оружием 43-тысячного контингента американских войск, милитаризация этого государства, а также стремление Соединенных Штатов Америки разместить на территории страны ядерные средства среднего радиуса действия, в том числе и крылатые ракеты, свидетельствовали о том, что США планировали превратить Южную Корею в фактор глобального военно-стратегического значения. Все это осуществлялось в непосредственной близости от Северной Кореи и не могло не вызывать беспокойство со стороны КНДР. Особо остро проблема угрозы распространения ядерного оружия в Восточной Азии встала к началу XXI в. Уведомив все страны, входящие в ДНЯО в 2003 г., Северная Корея официально вышла из договора. С этого момента ядерная программа КНДР, исходя из заявлений изначально носящая мирный характер, стала приобретать военную направленность. КНР была весьма озадачена таким поворотом и планировала послать в Северную Корею особого представителя с целью убедить руководство в необходимости проведения в июле-августе 2003 г. первого раунда пятисторонних переговоров (КНДР, Республика Корея, Япония, КНР и США) по проблемам урегулирования ядерной проблемы. Первоначально Китай отказывался от прямого участия в переговорном процессе по северокорейской ядерной проблеме и настаивал на трехстороннем формате (КНДР, Республика Корея и США), но затем Пекин дал согласие не только на своем участии, но и предоставлении своей территории для шестисторонних (включая и Россию) переговоров. При этом КНР выступала резко против бойкота Северной Кореи и ввода каких-либо санкций. В ходе проведения американосеверокорейских консультаций 31 июля 2003 г. относительно возможного формата переговоров и состава участников именно Северная Корея предложила новый

подход - шестисторонние переговоры с участием России, нормализовав отношения с нашей страной после взаимных визитов высшего руководства на протяжении предшествующих двух лет. На первых шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной проблеме, проводимых в Пекине 27-29 августа 2003 г., все стороны «выразили надежды на уменьшение сомнений и создание климата доверия через диалог, чтобы мирно разрешить проблему ядерного оружия КНДР, считая, что шестисторонние переговоры предоставляют реальную возможность для обеспечения мира в Северо-Восточной Азии. Они также заявили, что стремятся внести свой вклад в продвижение переговоров» [2]. Северная Корея обязывалась отказаться от разработок ядерного оружия при условии соблюдения четырех основных требований: подписание Соединенными Штатами пакта о ненападении, установление с КНДР дипломатических отношений, обеспечение экономического сотрудничества с Японией и Республикой Корея, предоставление КНДР реакторов на легкой воде для потребностей энергетики. Несмотря на то что совместный документ не был принят, участники встречи договорились продолжать диалог и согласовать сроки проведения нового раунда консультаций по дипломатическим каналам. 25-28 февраля 2004 г. в Пекине состоялся второй раунд шестисторонних переговоров по выходу из северокорейского ядерного кризиса, который завершился договоренностью продолжать переговоры. Предполагалось также создать действующую в промежутках между основными раундами рабочую группу. Ситуация значительно осложнилась в 2005 г. 10 февраля 2005 г. КНДР впервые признала создание собственного ядерного оружия, хотя на протяжении всего 2005 г. предпринимались попытки проведения шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове. В ответ на требования США свернуть ядерные программы правительство КНДР официально заявило о наличии ядерного оружия и о намерении развивать ради защиты своих идей и государственного строя ядерный арсенал. При этом правительство КНДР неоднократно заявляло о своем праве на мирное использование атомной энергии. Помимо этого, Северная Корея и Япония намеревались осуществлять нормализацию двусторонних отношений для преодоления имеющих глубокие исторические корни нерешенных политико-психологических конфликтов, которые были последствием длительного для большинства стран региона периода японского колониального господства. В то же время после наложения США в сентябре 2005 г. экономических санкций на Азиатский банк в Макао, через который КНДР проводила значительную часть своих международных валютных операций, Северная Корея была намерена выйти из формата шестисторонних переговоров. В октябре 2006 г. Пхеньян провел первый подземный взрыв ядерного устройства. 14 октября 2006 г. относительно северокорейских ядерных испытаний была принята резолюция Совета Безопасности ООН [3]. В Соответствии с этой резолюцией налагался запрет на поставки, продажу или передачу КНДР любой военной техники и видов вооружений, материалов, технологий, которые могут быть использованы в ядерных исследованиях. Китай, крайне незаинтересованный в обострении обстановки на Корейском полуострове, прекратил поставки нефти Северной Корее. Во многом из-за экономического давления Китая (90% всех энергоресурсов КНДР импортировала из Китая) в конце октября 2006 г. было объявлено, что КНДР возвращается за стол переговоров, но в ходе этих переговоров наряду с обсуждением ядерной проблемы должен быть обсужден и вопрос о снятии наложенных США экономических санкций.

Ядерные испытания Северной Кореи показывали неэффективность существующих политических и военно-силовых средств для противодействия распространению ядерного оружия. Правда уже через год в процессе шестисторонних переговоров было достигнуто соглашение о поэтапном выполнении КНДР мер по денуклеаризации. Тогда же были остановлены реакторы в Йонбене [4] и созданы рабочие группы по денуклеаризации Корейского полуострова; экономическому и энергетическому сотрудничеству; механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии; нормализации двусторонних отношений КНДР с США и Японией. Северокорейская ядерная программа была своеобразной «экспериментальной площадкой» для координации действий участвующих сторон в области безопасности в АТР, а шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме могли стать шагом к созданию многосторонней системы безопасности в регионе [5. Р. 59]. Для решения других проблем безопасности в СВА, связанных с новыми вызовами и угрозами, китайская, южнокорейская, а также российская стороны продвигали идею сохранения этого формата и после урегулирования кризиса в Северной Корее. КНДР рассматривала ядерную программу, в первую очередь, в качестве средства получения финансовой помощи от США и гарантий своей безопасности. Как считает преподаватель международных отношений в Университете Метца и сотрудник газеты France Soir Александр дель Валль, Соединенные Штаты в течение многих лет фактически помогали Северной Корее создавать атомную промышленность, закрывая на это глаза и позволяя ей, в отличие от Ирака, работать над ядерным оружием. Он заявляет, что Пхеньян служил для Вашингтона «полезным врагом», угрозой, которая является предлогом для американского военного присутствия на юге от Китая... Задача такого «азиатского пояса» заключается не только в противодействии северокорейской угрозе (реальная опасность, но в то же время и предлог для сохранения американских баз), но и «в окружении настоящего геостратегического врага США - Китая, который входит вместе с Россией в Шанхайскую организацию сотрудничества – альянс бывших советских республик и Китая, направленный

против американской гегемонии» [6]. В 2009 г. в ходе проведения подземного ядерного взрыва было заявлено, что выполнение ядерных испытаний осуществляется с целью «защиты высших интересов республики» и «суверенитета страны и нации» в условиях угрозы нанесения превентивного удара и усиления санкций с стороны США [7]. После запуска в апреле 2009 г. ракеты-носителя для вывода на орбиту экспериментального спутника связи и последовавшей вслед за этим угрозы усиления санкций, Северная Корея объявила о выходе из шестисторонних переговоров и о намерении развивать силы ядерного сдерживания. Несмотря на то что Китай выступил в декабре 2010 г. с предложением провести экстренные консультации глав делегаций шестисторонних переговоров, инициатива КНР не нашла отклика. На протяжении последних десятилетий КНДР чередовала периоды провокаций, обещая нанести сокрушительный удар по «марионеткам США» на юге полуострова, с периодами снижения напряженности, когда Корея под давлением Китая соглашалась вернуться за стол переговоров об отказе от ядерного оружия на полуострове. Но Северная Корея не подчинялась никакому диктату, даже со стороны Китая и ему не удавалось диктовать, что бы то ни было режиму Пхеньяна [8]. В 2010 г. произошло потопление северокорейской подводной лодкой южнокорейского корвета «Чхонан» и был обстрелян остров Енпхенд. Ситуация обострилась еще больше в феврале 2013 г. Новому руководству КНДР, а именно Ким Чен Ыну, важно было укрепить свои позиции и власть, так как в этом регионе все руководители оказались новыми: новая власть в Китае, новый президент в Южной Корее, новый премьер-министр в Японии [8, 9]. Необратимые последствия не только для АТР, но и для всего мира имело третье ядерное испытание, проведенное КНДР в феврале 2013 г. в сочетании с запуском спутника несколькими месяцами ранее и возобновлением работы реактора по наработке плутония в Йонбене. Все это привело к усилению санкций со стороны ООН и угрозам ответных действий со стороны Северной Кореи, в том числе и применить ядерное оружие по континентальной части США. Что заставило международное сообщество взглянуть на КНДР более серьезно, чем просто как на торгующуюся «попрошайку» [10]. Но больше всего настораживала неопределенность ситуации, так как достоверно не было известно, является ли Северная Корея полноценной ядерной державой и располагает ли она готовым к применению ядерным оружием, а также имеется ли у КНДР боеголовка, которая может быть применена баллистической ракетой межконтинентальной дальности [11]. Было известно, что с 1993 по 2013 г. КНДР произвела пять испытательных пусков ракет средней дальности и космических ракетносителей разных типов, а из официальных заявлений КНДР следовало, что страна располагает межконтинентальными баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. Небольшое число ядерных

бомб и боеголовок (от четырех до 10), которым, как полагали, уже обладает Северная Корея, было произведено на основе плутония, обогащенного на малом 5мегаваттном реакторе в Йонбене до 2007 г., когда ядерный комплекс был закрыт. В 2010 г. прошла информация о заводе по обогащению урана в КНДР. Оставалось неизвестным, есть ли у КНДР ядерное оружие с урановым боезарядом и было не совсем понятно, почему руководство КНДР сделало своим приоритетом обогащение урана и отказалось от программы по производству плутония. Специалист Международного института стратегических исследований Марк Фицпатрик предположил, что «комплексы по обогащению урана легче спрятать», а обнаруженный в 2010 г. - не единственный. «Кроме того, некоторые типы урановых боеголовок производить легче, чем другие виды ядерных вооружений. Северная Корея, вероятно, закупила технологии для производства оружия, основанного на обогащенном уране, у тех же пакистанских поставщиков, которые продали ядерные технологии Ливии и Ирану» [12]. Часть испытаний могла пройти на территории Ирана и Пакистана, так как северокорейская ракетная программа развивалась совместно с иранской и пакистанской.

Как показала практика, развитие ядерных программ Северной Кореей стало важной частью общей политики национальной безопасности страны, включая энергетическую безопасность, и это касалось не только решения проблемы нехватки энергии. Существовало несколько причин стремления КНДР разработать и иметь собственное ядерное оружие. Прежде всего северокорейское правительство было обеспокоено обеспечением безопасности режима, а наличие ядерного оружия могло бы сдержать те же США и Южную Корею от применения венной силы. Наличие ядерного оружия давало определенные преимущества КНДР на переговорах любого характера, в том числе и с участием США. Кроме того, в условиях сложного экономического положения Северная Корея всегда имела ввиду возможность получения определенных экономических выгод от гуманитарной помощи в обмен на свертывание ядерных программ. В любом случае, с момента возникновения северокорейской ядерной проблемы политический режим КНДР стремился к скорейшему ее урегулированию, преследуя главную цель - обеспечить безопасность страны через ликвидацию каких-либо противоречий с главными, включая США, потенциальными противниками. В то же время угрозы КНДР нанести ядерный удар по Соединенным Штатам и Республике Корея весной 2013 г. привели к намерению усилить противоракетную оборону США на Аляске за счет 14 ракет-перехватчиков к 2017 г. [8]. Кроме того, США заявили о размещении системы, известной как противоракетный комплекс подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности, на Гуаме, чтобы защититься от северокорейских ракет средней дальности [13]. Северокорейская ядерная угроза, создающая атмосферу готовящегося ядерного нападения на США и Южную Корею, приводила к автоматическому запуску механизма превентивных действий со стороны этих государств, направленных на предупреждение ядерного удара со стороны КНДР, включая наращивание американской военной мощи в регионе и сосредоточение разведывательных средств на Корейском полуострове в районе КНДР, т.е. недалеко от Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока.

Весной 2013 г. Восточная Азия превратилась в центр военной конфронтации, а события на Корейском полуострове свидетельствовали о том, что система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, в Северо-Восточной Азии должна включать все государ-

ства, географически относящиеся к региону. В то же время без нормализации межкорейских отношений невозможно урегулирование северокорейской ядерной проблемы. При этом необходимо одновременно осуществлять замораживание и последующий демонтаж военной ядерной программы Северной Кореи с возвращением страны в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ, а также проводить разрядку политической напряженности на Корейском полуострове, способствуя развитию отношений между Северной Кореей, с одной стороны, и Южной Кореей и другими странами региона — с другой [14]. В связи с этим эффективное коллективное решение обеспечения безопасности при многосторонности и открытости переговорного процесса без шантажа и запутиваний жизненно необходимо для государств региона.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Лицарева Е.Ю. Система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков и в первое десятилетие XXI в. Позиция России // Национальные приоритеты России // Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 106–112.
- 2. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/chhewtlfht/t25530.shtml (дата обращения: 23.12.2017).
- 3. United Nation Security Council Resolution 1718 from October 2006/UN doc.S/RES/1718. URL: http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/572/07/PDF/N0657207.pdf?OpenElement (дата обращения: 23.12.2017).
- 4. КНДР считает себя ядерной державой. ООН призывает к диалогу // Euronews. URL: http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game (дата обращения: 25.12.2017).
- 5. Yaqing Q. Prospects for East Asia Community // The Trilateral Commission. P. 54–60. URL: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/eastasia_prospects.pdf (дата обращения: 24.12.2017).
- 6. Дель Валь А. Северная Корея: двойная игра США? (Atlantico, Франция) // inoCMU.Ru. URL: http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html (дата обращения: 25.12.2017).
- 7. Радио Пхеньяна (Голос Кореи) по-русски о подземном испытании атомного оружия и ядерной программе КНДР (запись вещания) и основная доктрина нынешней КНДР «сонгун» // Портал о странах и народах мира. URL: http://www.portalostranah.ru/view.php?id=42(дата обрашения: 25.12.2017).
- 8. Северная Корея: чего добивается Ким Чен Ын? // Euronews. URL: http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics (дата обращения: 25.12.2017).
- 9. Cronin M. As the World Rebalances in the Asian-Pacific Century, So Must the United States // Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2012. Vol. 7, № 4. winter. URL: http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/62/as-the-world-rebalances-in-the-asian-pacific-century-so-must-the-united-states.html (дата обращения: 25.12.2017).
- 10. Mansourov A. The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking // Global Asia. A JOURNAL OF THE EAST ASIA FOUNDATION. 2013. Vol. 8, № 3. fall. URL: http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html (дата обращения: 25.12.2017).
- 11. Какую форму может принять конфликт на Корейском полуострове? (Atlantico, Франция) // inoCMИ.Ru. URL: http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html (дата обращения: 25.12.2017).
- 12. Фицпатрик М. Перезапуск Йонбена: КНДР на острие ядерной игры // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml (дата обращения: 25.12.2017).
- 13. Барнс Д., Энтус А. США разместят систему ПРО на Гуаме (The Wall Street Journal, США) // inoCMИ.Ru. URL: http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html (дата обращения: 26.12.2017).
- 14. Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии: совместный документ российских и южнокорейских экспертов. Рабочая тетрадь РСМД и Института российских, восточноевропейских и евразийских исследований Сеульского национального университета. N25/2015 // Российский Совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-NortheastAsia-Russia-25-rus.pdf (дата обращения: 26.12.2017).

Litsareva Elena Y. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elits2011@mail.ru

THE PROBLEM OF THE KOREAN PENINSULA FROM THE STANDPOINT OF REGIONAL SECURITY: THE CRISIS 2013.

Keywords: Asia-Pacific region; the Korean peninsula; nuclear issue; security.

The author of the article is examining the confrontation on the Korean peninsula since 2003 to 2013 and the six-party negotiation format on the North Korean nuclear issue, involving Russia, China, the United States, Japan, the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and Republic of Korea, formed officially in 2003. Continuing North Korea's nuclear tests, showed the inefficiency of the existing political and military-force means in East Asia to counter the spread of nuclear weapons. It was too dangerous because this country was beyond the control of the International Atomic Energy Agency and outside the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. The author emphasizes that the North Korean nuclear program was an experimental platform for the coordination actions of the parties, involved in the field of East Asia security and the six-party talks on the North Korean nuclear problem could be a step towards the establishment of a multilateral system of security in the region. In addition, Russia, China and Republic of Korea have promoted the idea of using this format after the settlement of North Korea nuclear crisis to address other security issues at North-East Asia, especially related to new threats. As a result of the carried out research work, the author concludes that in the spring of 2013 the North East Asia has become the center of a military confrontation, and developments on the Korean peninsula - an indication that the East Asia security and, in particular, North East Asia security system, had to include all states, geographically related to the region. At the same time, the settlement of the nuclear issue on the Korean peninsula can not be achieved without the normalization of inter-Korean relations. It was

necessary to solve both tasks at the same time - "to freeze" and then dismantle the North Korean military nuclear programmer with the return of DPRK in Non-Proliferation of Nuclear Weapons and under the guarantee of the International Atomic Energy Agency; defusing political tensions at the Korean peninsula and the development of the relations between North Korea, on the one hand, and South Korea and the other countries in the region, with another" In this regard, the effective collective security solution, multilateralism and openness of the negotiation process without blackmail and intimidation were vital for the states of the region.

REFERENCES

- Litsareva, E.Yu. (2014) Sistema bezopasnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione na rubezhe vekov i v pervoye desyatiletiye XXI v. Pozitsiya Rossii
  [The security system in the Asia-Pacific region at the turn of the century and in the first decade of the 21st century. Russia's position]. Natsional'nyye
  prioritety Rossii. 2(12). pp. 106–112.
- 2. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Online] Available from: http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/chhewtlfht/t25530.shtml. (Accessed: 23rd December 2017).
- 3. UNO. (2006) United Nation Security Council Resolution 1718 from October 2006/UN doc.S/RES/1718. [Online] Available from: http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/572/07/PDF/N0657207.pdf?OpenElement. (Accessed: 23rd December 2017).
- 4. Euronews. (2013a) KNDR schitayet sebya yadernoy derzhavoy. OON prizyvayet k dialogue [The DPRK considers itself a nuclear power. UN calls for dialogue]. [Online] Available from: http://ru.euronews.com/2013/04/02/ban-ki-moon-nuclear-threats-not-a-game. (Accessed: 25th December 2017).
- 5. Yaqing, Q. (n.d.) Prospects for East Asia Community. [Online] Available from: http://www.trilateral.org/download/file/annual_meeting/easta-sia_prospects.pdf. (Accessed: 24th December 2017)
- 6. Del Val, A. (2013) Severnaya Koreya: dvoynaya igra SSHA? (Atlantico, Frantsiya) [North Korea: the double play of the United States? (Atlantico, France)]. [Online] Available from: http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html. (Accessed: 25th December 2017).
- 7. Portalostranah.ru. (2009) Radio Pkhen'yana (Golos Korei) po-russki o podzemnom ispytanii atomnogo oruzhiya i yadernoy programme KNDR (zapis' veshchaniya) i osnovnaya doktrina nyneshney KNDR "songun" [Pyongyang Radio (Voice of Korea) in Russian about the underground test of nuclear weapons and the DPRK nuclear program (recording of broadcasting) and the main doctrine of the present DPRK "Songun"]. [Online] Available from: http://www.portalostranah.ru/view.php?id=42. (Accessed: 25th December 2017).
- 8. Euronews. (2013b) Severnaya Koreya: chego dobivayetsya Kim Chen Yn? [North Korea: What does Kim Jong Un seek?]. [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: http://ru.euronews.com/2013/03/27/north-korea-in-nuclear-hysterics. (Accessed: 25th December 2017).
- Cronin, M. (2012) As the World Rebalances in the Asian-Pacific Century, So Must the United States. Global Asia. A Journal of The East Asia Foundation. 7(4). [Online] Available from: http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/62/as-the-world-rebalances-in-the-asian-pacific-century-so-must-the-united-states.html. (Accessed: 25th December 2017).
- 10. Mansourov, A. (2013) The Rubik's Cube of North Korea Can Be Solved With Creative Thinking. *Global Asia. A Journal of The East Asia Foundation*. 8(3). [Online] Available from: http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/456/The-Rubik%D0%B1%D0%BFs-Cube-of-North-Korea-Can-Be-Solved-With-Creative-Thinking.html. (Accessed: 25th December 2017).
- 11. Brisset, J. (2013) Kakuyu formu mozhet prinyat' konflikt na Koreyskom poluostrove? [What form can the conflict take on the Korean Peninsula?]. [Online] Available from: http://inosmi.ru/world/20130405/207720117.html. (Accessed: 25th December 2017).
- Fitzpatrick, M. (2013) Perezapusk Yonbena: KNDR na ostriye yadernoy igry [The restart of Yongbyon: North Korea on the edge of nuclear play].
   [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/04/130402_nkorea_yongbyon_analysis.shtml. (Accessed: 25th December 2017).
- 13. Barnes, D. & Entus, A. (2013) SSHA razmestyat sistemu PRO na Guame [The United States to deploy a missile defense system on Guam]. [Online] Available from: http://inosmi.ru/world/20130404/207688071.html. (Accessed: 26th December 2017)
- 14. Russian Council for International Affairs. (2015) Bezopasnost' i sotrudnichestvo v Severo-Vostochnoy Azii: sovmestnyy dokument rossiyskikh i yuzhnokoreyskikh ekspertov [Security and cooperation in Northeast Asia: a joint document of Russian and South Korean experts]. In: Ivanov, I.S. (ed.) Rabochaya tetrad' RSMD i Instituta rossiyskikh, vostochnoyevropeyskikh i yevraziyskikh issledovaniy Seul'skogo natsional'nogo universiteta [Workbook of the INF and the Institute of Russian, East European and Eurasian Studies of the Seoul National University]. Vol. 25. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-NortheastAsia-Russia-25-rus.pdf. (Accessed: 26th December 2017).

УДК 34(540)

DOI: 10.17223/19988613/53/20

Д.С. Никитин

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследуется конфессиональный состав Индийского национального конгресса (ИНК) в период становления организации в качестве ведущей силы индийского национально-освободительного движения. Рассмотрены закономерности формирования состава ИНК, обусловленные меняющимися социально-политическими условиями в Индии конца XIX в. Большое внимание уделено анализу соотношения числа мусульман и индусов в ИНК в контексте индусско-мусульманских противоречий. Сделаны выводы о влиянии состава ИНК на восприятие Конгресса различными слоями индийского общества и британской колониальной администрацией.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; конфессиональный состав; индусско-мусульманские противоречия.

Одной из основных характеристик индийского субконтинента, оказывавшей серьезное влияние на политическое развитие региона, является его поликонфессиональность, бывшая результатом многочисленных миграций населения в древности и средневекового мусульманского завоевания Индии. К концу XIX в. - времени появления ИНК на индийской политической сцене - большинство населения Индии составляли индусы (207,7 млн человек при общей численности населения в 287,2 млн человек), среди религиозных меньшинств самыми крупными (без учета лесных племен, придерживавшихся первобытных анимистических верований) были мусульмане – 57,3 млн чел., буддисты – 7,1 млн, христиане -2,3 млн, сикхи -1,9 млн и джайны – 1,4 млн человек; незначительную часть населения составляли парсы (зороастрийцы) – 89,9 тыс. и иудеи – 17 тыс. человек [1. Р. XXII-XXIV]. В таких условиях деятельность политической организации, стремившейся выражать интересы всего индийского народа, не могла быть эффективной без учета конфессионального разнообразия, присущего Индии, и последовательной религиозной политики.

С момента возникновения ИНК руководители Конгресса в публичных выступлениях делали акцент на том, что организация является общенациональной [2. Р. 221]. Главной целью ИНК провозглашалась сугубо политическая задача, решение которой не должно было зависеть от особенностей конфессионального состава Конгресса – расширение прав индийского народа в управлении страной. Однако многовековые противоречия между двумя крупнейшими религиозными общинами (индусской и мусульманской) требовали от лидеров ИНК решения двоякой задачи - привлечения мусульман в конгрессистское движение и противодействия оппозиции Конгрессу, возглавляемой Саидом Ахмад-ханом - мусульманским просветителем, создателем теории «двух наций», согласно которой мусульмане и индусы в Индии являлись не просто приверженцами разных вероучений, а представляли собой две отдельные нации, живущие на одной территории.

С учетом того, что после поражения народного восстания 1857 г. мусульмане сравнительно поздно включились в общественно-политические процессы, более характерные для индусской интеллигенции (создание политических ассоциаций и т.п.), наиболее активную часть Конгресса составляли индусы, вследствие чего руководство ИНК в первые годы его существования было вынуждено уделять конфессиональному вопросу большое внимание, что нашло отражение в ряде мероприятий ИНК в конце 80-х гг. XIX в. В целом указанные выше факторы и определили своеобразие конфессионального состава ИНК в конце XIX – начале XX в.

Главной характерной чертой конфессионального состава ИНК было превалирующее число индусских делегатов. На некоторых сессиях Конгресса число индусов превышало 95% от общего состава делегатов (в частности, на сессии в Лахоре в 1909 г. на 232 индусских делегата приходилось 11 человек, представлявших иные конфессии [3. Appendix C]) и никогда не опускалось ниже 55% (сессия 1899 г. в Лакхнау [4. Арpendix]). По подсчетам индийского исследователя П.Ч. Гхоша, в 1892-1909 гг. из 13 839 делегатов ИНК 12 383 были индусами и только 1 456 делегатов представляли иные религиозные течения [5. Р. 23]. Вместе с тем неоднородность общины (ее варновый, т.е. сословный характер) приводила к тому, что большую часть индусских делегатов на сессиях ИНК представляли члены высшей варны - брахманы. На некоторых сессиях число брахманских делегатов превышало совокупное число индусских делегатов остальных варн в два или почти в два раза (на сессии в Мадрасе в 1894 г. 744 делегата были брахманами, 371 – представляли иные индусские варны [6. Appendix]; в Пуне в 1895 г. это соотношение составило 996 к 494 [7. Appendix]). Как правило, брахманские делегаты составляли от трети до половины всех индусских представителей. Столь высокий процент участников-брахманов на сессиях Конгресса можно объяснить тем, что, согласно правилам, установленным на бомбейской сессии 1885 г., заседания Конгресса велись на английском языке [8.

Р. 3], а поэтому от делегатов требовался определенный уровень образования. Вероятно, возможность доступа к образованию повлияла также на то, что сессии, проводимые в крупных городах, таких как Мадрас, посещало большое количество шудр — низшей варны в индусской иерархии [6. Appendix].

Вторую по численности религиозную группу, принимавшую участие в сессиях ИНК, составляли мусульмане. Однако число мусульманских делегатов было невелико: только однажды, на сессии в Лакхнау в 1899 г., их насчитывалось 313 человек (42% от всех делегатов [4. Appendix]); на остальных сессиях процент мусульман колебался от 1 (сессии 1894, 1898, 1903 гг.) до 14 (сессия 1892 г.). Помимо активной оппозиции со стороны части мусульманской аристократии, возникшей уже в середине 80-х гг. XIX в., на незначительное представительство мусульман в Конгрессе оказывали и иные факторы. Раскол ИНК в 1907 г. и создание Мусульманской лиги годом ранее, а также подготовка реформ Морли-Минто в Индии, предполагавших введение отдельной избирательной курии для мусульман, привели к тому, что существенная часть мусульман отошла от Конгресса после 1906 г. Таким образом, если на калькуттской сессии 1906 г. присутствовали 45 мусульманских делегатов [9. Appendix I], то сессии 1908 и 1909 гг. посетили лишь 10 и 5 мусульманских делегатов соответственно.

Более политически активной частью индийского населения были парсы, которые в период с 1885 по 1909 г. были представлены в среднем 12 делегатами ежегодно. Минимально парсы были представлены в 1892 г. – 1 человек, максимально в 1904 г. – 65 человек. На отдельных сессиях (1902, 1904, 1908 гг.) число делегатов-парсов превышало число мусульманских представителей. Политическая активность парсов и, как следствие, их участие в деятельности ИНК, в том числе и на руководящих постах, была обусловлена тем, что они составляли заметную часть зарождавшейся национальной буржуазии, интересы которой, главным образом, выражал ИНК.

Среди других религиозных течений, представители которых принимали участие в деятельности ИНК, следует отметить христианство и сикхизм. Христиане были представлены как европейцами, так и коренными индийцами; в целом их доля среди делегатов не превышала 1% [5. Р. 23]. Вместе с тем А.О. Юм (генеральный секретарь ИНК в 1885–1906 гг.) неоднократно об-

ращался к англичанам, жившим в Индии (англоиндийцам), с просьбой принимать активное участие в работе Конгресса [10. Р. 13], поскольку руководство организации рассматривало англо-индийцев как неотъемлемую часть индийского народа. В 1888 г. президентом ИНК был впервые избран христианин (Джордж Юл), однако этот факт не привел к значительному увеличению числа христианских делегатов на конгрессистских сессиях. Что касается делегатов-сикхов, то их число могло достигать заметных показателей (40 представителей на лахорской сессии 1893 г.), однако в большинстве случаев значительное сикхское представительство связано с проведением сессий в местах компактного расселения этой общины, прежде всего в Лахоре. В частности, в 1894 г., через год после сессии в Лахоре, Конгресс не посетил ни один сикхский делегат. Это, в свою очередь, свидетельствовало о слабости политических связей между различными районами Индии и об ограниченных возможностях самого ИНК, который не был способен взять на себя все расходы на доставку избранных делегатов к месту проведения сессии.

Таким образом, исследование конфессионального состава ИНК позволяет выявить две основные тенденции, которые оказали серьезное влияние на развитие организации в дальнейшем. В первую очередь, наличие в Конгрессе индусского большинства порождало критику со стороны религиозных меньшинств и колониальной администрации, основанную на том, что ИНК является организацией, выражавшей исключительно индусские интересы. Это косвенно отражалось на росте коммуналистских настроений среди религиозных меньшинств и росте числа организаций (самой известной из которых являлась возникшая в 1906 г. Мусульманская лига), выражавших интересы определенных конфессиональных групп. Однако на фоне общей слабости региональных общественно-политических ассоциаций Конгресс, участниками которого уже в первые годы существования были представители всех индийских конфессий (за исключением иудеев [11. Р. 55]), был единственной организацией национального масштаба, требования которой были обусловлены политической целесообразностью, что в значительной степени оправдывало притязания ИНК на выражение интересов всех конфессиональных групп в Индии и способствовало росту его популярности в различных слоях индийского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. General Report of the Census of India, 1891. London, 1893.
- 2. Hume's Speech at Allahabad on 30th April, 1888 on the origin, aims and objects of the Indian National Congress // Yadav B.D.A. O. Hume: founder of Congress. Delhi, 1992. P. 219–241.
- 3. Report of the proceedings of the Twenty-Fourth Indian National Congress. Lahore, 1910.
- 4. Report of the Fifteenth Indian National Congress. Lucknow, 1900.
- 5. Ghosh P.Ch. The Development of the Indian National Congress, 1892–1909. Calcutta, 1960.
- 6. Report of the Tenth Indian National Congress. Madras, 1895.
- 7. Report of the Eleventh Indian National Congress. Poona, 1896.
- 8. Proceedings of the First Indian National Congress. Madras, 1905.
- 9. Report of the Twenty-Second Indian National Congress. Calcutta, 1907.

106 Д.С. Никитин

- 10. Hume A.O. Star in the East, or, the Bengal National League. Calcutta, 1886.
- 11. Audi alteram partem: being two letters on the certain aspects of the Congress movement. London, 1888.

Nikitin Dmitry S. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lenin-partiya@mail.ru CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CEN-

Keywords: Indian National Congress: confessional composition: Hindu-Muslim conflicts.

The aim of this article is to study the confessional composition of the Indian National Congress in the late 19th – early 20th century. To achieve this aim, the following tasks are envisaged: analysis of statistical data on the composition of the organization, detection of the number of representatives of various confessional groups in the INC; clarification of the attitude of Indian religious minorities and the British colonial administration towards the INC, depending on the confessional composition of the organization.

The sources of the study are the reports of the proceedings of the 1885-1909 Congress' sessions, which contain the lists of the delegates, indicating their religious affiliation; pamphlets and speeches of the one of the Congress' founders, A. O. Hume, who was the supporter of extension of the confessional and social representation in the INC.

In the course of the study, the author came to the following conclusions: the peculiarities of the confessional composition of the INC were formed under the influence of India's religious diversity, and the INC had to take some measures with the aim to attract representatives of religious minorities in spite of opposition of the influential circles of the Muslim aristocracy. The religious factor was not decisive in determining the directions of the activities of the Congress due to the political nature of its declared goals. At the same time, the analysis of the confessional composition of the INC showed that the overwhelming majority of delegates to the sessions of the Congress represented the Hindu community. Among them the dominant position was occupied by representatives of the Brahmin castes who had wide access to education. Among the religious minorities the largest was the Muslim (an average of 1 to 14% of the total number of delegates, with the exception of the 1899 session). The insignificant representation of Muslims in Congress was influenced by the opposition of part of the Muslim aristocracy, the split of the INC in 1907, the establishment of the Muslim League and the preparation of the Morley-Minto reforms. A notable role in the Congress was played by the Parsis. The proportion of their delegates relative to the total number of the religious community significantly exceeded the Muslim one. The political activity of the Parsis was due to the fact that they constituted a significant part of the nascent national bourgeoisie, whose interests were expressed by the INC. In addition, Christians, Sikhs and other minorities were represented in the INC, and as a result the Congress was the only national organization capable of expressing the interests of all Indian creeds, despite opposition from part of the Muslim aristocracy and the colonial administration, which believed that the INC expressed the interests of the Hindu majority only.

REFERENCES

- 1. General Report of the Census of India. 1891. (1893) London: [s.n.].
- 2. Hume, A.O. (1992) Hume's Speech at Allahabad on 30th April, 1888 on the origin, aims and objects of the Indian National Congress. In: Yadav, B.D. A.O. Hume: Founder of Congress. Delhi: [s.n.]. pp. 219-241.
- 3. Report of the Proceedings of the Twenty-Fourth Indian National Congress. (1910) Lahore.
- 4. Report of the Fifteenth Indian National Congress. (1900) Lucknow.
- 5. Ghosh, P.Ch. (1960) The Development of the Indian National Congress, 1892–1909. Calcutta: [s.n.].
- 6. Report of the Tenth Indian National Congress. (1895) Madras.
- 7. Report of the Eleventh Indian National Congress. (1896) Poona.
- 8. Proceedings of the First Indian National Congress. (1905) Madras.
- 9. Report of the Twenty-Second Indian National Congress. (1907) Calcutta.
- 10. Hume, A. O. (1886) Star in the East, or, the Bengal National League. Calcutta: [s.n.].
- 11. Hume, A. O. (1888) Audi alteram partem: being two letters on the certain aspects of the Congress movement. London: Station Press.

УДК 327(410)

DOI: 10.17223/19988613/53/21

В.П. Румянцев

ДИЛЕММЫ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЙЕМЕНЕ (СЕНТЯБРЬ 1962 г. – ФЕВРАЛЬ 1963 г.)

Анализируется позиция Великобритании в отношении антимонархического переворота в Йемене в 1962 г. Британское руководство решало дилемму: признать ли республиканский режим в Сане и начать выстраивать отношения с новым режимом или поддержать роялистов, как того требовали колониальные интересы Лондона на юге Аравии? Великобритания выбрала второе и в итоге вынуждена была покинуть Аден, утратив рычаги влияния на ситуацию в Йемене. Статья написана на основе неопубликованных архивных документов.

Ключевые слова: Великобритания; Йемен; Гарольд Макмиллан; Аден; колониальная политика.

Пока Йемен являлся теократической монархией, он, по сути, находился на периферии бурной политики Арабского Востока. Все изменилось, когда 19 сентября 1962 г. умер имам Йемена А. Яхья. Ему наследовал сын М. Аль-Бадр, но продержался у власти он совсем недолго - в ночь с 26 на 27 сентября 1962 г. королевская гвардия во главе с полковником А. Салялем свергла нового имама, провозгласив создание Йеменской Арабской Республики (ЙАР). М. Аль-Бадру удалось бежать на север страны, где проживали преданные монархии племена. В Йемене началась гражданская война, в которой новую власть поддерживало в основном городское население западной и южной части страны, а свергнутого имама - некоторые племена горной местности севера и востока. Ситуация в роялистском лагере была запутанной. На должность имама претендовал еще и дядя Аль-Бадра принц Хасан. Обоим претендентам удалось договориться между собой о разделе власти в случае успеха в борьбе за возвращение трона. Договоренность эта была хрупкая и объяснялась задачей консолидации промонархических сил. На деле скрытое соперничество между М. Аль-Бадром и Хасаном сохранялось.

Новую арабскую республику поддержал Египет, который моментально стал оказывать ей военную помощь. Вмешательство Каира в йеменские события вызвало протест со стороны Иордании и Саудовской Аравии. И Амман, и Эр-Рияд выразили готовность оказать помощь имаму и восстановить монархию в Йемене. К своим планам они рассчитывали привлечь западные страны.

Реакция Великобритании на события в Йемене была тревожной. Лондон беспокоился из-за того, как переворот в Сане скажется на положении дел на юге Аравии, где располагалась британская колония — Аден и находившиеся под защитой Лондона протектораты, объединенные в виде Федерации Южной Аравии (ФЮА). Великобритания решила помочь принцу Хасану, оказывая ему содействие в поездке в британский протекторат Бейхан, откуда он планировал перебраться в Йемен, чтобы возглавить антиреспубликанское движение [1].

Министр по делам колоний Д. Сэндис разъяснял, что дальнейшая помощь Хасану должна поступать от арабских стран, а не от Великобритании, в противном случае открытая британская поддержка брата умершего имама А. Яхья станет подобна для Соединенного Королевства «поцелую смерти», она ополчит против Лондона весь арабский мир. Д. Сэндис выразил надежду на то, что если принцу Хасану удастся захватить контроль хотя бы над частью территории Йемена, то ситуация в этой арабской стране может измениться [2].

Успех британской политики в отношении Йемена зависел от подхода США к вопросу о признании ЙАР. Как сообщал британский посол в Вашингтоне Д. Ормсби-Гор, Соединенные Штаты пока не спешили с признанием новой арабской республики, но все зависело от развития гражданской войны в Йемене. Если республиканцам удалось бы добиться эффективного контроля над большей частью Йемена, то, как прогнозировал британский дипломат, США «захотят быть среди тех, кто первым (из западных стран — B.P.) признает» ЙАР. В таком случае, по утверждению Форин-офис, вся структура британского влияния в Персидском заливе и Южной Аравии окажется перед угрозой краха. Однако время, необходимое для кристаллизации британского подхода к Йемену, было – республиканские власти заявили, что дипломатические миссии тех стран, которые не признают ЙАР, могут пока оставаться в стране на правах гостей [3]. Это позволяло сохранять определенную гибкость британских действий в Йемене.

Решение Великобритании оказать тайную поддержку принцу Хасану вызвало недовольство в Вашингтоне. Небезосновательно американское руководство считало, что вмешательство Лондона в йеменские дела на стороне роялистов приведет лишь к увеличению численности египетских экспедиционных войск и к вовлечению в гражданскую войну Советского Союза.

К середине октября 1962 г. республиканцы в Йемене установили контроль почти над всей территорией страны за исключением горной местности на востоке и пообещали, пока в частном порядке, придерживаться

всех международных обязательств, принятых имаматом. Тем не менее Соединенные Штаты не торопились с признанием ЙАР, чтобы лишить египетского президента Г.А. Насера иллюзии легкой победы в Йемене [4].

Позиция США стала вызывать все большую тревогу Великобритании. Д. Ормсби-Гор с горечью констатировал: «Госдепартамент неоправданно верит в свою способность сдержать египетское смутьянство» [5]. Неожиданным подспорьем для Лондона стал Карибский кризис, на время заслонивший собой все прочие проблемы американской внешней политики. Решение о признании республиканского Йемена откладывалось. Тем временем стало ясно, что британская политика скрытой поддержки принца Хасана не приносила ожидаемых результатов. Г. Макмиллан писал в дневнике: «Эффект наших "тайных" операций весьма незначительный» [6]. Нужно было либо отказаться от этой политики и признать ЙАР, либо расширять военную помощь роялистам.

Мнения среди британских дипломатов и политиков о дальнейших действиях Соединенного Королевства в Йемене разделились. За признание республиканского режима в Сане активно выступал поверенный в делах Великобритании в Йемене К. Ганди. Его поддерживал британский посол в Каире Г. Били и большая часть экспертов Форин оффис. Их аргументом было то, что восстановление монархии в Йемене невозможно, и что рано или поздно Лондону придется иметь дело с республиканцами. Признавая ЙАР, Великобритания получила бы возможность влиять на руководство постмонархического Йемена, что позволяло рассчитывать и на корректировку политики Саны в отношении ФЮА и Адена. Непризнание же, доказывали сторонники признания ЙАР, усилит подозрительность йеменской республики в отношении замыслов «коварного Альбиона», укрепит позиции наиболее радикальных республиканских лидеров, что неминуемо скажется на положении дел в Адене и повысит зависимость Саны от Каира. «И вообще, - задавался вопросом К. Ганди, - можем ли мы быть уверены в том, что реставрация монархии в долгосрочной перспективе будет на руку нашей политике в Адене? Старый режим был хорош для нас тем, что он был непопулярный и непривлекательный. Реставрация [монархии] возможна лишь при резком росте ее популярности (среди йеменского населения — B.P.)», но тогда, уверял британский дипломат, неизбежна ирредентистская политика нового имама в отношении ФЮА и Адена [7]. К этой же позиции склонялся и министр иностранных дел Великобритании А. Дуглас-Хьюм.

Противоположной точки зрения придерживалась группа влиятельных британских политиков во главе с Д. Сэндисом, П. Торнейкрофтом и Дж. Эмери. В Ближневосточном регионе их взгляды всецело разделялись губернатором Адена Ч. Джонстоном. Оппоненты британского министерства иностранных дел доказывали, что признание ЙАР вызовет разочарование в действиях

Великобритании со стороны султанов и эмиров протекторатов, а также королевских дворов хашимитов и саудитов. Союзники Лондона в этом регионе отвернутся от него. Победа республиканцев в Йемене приведет к ускоренному вытеснению англичан из Адена. Цепная реакция последует в Маскате, Бахрейне, Катаре, Кувейте, разрушены будут основы нефтяной политики Соединенного Королевства на Ближнем и Среднем Востоке. Сопротивление же действиям Г.А. Насера позволит поквитаться с ним за Суэцкий кризис, поскольку имеются все основания считать, что Йемен станет ловушкой для египетского лидера. Сторонников этих взглядов вскоре стали именовать «Аденской группой».

22 октября 1962 г. Ч. Джонстон прибыл в Лондон для участия в обсуждении ситуации в Южной Аравии. Губернатор Адена сравнил положение дел в Йемене с эпизодами средневековой истории Шотландии: новопровозглашенное правительство контролирует лишь столицу и города равнин, в то время как в горах власть находится в руках вождей племен, организующих чувствительные набеги на территории, контролируемые правительством [8].

Картина, нарисованная Ч. Джонстоном, не совсем соответствовала информации, которая поступала в Форин-офис. Существовали данные о том, что республиканцы эффективно контролировали все основные коммуникации Йемена, а сопротивление роялистов было разрозненным и локальным. «В этих условиях будет крайне трудно отрицать, что республика отвечает основным требованиям, необходимым для признания», подчеркивалось британским МИДом. - «В любом случае мы не должны быть в числе первых, кто признает (ЙАР - B.P.), но к признанию нужно быть готовыми» [9]. 22 октября американское посольство сообщало из Лондона о готовности британского правительства признать йеменскую республику, «поскольку шансы роялистов стремительно тают, и это делает признание Великобританией ЙАР неизбежным» [10].

23 октября на заседании правительства Великобритании было решено, что Соединенное Королевство готово «в принципе» признать ЙАР, но к этому шагу нужно подготовить правителей ФЮА и Адена [11]. Однако кабинету министров Г. Макмиллана пришлось отойти от данного решения в связи с появлением информации о налете йеменской (а на самом деле - египетской) авиации на территорию Бейхана. Срочно вернувшийся в Аден Ч. Джонстон сообщал, что, по мнению Верховного совета ФЮА, бомбардировка Бейхана не была случайной, а эмир Бейхана телеграфировал губернатору, что, если Великобритания не предпримет ответных действий в адрес Йемена, он пересмотрит свое решение о членстве его эмирата в ФЮА [12]. Несмотря на заверения официальной Саны, что налет на Бейхан был совершен по ошибке и виновные в этой оплошности будут наказаны, правительство Великобритании решило отложить признание ЙАР, по крайней мере до того дня, пока оно не убедится, что инциденты, подобные бейханскому, не повторятся [13].

Существовали и другие соображения, объяснявшие затягивание признания Йеменской Арабской Республики. В конце октября в Лондон вернулся член палаты общин, бывший эксперт британской разведки по специальным операциям подполковник Н. Маклин, совершивший тайную поездку в Йемен в районы роялистского сопротивления. Его доклад произвел большое впечатление на британское правительство. Н. Маклин сообщал, что моральное состояние сторонников имама превосходное («все, с кем я говорил, убеждены, что скоро они захватят Сану»); А. Саляля поддерживает отнюдь не все йеменцы, поскольку «даже те, кто не в восторге от имама, против Саляля, т.к. он привел египтян»; Г.А. Насеру ни за что не сломить сопротивление горных племен, которых не смогли завоевать в свое время даже турки («гораздо лучшие воины, чем египтяне»). Вывод британского политика сводился к ряду рекомендаций: 1) Великобритания не должна признавать ЙАР, по крайней мере до тех пор, пока А. Саляль не докажет, что может обходиться без поддержки Каира, а без нее республиканский режим не выживет; 2) нужно добиваться ухода египетских войск из Йемена; 3) Соединенному Королевству следует оказывать военную помощь имаму, особенно в авиатехнике [14]. Оптимизм подполковника Н. Маклина, казалось, подтверждался информацией о том, что роялистские силы совершили ряд удачных набегов на колонны египетских войск [15].

Выжидательная позиция британского руководства по вопросу о признании ЙАР была продиктована еще и желанием не выступать с подобными инициативами до завершения к середине ноября 1962 г. слушаний в палате общин по вопросу объединения Адена и Федерации Южной Аравии. В итоге официальная позиция правительства Г. Макмиллана была озвучена лордом-хранителем печати Э. Хитом, который, выступая в парламенте 31 октября, заявил, что кабинет министров не считает, что республиканские власти эффективно контролируют территорию Йемена, но это не следует воспринимать как проявление враждебности Лондона к республиканскому режиму в Сане [16].

Британское правительство все же решило прозондировать позицию лидеров ФЮА на предмет их отношения к возможному признанию Лондоном ЙАР, при условии официального обещания Саны не вмешиваться в дела ее южных соседей. Реакция руководства федерации была негативной, что привело правительство Г. Макмиллана к выводу о том, что потеря доверия со стороны глав протекторатов является слишком высокой ценой, которую пришлось бы заплатить за признание республиканского Йемена [17].

Преимущества, которые несла гражданская война в Йемене для британской дипломатии, находил и личный секретарь Г. Макмиллана Ф. де Зулуета. Потеря британского консульства в Таизе в случае окончательного отказа признать ЙАР будет компенсирована восстановлением дипломатических отношений с Саудовской

Аравией, разорванных в середине 1950-х гг. из-за конфликта вокруг оазиса Эль-Бурайми, причем без всякой предварительной согласованности по вопросу об оазисе, считал он. «Это будет неплохой исход для нас, но лучше еще какое-то время поиграть с йеменцами», — заканчивал свою памятную записку Ф. де Зулуета, к мнению которого обычно прислушивался Г. Макмиллан [18].

Эта «игра» не ограничивалась только дипломатическими маневрами. В ответ на подрывную деятельность йеменских спецслужб на территории ФЮА, Ч. Джонсон получил разрешение санкционировать минирование дорог на территории Йемена, сопредельной с землями британских протекторатов «пропорционально количеству мин, обнаруженных на нашей территории» [19]. Данное решение явилось ответом на давление со стороны Бейхана, требовавшего акций возмездия за налет египетской авиации.

18 января 1963 г. произошло официальное вхождение Адена в ФЮА, а через два дня в Лондоне начались консультации по вопросу о политике в Йемене. К. Ганди доказывал, что правительству не следует так серьезно относиться к предъявляемым Саной претензиям на Аден. Это - традиция йеменской политики, отказ от которой приведет к обвинениям (и в первую очередь со стороны роялистов) в предательстве национальных интересов Йемена. Британский дипломат уверял руководство Соединенного Королевства, что даже спустя 4 месяца непризнания нельзя сказать, что йеменцы решительно настроены враждебно по отношению к Великобритании. «Имам Ахмед отказывался принимать каких-либо британских дипломатов с 1957 по 1962 г., а сейчас у нас есть возможность встречаться и говорить с любым из министров (правительства А. Саляля -B.P.)», — защищал свою точку зрения К. Ганди [20].

Выступление поверенного в делах Великобритании в Йемене не поколебало позиции «Аденской группы» в британском правительстве. А. Дугласу-Хьюму с его достаточно мягким характером было сложно в одиночку противостоять Д. Сэндису, П. Торнейкрофту и Дж. Эмери. К тому же, когда речь заходила о британских отношениях с Г.А. Насером, Г. Макмиллан больше склонялся к мнению «ястребов».

Премьер-министр обозначил причину британских колебаний в виде конфликта между краткосрочными и долгосрочными интересами Соединенного Королевства. Интересы ближайших лет — сохранение британского влияния в Адене — признавались им превалирующими над задачей долгосрочной перспективы — налаживание сотрудничества с силами арабского национализма. Компромисс между этими конфликтующими интересами виделся Г. Макмиллану в признании ЙАР де факто, обещая признать де юре, когда будут выведены египетские войска [21].

Британское руководство предпочло тянуть с признанием ЙАР как можно дольше и в результате, как записал в дневнике Г. Макмиллан, «йеменская пробле-

ма (как и многие подобные ей) разрешилась сама собой! Республиканцы устали ждать и закрыли дипломатическую миссию Великобритании». Это случилось 17 февраля 1963 г., и от такого исхода, как полагал Г. Макмиллан, следовало ожидать неприятностей в будущем, но британский лидер утешал себя тем, что «в арабской политике все может поменяться внезапно, в ней ни в чем нельзя быть уверенным» [22].

Действия в угоду краткосрочным британским интересам на юге Аравии в ущерб долгосрочным целям дорого обошлись Великобритании. Ослабление позиций Лондона в Адене стало происходить темпами, повлиять на которые британская дипломатия была уже не

в силах. Гражданская война в Йемене продолжилась, ею постепенно оказался охвачен весь юг Аравийского полуострова. В конечном итоге в 1967 г. правительство Г. Вильсона заявило об уходе, больше напоминавшем бегство Соединенного Королевства из Адена. Итогом вмешательства Великобритании в гражданскую войну в Йемене в начале 1960-х гг. на стороне роялистов стало то, что из всех арабских территорий, когда-либо находившихся под контролем Великобритании, ее влияние сейчас наименее устойчиво как раз в Йемене, что вынуждает нынешнее британское руководство действовать через региональных игроков, решая свои задачи на юге Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. The National Archives of the United Kingdom (TNA). PREM 11/3877. Dundee to H. Macmillan. September 28, 1962.
- 2. TNA. PREM 11/3877. D. Sandys to C. Johnston. October 4, 1962.
- 3. TNA. PREM 11/3877. From Washington to Foreign Office. October 3, 1962; From Foreign Office to Washington. October 6, 1962; C. Gandy to Foreign Office. Tel. № 143. October 6, 1962.
- 4. John F. Kennedy Library (JFKL). National Security Files. Box 207. Yemen. General. 10/16/62-10/31/62. "United States Position on Recognition of Yemen Arab Republic, October 17, 1962"; R. Komer to J.F. Kennedy. October 18, 1962.
- 5. TNA. PREM 11/3877. From Washington to Foreign Office. October 11, 1962.
- 6. Harold Macmillan Papers (HMP). Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 47. October 19, 1962.
- 7. TNA. PREM 11/3877. C. Gandy to Foreign Office. Tel. № 144. October 10, 1962.
- 8. Macmillan H. At the End of the Day, 1961–1963. L.: Macmillan, 1973.
- 9. TNA. AIR. 19/1001. From Foreign Office to Washington. October 22, 1962.
- 10. JFKL. National Security Files. Box 207. Yemen. General. 10/16/62-10/31/62. D. Bruce to D. Rusk. October 22, 1962.
- 11. TNA. CAB 130/189. Minutes of Meeting Held at Admiralty House on Friday, 26th October, 1962.
- 12. TNA. AIR 19/1001. C. Johnston to the Secretary of State for Colonies. Tel. № 908. October 23, 1962.
- 13. TNA. CAB 130/189. Minutes of Meeting Held at Admiralty House on Friday, 26th October, 1962. Cabinet. "The Yemen".
- 14. TNA. AIR 19/1063. Report on Visit to the Yemen, 27th 30th October 1962 by L.-C. N. McLean.
- 15. TNA. PREM 11/3878. From Foreign Office to Washington. October 27, 1962; CAB 130/189. Cabinet. "The Yemen". October 31, 1962.
- 16. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. Vol. 666. L., 1962. Col. 166.
- 17. TNA. PREM 11/3878. D. Sandys to C. Johnston. November 1, 1962; C. Johnston to D. Sandys. Tel. № 1033. November 8, 1962.
- 18. TNA. PREM 11/3878. P. de Zulueta to H. Macmillan. November 7, 1962.
- 19. TNA. DEFE 25/128. D. Sandys to C. Johnston. November 2, 1962.
- 20. TNA. PREM 11/4357. Record of Meeting Held at № 1 Carlton Gardens at 4.00. P.M. on January 20 [1963].
- 21. TNA. CAB 130/189. Cabinet. "The Yemen". February 5, 1963.
- 22. HMP. dep. d. 48. February 17, 1963.

Rumyantsev Vladimir P. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

DILEMMAS OF BRITISH DIPLOMACY IN CONNECTION WITH THE OUTBREAK OF THE CIVIL WAR IN YEMEN (SEPTEMBER 1962 – FEBRUARY 1963)

Keywords: Great Britain; Yemen; Harold Macmillan; Aden; colonial policy.

The article examines the position of Great Britain towards the outbreak of the civil war in Yemen in September 1962 – February 1963. The aim of the article is to identify the reasons of the United Kingdom's refusal to recognize the Republican regime in Sanaa. The article is written on the basis of unpublished archival documents.

In September 1962, the anti-monarchist revolution occurred in Yemen. This Arab country became a republic. Because of proclamation of Yemen Arab Republic (YAR) the British leaders faced a dilemma: whether to accept the republican regime in Yemen and begin to build relations with a new regime, or to support the royalists in accordance with British colonial interests in the south of Arabia.

Initially, Harold Macmillan's government took a wait-and-see attitude. It did not want to recognize the YAR at least until mid-November of 1962, when the hearings on the unification of Aden and the Federation of South Arabia in the House of Commons were due to end. The British government stated that the republican authorities in Sanaa did not control the entire territory of Yemen.

The Prime Minister of the United Kingdom indicated the reason for the British fluctuations in the form of a conflict between the short-term and the long-term interests of the UK. The interests of the next few years, such as the preservation of British influence in Aden, were considered more important than the long-term goal of establishing cooperation with the forces of Arab nationalism. Harold Macmillan saw a compromise between these conflicting interests in recognizing the YAR de facto and promised to recognize it de jure when the Egyptian troops were withdrawn from Yemen. As a result, the republican authorities in Sana closed the British diplomatic mission in Yemen. A few years later, the United Kingdom was forced to leave Aden and lost much of its political leverage in Yemen.

Nowadays, the United Kingdom risks to repeat the same mistakes, getting involved, even indirectly, in the dangerous game led by some regional forces in Yemen.

REFERENCES

- 1. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Dundee to H. Macmillan. September 28, 1962. PREM 11/3877.
- 2. The National Archives of the United Kingdom (TNA). D. Sandys to C. Johnston. October 4, 1962. PREM 11/3877.
- 3. The National Archives of the United Kingdom (TNA). From Washington to Foreign Office. October 3, 1962. PREM 11/3877.

- 4. John F. Kennedy Library (JFKL). Yemen. General. 10/16/62-10/31/62. "United States Position on Recognition of Yemen Arab Republic, October 17, 1962". National Security Files. Box 207.
- 5. The National Archives of the United Kingdom (TNA). From Washington to Foreign Office. October 11, 1962. PREM 11/3877.
- 6. Harold Macmillan Papers (HMP). Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 47. October 19, 1962.
- 7. The National Archives of the United Kingdom (TNA). C. Gandy to Foreign Office. Tel. № 144. October 10, 1962. PREM 11/3877.
- 8. Macmillan, H. (1973) At the End of the Day, 1961–1963. London: Macmillan.
- 9. The National Archives of the United Kingdom (TNA). From Foreign Office to Washington. October 22, 1962. AIR. 19/1001.
- 10. John F. Kennedy Library (JFKL). Yemen. General. 10/16/62-10/31/62. D. Bruce to D. Rusk. October 22, 1962. National Security Files. Box 207.
- 11. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Minutes of Meeting Held at Admiralty House on Friday, 26th October, 1962. CAB 130/189.
- 12. The National Archives of the United Kingdom (TNA). C. Johnston to the Secretary of State for Colonies. Tel. № 908. October 23, 1962. AIR 19/1001.
- 13. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Minutes of Meeting Held at Admiralty House on Friday, 26th October, 1962. Cabinet. "The Yemen". CAB 130/189.
- 14. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Report on Visit to the Yemen, 27th 30th October 1962 by L.-C. N. McLean. AIR 19/1063.
- 15. The National Archives of the United Kingdom (TNA). From Foreign Office to Washington. October 27, 1962; CAB 130/189. Cabinet. "The Yemen". October 31, 1962. PREM 11/3878.
- 16. Great Britain. (1962) Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. Vol. 666. Col. 166.
- 17. The National Archives of the United Kingdom (TNA). D. Sandys to C. Johnston. November 1, 1962; C. Johnston to D. Sandys. Tel. №1033. November 8, 1962. PREM 11/3878.
- 18. The National Archives of the United Kingdom (TNA). P. de Zulueta to H. Macmillan. November 7, 1962. PREM 11/3878.
- 19. The National Archives of the United Kingdom (TNA). D. Sandys to C. Johnston. November 2, 1962. DEFE 25/128.
- 20. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Record of Meeting Held at №1 Carlton Gardens at 4.00. P.M. on January 20 [1963]. PREM 11/4357
- 21. The National Archives of the United Kingdom (TNA). Cabinet. "The Yemen". February 5, 1963. CAB 130/189.
- 22. HMP. dep. d. 48. February 17, 1963.

Проблемы инновационого развития: международный опыт

УДК 94(9)

DOI: 10.17223/19988613/53/22

С.В. Вольфсон

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Обосновывается необходимость изучения научно-технологического развития зарубежных стран и, в частности, стран Востока, и анализируется, как эта задача решается на Отделении международных отношений исторического факультета Томского государственного университета.

Ключевые слова: инновационная политика; инновационное развитие; стартапы; Отделение международных отношений.

Трудно назвать страну, в которой правительство не уделяло бы серьезное внимание малому и среднему предпринимательству. Как правило, в этом секторе экономики занята большая часть населения и уровень занятости в любой стране зависит от преуспевания малых и средних предприятий.

На новом – постиндустриальном этапе значительная часть новых, инновационных продуктов и даже новых технологий создается именно в малых и средних предприятиях. Отсюда и необходимость позитивного воздействия на этот процесс с целью добиться более высокой его результативности.

Речь, прежде всего, о роли государства. Как сделать, чтобы небольшое предприятие было восприимчиво к внедрению новых инновационных технологий, а значит, стало бы более конкурентоспособным? Что необходимо сделать, какие условия надо создать, чтобы инновационные идеи превращались в инновационные продукты и инновационные технологии?

Эти и подобного характера вопросы стоят перед правительствами многих стран, вступивших на путь постиндустриального развития или стремящихся встать на этот путь.

В течение более чем десятилетия мы на отделении международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (ОМО ИФ ТГУ) стремимся изучать международный опыт инновационного развития и, в частности, инновационной политики. Так получилось, что в наших исследованиях приоритетное внимание уделяется изучению опыта инновационного развития стран Востока: Китая и, в частности, Тайваня, Индии, Японии, Южной Кореи, Израиля и т.д. Конечно, в ряде публикаций анализировался и опыт США, ряда европейских стран, Австралии. Но, повторюсь, приоритетное внимание мы уделяем странам Востока.

И это объяснимо. Это наши соседи, которых, если говорить честно, мы знаем плохо. Ведь для того, чтобы

сотрудничать, и сотрудничать результативно, надо хорошо знать того, с кем стремишься совместно работать. К сожалению, у нас в России, особенно в регионах Сибири, это правило далеко не всегда соблюдается. Мы готовы сотрудничать, но с кем и в чем — это надо знать уже на предварительных этапах, перед тем, как устанавливать необходимые деловые контакты. Именно поэтому, учитывая интересы Томского научнообразовательного комплекса, как, впрочем, и других регионов, мы и стремимся изучать Восток, политику стран Востока в сферах образования, науки, инновационного развития. Всякий, кто каким-то образом связан с наукой, образованием, с инновационным развитием, знает о научных достижениях, об успехах стран Востока в инновационной сфере.

Как они этого достигли, каких результатов добились, какие проблемы на этом пути решали, какие проблемы они решают сейчас? На эти вопросы мы стремились найти ответы. Конечно, далеко не сразу у нас все получилось. На первом этапе мы, исходя из интересов деловых и научных кругов (как мы их тогда понимали), стремились подготовить информационные материалы. Делалось это оперативно. Авторами, как правило, были студенты и аспиранты. Печатали материалы на ризографе, принадлежащем отделению международных отношений, и раздавали заинтересованным лицам [1–3].

Следующий этап — публикация результатов научных исследований. В этом отношении надо отметить роль декана исторического факультета профессора В.П. Зиновьева. Именно он предложил обобщить опыт инновационного развития зарубежных стран в отдельном издании. В 2011 г. был издан сборник статей и информационных материалов «Мировой опыт инновационного развития — очерки» [4], в 2013 г. — второй [5].

А затем пришло время защиты кандидатских диссертаций и написания монографий. Анастасия Рязанова первой в Сибири защитила диссертацию, в которой анализировались особенности научно-техноло-

гического развития Корейской республики (научный руководитель д.и.н., профессор В.П. Зиновьев) [6]. За ней последовали Наталья Жадовец (Израиль), Ольга Устюжанцева (Индия), Екатерина Тройнина (Тайвань) под руководством автора этих строк.

Приступили к написанию монографий не сразу. Первой была не монография, а коллективная работа молодых авторов, посвященная анализу национальной инновационной системы Тайваня [7]. В этой работе мы пытались понять, что представляет собой национальная система Тайваня, какова роль государства в ее создании, особенности сотрудничества университетов и производства и т.д. Хотелось бы подчеркнуть, что это исследование было частью научного проекта, научным руководителем которого был вице-губернатор Томской области профессор В.И. Зинченко. Открывало публикацию коллективного исследования обращение к читателю Главы Представительства в Москве Московско-Тайбэйской Координационной Комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству Антонио Цзюнь-Сянь Чэня.

В 2015 г. в Москве в рамках сотрудничества Института Ближнего Востока и ТГУ была издана монография Н.В. Жадовец «Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)» [8]. В этом же году в Томске была опубликована монография О.В. Устюжанцевой «Индия: научно-технологическое и инновационное развитие» [9].

Важную роль в подготовке кадров востоковедов и, в частности, в изучении опыта стран Востока по стимулированию развития науки, образования, инновационного сектора играли конференции студентов и аспирантов университетов Сибири, проводимые в Томском государственном университете. Большинство из них с международным участием. Так, при поддержке и при участии Посольства Китайской Народной Республики было проведено пять молодежных научных конференций. При поддержке Посольства Израиля – семь. Очень интересным и результативным был опыт совместного проведения Томским государственным университетом и Тайваньским университетом «Фэн Цзя» молодежной научной конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы научно-технологического сотрудничества» (ноябрь 2011 г.) [10]. Сибирские молодежные научные конференции позволяют нам стимулировать изучению международного технологического сотрудничества, способствовать участию в нем молодых исследователей.

Нынешний этап инновационного развития в развитых (и не только) странах отличается особым вниманием к стартапам. Стартапы были и на предыдущих этапах. Но сейчас это явление стало массовым, прибыльным и даже престижным для страны. В такой небольшой стране, как Израиль, практически создана «индустрия стартапов», в израильском экспорте выделяется особое направление — экспорт стартапов. И в 2015 и в 2016 гг. экспорт стартапов превышал 6 млрд долл.

США. Конечно, это предмет гордости израильтян, но и озабоченности, ибо наносится ущерб интеллектуальному и экономическому потенциалу страны.

«Индустрия стартапов» возникает не сразу. Особую роль в ее возникновении и развитии играют государственные структуры – правительство, парламенты, органы власти на местах. Чрезвычайно важная роль поручена университетам (более правильно утверждать, что университеты взяли на себя эту роль добровольно) – университеты все более активно и результативно работают с предпринимателями. Их роль в развитии малого и среднего бизнеса трудно переоценить, наиболее передовые университеты уделяют особое внимание воспитанию предпринимательских навыков среди студентов. Наивысший этап стартаповского движения нашел отражение в возникновении стартап-кластеров.

Выше уже отмечалась особая роль университетов в поддержке малого и среднего бизнеса, в том числе собственно стартапов, в их создании и развитии. Студентка, теперь уже выпускница ОМО ИФ ТГУ Бэла Таловская четыре года посвятила изучению Техниона, технологического института Израиля. Внимание читателя могут привлечь созданные в Технионе структуры, призванные создать благоприятные условия для конвейерного создания стартапов, особенно молодежных.

Екатерина Тройнина тоже прошла путь от студента, а затем магистра к защите кандидатской диссертации, изучая историю научно-технологического и инновационного развития Тайваня. Тайваньский опыт стимулирования развития малого и среднего бизнеса, внедрения в его деятельность инноваций, современных технологий интересен не только исследователям (соответственно преподавателям и студентам), но и практикам, работающим в малом бизнесе и с малым бизнесом.

Индия — великая страна, в ближайшие десятилетия способная превратиться в сверхдержаву. Но мы ее практически не замечаем. Трудно объяснить, почему и как это происходит, но на все сибирские университеты только один специалист защитила кандидатскую диссертацию по современной Индии — это О.В. Устюжанцева. (В Барнауле индологов два — одна специализируется по древней Индии, другой — по Афганистану и по мере возможности пишет об Индии. Барнаулу все же повезло.) Ольга Валерьевна Устюжанцева и студенческие, и аспирантские годы посвятила изучению истории научно-технологического и инновационного развития Индии. Отсюда ее материал о развитии стартапов в Индии.

Аспирантка Марина Шушарина посвятила себя изучению Австралии. Почему Австралия? Это страна с небольшим населением — всего немногим более 24 млн человек. Но во многом она похожа на Россию — ее природные богатства — руда, энергетические ресурсы и т.д. определяют ведущие отрасли ее экспорта, сильные и слабые стороны ее экономики. Сейчас руководство Австралии делает ставку на науку, на инновационное развитие. Нам интересен их опыт.

И второе, что выделяет Австралию от других стран, – удельный вес экспорта образовательных услуг. Это направление занимает четвертое-третье место в австралийском экспорте. И дело не только в грандиозном для небольшой страны числе иностранных студентов. Дело в опыте австралийских университетов, в их умении работать и использовать интеллектуальный и предпринимательский потенциал молодежи Азиатско-Тихоокеанского региона.

Опыт Японии, великой научно-технологической державы (его изучает аспирантка Дарья Громова) нам интересен с иной стороны. Как решает эта страна при высоком уровне своего развития вновь возникающие весьма сложные проблемы. Одна из них — нестабильное развитие венчурной отрасли.

Необходимую информацию о достижениях Израиля в стимулировании инновационного предпринимательства читатель найдет в работах Н.В. Жадовец. Особый интерес представляет опыт Тель-Авива по созданию кластера стартапов. Город Тель-Авив обычно занимает по этому показателю ведущие места в мировом рейтинге.

И я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы несколько слов сказать о судьбах Сибирского востоковедения.

Еще четверть века тому назад в Сибири как научного направления востоковедения не было. В лучшем случае где-то и как-то работали одинокие энтузиасты. Теперь есть. Есть кафедры востоковедения, есть выпускники, знающие китайский, японский, корейский языки. Где-то, в отдельных университетах, изучают арабский, фарси, иврит. Все как у людей. Но востоковеды зачастую предоставлены сами себе. Как востоковедные исследования сопрягаются с интересами региона? Где, в каком краевом или областном центре власт-

ные структуры пригласили к себе ученых и заявили: «...нам в целях налаживания сотрудничества со странами Востока необходима такая-то информация?» Как можно работать, сотрудничать с народами, со странами иной цивилизации, не опираясь на специалистов-востоковедов, на востоковедные исследования? А ведь работаем.

Особенно это относится к предпринимателям. Большая корпорация еще может обратиться в востоковедные центры Москвы, Петербурга. А предприниматель? Мировая практика дает многочисленные примеры активной деятельности деловых кругов в международной сфере. Бизнес через созданные им фонды или напрямую финансирует аналитическую деятельность университетов, независимых центров, зачастую созданных и работающих при непосредственной поддержке бизнес-структур. Это позволяет деловым кругам, опираясь на полученную информацию, принимать необходимые решения и, что очень важно, защищать интересы делового сообщества. В Москве, Петербурге, в некоторых других городах уже активно действуют подобного рода центры. Нельзя работать с внешним миром, в том числе с Востоком, не изучая его.

Второе направление активного сотрудничества делового и научного сообщества – консалтинговые фирмы. Это, конечно, бизнес. Если он осуществляется профессионально, он весьма результативен, в том числе и в получении прибыли. Темпы роста консалтинговых компаний весьма впечатляют. В Сибири международный консалтинг только зарождается. Для того, чтобы изменить ситуацию, необходимы совместные усилия властных структур, научного сообщества, деловых кругов. Кто-то должен выступить организатором этих совместных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Китайская Народная Республика: наука и инновационное развитие. Информационные материалы / отв. ред. С.В. Вольфосон. Томск, 2009. 101 с.
- 2. США, Япония, Индия: наука и инновационное развитие. Информационные материалы / под ред. С.В. Вольфсона. Томск, 2011. 91 с.
- 3. Устюжанцева О.В. Инновационная система неформального сектора Индии. Информационные материалы / отв. ред. С.В. Вольфсон. Томск, 2013. 17 с.
- 4. Мировой опыт инновационной политики: очерки / под ред. С.В. Вольфсона. Томск: Том. гос. ун-т, 2011. Вып. 1. 318 с.
- 5. Мировой опыт инновационной политики: очерки / под ред. С. В. Вольфсона. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. Вып. 2. 287 с.
- 6. Рязанова А. Н. Научно-техническое развитие и инновационная политика республики Корея в 1960–2010-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 232 с.
- 7. Шкроб Е.Ю., Беридзе Н.А., Рекида А.В., Фефелов М.М. Национальная инновационная система Тайваня / под ред. С.В. Вольфсона. Томск: Том. гос. ун-т, 2011. 178 с.
- 8. Жадовец Н.В. Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.) / отв. ред. Д.А. Марьясис. Томск, 2015. 256 с.
- 9. Устюжанцева О.В. Индия: научно-технологическое и инновационное развитие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 241 с.
- 10. Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы научно-технологического сотрудничества : материалы конференции студентов и аспирантов университетов Сибири. 28–30 ноября 2011 г. / отв. ред. С.В. Вольфсон. Томск, 2012. 134 с.

Wolfson Savva V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volfson@dir.tsu.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE HISTORY OF FORMATION OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP. INTERNATIONAL EXPERIENCE

Keywords: innovation policy; innovation development; startups; Department of international relations.

One of the major directions of Russia's foreign policy nowadays is the development of cooperation in the field of science, modern technologies and education. A characteristic feature of this stage is the growing activity of regions, including Siberia. We cannot work with the other world without knowing of this world. We need to explore a permanent basis to study the processes that occur in foreign countries in the field of science and technology, innovative development, in the field of education. The Department of International Relations of the Faculty of History of National Research Tomsk State University for more than ten years study the international experience of innovative development of foreign countries.

We give priority attention to studying the experience of countries of the East: China, Taiwan, India, Japan, South Korea, Israel, etc. In the first phase, we were focusing on the scientific and business communities, we prepared informational materials. Then followed the scientific publications, PhD theses about scientific and technological development and innovation policy of countries such as South Korea (A. Ryazanova), Israel (N. Zhadovets), India (O. Ustyuzhantseva), Taiwan (E. Troinina). In 2015, two monographs were published – "Formation of national innovation system of Israel (1985 – 2012)" by Natalia Zhadovets and "India: science, technology and innovation development" by Olga Ustyuzhantseva.

The modern stage of innovative development in developed countries is characterized by a special attention to small and medium-sized innovative entrepreneurship. It is in this sector triggers the creation of a significant part of innovative products, the ideas of new technologies. It is this theme – the analysis of policies to promote the development of small and medium bickering, above all, dedicated to startups, and published in this edition of the article. Natalia Zhadovets and Bela Talovskaya analyze the experience of Israel in the formation of industry startups. Ekaterina Troinina examines the role of state structures in promoting the development of small and medium-sized businesses. Marina Shusharina analyzes the experience of Australian universities in collaboration with small and medium-sized businesses. The experience of Australia and other countries in this sphere is especially important for Russia. In our country this process is only beginning.

In recent years, more attention is grabbing by experience of cities, creating "clusters of startups". Natalia Zhadovets and Ekaterina Troinina talk about the experience of the best "cluster" startup from Silicon Valley (USA) to Singapore and Tel Aviv. In Russia, we know India badly. Especially Indian research, high technology of India. That's why the articles by Olga Ustyuzhantseva about startups in India are so important. We know about the scientific and technological achievements of Japan. This tells Daria Gromova. How to grow Siberian Orientalism is largely determined by the relationship of the Siberian regions with their neighbours.

REFERENCES

- 1. Wolfoson, S.V. (ed.) (2009) Kitayskaya narodnaya respublika: nauka i innovatsionnoye razvitiye [The People's Republic of China: Science and Innovation Development]. Tomsk: Tomsk State University.
- 2. Wolfoson, S.V. (ed.) (2011a) SSHA, Yaponiya, Indiya: nauka i innovatsionnoye razvitiye [USA, Japan, India: science and innovative development]. Tomsk: Tomsk State University.
- 3. Ustyuzhantseva, O.V. (2013) Innovatsionnaya sistema neformal'nogo sektora Indii [Innovative system of the informal sector of India]. Tomsk: Tomsk State University.
- 4. Wolfoson, S.V. (ed.) (2011b) Mirovoy opyt innovatsionnoy politiki [World experience of innovation policy]. Tomsk: Tomsk State University.
- 5. Wolfoson, S.V. (ed.) (2013) Mirovoy opyt innovatsionnoy politiki [World experience of innovation policy]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Ryazanova, A.N. (2012) Nauchno-tekhnicheskoye razvitiye i innovatsionnaya politika respubliki Koreya v 1960–2010-ye gg. [Scientific and technical development and innovation policy of the Republic of Korea in 1960–2010]. History Cand. Diss. Tomsk.
- 7. Shkrob, E.Yu., Beridze, N.A., Rekida, A.V. & Fefelov, M.M. (2011) *Natsional'naya innovatsionnaya sistema Tayvanya* [National innovation system of Taiwan]. Tomsk: Tomsk State University.
- 8. Zhadovets, N.V. (2015) Formirovaniye natsional'noy innovatsionnoy sistemy Izrailya (1985 2012 gg.) [Formation of the national innovation system of Israel (1985–2012)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 9. Ustyuzhantseva, O.V. (2015) *Indiya: nauchno-tekhnologicheskoye i innovatsionnoye razvitiye* [India: scientific, technological and innovative development]. Tomsk: Tomsk State University.
- 10. Wolfoson, S.V. (ed.) (2012) Aziatsko-Tikhookeanskiy region: problemy nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva [Asian-Pacific region: Problems of scientific and technological cooperation]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 94(41/99)

DOI: 10.17223/19988613/53/23

Д.В. Громова

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОДДЕРЖКЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ ВЕНЧУРНОЙ ОТРАСЛИ ЯПОНИИ

Рассматривается место рискового бизнеса в инновационной политике и экономике Японии. Особенное внимание уделяется официальной позиции правительства в отношении малого и среднего предпринимательства, в частности венчурного сектора. На основании анализа официальных документов, статистических данных и исследований отечественных и зарубежных ученых отмечаются основные особенности венчурного сектора Японии, а также факторы, которые препятствуют укреплению позиций венчурного капитала на рынке страны.

Ключевые слова: инновационная политика; поддержка малого бизнеса; венчурный бизнес.

Экономика Японии, показавшая феномен азиатского «экономического чуда», пережившая «бум» развития и проблемы последствий эффекта «мыльного пузыря» («потерянное десятилетие»), сегодня заняла одно из лидирующих положений не только в Восточной Азии и АТР, но и во всем мире. Согласно «Отчету о глобальной торговле и инвестициях» ДЖЕТРО (Японской организации по развитию внешней торговли) [1. С. 3], за 2016 г. ВВП Японии увеличился на 0,3% по сравнению с предыдущим годом. Несмотря на стагнацию в экономике, Япония показывает рост ВВП, хотя этот показатель уступает в динамике таким государствам, как США (2,2%), страны Европы (1,6%), КНР (6,6%), Индия (7,7%), АСЕАН 5 (4,8%) и т.д.

Основными определяющими факторами экономикогеографического положения Японии являются островное положение государства, низкая обеспеченность природными ресурсами, ограниченность территории, расположение в сейсмоопасной зоне, большая протяженность береговой линии и т.д. Это, в свою очередь, оказывает влияние на особенности японской экономики, которую можно охарактеризовать как инновационную экономику, направленную на развитие высокотехнологичной продукции. Именно экономико-географическое положение в совокупности с последствиями поражения Японии во Второй мировой войне и полной перестройкой экономики позволили стране выстроить свою модель инновационного развития, направленную на улучшение существующих производственных процессов.

Правительство Японии в документе «Взгляд на Японию 2050» [2] акцентировало внимание на социальном аспекте и выделило деградацию окружающей среды в мировом масштабе, увеличение населения и ускоряющийся разрыв между развитием стран Севера и Юга в качестве основных проблем XXI в., угрожающих стабильному существованию человечества. Выход из этой ситуации японское правительство предлагает в виде достижения баланса окружающей среды и экономики. В соответствии с позицией японского правительства, развитие экономики интенсивным путем представление ображающей упонского правительства, развитие экономики интенсивным путем пред-

ставляет наиболее приемлемый вариант для человеческого сообщества в долгосрочной перспективе. Именно переход на новейшие технологии в мировом масштабе позволит обеспечить безопасность мира в целом и Японии в частности.

Инновационное развитие Японии отличается следующими особенностями: поддержка государства правительство Японии определяет направления инновационного развития данного сектора и помогает решить проблемы финансирования разработки новых продуктов; роль малого и среднего бизнеса – именно малое и среднее предпринимательство является динамичным элементом развития японской экономики и позволяет разрабатывать и внедрять инновационные решения в производственные процессы; интеллектуальная собственность - японское правительство уделяет большое внимание развитию патентования на территории страны; в последние годы поощряются внутренние инновации в связи с переходом от закупки патентов и лицензий за рубежом на национальные разработки; кластерная региональная политика - заимствовав идею кластеров у США, правительство Японии адаптировало эту форму взаимодействия и успешно развивает кластеры как основополагающий элемент инновационной политики; венчурный сектор - именно рисковый сектор способствует развитию малого и среднего предпринимательства Японии, позволяя определить наиболее конкурентоспособные современные решения и продвигать передовые технологии как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Позиция японского правительства в вопросе развития венчурного сектора не выражена в отдельном акте, но его роль отмечается в официальном документе «Инновационная стратегия Японии до 2025 г.» [3], принятом 26 февраля 2007 г., где закреплено, что главными факторами, влияющими на формирование политики страны в области инноваций на последующие 20 лет, являются: сокращение населения и старение нации, развитие азиатских стран; последующее развитие общества, основанного на знаниях; прогресс глобализации; увеличение населения в мировом масштабе; изме-

нение климата и деградация окружающей среды; разрыв в соотношении доходов бедных и богатых, называемый также проблемой «север–юг».

Опираясь на данный прогноз, японское правительство координирует развитие инноваций на ближайшее будущее и формирует политику в области экономики, науки и образования. Важно отметить, что японское государство уделяет большое внимание внутренним проблемам и стремится, в первую очередь, справиться с ними, а затем выходить на мировой уровень в качестве конкурентоспособного экономического актора. Эту же позицию занимает японское правительство и в вопросах стимулирования венчурного сектора экономики.

В последние несколько лет правительство Японии осознало экономические выгоды от стимулирования создания и развития венчурных предприятий, направив свои усилия на формирование благоприятной среды венчурных проектов. Более того, в планах государства - создать большое количество венчурных компаний и сосредоточиться на стратегических направлениях. Однако создание новых венчурных компаний, даже в большом количестве, не является значимым показателем, если такие организации нестабильны в своем развитии. Помимо этого в современных условиях необходимы компании мирового масштаба, а также уверенность в том, что венчурные компании функционируют за критической планкой рисков. Чтобы сделать это, нужен квалифицированный состав менеджеров, что является редким ресурсом в Японии, так как в стране наблюдаются низкий уровень мобильности рабочей силы, недостаток управляющих, которые получили передовое образование, и, как результат, недостаток менеджеров, готовых к переменам и риску.

По данным на 2014 г. [4. С. 2], в Японии существуют более 462 венчурных компаний, из них некоторые являются независимыми, в то время как большинство представляют собой дочерние или аффилированные компании финансовых институтов, таких как банки, компании, ведущие операции с ценными бумагами, и страховые компании. Часто работники, занятые непосредственно в процессе производства, являются учредителями или членами правления, что ослабляет менеджмент организации (производственные процессы занимают центральное место в деятельности таких сотрудников, и они не могут внедрять и продвигать эффективные инновационные решения). Либо возникают противоположные ситуации, когда руководители не имеют достаточных знаний о процессе производства и свойствах продукции и принимают ошибочные решения в направлениях маркетинга, продаж, долгосрочного и краткосрочного планирования. В результате многие компании, основанные на венчурном капитале, зависят от указаний других участников рынка, что делает процесс венчурного финансирования менее прозрачным и привлекательным для инвесторов. Кроме того, недостаток научных и технических знаний делает особенно сложным для бизнесменов, занятых в сфере венчурного бизнеса, определение и оценку технологии на посевной стадии. Это объясняет, почему японский венчурный капитал фокусируется, главным образом, на венчурах промежуточной и завершающей стадий. Традиционно компании с венчурным капиталом в Японии предпочитают финансирование в виде вкладов в акционерный капитал (почти 70% финансирования венчурного капитала).

По данным обзора ведущей экономической газеты Японии Никкэй Симбун [5], компании с венчурным капиталом, являющиеся аффилированными предприятиями банков, негативно относятся к допустимым рискам и поддержке стартапов, и это приводит к тому, что они используют ограниченные фонды для поддержки таких компаний.

Японская система поддержки малого и среднего предпринимательства включает следующие составляющие [6. С. 3]:

- 1. Система законодательного обеспечения. Это комплекс законов, введенных постепенно, начиная с учреждения Государственного управления по поддержке малых инновационных предприятий, за которым последовал закон о создании Государственной корпорации по финансированию малых инновационных предприятий (МИП), закон о системе погашения займов МИП, об экспертных мерах поддержки МИП, закон об экстренных мерах по открытию новых видов деятельности и т.д.
- 2. Управление, которое осуществляется специализированными государственными учреждениями (совещательными комиссиями по МИП, главным управлением поддержки МИП, региональными службами).
- 3. Финансовые гарантии и финансовая помощь, предоставляемые государственной финансовой корпорацией, имеющей 59 филиалов, национальными финансовыми корпорациями (их более 100), корпорациями страхования кредитов и т.д.

В 2009 г. в Японии создан фонд бизнес-инноваций для повышения конкурентоспособности национальных компаний, работающих в секторе окружающей среды и биотехнологий. Этот фонд полностью опирается на государственную поддержку. Эта структура играет важную роль в создании новых отраслей рынка с помощью корпоративного обмена персоналом и технологиями между частными компаниями. К обмену привлекаются и университеты Японии.

На сегодняшний день японские компании активизируют инвестиции в НИОКР, считая успешную инновационную деятельность основным средством выхода из сложной экономической ситуации. Руководители компаний разделяют позицию правительства и уверены, что активная инновационная политика поможет им выжить и завоевать лидирующие позиции в стране и мире.

В своей политике поддержки инновационной среды японское правительство особенное внимание уделяет

защите интеллектуальной собственности: стимулирование процессов интеллектуального творчества внутри страны и эффективное использование его результатов; разработка и усовершенствование правовой системы защиты интеллектуальной собственности, которая способна полностью регламентировать правоотношения с момента создания объектов интеллектуальной собственности до момента их активного внедрения в производство, продвижения на рынке и передачи исключительных прав в полном или неполном объеме, т.е. путем отчуждения или выдачи лицензий или продажи франшиз, использование не только отечественных инновационных разработок, но и уникальных зарубежных технических решений. В соответствии со статистическими данными Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на 2013 г. [7], Япония занимает вторую позицию по количеству патентов среди членов организации, что демонстрирует характерную особенность политики страны в отношении инновационных разработок, заключающуюся в стимулировании процесса создания и защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, правительство Японии привлекает в сферу разработки необходимые человеческие ресурсы: по количеству ученых и исследователей страна занимает третье место в списке государств членов ОЭСР после Европейского союза (ЕС) и США.

Защита интеллектуальной собственности в Японии осуществляется Патентным ведомством. Политику государства в отношении защиты интеллектуальной собственности осуществляет Стратегический совет по интеллектуальной собственности (учрежден в июне 2003 г.), основным инструментом которого является политика «стимулирования патентования»: ускорение процедуры проверки патентов, пересмотр условий ограничения выдачи патентов и защита технологий новых отраслей (биотехнологии и информационные технологии). Сбор и анализ данных для информирования потенциальных предпринимателей в сфере инновационного бизнеса относительно состояния рынка в сфере инноваций осуществляют два агентства: Агентство по сбору сведений по учреждению предприятий и предпринимательству (данные по учреждению новых предприятий и количеству рабочих служат опорной базой для государственных учреждений, публикуются дважды в год) и Агентство базы данных патентов по инвестированию в человеческий потенциал (используются данные Патентного ведомства по заявкам на патенты).

К «Закону о патентах» в Японии трижды принимали поправки (в 1993, 1994 и 2003 гг.), при этом основные изменения касались размера пошлин, а также унификации законодательства Японии и принципов Всемирной организации защиты интеллектуальной собственности (ВОИС). Основные пошлины за регистрацию патента составляют [8. С. 1]: Регистрация заявки: 16 000 иен, проведение экспертизы: 168 600 иен, поддержание патента в силе: от 2 600 иен за 1–3 годы до 81 200 иен за 10-й и последующие годы.

Венчурные инвестиции в сферу ІТ-технологий выросли и в количестве, и в объемах инвестирования. Отдельные технологии, как результат деятельности стартапов, были разработаны с целью сопровождения бума новых продуктов и сервисов для смартфонов, портативных персональных компьютеров и других устройств с выходом в интернет. Некоторые успешные ІТ-компании появились в Японии благодаря венчурным инвестициям. Такие венчурные проекты как DeNA (провайдер мобильного портала и сайты интернетторговли) и GREE (сервисы социальных сетей и игр), разработанные в 1999 и в 2004 гг. соответственно, являются яркими примерами успешного вложения в стартапы, которые выросли в большие корпорации.

Еще одним направлением для финансирования являются сферы экологии и энергетики, которые претерпели различные тенденции в своем развитии: стабильное или понижающееся количество выпускаемых продуктов и решений с повышением стоимости выпуска на одну единицу продукции. Данный сектор включает солнечные панели, энергию ветра, энергосберегающие решения, продукты накопления энергии и др., популярные сегодня на мировом рынке под названиями «зеленый бизнес» или «энергосберегающая политика». К примеру, Япония занимает лидирующие позиции в производстве литиевых батарей для электрических машин. Этот сектор привлекателен для инвестирования как государством, так и частными венчурными фондами.

Отдельные японские города стремятся стать привлекательными с точки зрения развития венчурного бизнеса. Одним из таких городов является Кавасаки, расположенный в центре столичного района Токио. Правительство города активно поддерживает венчурный бизнес, направленный на развитие научного потенциала и предпринимательства в Кавасаки. Администрация города предлагает различные виды поддержки, такие как консультации по бизнес-управлению и запуску фирм в Японии (для иностранных инвесторов и ученых), консультации по юридическому и административному протоколу, согласование деятельности компаний и университетов, расширение рынка, а также привлечение резидентов из других стран для проживания в Японии. К факторам, выделяющим Кавасаки из остальных городов в сфере рискового бизнеса, относятся: большой потенциал рынка сбыта; оперативные сведения о продвижении мировых компаний, имеющих свои филиалы в Кавасаки; сосредоточение институтов НИОКР и технологических институтов; человеческие ресурсы; три крупных научных парка, способствующих учреждению новых фирм; программы поддержки бизнеса и развитая инфраструктура города; более низкий уровень цен в сравнении с Токио и Иокогамой.

Развитие инновационного сектора является приоритетным для японской экономики, однако в сфере венчурного бизнеса есть определенные проблемы, которые замедляют продвижение рискового капитала. Значительным препятствием на пути дальнейшего научно-

технологического и инновационного развития является недостаточный уровень доступности венчурного капитала. Рейтинг Японии по объемам вложения венчурного капитала в инновационную деятельность (доля в ВВП) довольно низок. Япония, по оценкам аналитиков ОЭСР, по этому показателю занимает одно из последних мест среди стран, входящих в данную организацию. Так, объем венчурных инвестиций в такие высокотехнологичные секторы экономики, как информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и биотехнологии, в Японии составляет примерно 50% среднего уровня по ОЭСР. Это влияет на процесс образования новых инновационных фирм в стране.

Инвестирование в венчурный бизнес отдельными лицами в текущем времени стало более упрощенным благодаря изменениям законодательства. Временный закон в отношении развития мер продвижения творческой деловой деятельности малых и средних предприятий («Закон о творческой деятельности малых и средних предприятий») был пересмотрен в 1997 г. с тем, чтобы ввести систему налогообложения для «бизнесангелов». По «Закону о товариществах с ограниченной ответственностью в сфере венчурного инвестирования», принятому в 1998 г., физические лица могут инвестировать в венчурный бизнес как партнеры с ограниченной ответственностью.

«Закон о товариществах с ограниченной ответственностью в сфере венчурного инвестирования», пересмотренный в апреле 2004 г., не устанавливал каких-либо ограничений для инвестирования в малые и средние предприятия.

В Японии создана Ассоциация ангельского капитала, которая является ведущей профессиональной организацией, поддерживающей «бизнес-ангелов» и страхующей их риски в венчурах ранней стадии. Ассоциация поддерживает профессиональное развитие, а также обеспечивает защиту прав и интересов своих членов, численность которых равна 200 группам «ангелов» и более чем 8 тыс. индивидуальных аккредитованных инвесторов. Однако на сегодняшний день для такой страны, как Япония, эти показатели не являются достаточными. Необходимо отметить, что финансовые и институциональные инвесторы поддерживают венчурный бизнес в течение непродолжительного времени. С коммерческой точки зрения, необходимо усилить рисковую способность фондов венчурного капитала, институциональных инвесторов, и т.д., а также

упростить доступ к информации о венчурном бизнесе с целью привлечения индивидуальных инвесторов.

Большая часть финансирования идет на прикладные исследования, в то время как поддержке фундаментальных разработок уделяется меньшее внимание. Кроме того, в Японии венчурный капитал практически отождествляется с венчурным бизнесом, то есть с совокупностью предпринимательской деятельности и связанных с ней финансовых отношений. Во многом развитие венчурного бизнеса в Японии повторяет развитие венчурного бизнеса в США, однако нужно учитывать национальные особенности страны и их влияние на формирование венчурного сектора.

Развитие венчурного бизнеса в Японии происходит неравномерно, очевиден существенный дисбаланс в соотношении участия государственного и частного сектора. По мнению Р. Эберхарта, директора Стэнфордского проекта по японскому предпринимательству, основной причиной низкого уровня рискового капитала в Японии является низкая мотивация венчурных предприятий Японии в контроле над рынком. Это вызвано тем, что рисковые предприятия затрачивают меньше средств на снижение агентских издержек, что означает меньший риск и, следовательно, меньший возврат капитала в виде прибыли [9. С. 21].

Подводя итоги, можно выделить основные характеристики венчурного сектора Японии на сегодняшний день: усиление сотрудничества центра и регионов в вопросах создания, развития и управления венчурными фондами; смягчение условий для самих начинающих предприятий; унификации законодательства для повышения уровня прозрачности ведения коммерческой деятельности; расширение инструментов финансовой и информационной поддержки государства; введение лояльных условий для частных инвесторов («бизнесангелов»); пересмотр налоговой политики в отношении венчурных компаний и стартапов; смягчение налоговых механизмов давления.

Несмотря на наличие проблем в регулировании инновационного сектора, японская экономика является примером успешного внедрения инноваций в производственные и управленческие процессы. Постоянный мониторинг результатов государственной поддержки позволяет координировать инновационную политику и расставлять приоритеты, в соответствии с внутренними и внешними потребностями рынка.

ЛИТЕРАТУРА

- JETRO global trade and investment report 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2016_overview.pdf, свободный (дата обращения: 30.01.2017).
- 2. Japan vision 2050. Principles of strategic science and technology policy toward 2020. URL: http://www.scj.go.jp/en/report/vision2050.pdf, свободный (дата обращения: 03.03.2017).
- 3. Innovation 25. Creating the Future, Challenging Unlimited Possibilities // Interim Report. Innovation 25 Strategy Council. February 26, 2007. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/interim_e.html, свободный (дата обращения: 18.07.2016).
- Startup funding, Venture Capital and fintech in Japan // Science and Technology Office Tokyo, Embassy of Switzerland, August, 2016. URL: http://www.stofficetokyo.ch/Wordpress/wp-content/uploads/2013/04/StartupsVCandFintechInJapan.pdf, свободный (дата обращения: 11.05.2017).
- Сирикон Барэ:-но-риннэ тэнсэй, сайкисуру киге:катачи кайгай-тоттэоки сирикон барэ: сикеку (Возрождение Силиконовой долины, филиалы Силиконовой долины вновь возрождаются за рубежом). URL: http://www.nikkei.com/article/DGXNASGM1306O_U1A211C1000000/, свободный (дата обращения: 28.01.2017).

120 Д.В. Громова

- Бондаренко Н.Е. Общие принципы и инструменты государственной инновационной политики в мировой практике. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fsdo.rea.ru%2Fcde%2Fconference%2F1%2Ffile.php%3FfileId%3D4&ei=_cq4Uan2C6z44Q8074G4AQ&usg=AFQjCNHueX_ylcnXAD4_7J0BdbJI0wDzyA&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt, свободный (дата обращения: 07.09.2016).
- 7. OECD. Stat. Patents by technology. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=PATS_IPC, свободный (дата обращения: 18.11.2016).
- 8. 2003 Amendment to Japan Patent Law. URL: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/jp/jp057en.pdf, свободный (дата обращения: 11.11.2016).
- 9. Eberhart R. Japanese venture Capital. An analysis of start-up investment patterns vs. Silicon Valley. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwigudy_14HUAhWM2SwKHXZfBzYQFggxMAE&url=https%3A%2F%2Ffsi.stanford.edu%2Fsites%2Ffdefault%2Ffiles%2Fres%2FSTAJE_Tokyo_Symposium_VC_8.ppt&usg=AFQjCNHY6WAFJ2P1vuot BHFoG1G102FsJA&cad=rjt, свободный (дата обращения: 05.04.2016).

Gromova Darya V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: putdarya@yandex.ru

THE ROLE OF THE GOVERNMENT SUPPORT OF THE SMALL AND MEDIUM BUSINESSES INNOVATION ACTIVITIES AND THE PROBLEMS OF THE JAPANESE VENTURE SECTOR

Keywords: innovation policy; small business support; venture business.

Nowadays venture business is an important aspect of small and medium business and one of the developed countries innovation strategy elements. This research is devoted to the government role in the innovation entrepreneurship support and to the risk business problems in Japan. The main aim of the research is to determine the key peculiarities of the venture business government regulation in Japan and the problems, which appear during the implementation of the innovation business support measures, on the basis of the governmental documents and the statistic data analysis.

The next sources have been examined to achieve the goal: "Japan vision 2050. Principles of strategic science and technology policy toward 2020", "Innovation 25. Creating the Future, Challenging Unlimited Possibilities", "JETRO global trade and investment report 2016". Also, the articles of the international (R. Eberhart) and the Russian (N. Bondarenko) scientists and the OECD and JETRO statistic data have been used in the research.

The place of the venture sector in the innovation policy, according to the Japanese government position, is determined in the paper, the main tendencies in the venture business development in the modern Japanese economy are marked. Also the main forms of the risk capital as a part of the small and medium business are provided. The spheres, which are the most popular for venture projects investment nowadays, are indicated, and the example of a successful cluster Kawasaki, which exists in the conditions of venture entrepreneurship support, is observed. But the venture business faces the problems during the start-up and development, and these problems are described in the research conclusion.

It should be noted that the Japanese venture capital is an important dynamically developing element of the small and medium business in Japan, according to the official government position and the statistical data. In spite of the fact that the government position is marked just in the documents about innovative and technological state development, the venture sector is emphasized as a perspective development direction. There are some changes in the venture sector of modern Japan: the change of emphasis in the venture funds development from center to regions, the appearance of new governmental risk business support instruments, the stimulation of burgeoning entrepreneurs and angel investors and so on. This brings us to the conclusion that there are perspectives for further venture sector business development and coping with the existing barriers in the Japanese venture entrepreneurship.

REFERENCES

- 1. Japan External Trade Organization. (2016) *JETRO global trade and investment report 2016*. [Online] Available from: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2016_overview.pdf. (Accessed: 30th January 2017).
- Science Council of Japan. (2005) Japan vision 2050. Principles of strategic science and technology policy toward 2020. [Online] Available from: http://www.scj.go.jp/en/report/vision2050.pdf. (Accessed: 3rd March 2017).
- 3. Rime minister of Japan and His Cabinet. (2007) *Innovation 25. Creating the Future, Challenging Unlimited Possibilities*. [Online] Available from: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/interim_e.html. (Accessed: 18th July 2016).
- 4. Science and Technology Office Tokyo, Embassy of Switzerland. (2016) Startup funding, Venture Capital and fintech in Japan. [Online] Available from: http://www.stofficetokyo.ch/Wordpress/wp-content/uploads/2013/04/StartupsVCandFintechInJapan.pdf. (Accessed: 11th May 2017).
- Nikkei. (n.d.) Sirikon Bare:-no-rinne tensey, saykisuru kigo:katachi kaygay-totteoki sirikon bare: sikoku [Silicon Valley revival, Silicon Valley branches are being revived abroad]. [Online] Available from: http://www.nikkei.com/article/DGXNASGM1306O_U1A211C1000000/. (Accessed: 28th January 2017).
- 6. Bondarenko, N.E. (n.d.) Obshchiye printsipy i instrumenty gosudarstvennoy innovatsionnoy politiki v mirovoy praktike [General principles and instruments of state innovation policy in the world practice]. [Online] Available from: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fsdo.rea.ru%2Fcde%2Fconference%2F1%2Ffile.php%3FfileId%3D4&ei=_cq4Uan2C6z44Q S074G4AQ&usg=AFQjCNHueX ylcnXAD4 7J0BdbJI0wDzyA&bvm=bv.47810305.d.bGE&cad=rit. (Accessed: 7th September 2016).
- OECD. (n.d.) Stat. Patents by technology. [Online] Available from: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=PATS_IPC. (Accessed: 18th November 2016).
- Japan Patent Office. (2003) 2003 Amendment to Japan Patent Law. [Online] Available from: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/jp/jp057en.pdf. (Accessed: 11th November 2016).
- 9. Eberhart, R. (n.d.) Japanese venture Capital. An analysis of start-up investment patterns vs. Silicon Valley. [Online] Available from: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwigudy_14HUAhWM2SwKHXZfBzYQFggxMAE&url=https%3A%2F%2Ffsi.stanford.edu%2Fsites%2Ffelsw2Fres%2FSTAJE_Tokyo_Symposium_VC_8.ppt&usg=AFQjCNHY6WAFJ2P1vuot BHFoG1G102FsJA&cad=rjt. (Accessed: 5th April 2016).

УДК 334.024

DOI: 10.17223/19988613/53/24

Б.М. Таловская

ТЕХНИОН (ИЗРАИЛЬ) – ОПЫТ СОЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ СТАРТАПОВ

Рассматриваются современное положение израильской экономики и роль технологических стартапов в экономическом развитии Израиля. Далее автор погружается в корни распространения технологических стартапов в Израиле и исследует роль Техниона — израильского технологического института в этом процессе. Исследование касается управленческих практик в сфере разработки и коммерциализации изобретений студентов и сотрудников Техниона, а также различных форматов обучения, поощряющих студентов создавать собственный хай-тек-бизнес. В итоге прослеживается связь между развитием человеческого капитала и университетской экосистемой поллержки стартапов.

Ключевые слова: Технион; Израиль; стартапы; STEM образование; экономика знаний.

Технологический институт Израиля находится в наиболее развитой стране Ближнего Востока. Различные статистические данные свидетельствуют, что Израиль находится на пороге перехода к экономике, основанной на знаниях. Исследователи израильской экономики уже называют ее инновационной [1. С. 249-266]. По определению Организации экономического сотрудничества и развития, экономика, основанная на знаниях, - это термин, описывающий тренды в продвинутых экономиках к увеличению зависимости от знаний, информации и высококвалифицированных специалистов, а также потребности предприятий и государства в быстром доступе к ним [2]. Так, в 2014 г. Израиль занял третье место по количеству патентов на миллион резидентов (438,9), его обогнали лишь Япония и Тайвань [3]. По подсчетам Bloomberg Rankings, Израиль обощел остальные 199 рассматриваемых стран по расходам на НИОКР в процентах от национального ВВП [4].

Израильское общество прошло долгий путь, чтобы достичь такого уровня развития экономики. На протяжении первых 20 лет существования государства Израиль его экономика характеризовалась преобладанием сельского хозяйства и строительства в отраслевой структуре [5. С. 12]. С 1967 г. в связи с эмбарго, наложенному Францией на поставки своих вооружений, Израилю пришлось срочно развивать промышленный комплекс (ВПК). К 1980-м гг. ВПК представлял уже 20% ВВП Израиля [Там же. С. 18]. В это же время на фоне общемировой рецессии, повышения инфляции и безработицы израильское правительство инициировало приватизацию и реструктуризацию экономики. Темпы инфляции достигли 375% в 1984-1985 гг. [Там же. С. 14]. Власти запустили стабилизационную программу и начали трансфер военных технологий в гражданскую промышленность. Это был способ создать большое количество рабочих мест для высококвалифицированных специалистов, демобилизовавшихся из армии, снизить темпы инфляции и либерализовать экономику. Таким образом, к началу 1990-х гг. сформировались условия для развития высокотехнологичных отраслей промышленности.

В последнее время активно публикуются книги, описывающие становление современной израильской экономики. Особенно известной стала книга Дэна Сенора и Сола Сингера «Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle», в которой авторы рассказывают о самых успешных хай-тек-компаниях Израиля и условиях, в которых они развивались [6]. Стартапы стали движущей силой израильской экономики. Ими гордятся, правительство и университеты всячески их поддерживают и направляют необходимые ресурсы на создание и развитие все новых компаний. Толчком для распространения стартапов стала большая алия 1990-х гг. из бывшего Советского Союза. Среди 800 тыс. евреев, иммигрировавших в Израиль, было около 11 тыс. ученых и 58 тыс. инженеров [8]. Реализовывались специальные программы абсорбции, помогающие в адаптации репатриантов в Израиле. Для ученых и инженеров из бывшего СССР организовывались курсы иврита и «технологические теплицы» («инкубаторы»), помогавшие им в продвижении их идей или разработок на рынок. Часто эти инкубаторы управлялись университетами. С первых «теплиц» началась история высокотехнологичных фирм в Израиле. Их популярность только растет. Общественные опросы указывают на преобладание хай-тек-индустрии в выборе профессий среди израильтян [9]. Упор на одну отрасль или тип фирм не проходит бесследно для экономики. Саперстайн и Руак отмечают, что уровень зарплат остается высоким только в сфере высоких технологий, в других же он стагнирует [1. С. 250]. Выигрыш от развития высокотехнологичных предприятий оказался небольшим и эффективным только в близкой перспективе. Общемировой тренд развития стартапов - молодые компании закрываются до того, как заработают свой первый миллион долларов [10]. Однако за свою «недолгую жизнь» израильские компании успели сделать высокотехнологичную промышленность ведущей во внешней торговле государ122 Б.М. Таловская

ства: в экспорте промышленных товаров эта отрасль занимает 50% [11. С. 16].

Общие тенденции экономического развития Израиля можно проследить на примере ежегодных отчетов Международного экономического форума «Global Competitiveness Report» в 2011-2012 гг. [12] и 2014-2015 гг. [13]. Авторы отчетов выделяют 12 критериев, по которым оценивается экономическая ситуация в государствах. Они включают следующие пункты: институты; инфраструктура; макроэкономическая среда; здравоохранение и начальное образование; высшее образование и подготовка кадров; эффективность рынка товаров; эффективность рынка труда; развитие рынка ценных бумаг; готовность к технологическому прорыву; размер рынка; деловой опыт; инновации. По каждому из критериев государству присуждаются баллы от 1 до 7. Семь баллов означают лучший показатель по данному параметру.

Мы знаем, что по большинству показателей Израиль мало продвинулся вперед, по некоторым даже снизил показатели (эффективность рынков товаров и труда). Только в области высоких технологий виден заметный прогресс. При этом общие показатели сравнительно высокие. Например, по критерию «Инновации» Израиль занимает 3-е место из 144, а по критерию «Готовность к технологическому прорыву» - 15-е. Однако по некоторым критериям Израиль опускается гораздо ниже: 59-е место по критерию «Эффективность рынка труда» и 79-е – по критерию «Эффективность рынка товаров». Результаты отчета Всемирного экономического форума иллюстрируют особенность израильского рынка: процесс создания и разработки технологий развит в стране гораздо лучше, чем массовое производство и продажи.

Данные показывают заметный перекос в развитии экономики Израиля. Высокотехнологичная отрасль промышленности требует значительных затрат ресурсов — нужны высококвалифицированные работники, качественное оборудование, налоговые льготы и гранты. При этом стартапы остаются замкнутыми на себе: они редко выходят на массовый рынок, быстро закрываются. Традиционные отрасли промышленности, обеспечивающие самые распространенные, но обычные потребности общества, остаются не у дел, а само израильское общество в силу определенных обстоятельств не может предложить большое количество технических специалистов.

Израиль отстает от других стран с большой долей высокотехнологичного производства: у Сингапура, Республики Корея экспорт составляет сотни миллиардов долларов [14]. Такая статистика объясняется во многом недальновидностью стартаперов. Генеральный менеджер Bronica Entrepreneurship Center, действующий в Технионе, выделяет следующие типичные проблемы молодых предпринимателей: многие из них не знают основ ведения бизнеса, они часто так уверены в своей идее, что не пытаются подтвердить гипотезу ре-

альной информацией с рынка. Они не проверяют, будет ли их разработка пользоваться спросом, и часто не знают, с чего начать поиски финансирования проекта. Я убедилась в этом из переписки с генеральным менеджером Bronica Entrepreneurship Center Рафи Нэйвом (2016. 26 мая. Архив автора). Большинство молодых компаний планируют деятельность своей компании примерно на два года вперед, не больше. Через запланированный срок фирму обычно ждет два варианта развития событий. Первый: компания отрабатывает технологию производства конечного продукта, нужно выходить на рынок и продавать готовый товар. Но по большей части такая фирма состоит из людей, которые умеют придумывать и разрабатывать изобретения, а не продавать их. В итоге они зацикливаются на технологии. Зачастую такие фирмы сначала создают конечный продукт, а потом начинают изучать рынок и спрос и оказывается, что такой продукт никому не нужен. Именно к таким причинам апеллируют бывшие работники закрывшихся стартапов в статье «146 Startup Failure Post-Mortem» [15]. Есть и второй путь. Фирме удается наладить продажи, но ее руководство не продумывает пути дальнейшего расширения бизнеса, гиганты типа Google или Intel замечают в разработке (или в коллективе) потенциальную выгоду, предлагают привлекательную цену за их бизнес или персонал, и те, вместо развития дела и возможного выхода на более широкий рынок, просто продают стартап. Так, большая часть научных разработок Израиля не остается в самом государстве, а уходит в международные корпорации.

Экономическая среда в Израиле формирует следующий запрос университетам, в том числе Техниону: развитие и сопровождение стартапов, адаптация репатриантов, включение традиционных отраслей промышленности в экономический рост.

О Технионе. Руководитель Israel Aerospace Industries и выпускница Техниона Инбаль Крайсс когда-то назвала студентов Техниона «заключенными на горе» [8. С. 95], ведь большую часть времени они тратят на индивидуальные занятия, в итоге учеба в Технионе заставляет жертвовать личной жизнью [8. С. 119]. Но трудные условия обучения подготавливают выпускника к работе на высокой должности. Опрос 2010 г. среди выпускников технологического института показал, что 24% опрошенных выпускников занимают руководящие должности ведущих компаний мира и Израиля, еще 41% – менеджеры среднего звена, а 18% – инженеры [Там же. С. 87]. Если рассматривать статистику в зависимости от отраслей, в которых заняты выпускники, то 35% трудятся в промышленности, а 12% - в НИОКР [16. С. 6]. При этом вклад инженеров из Техниона позволил создать дополнительно 78 тыс. рабочих мест для организации и поддержки стартап-компаний [17]. Компании, руководимые выпускниками Техниона производят 51% промышленного экспорта страны [18]. По подсчетам Dun & Bradstreet, вклад выпускников Техниона в Израильский ВВП составил 21 млрд долл. [17].

В четвертой главе «Руководители, не просто инженеры» из книги «Нация Техниона. Вклад Техниона в Израиль и мир» рассказывается о ярких случаях, как выпускники технологического института создавали в Израиле теперь самые успешные филиалы крупнейших компаний мира (Apple, Intel, Google, Microsoft, IBM, Qualcomm, Broadcom, Yahoo! и Hewlett-Packard), возрождали старый бизнес, придумывали принципиально новые изобретения и принципы работы [8. С. 83-100]. Технион – место, где готовят «строителей» будущего Израиля: архитекторов и инженеров авиационной промышленности, биотехнологов и химиков, программистов и инженеров машиностроения. В 2012 г. журнал Business Insider включил Технион в Топ-25 лучших инженерных школ мира [16. С. 6]. С развитием электроники, ИКТ, биотехнологий государству потребовались инженеры для инновационных отраслей. Технологический институт стабильно выпускает специалистов высокого класса, однако их количества не хватает, чтообеспечить потребности растущей промышленности [19. С. 39]. Офис Главного ученого рекомендовал в своем отчете привлекать в отрасль женщин, граждан арабского происхождения и ультраортодоксов, а также больше работать над возвращением эмигрировавших ученых. Технион присоединился к реализации этих рекомендаций. Кроме этого институт формирует стандарт обучения инженерному делу, который затем масштабируется на израильские колледжи. Несмотря на превосходство в сфере подготовки кадров, Техниону необходимы конкуренты, иначе невозможно обеспечить достаточное количество высококвалифицированных специалистов. Еще одна неутешительная тенденция - низкая доля старшеклассников израильских школ, изучающих и сдающих математику и науки на выпускных экзаменах. Соответственно остается низкой и доля абитуриентов в Технион [Там же]. Решением проблемы стала подготовка учителей точных наук в самом технологическом институте. В 2015 г. Департамент образования в сфере науки и технологий стал факультетом [20]. Помимо инженеров, программистов и ученых Технион начал обучать будущих школьных преподавателей. Декан нового факультета Орит Хазан уверена, что так же, как выпускники других факультетов Техниона, учителя внесут свой вклад в израильскую экономику, поощряя школьников изучать естественные науки, технологии и математику [Там же].

Помимо развития первоклассной инженерной школы руководство института создало всю нужную инфраструктуру для будущих и нынешних предпринимателей. У инженеров есть возможность пройти специализированную программу на факультете промышленного конструирования и управления. А студентам других специальностей предлагается курс нобелевского лауреата Дана Шехтмана и экономиста Шломо Майталя. Этот курс функционирует уже 25 лет, его суть — живое общение с авторами успешных стартапов, выпускниками Техниона и бизнесменами, они приходят поде-

литься опытом, рассказать о своих провалах и достижениях, а студенты в ответ после каждой лекции пишут эссе на тему того, что они вынесли из беседы. Таким образом, многие поколения студентов Техниона были вдохновлены на создание нового проекта, а потом возвращались на этот курс уже в качестве рассказчика своей истории стартапа. Более того, недавно у студентов Техниона появилась возможность помимо изначальной специализации (мейджор) закончить непрофильный курс (майнор) по предпринимательству. В рамках курса обучающиеся предлагают собственный предпринимательский проект, прорабатывают бизнесмодель, изучают законы об интеллектуальной собственности и стажируются у состоявшихся бизнесменов [21]. Также на базе технологического института функционирует целый комплекс учреждений, которые сопровождают стартапы: от появления идеи до продажи конечного продукта потребителю.

Bronica Entrepreneurship & Innovation Center paботает как со студентами, так и с персоналом Техниона. Основные цели учреждения: обогатить инновационную культуру Израиля и стать центральным местом, куда обучающиеся и обучающие в Технионе могут обращаться со своими идеями. У центра есть три миссии: обучение, исследование и распространение идеи. Все они направлены на поддержку новых технологических стартапов и усиление связи между академической наукой и промышленностью. Работа этого центра заключается в содействии молодым инновационным компаниям, в курсах и семинарах на предпринимательские темы, в организации доступа к различной информации о рынке, ссылках на профессиональные книги и сайты. Каждый учебный год Центр предлагает студентам закончить майнор. Сейчас в него входят следующие курсы: бизнес-план для коммерциализации изобретения; интеллектуальная собственность; маркетинговые технологии; предпринимательство и инновации в образовании; управление инновационными проектами; предпринимательство в сфере биомедицины; предпринимательство в ИКТ; открытые инновации в химии и социальное предпринимательство. Таким образом, Entrepreneurship Center предлагает исчерпывающую программу для желающих открыть собственное дело.

Часть организаций, помогающих будущим стартаперам, входит в Фонд НИОКР Техниона (Technion R&D Foundation Ltd., TRDF). Одна из них – «Т3 Technion Technology Transfer, ставит своей целью соединение «лаборатории и рынка». В рамках этой цели основная задача организации – создание новых стратегий выхода научных разработок на рынок. Сайт сообщает, что миссия этого центра «дать инструменты, способствующие и поддерживающие трансформацию инновации в реально действующее решение» [22]. Организация работает только с теми, кто проводит свои исследования на базе Техниона. Выделяют следующие направления и методы работы данной организации: анализ новых изобретений и концепций, разработан-

124 Б.М. Таловская

ных в Технионе; защита и поддержка интеллектуальной собственности Техниона; лицензирование технологий, появившихся в Технионе; переговоры и утверждение интеллектуальной собственности и деловых аспектов соглашений с промышленными компаниями. По сути, Т3 Technion Technology Transfer осуществляет юридическую поддержку разработанных в Технионе инновационных проектов.

Департамент исследований (Research Authority) также работает под началом TRDF и помогает ученым выигрывать гранты от нескольких десятков фондов [23]. В рамках этого фонда функционирует и отдел человеческих ресурсов. Помимо создания комфортной рабочей обстановки он занимается рекрутингом молодых ученых и преподавателей в Технион. Под покровительством отдела HR реализуется несколько программ по привлечению молодых специалистов. Одна из них включает сотрудничество с ICore (центрами научного превосходства) по созданию междисциплинарных проектов. Технион участвует в ярмарке вакансий не только в Израиле, но и в США (в Бостоне) и привлекает молодых профессионалов из МТИ. Государство оказывает значительную финансовую поддержку Техниону в рамках долгосрочной политической программы, а сам университет делает собственные проекты по поиску и привлечению средств «Career Advancement Chair» и «Leaders in Science and Technology». С помощью указанных программ Технион привлек около 30 новых сотрудников в 2014/15 учебном году и планирует рекругировать то же количество каждый год. Начиная с 2010 г. число новых назначений на должности стабильно превышает количество уходящих на пенсию [24. C. 42].

«Knowledge Center for Innovation» был учрежден в 2008 г. в рамках правительственной программы по созданию «Инфраструктурных центров знаний» [25]. В отличие от других подобных центров этот не сосредоточивается на одних лишь высокотехнологичных производствах, а уделяет внимание и устаревшим технологиям. Центр выделяет три основных направления работы: исследования инноваций в промышленности, разработка базы знаний об инновациях и мероприятия, содействующие поддержке и применению изобретений в производстве. В последнем направлении целевой аудиторией центра часто становятся руководители предприятий традиционной промышленности (пищевой, текстильной, банковского дела). Одно из наиболее популярных мероприятий – «Managing Innovation Forum» - проводится специально для управляющих 40 крупных и малых, высоко- и низкотехнологичных израильских компаний, где они узнают последние новости из мира науки и организовывают совместную творческую работу. Мастерская «Moving up», проекты деловых и технологических инноваций в индустрии, консультации специалистов по новациям для бизнеса, комитет поддержки традиционных отраслей – все эти мероприятия и проекты направлены на соединение традиционной промышленности с новейшими технологиями. Таким образом, в какой-то мере разные израильские отрасли уравновешиваются, и крен в сторону высокотехнологичной индустрии уменьшается.

«Liaison Office» обеспечивает сотрудничество промышленности и исследователей института. С одной стороны, он составляет список запросов от предприятий на ту или иную разработку. С другой – офис подбирает команду ученых из Техниона, которые проведут необходимые исследования [16. С. 11].

Еще одна организация, представляющая интерес для исследования – «Technion For Life». С 1997 г. в технологическом институте работает «Клуб Ста». Его цель - продвижение интересов Техниона в правительстве и среди стейкхолдеров. Он состоит из выпускников Техниона, ставших генеральными директорами, президентами и топ-менеджерами крупнейших технологичных компаний в Израиле [26]. В 2003 г. участники этого клуба отец и сын Реубен и Шай Агасси учредили «Technion For Life». В этом проекте участники «Клуба Ста» и профессора Техниона курируют студентов и выпускников университета, желающих открыть собственный бизнес. Потенциальные предприниматели проходят вместе с «Technion For Life» все стадии жизненного цикла компании. Этот проект формирует цепочку, передающую ценности и знания: профессора и топ-менеджеры курируют предпринимателей, те оказывают помощь студентам, которые сопровождают старшеклассников в их проектах [27].

Генеральный менеджер Bronica Entrepreneurship Center подчеркивает, что основа взаимодействия многочисленных организаций по поддержке высокотехнологичного бизнеса – сотрудничество (2016. 26 мая. Архив автора). Между центрами разделены роли: например, Bronica Entrepreneurship Center занимается обучением студентов предпринимательству, а Т3 Technion Technology Transfer – юридическим оформлением интеллектуальной собственности.

Технион часто действует на опережение: в 1950-х он подготовил первых авиастроителей для нарождающейся отрасли, а в 1980-х в институте появились первые исследователи микроэлектроники, лазерных и оптических технологий. В 1990-х в университете формируется система поддержки молодых предпринимателей. Сейчас эта инфраструктура позволяет руководству Техниона не только пополнять рынок труда высококвалифицированными специалистами, но и влиять на развитие высокотехнологичной промышленности в Израиле. Ведь именно в технологическом институте готовится инженерная и управленческая элита предприятий, открываются многообещающие стартапы и делаются разработки, изменяющие экономику и промышленность. При этом Технион способствует балансу высокотехнологичных и традиционных отраслей.

Израильская рыночная экономика стремится к обществу, где знание определяет стоимость продукта. А значит, такой экономике требуются специалисты,

способные создавать подобные товары и промышленные мощности, чтобы их производить. Эти задачи в Израиле решаются созданием научных стартапов, часть из которых позже перерастает в крупные высокотехнологичные компании. Технион сыграл знаковую роль в подготовке профессионалов и формировании промышленности. Сначала в техническом институте открыва-

лись факультеты, выпускники которых затем создавали с нуля авиастроение, микроэлектронику и компьютерные науки в молодом государстве. В 1990-х, начавшись с Dimotech Ltd. и «технологических теплиц» для иммигрантов, в Технионе появилась инфраструктура поддержки стартапов — ключевых компаний для экономического развития Израиля.

ЛИТЕРАТУРА

- Saperstein J., Rouach D. Creating Regional Wealth in Innovation Economy: Models, Perspectives and Best Practices. New Jersey: FT Press, 2002. P. 249–266.
- OECD Knowledge-based economy // Glossary of statistical terms. OECD. 2005. URL: https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=6864 (access date: 17.12.2015).
- 3. Niv E. Study: Israeli patents in US jump 21% // Jerusalem Post. Jerusalem, 2015. URL: http://www.jpost.com/Israel-News/New-Tech/Study-Israeli-patents-in-US-jump-21-percent-395733 (access date: 04.12.2015).
- 4. Lu W., Chan M. In Global Innovation Race, Taiwan Is Tops in Patents, Israel Leads in R&D // www.bloomberg.com. [S.l.], 2014. URL: http://www.bloomberg.com/news/2014-01-22/in-global-innovation-race-taiwan-is-tops-in-patents-israel-leads-in-r-d.html (access date: 04.12.2015).
- 5. Avidor J. Building Innovation Economy: Public Policy Lessons from Israel. Evanston, 2011. 70 p.
- 6. Senor D., Singer S. Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle. N. Y.: Hachette UK, 2009. 376 p.
- 7. Алия // Ежевика академическая вики-энциклопедия по еврейским и израильским темам. 2015. URL: http://www.ejwiki.org/wiki (дата обращения: 04.12.2015).
- 8. Frenkel A. Technion Nation. Technion's Contribution to Israel and the World / book auth. A. Frenkel, S. Maital, I. DeBare. Haifa: Technion Israel Institute of Technology, 2012. 138 p.
- 9. Weissberg H. High-tech Beats Law and Medicine as Israelis' Top Career Choice // Haaretz. 2013. URL: http://www.haaretz.com/israelnews/business/.premium-1.566233?date=1449238171253 (access date: 04.12.2015).
- CB Insights The R.I.P. Report Startup Death Trends // CB Insights. 2014. URL: https://www.cbinsights.com/blog/startup-death-data/ (access date: 18.12.2015).
- 11. Foreign Trade Goods 2015 // Central Bureau of Statistics. 2015. P. 16.
- 12. Schwab K. Global Competitiveness Report 2011–2012 // The World Economic Forum. Geneva, 2011. 544 p.
- 13. Schwab K. Global Competitiveness Report 2014–2015 // The World Economic Forum. Geneva, 2014. 565 p
- 14. High-technology exports (current US\$) // The World Bank. Electronic Data. Washington, 2015. URL: http://data.worldbank.org/ indicator/TX.VAL.TECH.CD (access date: 20.05.2016).
- 15. CB Insights 146 Startup Failure Post-Mortems // CB Insights. 2015. URL: https://www.cbinsights.com/blog/startup-failure-post-mortem/ (access date: 18.12.2015).
- 16. Industry Guide to Technion // Technion Israel Institute of Technology. Haifa, 2014. 192 p.
- 17. Technion Nation Statistics and the creative power of Technion graduates / Public Affairs & Resource Development in Technion. Haifa, [S.a.]. URL: http://pard.technion.ac.il/technion-nation-statistics-the-creative-power-of-technion-graduates/ (access date: 07.04.2014).
- 18. Why Technion: Careers // Technion International. Haifa. URL: http://int.technion.ac.il/prospective-students-2/why-technion/careers/ (access date: 26.05.2016).
- 19. Lack of Skilled Manpower in Hi-Tech (Hebrew) / Office of the Chief Scientist. 2012. P. 64.
- 20. Israel: Tech Industry Lacks Qualified Labor, New Report Confirms // Bloomberg BNA. 2015. URL: http://www.bna.com/israel-tech-industry-n17179935147/ (access date: 26.05.2016).
- 21. New Faculty for Science & Education // Technion Israel Institute of Technology. Haifa, 2015. URL: http://www.technion.ac.il/en/2015/07/new-faculty-for-science-education/ (access date: 26.05.2016).
- 22. Academic courses (Hebrew) // Bronica Entrepreneurship Center. Haifa, 2015. URL: http://www.yazamut.technion.ac.il/activity/courses/ (access date: 24.05.2016).
- 23. Bridge. Technion. Technology // T3 Technion Technology Transfer. Haifa. URL: http://t3.trdf.co.il/overview (access date: 15.05.2016).
- 24. About Research Authority // Technion R&D Foundation. Haifa. URL: http://www.trdf.co.il/eng/About/ (access date: 15.05.2016).
- 25. Report of the President 2015. Technion. Together // Technion Israel Institute of Technology. Haifa, 2015. 194 p.
- 26. Lippitz M. Exploring the Knowledge Center of Innovation / Innovation Excellence. 2012. URL: http://www.innovationexcellence.com/blog/2012/01/27/exploring-the-knowledge-center-for-innovation-case-study/ (access date: 21.05.2016).
- 27. Technion 100 Club Welcomes Gil Frostig // American Technion Society. New York, 2013. URL: http://support.ats.org/site/ MessageViewer?em id=26864.0 (access date: 21.05.2016).
- Technion For Life // Technion Israel Institute of Technology. URL: http://www.technion-alumni.org/.upload/amos/info% 20in%20english%20-%20TFL.pdf (access date: 21.05.2016).

Talovskaia Bela M. Institute of education, national research University Higher school of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

TECHNION - (ISRAEL) - EXPERIENCE IN CREATING A UNIVERSITY ECOSYSTEM TO SUPPORT STARTUPS Keywords: Technion; Israel; startups; STEM education; knowledge economy.

Israel is famous for hi-tech successful businesses. Journalists and scholars have suggested varied factors for emerging of Israeli start-up culture. Among them universities are often mentioned. There are 8 universities in Israel. Some of them were founded even before the Israeli state was declared. Technion – Israeli Institute of Technology is emphasized in this research due to several reasons. This is Israeli pioneer of higher education, hard science, and technology. Since its foundation, the university's management has been actively participating in the Israeli politics and economy. Different management practices have been used for encouraging students and teaching staff to commercialise their inventions. So, the goal of the article is to examine and analyse specific managerial know-how used at Technion.

All the literature and sources used during the research can be divided into several groups. First of all, we have tried to identify innovation economy and its features. Then we have compared economic situation in Israel with the key characteristics of innovation economy. We have analysed publications of Saperstein & Rouach, Avidor, and Frenkel et al. for these purposes. The second group includes statistical data in the form of reports and press releases. For example, the Global Competitiveness Reports from the World Economic Forum were applied. Then newspaper articles about Israeli innovations, Technion, and start-ups have been examined. In addition to that, press

126 Б.М. Таловская

releases and documents of the Technion management have been observed. To confirm our findings, we have interviewed an executive from one of the Technion organisations supporting start-ups.

The structure of the article allows us to observe macro- and microlevels of Israeli start-up support system. The article begins with the description of Israeli economic system. Then the role of Technion in the emergence of innovation economic is examined. It is revealed, that Technion management organized a lot of organisations, which help students and teaching staff to commercialise their inventions. Their activity varies from intellectual property rights consultations to minor courses for sophomores. That is an integral system, where every unit is responsible for different aspects of start-up maintenance. Nevertheless, these organisations are interconnected. They collaborate and create convenient conditions for making start-ups.

In the end of the article we sum up structure of the start-up support organisations at Technion and emphasise their role in the emergence of the Israeli innovation economy.

REFERENCES

- 1. Saperstein, J. & Rouach, D. (2002) Creating Regional Wealth in Innovation Economy: Models, Perspectives and Best Practices. New Jersey: FT Press. pp. 249–266.
- OECD. (2005) Knowledge-based economy. [Online] Available from: https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=6864. (Accessed: 17th December 2015).
- 3. Niv, E. (2015) Study: Israeli patents in US jump 21%. [Online] Available from: http://www.jpost.com/Israel-News/New-Tech/Study-Israeli-patents-in-US-jump-21-percent-395733. (Accessed: 4th December 2015).
- Lu, W. & Chan, M. (2014) In Global Innovation Race, Taiwan Is Tops in Patents, Israel Leads in R&D. [Online] Available from: http://www.bloomberg.com/news/2014-01-22/in-global-innovation-race-taiwan-is-tops-in-patents-israel-leads-in-r-d.html. (Accessed: 4th December 2015).
- 5. Avidor, J. (2011) Building Innovation Economy: Public Policy Lessons from Israel. Evanston: [s.n.].
- 6. Senor, D. & Singer, S. (2009) Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle. New York: Hachette UK.
- 7. Ejwiki. (2015) *Aliya* [Alia]. [Online] Available from: http://www.ejwiki.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B8%D1%8F_(%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%98%D0%B7%D1 %80%D0%B0%D0%B8%D0%B8%D1%8C). (Accessed: 4th December 2015).
- 8. Frenkel, A., Maital, S. & DeBare, I. (2012) Technion Nation. Technion's Contribution to Israel and the World. Haifa: Technion Israel Institute of Technology.
- 9. Weissberg, H. (2013) *High-tech Beats Law and Medicine as Israelis' Top Career Choice*. [Online] Available from: http://www.haaretz.com/israelnews/business/.premium-1.566233?date=1449238171253. (Accessed: 4th December 2015).
- 10. CB Insights. (2014) The R.I.P. Report Startup Death Trends. [Online] Available from: https://www.cbinsights.com/blog/startup-death-data/. (Accessed: 18th December 2015).
- 11. Central Bureau of Statistics. (2015) Foreign Trade Goods 2015. [S.l., s.n.]. pp. 16
- 12. Schwab, K. (2011) Global Competitiveness Report 2011–2012. Geneva: [s.n.].
- 13. Schwab, K. (2014) Global Competitiveness Report 2014–2015. Geneva: [s.n.].
- 14. The World Bank. (2015) *High-technology exports (current US\$)*. [Online] Available from: http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD. (Accessed: 20th May 2016).
- 15. CB Insights. (2015) 146 Startup Failure Post-Mortems. [Online] Available from: https://www.cbinsights.com/blog/startup-failure-post-mortem/. (Accessed: 18th December 2015).
- 16. Israel Institute of Technology. (2014) Industry Guide to Technion. Haifa: [s.n.].
- 17. Israel Institute of Technology. (n.d.) *Technion Nation Statistics and the creative power of Technion graduates*. [Online] Available from: http://pard.technion.ac.il/technion-nation-statistics-the-creative-power-of-technion-graduates/. (Accessed: 7th July 2014).
- 18. Israel Institute of Technology. (n.d.) Why Technion: Careers. [Online] Available from: http://int.technion.ac.il/prospective-students-2/whytechnion/careers/. (Accessed: 26th May 2016).
- 19. Office of the Chief Scientist. (2012) Lack of Skilled Manpower in Hi-Tech (Hebrew). [S.l., s.n.].
- Bloomberg BNA. (2015) Israel: Tech Industry Lacks Qualified Labor, New Report Confirms. [Online] Available from: http://www.bna.com/israel-tech-industry-n17179935147/. (Accessed: 26th May 2016).
- 21. Israel Institute of Technology. (2015) New Faculty for Science & Education. [Online] Available from: http://www.technion.ac.il/en/2015/07/new-faculty-for-science-education/. (Accessed: 26th May 2016).
- 22. Bronica Entrepreneurship Center. (2015) Academic courses (Hebrew). [Online] Available from: http://www.yazamut.technion.ac.il/activity/courses/. (Accessed: 24th May 2016).
- Israel Institute of Technology. (n.d.) Bridge. Technion. Technology. [Online] Available from: http://t3.trdf.co.il/overview. (Accessed: 15th May 2016).
- 24. Technion R&D Foundation. (n.d.) About Research Authority. [Online] Available from: http://www.trdf.co.il/eng/About/. (Accessed: 15th May 2016).
- 25. Israel Institute of Technology. (2015) Report of the President 2015. Technion. Together. Haifa: [s.n.].
- Lippitz, M. (2012) Exploring the Knowledge Center of Innovation. [Online] Available from: http://www.innovationexcellence.com/blog/2012/01/27/exploring-the-knowledge-center-for-innovation-case-study/. (Accessed: 21st May 2016).
- 27. American Technion Society. (2013) *Technion 100 Club Welcomes Gil Frostig*. [Online] Available from: http://support.ats.org/site/ MessageViewer?em_id=26864.0. (Accessed: 21st May 2016).
- 28. Israel Institute of Technology. (n.d.) *Technion For Life*. [Online] Available from: http://www.technion-alumni.org/.upload/amos/ info%20in%20english%20-%20TFL.pdf. (Accessed: 21st May 2016).

УДК 94(5)

DOI: 10.17223/19988613/53/25

Е.Ю. Тройнина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТАЙВАНЯ В 2010–2016 гг.

Рассмотрены тенденции и условия развития малых и средних предприятий Тайваня в 2010—2016 гг. Анализируются основные направления поддержки развития малого и среднего бизнеса и соответствующие правительственные программы. Определяются последствия Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве для малых и средних предприятий острова. Ключевые слова: Тайвань; малые и средние предприятия; инновации.

Малые и средние предприятия (МСП) являются чрезвычайно важной частью экономической системы Тайваня. В соответствии с Критериями определения малых и средних предприятий Тайваня с поправками от 30 марта 2015 г. малым или средним может считаться предприятие, прошедшее необходимую процедуру регистрации, предусмотренную требованиями закона, которое отвечает следующим критериям:

- 1. Предприятие осуществляет свою деятельность в производственной, строительной или горнодобывающей отраслях экономики, а оплаченная часть акционерного капитала не превышает 80 млн новых тайваньских долларов (НТД) или штат постоянных сотрудников предприятия не превышает 200 человек.
- 2. Для прочих отраслей малым или средним считается предприятие, ежегодные объемы продаж которого составили не более 100 млн НТД или штат постоянных сотрудников не превышает 100 человек.

Микропредприятиями считаются компании, в которых работает не более 5 постоянных сотрудников [1].

Исходя из данного определения малых и средних предприятий, в 2014 г. численность МСП на Тайване составила 1 353 049, или 97,61% от общего числа предприятий [2. С. 43]. На фоне достаточно устойчивых темпов прироста экономики острова в 2010–2014 гг. за этот период число МСП увеличилось на 105 051, в относительном выражении — на 0,07%. В 2014 г. МСП на Тайване обеспечили трудоустройство для 78,25% всего работающего населения, что на 0,19% выше, чем в 2010 г. Отраслевое распределение МСП Тайваня в 2014 г. представлено в табл. 1.

Несмотря на то, что только 10,48% от общего числа МСП в 2014 г. составляли компании, работающие в

производственном секторе, они обеспечили 36,52% от общего объема продаж всех МСП на острове, что говорит о высокой эффективности работы тайваньского малого и среднего производственного бизнеса. В табл. 2 представлены данные за 2010–2014 гг., которые демонстрируют, что доля производственных МСП на Тайване за последние 5 лет оставалась на уровне 10,5%, а их доля в объеме продаж МСП – от 36 до 38,65%. Однако с учетом акцента, который делается на развитие сектора наукоемких услуг, можно ожидать постепенного снижения доли производственных предприятий в будущем.

Достаточно серьезные отличия прослеживаются в структуре занятости по уровню образования на МСП и на крупных предприятиях (табл. 3).

В течение многих лет в опросах, проводимых правительством Тайваня, среди основных сложностей в работе малых и средних предприятий их руководители неизменно указывают кадровую проблему.

Статистические данные показывают, что удельный вес сотрудников с высшим университетским образованием на крупных предприятиях вдвое превышает этот показатель у МСП, а доля сотрудников со степенью магистра в разные годы в 4–6 раз выше у крупных предприятий. Такое распределение связано с тем, что выпускники вузов и обладатели ученых степеней видят более ясные перспективы карьерного роста и получения высокого дохода именно на крупных предприятиях; кроме того, крупные предприятия обычно воспринимаются как более стабильные возраст 75% крупных предприятий Тайваня превышает 10 лет, для МСП этот показатель составляет менее 50% [4].

Отраслевое распределение МСП Тайваня, 2014 г. [2. С. 25]

Таблица 1

Отрасль	Доля предприятий
Оптовая и розничная торговля	49,40%
Производство	10,48%
Гостиничный бизнес, общественное питание	9,93%
Строительство	8,29%
Прочие услуги	5,83%
Профессиональные, научные и технические услуги	3,17%
Прочее	12,90%

Таблица 2 Производственные МСП Тайваня, 2010–2014 гг. [2. С. 26]

Доля производственных МСП	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
От общего числа МСП	10,42%	10,61%	10,52%	10,45%	10,48%
От общего объема продаж МСП	38,03%	38,65%	38,44%	35,99%	36,52%

Уровень образования сотрудников предприятий Тайваня, 2013–2014 гг. [3]

Таблица 3

Vnoneur of nearpolytta aempyttytten	,	2013 г.	2014 г.		
Уровень образования сотрудников	МСП	Крупные предприятия	МСП	Крупные предприятия	
Неграмотные	0,02	Нет данных	0,05	Нет данных	
Самообразование	0,02	Нет данных	0,01	Нет данных	
Начальная школа	8,24	Нет данных	7,69	Нет данных	
Средняя школа	14,6	7,4	14,42	Нет данных	
Старшая школа	10,02	5,25	10,36	Нет данных	
Профессиональный колледж	26,45	0,89	26,05	24,66	
Двухгодичный колледж	18,97	34,21	20,00	3,77	
Университет	16,85	31,88	16,36	35,34	
Степень магистра	4,38	20,37	4,57	36,23	
Степень доктора	0,44	Нет данных	0,49	Нет данных	

Таблица 4 Расходы на исследования и разработки малых и средних предприятий в относительном и абсолютном выражении, 2009–2014 гг. [12]

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Расходы МСП на НИОКР*, млн НТД	44 764	46 759	43 865	45 213	47 361	52 709
Доля МСП в общем объеме расходов частного сектора на НИОКР	17,39%	16,55%	14,60%	14,13%	13,79%	14,13%
Общий объем расходов частного сектора на НИОКР, млн НТД	257 405	282 546	300 358	319 906	343 455	373 019

^{*} НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Доля МСП в общем объеме экспорта в 2013-2014 гг. снизилась до 14,5% от общего объема экспорта, тогда как в 2008 г. этот показатель составлял 17,36%, в 1995 г. -50,65%, а в 1982 г. -69,68%. Устойчивое снижение доли МСП в общем объеме экспорта Управление по делам малых и средних предприятий (УМСП) Министерства экономики Тайваня объясняет структурными изменениями в экономике острова: ввиду повышения конкуренции на экспортных рынках, а также усиления нового тайваньского доллара (НТД) МСП все чаще выступают как подрядчики крупных предприятий. Таким образом, участвуя в производстве экспортных товаров, МСП все реже выступают в качестве прямых экспортеров и, следовательно, не отражаются в статистике. При этом основными экспортерами среди МСП выступают производственные предприятия.

В последние несколько лет, со времени восстановления в 2010 г. национальных экономик после мирового финансового кризиса 2008—2009 гг., происходят существенные изменения в конъюнктуре развития тайваньских МСП. Среди основных изменений начиная с 2010 г. необходимо отметить замедление темпов развития мировой экономики и повышение конкуренции на мировых рынках. Для Тайваня, чья экономика имеет ярко выраженную экспортную ориентацию (в 2014 г. экспорт составил более 59% от ВВП острова [5. С. 9, 19]), снижение спроса на мировых рынках неизбежно ставит перед тайваньскими предприятиями вопрос об источниках сохранения темпов экономического роста.

Все больший вызов для МСП Тайваня составляют предприятия континентального Китая. Посредством

оказания активной поддержки собственной промышленности, а также расширения каналов и масштабов сотрудничества с транснациональными корпорациями в рамках создания собственной автономной цепочки поставок, благодаря повышению технологического уровня все более продвинутые производства могут быть размещены на материке, вытесняя из сектора контрактных производств МСП острова. Кроме того, инфраструктурные проекты континентального Китая, а также амбициозные стратегии «Новый шелковый путь» и «Морской шелковый путь XXI века» призваны облегчить доступ предприятиям Китая на новые рынки, что делает задачу развития экономических связей тайваньских предприятий с зарубежными рынками еще более актуальной.

При этом положительными факторами, влияющими на экономику Тайваня в последние два года, стали низкие цены на нефть и энергоносители, «сильный» американский доллар и рост экономики США. Однако фактор дешевой нефти не является ключевым для развития тайваньской экономики, которая уже давно и широко использует энергосберегающие технологии. В то же время неизвестно, насколько долго фактор роста американской экономики сможет положительно влиять на темпы роста ВВП острова. Поэтому обстановку последних 5 лет можно скорее оценить как неблагоприятную для тайваньских МСП. Таким образом, для правительства и самих предприятий основными вопросами являются определение направлений развития МСП, выявление существующих и культивация новых конкурентных преимуществ.

Особого внимания заслуживает тот факт, что правительство Тайваня на официальном уровне признало, что модель контрактных производств (ОЕМ), которая с 1970-х гг. обеспечивала устойчивый рост и содействовала повышению научно-технологического уровня экономики Тайваня, перестала выполнять данную функцию и, очевидно, изживает себя. В Белой книге по малым и средним предприятиям Тайваня, опубликованной в октябре 2015 г., неоднократно отмечается, что производство в рамках ОЕМ становится все менее маржинальным, следовательно, предприятиям становится жизненно необходимо повышать уникальность и конкурентоспособность своих товаров за счет научнотехнологической и сервисной составляющих, дизайна и т.д. Особенно актуальным этот вопрос становится на фоне повышения научно-технологического уровня предприятий на материке. В качестве одного из наиболее важных источников для инновационного развития Министерство экономики видит создание инновационных стартапов и микропредприятий.

Вопрос о неспособности старой модели контрактных производств обеспечить будущий экономический рост затронула Цай Инвэнь (избранная на пост президента Тайваня 16 января 2016 г.) в своей инаугурационной речи 20 мая 2016 г. [6]. По ее мнению, эта («старая») модель перестала быть двигателем экономики острова. В то же время одним из главных преимуществ тайваньской экономики наряду с выгодным приморским положением, высоким уровнем подготовки кадров Цай Инвэнь назвала динамичные малые и средние предприятия. Одним из первых шагов по реформированию экономической системы Цай запланировала повышение автономности тайваньской экономики (очевидно, имея в виду снижение зависимости от материковой части Китая - один из основных лозунгов ее предвыборной кампании) и одновременное усиление глобальных и региональных связей, их диверсификацию (в частности, «Новую южную политику»¹).

В инаугурационной речи президент Цай также подтвердила свою приверженность программе пяти больших инновационных исследовательских планов (отраслей, 五大創新研發計畫), выдвинутой Демократической прогрессивной партией в сентябре 2015 г. в период предвыборной кампании [7]. Отрасли, развитие которых должно придать стимул для развития экономики острова, — «зеленая» энергетика, «интернет вещей»², «умное» машиностроение, национальная оборона, биотехнологии и фармацевтика.

Кроме того, президент Цай подчеркнула, что модель экономического развития, которую будет продвигать новое правительство, будет опираться на три ключевых концепции — инновации, обеспечение занятости и справедливое распределение (общественное богатства. -E.T.).

Новая администрация Цай Инвэнь уже в мае 2016 г. объявила о запуске плана «Азиатская Кремниевая долина», который должен привести к реструктуризации

экономики острова. Основными целями этого плана, рассчитанного на 2016—2023 гг. с общим бюджетом 358 млн долл. США является создание экосистемы, благоприятной для развития инновационных предприятий и стартапов, приоритетной отраслью являются технологии «интернета вещей» и разработка программных приложений. Еще одна цель — развитие прочных связей с Кремниевой долиной в Калифорнии и другими ведущими высокотехнологичными кластерами. В качестве пилотной зоны для проекта определен район Таоюаня. В рамках данного плана правительство Тайваня нацелено на создание 100 предприятий в этом кластере, которые будут включать как исследовательские центры крупных компаний, так и местные стартапы [8].

Звучное название данного плана, однако, весьма напоминает план, с которым пришел к власти в 2000 г. соратник Цай Инвэнь по Демократической прогрессивной партии, экс-президент Тайваня Чэнь Шуйбянь — план создания «Зеленого Кремниевого острова», а выбор отраслей нового плана хотя и отражает новые технологические тенденции, в целом принципиально не отличается от приоритетов администрации Гоминьдана, делавшего акцент на нематериальное производство³. Инструментарий нового плана Цай Инвэнь также не является новаторским — по сути, это проверенная стратегия создания научно-промышленного парка.

Программы стимулирования развития малого и среднего бизнеса на Тайване. Так как содействие развитию малых и средних предприятий является важным направлением экономической политики Тайваня, реализация ряда значимых программ была начата при администрации президента Ма Инцзю, а некоторые особо приоритетные программы, относящиеся к технологическому перевооружению МСП, действуют еще с конца 1990-х гг.

Для того чтобы придать малому и среднему бизнесу Тайваня новый импульс развития, руководство острова содействует активному участию МСП в правительственной программе «Четыре реформы трех отраслей» [9. С. 7–8], которая была принята еще в октябре 2012 г. и предусматривает следующие структурные трансформации в экономике Тайваня, которые тесно связаны между собой.

- 1. Повышение сервисной составляющей производства: вместе с продуктом покупателю должен предоставляться комплекс услуг, чтобы полностью удовлетворить его требования, за счет чего товар становится индивидуализированным, повышается лояльность клиента, а также добавленная стоимость всего продукта.
- 2. Повышение научно-технологического уровня оказываемых услуг: внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет снижать себестоимость сделки, делать ее более удобной и качественной, повышать эффективность деятельности предприятия. К примеру, тайваньский ученый Хуан Жуйжун отмечает, что использование преимуществ, связанных с информационными технологиями сбор

или, наоборот, распространение информации через Интернет – может нивелировать недостатки, связанные с размером предприятия. Интернет предоставляет и малым, и крупным предприятиям практически равные возможности по сбору важной для бизнеса информации, продвижению и продаже своего продукта или услуги. Таким образом, тайваньским предприятиям необходимо более широко использовать данный канал для своего развития [10. С. 148].

Чтобы стимулировать МСП более эффективно применять информационно-коммуникационные технологии, с 2012 г. началась реализация Плана по внедрению информационно-коммуникационных инноваций для МСП. Данный план нацелен на повышение инновационных возможностей МСП благодаря интеграции «умных» технологий, создающих добавленную стоимость, и мерам по укреплению сетевых связей между МСП, усилению кластерного эффекта. В 2014 г. в рамках данного плана 77 МСП внедрили новые ИКТ-инструменты, благодаря чему, по данным УМСП, выручка этих предприятий выросла на 94 млн НТД [2, С. 165].

Примечательно, что этот план качественно отличается от предыдущих программ, связанных с внедрением ИКТ – в 2000-х гг. проводилась политика по сокращению «цифрового разрыва» между городом и сельской местностью, а также между новыми и традиционными отраслями. Отличие данного плана заключается в поддержке наиболее перспективных продуктов, услуг и целых кластеров для максимизации добавленной стоимости и последующего «подтягивания» других предприятий отрасли.

3. Интернационализация услуг: расширение охвата услугами посредством электронной торговли и интернет-банкинга, экспорта услуг (например, привлечение зарубежных туристов на Тайвань), создания за рубежом торговых представительств и сервисных подразделений, выезда местных специалистов за рубеж для оказания услуг. Если говорить, например, о показателях вовлеченности в электронную торговлю, малые предприятия заметно отстают от средних и еще сильнее от крупных (9,82%, 14,55% и 17,00% соответственно в 2013 г.). В настоящее время Министерство экономики Тайваня реализует Программу по продвижению международной электронной торговли МСП, нацеленную на расширение возможностей для МСП участвовать в международной электронной торговле (например, посредством торговых интернет-площадок), подготовку кадров в области интернет-маркетинга и разработку соответствующих продуктов. В 2014 г. 109 МСП получили поддержку по данной программе и, благодаря освоению экспортных рынков, увеличили объем продаж на 670 млн НТД [Там же. С. 164].

В 2015 г. Тайвань совместно с Филиппинами начал реализацию инициативы по развитию онлайн-продаж для онлайн- и офлайн-клиентов (О2О) в рамках рабочей группы по малым и средним предприятиям Форума АТЭС. Целью данной инициативы является повышение

конкурентоспособности МСП в области цифровых технологий и интернет-продаж посредством сотрудничества объединений МСП и подготовки специалистов в области О2О продаж [11]. В 2016 г. Тайвань объявил, что при реализации данной инициативы приоритетными будут 5 инновационных отраслей, упомянутых в инаугурационной речи Цай Инвэнь.

Следует иметь в виду, что электронная торговля совершила настоящую революцию на мировых рынках, сделав товары и услуги самого широкого спектра как никогда доступными для потребителей во всем мире, и в то же время повлекла усиление глобальной конкуренции, в которой все большую роль играет сервис, даже если речь идет о продаже осязаемого товара. Так или иначе, не участвуя в электронной торговле, предприятие лишает себя ощутимого канала сбыта.

4. Повышение специфичности продуктов традиционных отраслей: повышение добавленной стоимости и уникальности товаров и услуг за счет научнотехнологической, эстетической составляющих, использования информационно-коммуникационных технологий, инноваций, развития брендов. Однако, если рассматривать инвестиции в научно-технологическую составляющую, то в 2012–2014 г. лишь около 14% [2. С. 44-45] от общего объема расходов корпоративного сектора на исследования и разработки составили расходы малых и средних предприятий по сравнению с 17,39% в 2009 г. Данный показатель в 2009-2013 гг. оставался примерно на одном уровне в абсолютном выражении; существенный рост можно наблюдать в 2014 г., но ввиду отсутствия данных о последующих годах говорить о развороте тенденции пока что преждевременно. Тем не менее очевидно, что общий прирост расходов на исследования и разработки на Тайване (44,9% за 2009-2014 гг.) происходил преимущественно за счет крупных предприятий (см. табл. 4).

В рамках программы «Четыре реформы трех отраслей» правительством Гоминьдана были выбраны 5 отраслей, в которых результаты перечисленных выше четырех типов структурных трансформаций должны проявится наиболее быстро и ярко [9. С. 10]:

- 1. Умная среда проживания (сервисное производство).
- 2. Производство автоматических станков (сервисное производство).
  - 3. Логистика (высокотехнологичные услуги).
- 4. Телекоммуникационные услуги (интернационализация услуг).
- 5. Инновационный текстиль (традиционная отрасль, в которой должна быть повышена степень специфичности продукта).

Подобный акцент на услуги и повышение постиндустриальной составляющей экономики острова связан со стремлением преодолеть противоречие между необходимостью обеспечения экономического роста, дефицитом земельных ресурсов, которые можно выделить под производственные площади, и стремлением ре-

шить экологическое проблемы, поскольку расширение существующих научных и промышленных парков и создание новых производственных объектов наталкивается на активное противодействие со стороны фермеров, сторонников защиты окружающей среды и части общественности. В качестве компромиссного решения правительством Гоминьдана (в настоящий момент уже передавшим полномочия Демократической прогрессивной партии, которая продолжает данный курс) было предложено развивать нематериальное производство. Эта стратегия в целом соответствует поставленным целям и имеющимся ресурсам Тайваня: развитие сектора услуг такого рода привлекает большое число квалифицированных специалистов, не требует много природных ресурсов, больших площадей, при этом создает высокую добавленную стоимость, позволяет вовлечь широкий пласт малых и средних предприятий, не загрязняет окружающую среду.

В сфере поддержки инноваций на Тайване уже более 15 лет осуществляется целый комплекс программ для малых и средних предприятий. Для того чтобы стимулировать увеличение инвестиций в НИОКР со стороны МСП, Министерством экономики в 2010-е гг. реализовывался ряд целевых программ, включающих финансовую и техническую поддержку предприятий.

- 1. Проект по улучшению рабочей среды для малых и средних предприятий. Задачами данного проекта являются оказание технической поддержки по вопросам улучшения рабочей среды, внедрению систем управления рисками для предприятий, консультации по вопросам безопасности и охраны здоровья, предоставление информации о содержании данной политики.
- 2. Программа непрерывного технического содействия малым и средним предприятиям (осуществляется с 2009 г.) предполагает оказание поддержки малым и средним предприятиям по вопросам технологической модернизации с использованием опыта и знаний корпоративного сектора и академических кругов. В 2012 г. 753 из 2 290 подавших заявки МСП получили субсидии на сумму 111 млн НТД [13. С. 185]. В 2014 г. акцент был сделан на консультационную поддержку в течение года консультации получили 323 МСП [2. С. 171].
- 3. Программа консультирования по вопросам промышленной модернизации и инновационных платформ (появилась в 2015 г. в результате объединения смежных программ) была запущена для поддержки исследований и разработок лидирующих компаний и их новых наукоемких товаров и услуг, имеющих хорошие перспективы освоения рынка. В 2014 г. по данной программе было одобрено 43 заявки, а объем субсидий составил 843 млн НТД [Там же. С. 172].
- 4. Программа инновационных исследований малого бизнеса предназначена для поддержки инновационного развития малых предприятий, их участия в инновационной деятельности в форме частичного субсидирования расходов на НИОКР (реализуется с 1999 г.). С 2008 г. право на выделение средств по данной программе по-

лучили местные органы власти (муниципальные, уездные), чтобы лучше отвечать потребностям каждого региона. Ее целью является снижение расходов и рисков, связанных с исследованиями и разработками, и, следовательно, стимулирование расширения инновационной деятельности (программа рассчитана на поддержку как инновационных технологий, так и инновационных услуг). Правительственная субсидия по программе может покрывать до 30% расходов на НИОКР. С 1999 г. по май 2015 г. 5 785 проектов МСП получили поддержку от Министерства экономики по данной программе, общий объем субсидий составил 10,4 млрд НТД, при этом МСП инвестировали 19,9 млрд НТД [Там же. С. 173]. Параллельно с национальной программой на тот же момент времени местные органы власти Тайваня распределили 636 млн НТД среди 2 647 МСП в рамках региональной части этой программы. Это одна из наиболее крупных и важных программ по технологической модернизации малого бизнеса острова.

- 5. Программа развития промышленных технологий осуществлялась с 1999 по 2014 г. В рамках программы государство оплачивало часть расходов предприятий на разработку и внедрение промышленных технологий и инноваций. Результаты НИОКР, полученные с помощью этой программы, переходили в собственность предприятия, кроме того, правительство оказывало помощь в инновационном менеджменте, кадровой политике и сотрудничестве с университетами, исследовательскими институтами и другими предприятиями. В последние годы акцент был сделан на исследовательские программы, выявляющие и развивающие технологии будущего (так называемый форсайт), интегрированные НИОКР (создание инновационных экосистем, кластеров) и привлечение иностранных партнеров с целью открытия исследовательских центров на Тайване. С 1999 по 2014 г. по данной программе было одобрено 1 079 заявок (планов развития промышленных технологий), по которым финансовую помощь получили 1 678 предприятий. Объем субсидий составил 53,1 млрд НТД [Там же. С. 173].
- 6. Программа технологического развития традиционных отраслей, реализация которой была начата в 2001 г., прошла некоторую трансформацию за последние 15 лет. Изначально она была ориентирована на содействие компаниям, работающим по модели ОЕМ, в разработке собственных технологий и брендов, на продвижение новейших технологий и стимулирование исследований и разработок в традиционных отраслях экономики (субсидии на разработку новых продуктов, совместные исследования предприятий и на повышение уровня дизайна и эстетических характеристик продуктов). В 2014 г. бюджет данного направления программы составил 285 млн НТД [13. С. 186]. В 2009 г. в список задач программы было добавлено стимулирование модернизации МСП Тайваня посредством эффекиспользования широких научно-исследовательских возможностей университетов и других

исследовательских организаций с целью сделать университеты долгосрочными партнерами МСП в деле развития их ключевых технологий. Среди мероприятий данного направления основными являются консультации МСП с экспертами из университетов и исследовательских институтов о возможностях НИОКР для развития бизнеса, а также о возможностях участия в правительственных программах по поддержке НИОКР. К маю 2015 г. почти 10,5 тыс. МСП получили консультации от экспертов из более чем 140 тайваньских университетов и колледжей, также программа способствовала привлечению 5 440 млн НТД частных инвестиций в МСП [2. С. 174].

7. В 2014 г. на смену Плану по содействию технологическому развитию сектора услуг была запущена сходная по целям и задачам Программа стимулирования инноваций и НИОКР в секторе услуг, ориентированная на поддержку внедрения новых видов услуг, новых деловых или маркетинговых моделей, а также новых торговых технологий. С 2014 по июнь 2015 г. по данной программе было одобрено 113 заявок, объем частных инвестиций, привлеченных благодаря программе, составил 130 млн НТД.

В последние несколько лет на Тайване все большее внимание уделяется созданию инновационных стартапов. 24 марта 2014 г. Национальный совет по развитию принял, а 19 августа того же года Исполнительный Юань Тайваня утвердил план по развитию инновационных стартапов «Удачный старт» [14] (創業拔萃). С сентября 2013 г. представители Национального совета по развитию проводили исследования местных и зарубежных условий для развития стартапов и пришли к выводу, что на Тайване еще только предстоит создать благоприятную среду для создания стартапов и молодежного предпринимательства, — на основе данных выводов и был принят план «Удачный старт».

Национальный совет по развитию выделил следующие сложности для создания на Тайване стартапов и предложил в Плане соответствующие методы их решения.

Во-первых, законодательная база не соответствует потребностям развития стартапов. Метод решения данной проблемы — снижение степени регламентации в области предпринимательства, что предполагает сбор информации о том, какие законодательные барьеры видят предприниматели на пути своей деятельности, а также изучение международного опыта регулирования в данной сфере и последующее приведение нормативных актов Тайваня в соответствие с данными потребностями и опытом.

Во-вторых, существует недостаток инвестиций на ранних этапах развития, который Национальный совет по развитию связывает с низкой привлекательностью такого рода инвестиций для местного и иностранного венчурного капитала. В качестве меры по решению этой проблемы правительством предлагаются: 1) содействие в установлении связей с иностранными инве-

стиционными компаниями (например, сингапурскими), которые могут оказывать консультационные услуги по инвестированию в стартапы; 2) создание международных экспертных групп, которые могли бы выбирать перспективные тайваньские стартапы для совместного финансирования или получения иностранного венчурного капитала. В то же время этот механизм позволит привлечь большее внимание иностранных венчурных фондов к тайваньским стартапам.

В-третьих, наблюдаются недостаток международных связей - сложность привлечения зарубежных специалистов, капиталов и технологий – и – в то же время барьеры для выхода на международный рынок. Для преодоления данного ограничения предполагается создание в Тайбее стартап-кластера, аналогичного кластеру в Кремниевой долине или стартап-кластерам Tech City в Лондоне (создан в 2010 г.), Block71 в Сингапуре (создан в 2011 г.). Руководство тайваньским стартап-кластером планируется отдать в руки команде профессиональных менеджеров, работающих на частной основе. Строительство первой очереди данного кластера началось в 2014 г., строительство второй очереди было запланировано на 2016 г., окончание строительства намечено на 2018 г. Стоит отдельно отметить, что кластеры создают благоприятные условия для более активного использования аутсорсинга, в рамках которого снижается инвестиционная нагрузка на МСП с точки зрения оборудования и других активов, высвобождая средства для профильной деятельности [10. С. 149].

Программа «Удачный старт» должна быть выполнена в течение 5 лет (в 2014–2018 гг.), на ее реализацию на данный срок запланировано выделить 600 млн НТД бюджетных средств.

В качестве примера реализации политики по развитию международных связей МСП можно отметить сотрудничество с Японией. По мнению Министерства экономики Тайваня, продвижение сотрудничества с японскими МСП создало хорошие возможности для укрепления уже достаточно прочных связей между производственными и торговыми компаниями двух экономик. В конце 2011 г. стороны подписали тайваньско-японское соглашение о защите инвестиций, в январе 2012 г. Исполнительный Юань Тайваня одобрил План по налаживанию сотрудничества в области промышленности, в 2014 г. Управление по делам МСП инициировало план по сотрудничеству и обменам между тайваньскими и японскими МСП и созданию соответствующей платформы сотрудничества и обмена, которая должна способствовать дальнейшему укреплению связей в ключевых для обеих сторон отраслях (в том числе в области венчурного капитала). Кроме того, по мнению правительства острова, новые формы сотрудничества МСП двух сторон могут позволить совместно укреплять позиции на рынке материкового Китая [2. С. 190].

Среди результатов реализации упомянутых выше тайваньско-японских соглашений и планов по состоя-

нию на 2014 г. можно назвать заключение 89 стратегических партнерств с потенциальным объемом деловых операций на сумму около 1,35 млрд НТД [2. С. 190].

Еще одна программа по содействию предпринимательству среди выпускников ВУЗов была начата в 2009 г. Министерством образования — программа «U-старт», которая призвана подготовить выпускников колледжей к предпринимательской деятельности посредством механизмов взаимодействия университетов и предприятий. По состоянию на апрель 2015 г. в рамках данной программы почти 600 стартапов получили субсидии Министерства образования, 330 из 600 проектов завершились созданием предприятий [15].

В программе «Удачный старт» в качестве одного из слабых мест стартапов назван недостаток инвестиций. И хотя проблема привлечения капитала делит пальму первенства с проблемой обеспеченности кадрами в списке сложностей малых и средних предприятий Тайваня, в последние 5 лет динамично развивается такой инструмент получения капитала, как краудфандинг⁴. Среди тайваньских краудфандинговых платформ наибольшей популярностью пользуются FlyingV, Zeczec, WeBackers, WeReport, Fuudai, DitFunding и HereO. Несмотря на то, что часто краудфандинг используется для привлечения средств и внимания к культурным проектам (например, начинающими музыкальными, художественными коллективами), на тайваньских платформах присутствуют и проекты, связанные с разработкой продуктов и применением технологий.

Помимо непосредственного привлечения капитала, краудфандинг выполняет функцию канала получения обратной связи от большого числа потенциальных потребителей и дает возможность оценить степень будущего принятия рынком нового продукта. Представляется, что данный инструмент может стать одним из полноценных способов создания высокотехнологичных стартапов на Тайване. Например, платформе FlyingV за первые 4 года своего существования (с 2012 по 2016 г.) удалось привлечь инвестиции в размере более 300 млн НТД [16]. Для регулирования деятельности этого быстро развивающегося инструмента привлечения капитала Комитетом финансового надзора Исполнительного Юаня было принято решение разрешить краудфандинговым платформам, которые соответствуют определенным требованиям, заниматься так называемым акционерным краудфандингом – продажей акций частных микропредприятий большому числу микроинвесторов для привлечения капитала.

Влияние Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве на МСП Тайваня. Говоря о тенденциях развития тайваньских МСП в последние 5 лет, безусловно, нельзя оставить без внимания влияние на МСП такого важного документа, как Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве, заключенное 29 июня 2010 г. двумя сторонами Тайваньского пролива. Оставляя в стороне широко обсуждаемые возможные политические последствия Рамочного со-

глашения, стоит рассмотреть его экономические результаты и влияние торговой и инвестиционной либерализации на малый и средний бизнес острова.

Тайваньские исследователи Ван Цзяньчуань, Линь Цзяхуэй и Цай Фэнхуан проанализировали положительные стороны и вызовы, которые заключает в себе Рамочное соглашение, с точки зрения малых и средних предприятий острова. К положительным последствиям реализации Рамочного соглашения ученые отнесли:

- расширение доступа на рынок сбыта на континенте, которое способствует росту ВВП острова, увеличению экспорта и импорта;
- упрощенное прохождение таможенных процедур при торговых операциях через Тайваньский пролив, ускорение логистики, что повышает эффективность работы МСП и позволяет им интегрироваться в цепочки поставок крупных предприятий;
- в таких отраслях, как финансы, строительство, недвижимость, морские перевозки, туризм, производство промышленных товаров, для МСП открываются новые возможности [17. С. 176].

В целом апологеты Рамочного соглашения полагают, что оно открыло для тайваньского бизнеса (в том числе малого и среднего) новые возможности по взаимодействию с материком, снизило риски и неопределенность данного взаимодействия, позволило глубже интегрироваться в производственную цепочку между двумя берегами Тайваньского пролива, а также не остаться в стороне от интеграционных процессов во всем Азиатском регионе.

Будучи одним из наиболее ярких результатов политического курса Ма Инцзю, президента от партии Гоминьдан в 2008–2016 гг., Рамочное соглашение не перестает быть темой ожесточенных межпартийных споров. Вероятно, именно неоднозначное отношение политиков и общественности к Рамочному соглашению не позволяет подвергать его критике в правительственных отчетах. В частности, в Белой книге по малым и средним предприятиям Тайваня от 2015 г., когда Гоминьдан еще оставался правящей партией, в то время как многие вопросы развития МСП рассмотрены достаточно самокритично (Книга издается Министерством экономики Тайваня), Рамочное соглашение содержит только положительные оценки. По данным Белой Книги, выгода от Рамочного соглашения с января 2011 г. по декабрь 2014 г. в виде экономии на таможенных платежах для тайваньских компаний достигла 2,2 млрд долл. США, половина от этих выгод приходится на долю малых и средних предприятий [2. С. 89].

Наиболее значимым негативным последствием реализации Рамочного соглашения является неблагоприятное воздействие на традиционные отрасли экономики: легкую промышленность, автомобилестроение, производство цемента, бытовой техники, стеклокерамики, которые были защищены протекционистскими барьерами, но после реализации соглашения столкнулись с возросшей конкуренцией со стороны предприя-

тий континента [17. С. 176]. Профессор Тун Чжэньюань (Национальный Университет Чжэнчжи) указывает на снижение объема иностранных инвестиций на Тайвань и недостаточный рост в торговле по позициям, указанным в соглашении, который в 2011–2013 гг. был ниже, чем рост по товарным позициям, не указанным в нем [18]. В статье «Список ранних результатов три года спустя» [19], которая привлекла широкое международное внимание, также сделан вывод, что выгоды от Рамочного соглашения по результатам первых 3 лет отнюдь не соответствуют ожиданиям. В статье приводятся статистические данные, полученные «по специальным каналам», которые позволяют сделать вывод, что, несмотря на общий количественный рост товарооборота по позициям из данного списка, компании с континента смогли увеличить долю в импорте Тайваня по всем своим 267 позициям из списка, тогда как доля тайваньских импортеров по 539 товарам из списка сократилась (при количественном росте).

В текстильной промышленности тайваньским предприятиям, имеющим сравнительно высокий уровень технологичности продукции, удалось расширить экспорт на материк, в то же время товары крупных предприятий с материка, поставляющих простые и существенно более дешевые текстильные изделия на остров, создают серьезную угрозу мелким предприятиям острова. Также происходит дальнейшее выхолащивание данной отрасли на острове: за первые три года после вступления в силу Рамочного соглашения объем производства текстильной промышленности упал на 40 млрд НТД, а количество работников отрасли снизилось на 5 000 человек. Президент одной из крупнейших компаний-производителей функциональной ткани Everest Textile Роджер Е считает, что «единственный путь для текстильной промышленности Тайваня выжить в условиях данного соглашения повышать свою самодостаточность и изобретательность, активно развивать собственные бренды и продукты с особыми свойствами» [Там же]. В сфере машиностроения и производства инструментов ввиду агрессивного инвестирования материком в модернизацию своих предприятий тайваньский экспорт продукции данной отрасли на континент упал на 23%, тогда как общее падение совокупного экспорта отрасли составило 18%.

Ван Цзяньчуань, Линь Цзяхуэй и Цай Фэнхуан отмечают, что целью Управления по делам МСП после принятия Рамочного соглашения стало стимулирование развития кооперации между МСП (кластерного эффекта), а также развитие инновационных услуг с высокой добавленной стоимостью, которые создадут экономию, обусловленную расширением сфер деятельности [17. С. 178]. Однако еще в 2008 г. началась реализация плана по продвижению развития комплексных инновационных услуг малых и средних предприятий, нацеленного на интеграцию взаимодополняющих МСП, занимающихся технологическими исследованиями и разработками, прикладными технологиями, ком-

мерциализацией, организацией сбыта, для создания кластерной сети обслуживания, позволяющей производить обмен информацией и создавать новые возможности для бизнеса и тем самым повышать конкурентоспособность тайваньских МСП [20]. По данным министерства экономики Тайваня, к концу 2010 г. в рамках этой программы было сформировано 45 объединений и при сотрудничестве 821 предприятия было создано 36 инновационных товаров и услуг [21]. Согласно отчету УМСП, в 2014 г. результаты работы по данному направлению включают содействие в создании 11 инновационных МСП-кластеров, включающих 185 малых и средних предприятий, занимающихся инновациями в области технологий, услуг и бизнес-моделей, содействие в создании 21 образцового предприятия [2. С. 168–169].

Таким образом, последние пять лет принесли малым и средним предприятиям Тайваня новые вызовы, связанные со снижением темпов роста мировой экономики и повышением конкуренции из-за стремительного развития электронной коммерции, которая разрушает барьеры для выхода на мировые рынки. В то же время она же создает новые возможности для малых и средних предприятий. Правительство острова все большее внимание уделяет развитию стартапов, повышению сервисной составляющей товаров и технологического уровня услуг. При этом сохраняется взятый более 15 лет назад курс на необходимость развития собственных инноваций. Однако необходимо отметить, что помимо традиционного инструмента – частичного субсидирования НИОКР малых и средних предприятий – в 2010-х гг. в правительственных программах все больший акцент делается на нефинансовое стимулирование, меры, ориентированные на совершенствование инновационной среды: информационную поддержку, стимулирование достижения кластерного эффекта за счет взаимодействия МСП и исследовательских организаций и вузов.

Несмотря на серьезность вызовов, стоящих перед его экономической системой, на 97% состоящей из малых и средних предприятий, Тайвань сохраняет высокие позиции в мировом рейтинге конкурентоспособности – в 2015–2016 гг. остров занял 15-е место [22], в мировом рейтинге предпринимательства $2016 \, \text{г.}^6 - 6$ -е место [23], в рейтинге инновационной конкурентоспособности – 10-е место (2014–2015 гг.) [24]. Эти показатели свидетельствуют о том, что Тайваню и, в частности, гоминьдановскому правительству в последние годы удавалось адаптироваться к меняющимся условиям и корректировать экономический курс, чтобы обеспечивать стабильные темпы роста экономики. Избранная в январе 2016 г. президент Цай Инвэнь одними из основных своих задач считает необходимость снижения экономической зависимости от рынка континентального Китая и поиск новых драйверов экономического роста. Несомненно, любые повороты в этой области отразятся на секторе малого и среднего бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 新南向政策. Этот курс назван новым, так как во второй половине 1990-х гг. тогдашний президент Ли Дэнхуэй предостерегал тайваньских предпринимателей от сближения с материковым Китаем, призывая «идти на юг». Новая южная политика предполагает акцент на развитие экономических, технологических и торговых связей прежде всего со странами АСЕАН и Индией. Повышение уровня заработной платы на материковой части Китая, активизация политики по снижению уровня загрязнения окружающей среды, запрет на размещение «грязных» производств на территории континента все это обусловливает повышенное внимание к странам АСЕАН.
- ² «Интернет вещей» концепция объединения вещей (преимущественно электронной техники) через коммуникационную сеть для взаимодействия между собой, а также со внешней средой.
- ³ Под нематериальным производством подразумевается производство продуктов и услуг, не имеющих материальной формы, например программное обеспечение, образовательные услуги, здравоохранение, дизайнерские и конструкторские разработки и т.д.
- ⁴ Краудфандинг механизм привлечения финансирования от широких масс с целью реализации какого-либо проекта, коллективное финансирование, которое, как правило, осуществляется через Интернет.
- ⁵ Соглашение предусматривает снижение торговых барьеров для импорта 267 товарных позиций на Тайвань и импорта 539 товарных позиций на материк.
- ⁶ Данный рейтинг составляется на основе таких показателей, как отношение, способность и стремление местного населения к предпринимательству, а также социальная и экономическая инфраструктура ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Standards for Identifying Small and Medium Enterprises. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs of Taiwan. 2015. URL: http://www.moeasmea.gov.tw/ct.asp?xItem=8261&CtNode=530&mp=2 (дата обращения: 12.02.2017).
- 2. White Paper on Small and Medium Enterprises in Taiwan 2015. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. October 2015. 244 p.
- 3. Manpower Survey data, 2013–2014. Directorate-General of Budget, Accounting and Statistics, Executive Yuan, Taiwan. URL: http://eng.dgbas.gov.tw/mp.asp?mp=2 (дата обращения: 12.02.2017).
- 4. VAT data, 2010–2014. Fiscal Information Agency, Ministry of Finance, Taiwan. URL: http://www.fia.gov.tw/dp.asp?mp=5 (дата обращения: 12.02.2017).
- 5. Taiwan Statistical Data Book 2015. National Development Council. Taiwan, 2015. 369 p.
- 6. Цзючжи яньшую [Инаугурационная речь президента Тайваня]. Чжунхуа миньго цзунтунфу. 2016. URL: http://www.president.gov.tw/Default.aspx?tabid=1565 (дата обращения: 12.02.2017).
- 7. Цай Инвэнь фабяо люйнэн кэцзи чуансинь чанье чжицы чуаньвэнь [Цай Инвэнь опубликовала полный текст речи о научно-технологической инновационной отрасли «зеленой» энергетике]. Миньчжу цзиньбу дан. 18.09.2015. URL: http://www.dpp.org.tw/news_content.php?kw=&m1=11&y1=2016&menu_sn=&sub_menu=43&show_title=&one_page=10&page=1&start_p=1&act=&sn=8191&stat=&order_type=desc&order_col=add_date&data_type=, свободный (дата обращения: 12.02.2017).
- 8. "Asian Silicon Valley" plan to transform economic structure. Department of Information Services, Executive Yuan, Taiwan. 08.09.2016. URL: http://www.ey.gov.tw/en/News_Content2.aspx?n=1C6028CA080A27B3&sms=E0588283EFAA02AD&s=B589702ACC066386 (дата обращения: 12.02.2017).
- 9. Тайвань чанье цзего уюхуа санье сыхуа синтун цзихуа [Оптимизация структуры тайваньского производства план «Четыре реформы трех отраслей»]. Синчжэнюань. 02.10.2012. 76 с.
- 10. Хуан Жуйжун. Тайвань чжунсяо цие фуцянь сомяньлиньдэ вэньтичжи яньцзю и дяньцзы чанье вэйли [Исследование проблем малых и средних предприятий Тайваня на примере электронной промышленности] // Чжунхуа цзишу сюэюань сюэбао. 2003. № 27. С. 141–157.
- 11. Taiwan-proposed O2O Initiative wraps up at APEC meeting // Taiwan Today. 10.09.2016. URL: http://taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=247843&ctNode=2175 (дата обращения: 12.02.2017).
- 12. R&D Expenditures by the Number of Employees. National Science and Technology Survey Statistic Query. Ministry of Science and Technology, Taiwan. 2016. URL: https://ap0512.most.gov.tw/WAS2/English/AsTechnologyEStatistics.aspx?ID=17 (дата обращения: 12.02.2017).
- 13. White Paper on Small and Medium Enterprises in Taiwan 2014. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. October 2014. 258 p.
- 14. Headstart Project (Approved Version). National Development Council, Taiwan. August 2014. 25 p.
- 15. U-start. Youth Development Administration, Ministry of Education, Taiwan. URL: http://ustart.moe.edu.tw/ (дата обращения: 12.02.2017).
- 16. Гуаньюй вомэнь [O наc]. Flying V. URL: https://www.flyingv.cc/about (дата обращения: 12.02.2017).
- 17. Ван Цзяньчуань, Линь Цзяхуэй, Цай Фэнхуан. ECFA дуй чжунсяо цие дэ инсян, фудао цзыюань цзешао цзи чжэнцэ цзяньи [Влияние ECFA на малые и средние предприятия, направляемые ресурсы и рекомендации в отношении политического курса] // Чжунсяо цие фачжань цзикань. 2010. № 15. С. 173–181.
- 18. Tong Zhen-yuan. ECFA bringing only limited benefits // Taipei Times. 19.05.2013. URL: http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2013/05/19/2003562618/1 (дата обращения: 12.02.2017).
- 19. Chang Hsiang-yi. Demystifying ECFA. The Yearly Harvest List, 3 Years on // The commonwealth Magazine. 02.05.2014. URL: http://english.cw.com.tw/article.do?action=show&id=14757 (дата обращения: 12.02.2017).
- 20. Чжунсяо цие цюньцзю чуансинь чжэнхэ фуу [Инновационные комплексные услуги объединений малых и средних предприятий]. Цзинцзибу чжунсяо цие чу. URL: http://www.moea.gov.tw/AD/Ad02/content/ContentDetail.aspx?menu_id=3972 (дата обращения: 12.02.2017).
- 21. Цюньцзю чуансинь дяньши чэнцзинь «2010 чжунсяо цие цюньцзю чуансинь чжэнхэсин фуу цзихуа» чэнгочжань цзи гоцзи луньтань [Инновационные объединения результаты «Плана по развитию инновационных комплексных услуг объединений малых и средних предприятий 2010 г.» и их представление на международных форумах] // Цзинцзибу чжунсяо цие чу. URL: http://www.moeasmea.gov.tw/ct.asp?xItem=9032&ctNode=724&mp=3 (дата обращения: 12.02.2017).
- 22. GCI Global Competitiveness Index. World Economic Forum. 2016. URL: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/ (дата обращения: 12.02.2017).
- 23. Global Entrepreneurship Index. The Global Entrepreneurship and Development Institute. 2016. URL: https://thegedi.org/global-entrepreneurship-and-development-index/ (дата обращения: 12.02.2017).
- 24. Global Competitiveness Report 2014-2015. World Economic Forum. 2015. URL: http://reports.weforum.org/global-competitivenessreport-2014-2015/wp-content/blogs.dir/54/mp/files/pages/files/tables3-7-wef-globalcompetitivenessreport-2014-15-2.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

Troynina Ekaterina Y. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shkrob_katya@mail.ru.

THE MAIN POLICY DIRECTIONS IN THE SPHERE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES' DEVELOP-MENT IN TAIWAN IN 2010-2016.

136 О.Т. Лойко

Keywords: Taiwan; small and medium-sized enterprises; innovations.

Small and medium-sized enterprises (SMEs) amount to 97,6% of the total number of enterprises in Taiwan and provide 78% of the total employment in the island. Substantial changes in regional and global economic environment imply new challenges for SMEs and make it more difficult for the Taiwanese government to develop SMEs. Therefore, the purpose of this research is to study the experience of Taiwan in the sphere of SMEs development stimulation under conditions which evolved after the world financial crisis of 2008-2009.

Unfavorable conditions for the SMEs development mainly include 1) the increase of science and technology level of Mainland China economy and its active export-facilitating policy as well as the world economy and world trade growth rate decrease, what tends to be a considerable threat for the Taiwanese export-oriented economy. Besides, wide spread of e-commerce which basically eliminate the borders between economies together with fast reduction of technologies' life-cycle makes global competition as strong as never before. Nevertheless, both Ma Ying-jeou and Tsai Ing-wen administrations defined small and medium-sized enterprises as one of the major sources of future economic development.

In 2016, Tsai Ing-wen administration officially recognized that the OEM model of contract manufacturing which was widely used by Taiwanese enterprises become outdated and can no longer be an economic driver for Taiwan. According to the Taiwanese government's view, the future sources of economic development will include innovations, servitization and products' specificity enhancement. Another important policy implies creation of favorable conditions (so-called "ecosystem") for start-ups which embody innovation ideas and often have goods prospects in terms of commercialization.

The government of Taiwan carries out several SMEs support programs including research and development subsidizing, it facilitates new information technologies and e-commerce instruments implementation, supports the leading enterprises and their products which have great potential. It's worth noting that in recent years the instruments of supporting SMEs applied by the government have transformed: the measures of direct subsidizing have been diminishing, and, simultaneously, the measures of providing favorable environment for establishing new enterprises and effective operation of the existing SMEs and non-financial support (technical assistance and consultation) have expanded.

The Economic Cooperation Framework Agreement signed by the two sides of the Taiwan Strait in 2010 led to controversial consequences for the Taiwanese SMEs. On the one hand, it expanded the access of Taiwanese SMEs to the mainland market and reduced customs expenditures of Taiwanese exporting companies. On the other hand, the Agreement allowed mainland business to foster its penetration into the island's market and further reduced competitiveness of Taiwanese traditional industries.

REFERENCES

- 1. Ministry of Economic Affairs of Taiwan. (2015a) Standards for Identifying Small and Medium Enterprises. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs of Taiwan. [Online] Available from: http://www.moeasmea.gov.tw/ct.asp?xItem=8261&CtNode=530&mp=2. (Accessed: 12th February 2017).
- 2. Ministry of Economic Affairs of Taiwan. (2015b) White Paper on Small and Medium Enterprises in Taiwan 2015. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. October 2015. [s.l., s.n.].
- 3. Directorate-General of Budget, Accounting and Statistics, Executive Yuan, Taiwan. (n.d.) *Manpower Survey data, 2013–2014*. [Online] Available from: http://eng.dgbas.gov.tw/mp.asp?mp=2. (Accessed: 12th February 2017).
- 4. Ministry of Finance, Taiwan. (n.d.) VAT data, 2010–2014. Fiscal Information Agency, Ministry of Finance, Taiwan. [Online] Available from: http://www.fia.gov.tw/dp.asp?mp=5. (Accessed: 12th February 2017).
- 5. National Development Council, Taiwan. (2015) Taiwan Statistical Data Book 2015. [s.l., s.n.].
- 6. Office of the President, Republic of China (Taiwan). (2016) *Tszyuchzhi yan'shuo* [Inauguration speech of the President of Taiwan]. [Online] Available from: http://www.president.gov.tw/Default.aspx?tabid=1565. (Accessed: 12th February 2017).
- 7. Office of the President, Republic of China (Taiwan). (2015) Tsay Inven' fabyao lyuynen ketszi chuansin' chan'ye chzhitsy chuan'ven' [Tsai Inven published the full text of the speech on the scientific and technological innovation branch "green" energy]. *Min'chzhu tszin'bu dan*. 18th September. [Online] Available from: http://www.dpp.org.tw/news_content.php?kw=&m1=11&y1=2016&menu_sn=&sub_menu=43&show_title=&one_page=10&page=1&start_p=1&act=&sn=8191&stat=&order_type=desc&order_col=add_date&data_type=. (Accessed: 12th February 2017).
- Executive Yuan, Taiwan. (2016) "Asian Silicon Valley" plan to transform economic structure. 8th September. [Online] Available from: http://www.ey.gov.tw/en/News_Content2.aspx?n=1C6028CA080A27B3&sms=E0588283EFAA02AD&s=B589702ACC066386. (Accessed: 12th February 2017).
- 9. Taiwan. (2012) Tayvan' chan'ye tszego uyukhua san'ye sykhua sintun tszikhua [Optimization of the structure of Taiwanese production the plan "Four reforms of three industries"]. Sinchzhenyuan'. 2nd October.
- 10. Taiwan. (2003) Khuan Zhuyzhun. Tayvan' chzhunsyao tsiye futsyan' somyan'lin'de ven'tichzhi yan'tszyu i dyan'tszy chan'ye veyli [Study of the problems of Taiwan's small and medium-sized enterprises on the example of the electronics industry]. *Chzhunkhua tszishu syueyuan' syuebao*. 27. pp. 141–157.
- 11. *Taiwan Today*. (2016) Taiwan-proposed O2O Initiative wraps up at APEC meeting. 10th September. [Online] Available from: http://taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=247843&ctNode=2175. (Accessed: 12th February 2017).
- Ministry of Science and Technology, Taiwan. (2016) R&D Expenditures by the Number of Employees. National Science and Technology Survey Statistic Query. [Online] Available from: https://ap0512.most.gov.tw/WAS2/English/AsTechnologyEStatistics.aspx?ID=17. (Accessed: 12th February 2017)
- 13. Ministry of Economic Affairs, Taiwan. (2014) White Paper on Small and Medium Enterprises in Taiwan 2014. Small and Medium Enterprise Administration, Ministry of Economic Affairs, Taiwan. October 2014. [s.l., s.n.].
- 14. National Development Council, Taiwan. (2014) *Headstart Project (Approved Version)*. August 2014. [s.l., s.n.].
- 15. Ministry of Education, Taiwan. (n.d.) *U-start. Youth Development Administration, Ministry of Education, Taiwan.* [Online] Available from: http://ustart.moe.edu.tw/. (Accessed: 12th February 2017).
- 16. FlyingV. (n.d) Guan'yuy vomen' [About Us]. [Online] Available from: https://www.flyingv.cc/about. (Accessed: 12th February 2017).
- 17. Wang Jianchuan, Lin Jiahei, Tsai Fenghuang. (2010) ECFA duy chzhunsyao tsiye de insyan, fudao tszyyuan' tszeshao tszi chzhentse tszyan'i [Influence of ECFA on small and medium-sized enterprises, directed resources and policy recommendations]. *Chzhunsyao tsiye fachzhan' tszikan'*. 15. pp. 173–181.
- 18. Tong Zhen-yuan. (2013) ECFA bringing only limited benefits. *Taipei Times*. 19th May. [Online] Available from http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2013/05/19/2003562618/1. (Accessed: 12th February 2017).
- 19. Chang Hsiang-yi. (2014) Demystifying ECFA. The Yearly Harvest List, 3 Years on. *The Commonwealth Magazine*. 2nd May. [Online] Available from: http://english.cw.com.tw/article.do?action=show&id=14757. (Accessed: 12th February 2017).
- 20. Ministry of Economic Affairs, ROC. (n.d.) Chzhunsyao tsiye tsyun tszyu chuansin' chzhenkhe fuu [Innovative integrated services of associations of small and medium enterprises]. [Online] Available from: http://www.moea.gov.tw/AD/Ad02/content/ContentDetail.aspx?menu_id=3972. (Accessed: 12th February 2017).

- 21. Ministry of Economic Affairs, ROC. (n.d.) *Tsyun'tszyu chuansin' dyan'shi chentszin' "2010 chzhunsyao tsiye tsyun'tszyu chuansin' chzhenkhesin fuu tszikhua" chengochzhan' tszi gotszi lun'tan'* [Innovative association the results of the "Plan for the development of innovative integrated services of small and medium enterprises in 2010" and their representation in international forums]. [Online] Available from: http://www.moeasmea.gov.tw/ct.asp?xItem=9032&ctNode=724&mp=3. (Accessed: 12th February 2017).
- 22. World Economic Forum. (2016) GCI Global Competitiveness Index. [Online] Available from: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/. (Accessed: 12th February 2017).
- 23. The Global Entrepreneurship and Development Institute. (2016) *Global Entrepreneurship Index*. [Online] Available from: https://thegedi.org/global-entrepreneurship-and-development-index/. (Accessed: 12th February 2017).
- 24. World Economic Forum. (2015) *Global Competitiveness Report 2014–2015*. [Online] Available from: http://reports.weforum.org/global-competitivenessreport-2014-2015/wp-content/blogs.dir/54/mp/files/pages/files/tables3-7-wef-globalcompetitivenessreport-2014-15-2.pdf. (Accessed: 12th February 2017).

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 339.5(571.1/.5)"16/17" DOI: 10.17223/19988613/53/26

С.В. Кириллова

БЕСПОШЛИННАЯ И КОНТРАБАНДНАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ С КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ В XVII–XVIII вв.

Рассмотрены причины и процесс развития беспошлинных и контрабандных торгово-обменных операций на восточной окраине Российской империи, которые в конечном итоге стали преобладать над государственным таможенным регулированием российско-монгольских и российско-китайских экономических связей в XVII–XVIII вв. Делается вывод, что подлинный расцвет порубежной торговли на Востоке XIX в. стал следствием отмены таможенных пошлин и допуска на Кяхтинский международный торг всех желающих граждан России. Это было зафиксировано в дипломатических договорах между Россией и Китаем 1689. 1727. 1728. 1764 и 1796 гг.

Ключевые слова: Россия; Китай; Монголия; международная торговля; контрабанда.

До подписания в 1689 г. Нерчинского договора, когда между Россией, Монголией и Китаем еще не было твердо установленных границ и, соответственно, порубежных таможенных постов, беспошлинный обмен товарами вне государственного контроля был явлением распространенным. Хотя существовал перечень товаров, вывозить которые россиянам для южных степных соседей было запрещено: оружие, боеприпасы, сибирская пушнина, драгоценные металлы [1. С. 65–66].

Проблема контрабанды в российско-китайских торговых отношениях еще не привлекала внимания исследователей в должной мере. В имеющейся литературе описаны некоторые факты незаконных коммерческих операций, относящиеся к Кяхтинскому центру международной торговли [2-4]. Наиболее ранние архивные дела учрежденной в 1728 г. Кяхтинской таможни сгорели в пожаре 1862 г. [3. С. 111], а часть документов, лежавших бесхозными тюками в Гостином дворе Кяхты была уничтожена уже в советское время [5. С. 21-25]. Основными источниками являются опубликованные работы Л. Ланга и Н.Н. Бантыш-Каменского. Первая представляет собой служебные записки и документы в Правительствующий Сенат и Коммерц-коллегию Российского торгового агента в Пекине в период до и после подписания Кяхтинского погранично-торгового трактата 1727-1728 гг. Эта работа оценена для освещения событий становления русско-китайской торговли через Кяхту. Публикация деловых бумаг Л. Ланга осуществлена отдельным сборником архивных документов [6]. Кроме того, существуют и другие оценки миссии Л. Ланга - в Выписке из статейного списка посла С.Л. Владиславича-Рагузинского в Коллегию иностранных дел [7] и дневнике самого торгового агента России в Пекине [8]. Работа Н.Н. Бантыш-Каменского, несмотря на авторство, по сути, представляет изложение почти всех документов по истории становления и развития российской зарубежной торговли на востоке страны с 1689 г. до конца XVIII столетия, хранившихся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел (ныне Архив внешней политики Российской империи - АВПРИ). Книга главного архивиста страны той эпохи является сверкой подлинных документальных текстов с рукописью автора и может быть отнесена к числу основных источников по нашей теме [9]. Архивные материалы, собранные Бантыш-Каменским, послужили источниковой базой для многих исследователей русско-китайской торговли: Е.П. Силина [4], В.А. Александрова [10], Б.Г. Курца [11, 12], М.И. Сладковского [13], Х. Трусевича [14] и др., что подтверждает их высокую достоверность и ценность. Дело о контрабандной торговле высшего светского и духовного руководства Монголии через Кяхту в середине XVIII в. можно найти в работах Ш.Б. Чимитдоржиева [15], обнаруженных в Государственном архиве Монголии [16].

Подписанный в 1689 г. Нерчинский договор о «мире, границе и торговле» объявлял учреждаемый международный торг через Нерчинск свободным и беспошлинным, но в Московском государстве до введения в 1693 г. Новоторгового устава существовала практика взимать сборы за провозимые через Сибирь товары в размере 10% от общей суммы объема в каждом крупном городе. После осуществленной реформы 1693 г. прежний порядок был упразднен: проездные пошлины стали собираться только в двух пунктах - на месте отправки каравана из России и на месте его прибытия в Нерчинск [10. С. 223]. Тяжесть таможенного обложения вызвала серию попыток подкупа таможенников со стороны торговых людей, что не раз происходило в Нерчинске: например, общее количество китайских товаров, выставленных на рынок в Верхотурье в 1639 г., оказалось значительно больше, чем было зафиксировано таможней в Нерчинске [10. С. 223].

Второй способ контрабандного обмена товарами с монголами и китайцами проистекал из ненадежности

охраны пограничной полосы. Растянутость линии давала населению возможность обходить таможенные посты, тем более что китайская сторона доверила охрану учрежденной границы монголам, а Россия – бурятам и тунгусам. При наличии родственных связей надеяться на строгий таможенный контроль было невозможно. Дзаргучей (китайский пограничный комиссар) из приграничного Маймачена жил чаще всего в Кяхте и находился в дружеских связях с русским пограничным комиссаром. Они регулярно проводили совместные заседания, на которых решались вопросы торговли, перебежчиков, угона скота, периодически совместно инспектировали линию границы. Как правило, о предстоящем маршруте начальства было известно заранее, так что на местах успевали скрыть следы таможенных нарушений [15. С. 36-40], а если и находили их, то не афишировали контрабандную меновую торговлю, получая в качестве компенсации соответствующую мзду. Л. Ланг в 1730 г. не случайно констатировал: «Чего ради ежели пограничный торг будет запрещен, то они [сибирские жители] без сомнений тайным образом и без платежа надлежащих пошлин всякими окольными и заповедными дорогами к мунгалам товары будут возить» [6. С. 120]. Это высказывание должностного лица, курировавшего всю восточную зарубежную торговлю, свидетельствует о том, что между забайкальским населением и монголами сложились экономические связи, реализовывавшиеся контрабандным путем, которые они не считали преступными.

В связи с этим под давлением китайской стороны правительство России в 1760 г. издало указ об ограничении свободной беспошлинной торговли с Монголией и Китаем, имевший оговорку: разрешить продажу скота забайкальцам (бурятам) за границу любым способом. В результате в 1757–1759 гг. буряты вывели за границу 23 180 голов лошадей, в 1759–1761 гг. – скота на сумму 44,5 тыс. руб. [15. С. 85]. В 1769 г. Иркутский губернатор И.А. Пиль пошел еще дальше, «разрешив забайкальским жителям свободную заграничную торговлю» [4. С. 74–87]. В 1800 г. уже Коммерц-коллегия особой инструкцией ввела свободную торговлю без взимания пошлин скотом, мерлушкой, овчинами, хлебом, причем в любом удобном месте на границе [15. С. 90].

С русским торговым населением ситуация была более сложная. Хотя Нерчинский договор 1689 г. декларировал свободную беспошлинную торговлю для всех желающих, правительство сразу же взяло ее под свой контроль — Китай требовал от каждого прибывающего купеческого каравана государственных полномочий, отчего назначаемый комиссар имел функции российского посла, обладающего соответствующей грамотой. В связи с важностью миссии Нерчинская воеводская канцелярия проверяла, переписывала и упаковывала все прибывшие из России «казенные» товары, взимала двойную таможенную пошлину за ввоз в Китай и вывоз оттуда, за предоставление транспорта, охрану и продовольствие.

В результате отпускная цена в Пекине была значительно выше той, по которой продавали товар частные торговые люди. Уже первые караваны в Китай показали, что казенная торговля уступала там частной, цены которой были приемлемы для рядового китайского потребителя. Это сказалось и на сокращении числа первогильдийских купцов из европейской части России. В 1693 г., после введения Новоторгового устава, интерес к Нерчинской «государственной» торговле у россиян и китайцев стал снижаться из-за высоких пошлин. В знак протеста против отхода России от условий Нерчинского договора Китай уже в 1698 г. запретил государственным русским караванам въезжать в Пекин, вывел всех торгующих приказчиков и купцов из столицы в Наун (Цицикар), а оттуда – в Нерчинск, разрешив торговать лишь с 1728 г. в приграничном Цурухайтуе.

Не исправил положения и подписанный Буринский (Кяхтинский) пограничный договор 1727-1728 гг. «О границе, торговле и купечестве». В Пекин было пропущено только шесть караванов, после чего россияне были высланы из «ургинского Маймачена» в Селенгинск, где формировались государственные караваны. Помимо прочих политических причин сдерживания и порой прекращения торговли на границе через Кяхтинский международный торг, китайцами указывались высокие пошлины, сбираемые на таможне, отчего русские товары становились очень дорогими. Русские, по мнению китайской стороны, приезжали «богатить» только себя, а не своих партнеров. В подписанном в 1728 г. договоре стороны возвращались к условиям Нерчинского соглашения 1689 г., вновь провозглашая: «Купечеству быть свободному; каравану через три года в Пекин приезжать и там торговать, продавать и покупать беспошлинно; всегдашний торг иметь обеим сторонам и на Кяхте и при Нерчинске» [9. С. 242]. Но переход границы разрешался только лицам, получившим паспорта от пограничных властей, Сената или Пекинского трибунала. Постоянная пограничная торговля разрешена только в торговых слободах - Кяхте и Цурухайтуе [17]. Без документа торгующий человек задерживался, а его товар конфисковывался как контрабандный.

С 1728 по 1760 г. Китай восемь раз под различными предлогами приостанавливал торговые операции в Кяхте (1733, 1737, 1744, 1747, 1751, 1753, 1756, 1757). На смену государственной торговле пришла контрабандная торговля с монгольскими купцами в Маймачене (близ Кяхты) через посредников, в которую были вовлечены даже высшие монгольские светские и духовные чины. В 1760 г. оборот контрабандных операций составил 1 млн 358 тыс. руб. [9. С. 242]. Так, ранней весной 1764 г. в Кяхту прибыл караван из 50 повозок, и пока дело дошло до Пекина, монгольские амбани и ламы приобрели множество привезенного товара. Виновные были наказаны китайской правительственной комиссией, все приобретенные товары конфиско-

ваны, а сами высшие чиновники сняты с должностей. Начались репрессии и в Урге, куда шли частные купцы из Восточного Туркестана [15. С. 235].

Однако контрабандная торговля, которую поддерживали русские власти, заинтересованные в монгольском рынке, не закончилась. Ее продолжение привело к тому, что Китай, почувствовав ослабление своих позиций в Монголии, в 1757 г. закрыл русско-китайскую границу на долгие годы, прекратив торги и в Кяхте-Маймачене [13. С. 220]. Прибывшему в 1767 г. для переговоров послу И.И. Кропотову китайская сторона выдвинула претензию в том, «что в Кяхте с купцов берутся в российскую сторону пошлины в противность трактату [Кяхтинскому], и чтобы таких пошлин не брать». Россия пошла на уступки: демонстрируя возврат к беспошлинной торговле, она перевела таможню из Кяхты в Селенгинск (Петропавловскую крепость), а с 1775 г. еще дальше – в Иркутск [18. С. 260–271].

Итак, введенное Россией государственное регулирование таможенной политики на границе с Китаем и Монголией препятствовало международному экономическому развитию. Дипломатические договоры XVII-XVIII вв. декларировали свободные, беспошлинные торгово-экономические связи, которые удовлетворяли запросы основной массы населения. Попытки правительства России получать высокий доход в казну за счет самовольно введенных высоких таможенных пошлин потерпели неудачу. Первогильдейские столичные купцы, опекаемые властью, не выдержали конкуренции с частным приграничным бизнесом забайкальских жителей в Кяхте. Только возврат к свободной беспошлинной торговле, декларируемой Нерчинским и Кяхтинским договорами, привел к процветанию зарубежных экономических связей между Россией, Китаем и Монголией в XIX сто-

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Тиваненко А.В. Первое столетие Улан-Удэ: 1666-1860 гг. Улан-Удэ: Бизнес весть, 2015.
- 2. Переслыгина И.В. История формирования и деятельность Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII начало 60-х гг. XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.
- 3. Птицын В.В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края. СПб. : [б. и.], 1896.
- 4. Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Иркутск: Иркутск. обл. изд-во, 1947.
- 5. Из письма Е.Д. Петряева от 18 сентября 1986 г. // Демин Э.В. Золотая россыпь Селенгинска: историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ: Нова Принт, 2009. Т. 1.
- 6. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725 гг.). М.: Наука, 1978.
- 7. Выписка из статейного списка С.Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1725—1727 гг.). М.: Наука, 1990.
- 8. Дневник Ланга // Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли. СПб. : Тип. при Императорской Академии наук, 1776. Ч. III.
- 9. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань : Тип. Императорского университета, 1882.
- 10. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1984.
- 11. Курц Б.Г. Государственная монополия в торговле в первой половине XVIII века. Киев, 1924.
- 12. Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII, и XVIII столетиях. Харьков : Гос. изд-во Украины, 1929.
- 13. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. Т. 1.
- 14. Трусевич Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX века). М.: Тип. Г. Малинского, 1882.
- 15. Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте 250 лет. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978.
- 16. Госархив МНР. Ф. 1. Д. Х. 53.
- 17. Громов П. Начало Троицкой крепостицы и Кяхты // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 31. С. 400.
- 18. Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. М.: Универ. тип., 1875.

Kirillova Sesegma V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). -mail: sesegkirillova@mail.ru

FREE ILLICIT TRADE OF RUSSIA WITH CHINA AND MONGOLIA IN THE 17th-18th CENTURIES

Keywords: Russia; China; international trade; illicit trade and swap.

The article considers for the first time the reasons and development process of illicit trade and swap on the eastern outskirts of the Russian Empire. In the 17th century, when there were no firmly established borders and, accordingly, foreign customs posts between Russia, Mongolia and China, duty-free exchange of goods outside the control of states was quite a regular phenomenon. With the signing of The Treaty of Nerchinsk in 1689 the Russian-Chinese trade had become open and duty-free. Although the treaty declared free trade for everyone interested, the tsarist government immediately took control of it and unilaterally imposed imported and exported goods to Beijing with customs duties, which amounted for 10% of their commercial value. As a result, the selling price in Beijing was much higher than the prices of private merchandise. This affected the reduction in the number of merchants from the European part of Russia. In 1693 the interest in Nerchinsk "state" trade among Russians and Chinese began to decline. Even the abolition in 1698 of double and "second-hand" decimas did not correct the situation. In protest against Russia's withdrawal from the terms of The Treaty of Nerchinsk, China soon banned Russian state-owned caravans from entry into their country, brought all merchants from Beijing to Qiqihar and from there to Nerchinsk, and allowed them to trade only in the border of Tsurukaitu. The state trade was replaced by under-the-counter trade with Mongolian merchants in Maimaicheng (near Kyakhta) through intermediaries, which involved even the highest Mongolian secular and spiritual ranks.

The problem of smuggling in the early period did not attract the attention of researchers to the proper extent. The archival documents describe the facts dating back to the 19th century and relating to the Kyakhta center for international trade, but it is beyond the time frame of our research. The most ancient cases of The Kyakhta Customs, established in 1728, were destroyed by the fire of 1862, or a century later by the Soviet power. Therefore, we rely on the notes of a Russian trade commissioner in Beijing L. Lang, the documents of

The Collegium of Commerce and the materials of The State Archives of Mongolia. In our opinion, the description of The Ministry of Foreign Affairs' archives of by the chief archivist of that period N. N. Bantysh-Kamensky is the most valuable.

It is concluded that the true flourishing of foreign trade in the East in the 19th century was the result of elimination of duties and admission of all wishing citizens of Russia to the Kyakhta international bargaining; that was recorded in diplomatic treaties between Russia and China of 1764 and 1796.

REFERENCES

- 1. Tivanenko, A.V. (2015) Pervoye stoletiye Ulan-Ude: 1666-1860 gg. [The first century of Ulan-Ude: 1666-1860]. Ulan-Ude: Biznes vest'.
- 2. Pereslygina, I.V. (2004) Istoriya formirovaniya i deyatel'nost' Kyakhtinskoy tamozhni (20-ye gg. XVIII nachalo 60-kh gg. XIX vv.) [History of the formation and activity of the Kyakhta Customs (the 20s of the 18th early 60s of the 19th century)]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
- 3. Ptitsyn, V.V. (1896) Selenginskaya Dauriya: ocherki Zabaykal'skogo kraya [Selenginskaya Dauria: Essays of the Trans-Baikal Territory]. St. Petersburg: [s.n.].
- 4. Silin, E.P. (1947) Kyakhta v XVIII v. [Kyakhta in the 18th century]. Irkutsk: Irkutsk. obl. izd-vo.
- 5. Petryaev, E.D. (1986) Iz pis'ma Ye. D. Petryayeva ot 18 sentyabrya 1986 g. [From the letter of E.D. Petryaev dated by September 18, 1986]. In: Demin, E.V. Zolotaya rossyp' Selenginska: istoriko-krayevedcheskiye ocherki [Gold field of Selenginsk: Historical and ethnographic studies]. Vol. 1. Ulan-Ude: Nova Print.
- Lang, L. (1978) Zapiski L. Langa o poyezdke v Pekin [L. Lang's notes on the trip to Beijing]. In: Tikhvinskiy, S.L. (ed.) Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v.: materialy i dokumenty (1700–1725 gg.) [Russian-Chinese relations in the 18th century: materials and documents (1700–1725)]. Moscow: Nauka.
- 7. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (1990) Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. Materialy i dokumenty (1725 1727 gg.) [Russian-Chinese relations in the 18th century. Materials and documents (1725–1727)]. Moscow: Nauka.
- 8. Lang, L. (1776) Dnevnik Langa [Lang's Diary]. In: Bell, J. Belevy puteshestviya cherez Rossiyu i raznyye Aziatskiye zemli [Bell's travels through Russia and various Asian lands]. Translated from French by M. Popov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- 9. Bantysh-Kamenskiy, N.N. (1882) Diplomaticheskoye sobraniye del mezhdu Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792 g. [Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan: Imperial University.
- 10. Aleksandrov, V.A. (1984) Rossiya na Dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern borders (second half of the 17th century)]. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- 11. Kurts, B.G. (1924) Gosudarstvennaya monopoliya v torgovle v pervoy polovine XVIII veka [State monopoly in trade in the first half of the 18th century]. Kyiv: [s.n.].
- 12. Kurts, B.G. (1929) Russko-kitayskiye snosheniya v XVI, XVII, i XVIII stoletiyakh [Russian-Chinese relations in the 16th, 17th, and 18th centuries]. Kharkov: Gosudarstvennoye izdatelstvo Ukrainy.
- 13. Sladkovskiy, M.I. (1974) Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitayem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations of the peoples of Russia with China (until 1917)]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 14. Trusevich, Kh. (1882) Posol'skiye i torgovyye otnosheniya Rossii s Kitayem (do XIX veka) [Ambassador and trade relations of Russia with China (until the 19th century)]. Moscow: G. Malinsky.
- 15. Chimitdorzhiyev, Sh.B. (1978) Russko-mongol'skiye torgovyye svyazi v XVII–XVIII vv. (cherez Zabaykal'ye i Kyakhtu) [Russian-Mongolian trade relations in the 17th–18th centuries (through Transbaikalia and Kyakhta)]. In: *Kyakhte 250 let* [250 years to Kyakhta]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo.
- 16. The State Archive of the Mongolian People's Republic. Fund 1. File X. 53.
- 17. Gromov, P. (1867) Nachalo Troitskoy krepostitsy i Kyakhty [The beginning of the Trinity Fortress and Kyakhta]. *Irkutskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 31. pp. 400.
- 18. Sychevskiy, E.I. (1875) Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlennaya v 1846 g. [A historical note on the Chinese border, compiled in 1846]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

УДК 94(47+57)«1918/1920» DOI: 10.17223/19988613/53/27

Н.С. Ларьков

ВСЯ ГЕНЕРАЛЬСКАЯ РАТЬ (ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ РУКОВОДСТВО Г. ТОМСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Исследуется состав и деятельность в Томске высшего военного руководства в период существования в Сибири антибольшевистских правительств в 1918—1919 гг. Показано участие генералов в создании антисоветских вооруженных формирований, подавлении антиправительственных выступлений, а также их отношение к элементам и структурам гражданского общества, степень вовлеченности в общественную и научно-образовательную жизнь губернского центра. Прослежена судьба служивших в Томске генералов после поражения белого движения.

Ключевые слова: Гражданская война; милитаризация власти; генералы; город Томск.

Одним из важнейших военно-политических центров периода революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны в Сибири являлся Томск - крупный губернский город, пристанище краевых органов ряда политических партий и профессиональных союзов, центр сибирского областничества, место пребывания Сибирской областной думы, породившей Временное Сибирское правительство. Здесь размещался крупный концентрационный лагерь с несколькими тысячами военнопленных Первой мировой войны, дислоцировались запасные полки Русской армии, создавались красногвардейские и красноармейские формирования, а с ликвидацией советской власти - многочисленные части белой армии. Томский гарнизон в военно-революционную эпоху 1914-1920 гг. насчитывал десятки тысяч солдат и офицеров (в начале 1917 г. – свыше 64 тыс. чел. на стотысячное население города) [1. С. 161], будучи одним из крупнейших на востоке России. В этих условиях роль военных, их влияние на все стороны жизни губернского центра и в целом губернии были значительными, во многом определяющими, если к тому же учесть, что на протяжении длительного времени здесь сохранялось военное положение.

Вопросы милитаризации власти и управления, роли военщины в событиях революции и Гражданской войны в Сибири нашли отражение в многочисленных мемуарах участников тех событий и последующих научных публикациях историков. Однако не все аспекты этой темы к настоящему времени исследованы с должной полнотой. К их числу относится деятельность высшего военного руководства в крупных сибирских военно-политических центрах, за исключением, разве что, столицы белой Сибири – г. Омска. В настоящей статье на основе опубликованных документов и архивных источников предпринята попытка через призму действий высшего военного руководства, прежде всего представителей генералитета, выявить его место и роль в общественно-политической жизни Томска, взаимоотношения военной и гражданской власти, отношение к элементам и структурам гражданского общества, влияние на отдельные стороны хозяйственной, культурной жизни.

До начала Гражданской войны высшими военными чинами в Томске были в основном полковники и подполковники. Генералы исчислялись единицами, если не считать томских губернаторов, многие из которых имели чин генерал-майора [2]. Лишь после Русскояпонской войны, в результате размещения в Томске управления 2-й пехотной Сибирской резервной бригады, здесь один за другим стали появляться армейские генерал-майоры – А.Е. Редько, Н.П. Кучин, Н.Н. Распопов, Н.М. Пепеляев. Впоследствии все они принимали активное участие в сражениях Первой мировой войны, командуя дивизиями и бригадами. Наиболее заметфигурой среди них был генерал-лейтенант Н.М. Пепеляев (1858–1916), связанный с городом многими годами военной службы. На протяжении ряда лет он был начальником гарнизона г. Томска, командовал полком, а в 1906 г. некоторое время исполнял даже должность томского генерал-губернатора.

В революционном 1917 г., несмотря на многочисленность гарнизона, дислокацию в Томске управления стрелковой бригады, пяти запасных полков, 708-й пешей Томской дружины и множества более мелких воинских формирований, высшими воинскими чинами, тем не менее, являлись лишь полковники. В частности, начальником гарнизона города состоял командир 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады полковник В.А. Бирон. Ситуация коренным образом изменилась с началом Гражданской войны, когда численность генералов, оказавшихся по долгу военной службы в Томске, резко выросла, достигая в отдельные месяцы десятка и более человек. Среди них были как представители старого дореволюционного генералитета, так и генералы, произведенные в этот чин в период нахождения у власти Временного Сибирского и Российского правительств.

Первым среди уроженцев г. Томска генеральский чин во время Гражданской войны получил в сентябре 1918 г. А.Н. Пепеляев. Будучи одним из руководителей томского антибольшевистского вооруженного подполья весной 1918 г., он после свержения советской власти возглавил Средне-Сибирский корпус, во главе ко-

торого совершил в июне—сентябре 1918 г. «Восточный поход» от Томска и Новониколаевска до Забайкалья. После разгрома советских войск на территории Восточной Сибири генерал-майор А.Н. Пепеляев в ночь на 16 сентября 1918 г. вместе со штабом корпуса вернулся в Томск [3. 17 сент.]. Штаб расположился в вагонах на железнодорожной станции, откуда на протяжении месяца А.Н. Пепеляев командовал частями своего корпуса, находившимися тогда не только в Томске, но также в Новониколаевске, Барнауле, Ачинске.

Вместе с дислоцировавшейся в это время в Томске 2-й Сибирской стрелковой дивизией, входившей в состав пепеляевского корпуса, находился еще один новоиспеченный генерал — командир дивизии Е.К. Вишневский. После отъезда, спустя месяц, А.Н. Пепеляева на фронт Е.К. Вишневский остался в Томске и в период с 14 октября по 2 декабря 1918 г. выполнял обязанности начальника округа 1-го Средне-Сибирского корпуса [4.22 окт.; 5. С. 422]. В корпусной район, созданный «для укомплектования, снабжения и охраны государственного порядка», входили тогда Томская, Енисейская и Алтайская губернии, за исключением казачьего населения последней [6. Л. 101].

Чуть раньше этих двух боевых генералов, в период с 30 августа по 13 сентября 1918 г., в Томск прибыли 4 эшелона с личным составом и имуществом эвакуированной сюда Военной академии Генерального штаба. Ее путь вглубь Сибири оказался довольно извилистым. В марте 1918 г. академия по воле большевиков оказалась в Екатеринбурге, откуда в июле того же года часть ее личного состава была переведена в Казань в связи с ухудшением военной обстановки и угрозой захвата уральской столицы белогвардейскими войсками. Однако сразу же после оставления красными Екатеринбурга и Казани большинство ее преподавателей и слушателей перешли на сторону белых и в качестве Всероссийской академии Генерального штаба в августе 1918 г. включены в состав Сибирской белой армии. Говоря о выборе Томска, военный министр Временного Сибирского правительства А.Н. Гришин-Алмазов, по словам профессора академии генерала П.Ф. Рябикова, посчитал именно этот город - «центр высшего гражданского образования с Томским университетом» - «для спокойной академической работы очень подходящим» [7. С. 755].

Генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов лично занимался обустройством академии в Томске во время своего пребывания здесь в августе 1918 г. в составе правительственной делегации, приезжавшей из Омска на открытие Сибирской областной думы. По его предложению вопрос о размещении академии специально рассматривался 22 августа 1918 г. на совместном собрании комиссий Томского университета и технологического института при участии городского головы И.П. Пучкова. Участники собрания признали возможным разместить академию, однако предложили предварительно пригласить в Томск представителя академии «для детальной разработки вопроса» [8. С. 110–111]. Впрочем, решение собрания оказалось на деле простой формаль-

ностью. К тому времени представители академии (комиссия в составе 5 чел.) были без всякого приглашения если уже не в Томске, то на подъезде к нему. Спустя всего лишь три дня после упомянутого собрания в местной газете появилось сообщение, что, прибыв из Екатеринбурга, комиссия уже подыскала в Томске пригодные для размещения академии помещения – в Доме науки и политехническом училище [3. 25 авг.].

С прибытием академии численность генералов в Томске выросла кратно. Их ряды пополнили генераллейтенанты А.И. Андогский (начальник академии), Б.М. Колюбакин, А.И. Медведев, генерал-майоры П.Ф. Рябиков, М.А. Иностранцев, Г.Г. Христиани, В.Л. Томашевский, а также полковники, произведенные в 1919 г. в генералы, Н.И. Коханов, А.Т. Антонович, Г.Т. Киященко.

Весной 1919 г. в Томск прибыл генерал-майор Я.Т. Сергеев, назначенный начальником 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Одновременно в течение апреляниюня он являлся уполномоченным командующего войсками Омского военного округа по поддержанию государственного порядка в Томском, Мариинском и Щегловском уездах Томской губернии [9. С. 188].

Гарнизон Томска в тот период был довольно многочисленным. Помимо четырех стрелковых полков 12-й дивизии, в мае 1919 г. в городе размещались: отдельные егерский и пулеметный батальоны, 12-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион, 12-й Сибирский инженерный дивизион, 1-я кадровая (запасная) кавалерийская бригада в составе двух полков -1-го Томского и 2-го Уфимского, управление уездного воинского начальника, конвойная команда. Кроме того, здесь находился ряд военных учебных заведений (помимо Военной академии), в том числе повторительные курсы младших офицеров пехоты (переведены из Уфы в октябре 1918 г.), офицерская инженерная школа (открыта 15 января 1919 г.), военно-автомобильная школа, машинно-моторная ускоренная школа морского ведомства, радиотелеграфный учебный дивизион, 1-й учебный инженерный полк, учебный огнеметно-химический батальон, иностранная школа младших офицеров пехоты [10. Л. 101-102; 11. 22 янв.]. К осени 1919 г. к ним добавилась эвакуированная с территории Урала Екатеринбургская учебная инструкторская школа [12].

В течение длительного времени в Томске дислоцировались также иностранные воинские формирования: части 2-й Чехословацкой артиллерийской бригады (командир майор Войта), 2-я Чехословацкая дивизия (полковник Крейцер, начальник штаба майор Бируля), 7-й Чехословацкий полк (майор Каня), 1-й Югославянский полк (подполковник Рукавина). Как явствует из этого перечисления, во главе иностранных формирований в Томске отсутствовали представители генералитета. Не было их и среди начальников военных учебных заведений, за исключением академии. Лишь с августа 1919 г. Томские пехотные военно-училищные курсы возглавил генерал-майор Ф.Д. Толкачев [13].

Следующее крупное вливание высшего офицерства было связано с переводом осенью 1919 г. в Томск командования Омского военного округа. Командующий войсками округа генерал-лейтенант А.Ф. Матковский прибыл в Томск 20 сентября 1919 г. Его помощником являлся генерал-майор В.Р. Романов. Штаб округа осенью 1919 г. последовательно возглавляли генералмайоры Козлов и Изергин [14. 11, 23 нояб.], временно исполнявшим должность инспектора артиллерии округа был генерал-майор К.Г. Козьмин. В Томске в это время находился также контр-адмирал Е.В. Клюпфель — начальник главной базы Камской речной боевой флотилии.

К осени 1919 г. Томск, по словам журналистов, «стал городом военных» и в результате «оказался не в силах вместить все расположенные в нем воинские части и учреждения, почему часть их размещена на вокзале и в дачных местах... На окраине и площадях города вы видите мобилизованных солдат и юнкеров, обучающихся военному строю; по улицам стройными рядами проходят части расквартированных русских и чешских войск» [12]. «Легко скользят по шумным улицам автомобили чехов и американцев, грохочут грузовики с беженцами; знакомые вывески магазинов сняты и небольшие бланки с названиями лазаретов и воинских частей создают какое-то волнующее, тревожное чувство. Спокойных, мирных "Сибирских Афин" нет. Томичи с недоумением оглядываются вокруг себя: им кажется, что они попали в какой-то чужой, незнакомый город...» [15].

После годичного пребывания в Томске Военная академия была эвакуирована во Владивосток. Три эшелона с ее личным составом и имуществом покинули город в период с 1 по 20 ноября 1919 г. [16. С. 325]. Однако сократившиеся генеральские ряды практически сразу же вновь увеличились в результате передислокации с фронта в тыл 1-й Сибирской армии с целью ее переформирования и пополнения. Вместе со штабом армии во второй половине ноября 1919 г. в Томск прибыли ее командующий генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев, генерал-майоры Е.К. Вишневский (командир 2-го Сибирского егерского корпуса), А.Г. Укке-Уговец (начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии), Д.Н. Кузьменко, Н.А. Эскин. Одновременно генераллейтенант А.Ф. Матковский отбыл в Красноярск, передав своим приказом от 26 ноября 1919 г. обязанности по обеспечению порядка и общественной безопасности в районе Омского военного округа и в г. Томске А.Н. Пепеляеву [14. 4 дек.].

Одним из генералов-долгожителей периода гражданской войны в Томске был С.А. Романов. До революции он служил начальником Томского губернского жандармского управления, а с января 1919 г. – управляющим особым отделом Департамента милиции в Омске. Перебравшись затем в Томск, он возглавил здесь учрежденное 8 мая 1919 г. губернское управление Государственной охраны [17. Л. 25, 89, 133] и

оставался в должности его начальника до середины декабря того же года.

За полтора года пребывания белых войск в Томске сменился едва ли не десяток начальников гарнизона города, занимавших эту должность от считанных дней до нескольких месяцев. В их числе, наряду с полковниками Н.Н. Сумароковым, С.В. Снежковым, А.П. Бабиковым, П.И. Ивановым, были генералы Е.К. Вишневский, Я.Т. Сергеев, А.Ф. Матковский, А.Н. Пепеляев.

Кроме двух десятков генералов, продолжительность пребывания каждого из которых в Томске превышала один месяц, в разное время здесь находились генералы, числившиеся в резерве в ожидании назначения на те или иные должности либо наезжавшие в краткосрочные служебные командировки. Так, в резерве чинов при управлении начальника Томского военного района некоторое время состояли генерал-лейтенант В.В. Занфиров и генерал-майор В.И. Самарянов. Первый из них впоследствии занимался формированием управления Казанской местной бригады при штабе Верховного главнокомандующего и числился на этой должности до ноября 1919 г. Он являлся также председателем комиссии по расквартированию войск в Томске [5. С. 440; 9. С. 94]. В.И. Самарянов 17 декабря 1918 г. занял должность начальника Каинского военного района Томской губернии, а с января следующего года стал уполномоченным командующего войсками Омского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в этом же районе.

Многие генералы приезжали во время Гражданской войны в Томск в краткосрочные командировки по служебным делам. Одним из первых побывал здесь еще в конце апреля 1918 г. по поручению командующего Добровольческой армией на юге России Л.Г. Корнилова генерал от инфантерии В.Е. Флуг, причем нелегально, поскольку в городе тогда временно установилась советская власть. В задачу В.Е. Флуга входила попытка объединения действовавших в Томске подпольных антибольшевистских вооруженных организаций.

Чаще всего в Томск приезжали генералы и другие высокопоставленные офицеры из столицы белой Сибири Омска. Помимо уже упоминавшегося военного министра А.Н. Гришина-Алмазова, в ноябре 1918 г. в Томске побывал исполняющий должность дежурного генерала штаба Сибирской армии генерал-майор М.Н. Фукин. В первой половине 1919 г. в город приезжали военный юрист генерал-майор М.К. Менде, генералы К.В. Сахаров, А.Ф. Матковский. Последнему 7 апреля в Общественном собрании Томска состоялось представление слушателей Военной академии [16. С. 314]. В июле 1919 г. проездом на Дальний Восток здесь побывал отстраненный накануне А.В. Колчаком от командования 1-й Сибирской армией генерал Р. Гайда. В середине сентября 1919 г. в Томск приезжал генерал-лейтенант В.В. Голицын, занимавшийся организацией дружин «Святого Креста» [18. С. 10].

Нанесли визиты в Томск и отдельные иностранные генералы, представители интервенционистских войск.

29 апреля 1919 г. в город прибыл командующий чехословацкими войсками в России генерал Ян Сыровы. В первый же день он провел смотр дислоцировавшимся здесь чехословацким войскам и военный парад. Прибывший вместе с ним полковник английской службы раздал английские награды за боевые отличия [11. 1 мая]. В течение нескольких дней находился в Томске генерал Джек, прибывший сюда 6 мая 1919 г. во главе международного железнодорожного технического совета [Там же. 8 мая]. В 1919 г. в Томске побывал глава Британской военной миссии английский генерал А. Нокс, посетивший в том числе и Военную академию. На некоторых выпускных экзаменах в академии присутствовал главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке французский генерал М. Жанен [19. С. 679]. В конце мая 1919 г. М. Жанен и Я. Сыровы вновь посетили Томск в сопровождении уполномоченного чешского военного министерства Б. Павлу [8. С. 271].

Во время пребывания в Томске представители генеральской рати в первую очередь занимались выполнением своих непосредственных должностных обязанностей - формированием воинских частей, их вооружением, материальным снабжением, организацией обучения личного состава, инспектированием и т.п. Результатом их деятельности стало усиление антибольшевистского фронта десятками тысяч солдат и офицеров. Так, генерал А.Н. Пепеляев осенью 1918 г. осуществлял комплектование и обучение новобранцев, призванных в белую армию в рамках проводившейся Временным Сибирским правительством мобилизации. Пополнив и экипировав 1-й Средне-Сибирский корпус, он выдвинулся вместе с ним в середине октября на Урал, где в течение зимы-весны успешно сражался с красноармейскими частями. Под его командованием корпус захватил в конце декабря 1918 г. Пермь, разгромив 3-ю Красную армию.

Гораздо менее успешной оказалась деятельность генерала Я.Т. Сергеева, в течение нескольких месяцев весны-лета 1918 г. занимавшегося формированием и обучением 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Вместе с дивизией (кроме 46-го полка, оставленного в Томске для несения гарнизонной службы и участвовавшего впоследствии в подавлении повстанческопартизанского движения на территории Томской и Алтайской губерний) 16 июня 1919 г. Я.Т. Сергеев выступил на фронт [9. С. 188]. Покидая город, он обратился через газету «Сибирская жизнь» к томичам с письмом, в котором, в частности, писал: «Будучи командующим дивизией и начальником гарнизона, я был доступен для всех. Таким хочу оставаться и впредь. Прошу граждан, родственники которых идут со мной в бой, не стесняясь обращаться ко мне за справками» в Действующую армию. «Ушедшие на фронт с радостью в сердце эшелоны дивизии просили меня передать их привет родному городу. Сливаясь с ними в их порыве, приношу от лица вверенных мне войск глубокую благодарность всем без различия звания, состояния, сословия, кто шел навстречу возрождения армии» [11. 17 июня]. Однако, оказавшись на фронте, сергеевская дивизия не проявила боевых качеств. Более того, один из ее полков почти сразу же в полном составе перешел на сторону Красной армии. В августе 1919 г. дивизия была расформирована.

Генерал К.В. Сахаров приезжал в Томск с целью инспектирования воинских частей. Выполняя приказ Колчака, он в течение трех дней своего пребывания принял решительные меры к отправке из города на фронт 200 офицеров и еще 170 офицеров – из Новониколаевска. «Делалось это так, – вспоминал К.В. Сахаров. – [Я] собирал начальников частей со списками личного состава, проверял их, а также деятельность части, устанавливал, сколько офицеров необходимо оставить, а остальным – три дня на сборы, и специальным эшелоном в действующую армию. При этом выяснялись попутно прямо невероятные вещи. В Томске числилось свыше ста отдельных частей и из них только около десяти были чисто строевыми, необходимыми для фронта» [20. С. 82].

Контр-адмирал Е.В. Клюпфель после отступления белых войск с территории Урала и Зауралья занимался эвакуацией имущества главной базы Камской речной боевой флотилии из Тюмени в Томск [9. С. 113].

Достаточно успешно протекала в Томске деятельность профессорско-преподавательского состава Военной академии, которая уже с 7 сентября 1918 г. возобновила здесь свою работу [3. 31 авг.; 16. С. 250-251]. Правда, подготовка офицерских кадров - младших офицеров Генерального штаба в «ускоренном младшем курсе 4-й очереди» - оказалась возможной только спустя несколько месяцев, после прихода к власти адмирала А.В. Колчака. С этой целью из воинских частей были откомандированы офицеры, окончившие ранее в ускоренном порядке военные училища. 20 января 1919 г. в здании Дома науки, где размещалась академия, состоялось торжественное открытие курса. С приветственной речью к собравшимся обратился начальник академии генерал Андогский [11. 21 янв.]. Со следующего дня начались занятия.

В условиях войны, при острой нехватке на фронте штабных офицеров программа обучения была сокращена до трех месяцев вместо первоначально запланированных пяти-шести. По свидетельству генерала П.Ф. Рябикова, занятия протекали «с большим напряжением и преподавательского, и слушательского состава». По итогам сдачи экзаменов, завершившихся 26 апреля 1919 г. [11. 3 мая], 152 выпускника получили аттестаты и назначения на младшие должности в полевых штабах действующей армии. Некоторые остались для дальнейшего прохождения службы в Томском пехотном училище, готовившем подпоручиков. Среди окончивших ускоренные курсы академии были офицеры, достигшие впоследствии значительных карьерных высот. Некоторые дослужились к концу белого движения до полковничьих чинов, в частности А.Ю. Лейбург

[21. С. 149]. Чешский офицер Франтишек Грабчик после ноября 1919 г. стал генеральным квартирмейстером чехословацких войск в России, а после возвращения на родину — дивизионным генералом, участником антифашистского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны [22. С. 577; 23]. После поражения белого движения около трети выпускников поступили на службу в Красную армию [24].

Генералы из Военной академии привлекались иногда к проведению занятий в других военных учебных заведениях Томска. В частности, П.Ф. Рябиков читал курс тактики в школе, организованной для усовершенствования молодых строевых офицеров [16. С. 313, 759].

Преподаватели академии активно занимались в Томске подготовкой и публикацией своих трудов, посвященных военным, политическим, инженерным вопросам. В общей сложности в 1919 г. здесь увидело свет около десятка изданий, вышедших из-под пера преимущественно генералов. Среди них были книги Г.Г. Христиани «Главнейшие вопросы международной политики и мирового хозяйства», М.А. Иностранцева «Операция 2-й Западной армии», Н.И. Коханова «Полевая фортификация», А.Д. Сыромятникова «Наступление и оборона в условиях позиционной войны», Б.М. Колюбакина «История военного искусства», лекции по организации войск и учебник по тактике под его редакцией. Под редакцией Г.Г. Христиани вышел первый TOM «Воспоминаний генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина» [16. C. 459; 25].

Под грифом «секретно» в Томске была издана в двух частях книга генерала П.Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время». По теме своей монографии П.Ф. Рябиков успешно защитил диссертацию на звание экстраординарного профессора академии. На его публичную защиту, состоявшуюся 6 мая 1919 г. в Доме науки, были приглашены управляющий Томской губернией, начальник гарнизона, многие томские профессора, командиры расквартированных в городе воинских частей, известный сибирский просветитель П.И. Макушин. Оппонентами выступили генералы — профессора академии Иностранцев, Колюбакин и Христиани, а также генерал-майор Романов [16. С. 458].

«Впечатления от учебной работы в академии в Томске являются у меня самыми светлыми, отрадными воспоминаниями из всей работы в Сибири, — вспоминал впоследствии генерал П.Ф. Рябиков. — Ключом кипела деловая жизнь, спокойно выполнялась самая прямая работа, так далекая от интриг, политиканства и в общем засилья той весьма нездоровой атмосферы, которую потом пришлось испытывать в Омске» [7. С. 758].

Хотя П.Ф. Рябиков впоследствии и называл условия для учебной работы в Томске «прекрасными», тем не менее от новых наборов слушателей в академию пришлось отказаться. Ее штаты были сокращены. После серьезного ухудшения обстановки на фронте ряд генералов – преподавателей академии весной—летом 1919 г. получили ответственные командные должности. Летом

и осенью 1919 г. в Томске продолжали активно работать лишь типография и библиотека академии, насчитывавшая около 250 тыс. томов. Осуществлялась подготовка справок для белого командования, переиздавались уставы и наставления, ежедневно печатались телеграммы осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего, приказы начальника гарнизона и уполномоченного командующего войсками Омского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Томске и Томском районе. Обеспечивалось также хранение имущества и архивов [16. С. 297, 319, 465, 473].

Во время пребывания в Томске представители высшего командного состава довольно тесно взаимодействовали с местными органами власти и деловыми кругами. Городская управа, городской голова, земская управа принимали деятельное участие в размещении воинских частей и госпиталей. Томское Биржевое общество в ответ на просьбы генерала А.Н. Пепеляева неоднократно выделяло на нужды 1-го Средне-Сибирского корпуса и 1-й Сибирской армии денежные средства, использованные для приобретения обмундирования, лошадей и т.п. Самому генералу биржевики подарили коня.

В условиях Гражданской войны ведущая роль во взаимоотношениях с властью принадлежала военным, которые не могли оставаться вне политики. В частности, генерал А.Н. Пепеляев, враждебно относившийся к проэсеровской Сибирской областной думе [26. Л. 26], в сентябре 1918 г. вошел в противостояние с ее верхушкой, пытавшейся в результате заговора изменить персональный состав находившегося в Омске Временного Сибирского правительства, а непосредственно в Томске - арестовать управляющего губернией А.Н. Гаттенбергера, по распоряжению которого в ночь на 24 сентября были произведены аресты пятерых членов президиума думы и созданного ею исполнительного комитета, опечатана канцелярия думы [8. С. 134; 27. Л. 66]. Заговорщики, не располагавшие вооруженными силами, прибегли к помощи симпатизировавших им чехословаков. Уполномоченный Чехословацкого национального совета доктор И. Глосс с вооруженным отрядом прибыл в Томский губернский комиссариат. А.Н. Гаттенбергер, находившийся в это время у себя дома, опасаясь ареста, бежал на станцию Томск-ІІ в расположение штаба А.Н. Пепеляева. Туда же явились начальник гарнизона Томска полковник Бабиков и комендант города. А.Н. Пепеляев, заявив, «что у него достаточно вооруженной силы, чтобы не дать Глоссу действовать», пообещал А.Н. Гаттенбергеру «в случае надобности арестовать Глосса» [27. Л. 66 об.; 28. С. 158-159]. Тогда же, 24 сентября, специально посланный вооруженный наряд взял под свою охрану Сибирский краевой комитет ПСР, размещавшийся на ул. Белинского в Томске, парализовав тем самым его работу. Была введена военная цензура [8. С. 133; 29. Л. 97, 119; 30. Л. 33]. Таким образом, А.Н. Пепеляев

способствовал подавлению заговора сибирских эсеров, скоординированного с некоторыми чехословацкими деятелями, не позволив ему разрастись. Впоследствии в своих воспоминаниях И. Глосс с восторгом писал о Сибирской областной думе и крайне негативно отзывался о сибирском военном руководстве [31. С. 28–35].

В начале декабря следующего, 1919 г., генерал А.Н. Пепеляев принял участие в попытке переформатирования в целом системы белой власти. Выдвинувшись из Томска с верными ему воинскими частями на станцию Тайга, он вместе со своим братом премьер-министром Российского правительства В.Н. Пепеляевым попытался вынудить Верховного правителя адмирала А.В. Колчака принять решение о созыве Сибирского земского собора. Однако братья добились лишь отстранения от должности главнокомандующего войсками генерала К.В. Сахарова, вместо которого был назначен генерал В.О. Каппель.

На протяжении всего периода Гражданской войны высшему военному руководству приходилось заниматься подавлением антиправительственных выступлений в Томске и на территории губернии. Так, генерал А.Н. Пепеляев принимал непосредственное участие в ликвидации забастовочного движения, вспышка которого произошла осенью 1918 г. Забастовку начали 13 октября железнодорожные рабочие депо и службы пути ст. Тайга, выдвинув экономические требования. На другой день к ним присоединились машинисты и рабочие депо станции Томск-II, а через день – рабочие ст. Болотная. Наряду с экономическими, стали выдвигаться и отдельные требования политического характера [32. Л. 26]. В ответ 14 октября Томская и Кольчугинская железные дороги были объявлены А.Н. Пепеляевым на осадном положении. Всем бастовавшим рабочим предписывалось в течение трех часов с момента опубликования пепеляевского приказа приступить к работе, не подчинившихся – арестовывать и предавать военно-полевому суду. Несколько участников забастовки 15 октября были расстреляны в районе ст. Томск II. В тот же день был казнен по приговору военно-полевого суда арестованный накануне на ст. Тайга член подпольного Сибирского областного комитета РКП(б) М.И. Сычев (Ф.И. Суховерхов). Под угрозой расстрела железнодорожники Томска и ст. Болотная уже спустя сутки приступили к работе. В Тайгу из Томска были направлены карательный отряд и военнополевой суд, проведены аресты. В результате и там к 17 октября забастовка прекратилась [32. Л. 42–45; 33. Л. 15, 26, 28–31; 34. С. 358, 360–362; 35. Л. 110, 114; 36. 22 окт.]. В этот же день из томских тюрем были вывезены 13 ранее арестованных видных большевиков и советских деятелей. Власти опасались их влияния на бастовавших железнодорожников. Первоначально «политических преступников» планировалось переместить в Омск, но в итоге они оказались в Екатеринбургской тюрьме, где и содержались более полугода.

Ликвидировав забастовку, А.Н. Пепеляев телеграфировал 18 октября 1918 г. начальникам гарнизонов

Томской и Алтайской губерний: «Я буду ходатайствовать об улучшении материального положения рабочих. В то же время предупреждаю, что все должны нести свой гражданский долг и никакие забастовки допущены не будут и всякие вспышки таковых будут подавлены самыми жестокими мерами» [37. Л. 10–11].

Одновременно подверглись репрессиям профсоюзы. В разгар забастовки, 14 октября 1918 г., была прекращена работа I Всесибирского съезда профсоюзов в Томске, открывшегося 6 октября, причем решение о закрытии его заседаний было доведено до делегатов съезда непосредственно самим А.Н. Пепеляевым [8. С. 144–145].

Под руководством главного начальника округа 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса генералмайора Е.К. Вишневского было подавлено вооруженное восстание в Томске, вспыхнувшее в ночь на 1 ноября 1918 г. В нем приняли участие солдаты нескольких рот 5-го Томского запасного полка и политзаключенные местной тюрьмы. Солдаты захватили штаб полка, освободили тюрьму, предприняли наступление на ст. Томск-ІІ и военный городок. Военное командование бросило против повстанцев конную милицию, офицерскую роту, эскадрон кавалеристов, юнкеров, казаков и другие оказавшиеся под рукой воинские части. В ночном бою к утру 1 ноября восставшие были разбиты. В ходе подавления восстания погибли около 100 его участников, а также 11 солдат и офицеров правительственных войск. Спустя сутки свыше 250 задержанных повстанцев были преданы военно-полевому суду, из них 128 чел., в том числе 118 солдат, – расстреляны. Несколько десятков были приговорены к каторжным работам. Розыски бежавших, аресты и суды над участниками восстания продолжались и в последующие месяцы. Для выяснения причин восстания в Томск был командирован исполняющий должность дежурного генерала штаба Сибирской армии генерал-майор М.Н. Фукин, доложивший 10 ноября 1918 г. в своей телеграмме в Омск о результатах его подавления [38. Л. 54].

Жестокие меры принимались военной властью и по отношению к крестьянским антиправительственным выступлениям. В октябре 1918 г. в Мариинском уезде Томской губернии, в районе с. Чумай, произошло довольно крупное вооруженное восстание, в котором участвовали около 7 тыс. крестьян из 30 сел и деревень. Вся территория уезда была объявлена 22 октября на осадном положении. Против повстанцев выступили 6 отрядов правительственных войск, в том числе из Ачинска штурмовой батальон пепеляевского корпуса с четырьмя пулеметами под командованием капитана Е.И. Урбанковского. К 28 октября 1918 г. Чумайское восстание было подавлено, 107 повстанцев убиты. В самом уездном Мариинске подверглись аресту 20 чел., в том числе члены управы и почти все правление кооператива, заподозренные в причастности к организации восстания [4. 27 окт.; 34. С. 364-379; 39. С. 102-105, 142; 40. Л. 1, 2об.]. В дни восстания из Томской тюрьмы были вывезены на ст. Кольчугино и там

25 октября расстреляны член ВЦИК, бывший комиссар финансов Центросибири большевик А.Ф. Иванов и бывший комиссар Томской железной дороги левый эсер Н.В. Мазурин [8. С. 157].

С расширением в колчаковском тылу летом-осенью 1919 г. повстанческо-партизанского движения командующий Омским военным округом генерал А.Ф. Матковский сразу же после перебазирования своего штаба в Томск приказом от 21 сентября 1919 г. объявил большую часть территории Томской и Алтайской губерний (15 уездов) «временным районом театра военных действий» и на правах командующего отдельной армией возглавил карательные операции [11. 28 сент.; 41. 26 сент.]. Своим приказом от 30 сентября 1919 г. он распорядился расстреливать на месте всех захваченных с оружием в руках, арестовывать и предавать военнополевому суду агитаторов, членов совдепов; «восставшие вновь деревни ликвидировать с удвоенной строгостью, вплоть до уничтожения всей деревни» [42. С. 61]. Наряду с русскими войсками в подавлении антиправительственных выступлений на территории губернии в 1919 г. участвовали и дислоцировавшиеся в Томске чехословацкие части [8. С. 289].

Начиная с конца лета – осени 1918 г. в условиях военного положения в Томске запрещалось проведение уличных манифестаций, демонстраций, митингов, собраний под открытым небом, в том числе на основании приказов и распоряжений отдельных генералов [8. С. 170, 254, 266]. Периодические издания подвергались жесткой военной цензуре и в ряде случаев закрывались по решению военных властей. Влияние военщины испытывали на себе и либеральные органы печати. В частности, член областнического «Потанинского кружка» редактор газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианов жаловался премьер-министру Временного Российского правительства П.В. Вологодскому 2 июня 1919 г. на начальника томского гарнизона генерала Сергеева, запретившего в газетах «сообщать что-либо о бандах большевиков – Лубковых, Щетинкиных, Адамовичей и проч. под предлогом, что мы сообщаем неверные сведения... что мы раскрываем противнику карты и что мы поселяем тревогу в обществе». «Сергеевым общее недовольство», – заключал А.В. Адрианов [43. Л. 9].

Недовольство общественности имело место и по отношению к другим высшим военным чинам. В одном из номеров местной газеты «Сегодня» было опубликовано «Письмо в редакцию» за подписью «Томич», в котором сообщалось о езде по городу генерала Колюбакина «на паре роскошных рысаков, запряженных в широкий рессорный фаэтон», о снующих целый день по Томску автомобилях, в том числе «с беспечно развалившимися чехами, французами», тогда как раненых офицеров перевозили со станции на простых тряских телегах [44. 30 июня]. Обидевшийся на эту публикацию генерал Колюбакин немедленно написал управляющему Томской губернией, что «пользы делу такие заметки не приносят, а вред несомненный, так как мел-

кие житейские факты умышленно превращаются искусной рукой и способны поселить взаимное недоверие и вызвать враждебное настроение одной части населения против другой». В результате губернское управление уже 4 июля подготовило запрос о возможности закрытия газеты [16. С. 319]. Правда, издание газеты прекратилось только в начале сентября 1919 г. и по другим причинам.

Распри периодически вспыхивали и в самой генеральской среде. В частности, некоторые из генералов, оказавшихся в «Сибирских Афинах», подверглись политическим обвинениям и даже травле со стороны ряда представителей омского высшего военного командования. В конце января 1919 г. генерал Андогский за участие переговорах в составе советской делегации в начале 1918 г. при заключении сепаратного мира с Германией был на несколько месяцев даже отстранен от руководства Военной академией. Этот эпизод его биографии, а также то, что академия некоторое время функционировала на территории советской России, послужили основанием для обвинения в политической неблагонадежности личного состава академии в течение всего периода ее пребывания в Томске. В периодической печати появилась серия статей с обвинениями академии в службе большевикам. В военных и общественно-политических кругах Томска высказывались суждения о том, что «академия в своем прошлом причастна к большевистской власти», что это «дезертиры тыла» [45. Л. 7]. По поручению адмирала А.В. Колчака в 1919 г. было предпринято расследование деятельности академии, причем двумя комиссиями во главе с генералами М.К. Менде и Г.Е. Катанаевым. Однако итоговые доклады обеих комиссий оказались благоприятными для академии [16. С. 295–298].

Осенью 1919 г., после переезда штаба Омского военного округа в Томск, здесь начались трения между генералами А.Ф. Матковским и его помощником В.Р. Романовым, с одной стороны, и профессором Военной академии генералом Г.Г. Христиани - с другой. В конфликт пришлось вмешаться главнокомандующему Восточным фронтом генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу, который телеграфировал 21 сентября 1919 г. командующему войсками Омского военного округа: «До перехода в Томск окружных управлений Омского округа никаких препятствий к работе и жизни академии не встречалось. С переходом окружных управлений возникли не только стеснения в деятельности академии, но и антидисциплинарные выступления чинов округа в отношении старших в чинах лиц академии... Генерала Романова, позволившего себе неуважительно отнестись к заслуженному и старшему в чине генералу Генерального штаба Христиани, за недостаток тактичности в занимаемой им должности приказываю перевести на другую должность» [Там же. С. 467].

Разногласия имели место между генералами Матковским и Пепеляевым во время их совместного пребывания в Томске в ноябре 1919 г. Пепеляев как боевой генерал не жаловал окопавшихся в тылу штабистов. Этим не преминуло воспользоваться, в частности, антиколчаковское подполье. Один из его участников, Т.Д. Екишев, вспоминал впоследствии о том, как обращение к А.Н. Пепеляеву помогло спасти нескольких подпольщиков от сурового приговора, к которому был причастен Матковский [46. 29 апр.]. Трения между этими генералами продолжились и после отъезда Матковского из Томска [47. Л. 62].

Многие представители генералитета, преимущественно профессора Военной академии, принимали участие в местной научной, общественной, культурной жизни. В немалой степени это было связано со статусом Томска как университетского центра Сибири. «С открытием в Томске академии генерального штаба научные силы группируются около академии и начинают оказывать заметное влияние на общественную жизнь г. Томска», — отмечал корреспондент одной из газет [48]. По словам генерала П.Ф. Рябикова, у преподавателей академии «с профессорами университета установились весьма добрые отношения и постепенно стали развиваться личные отношения» [7. С. 756].

Генерал-лейтенант А.И. Медведев, будучи делегатом съезда по организации Института исследования Сибири в январе 1919 г. в Томске, указал, в частности, на необходимость сотрудничества ученых в гражданской и военной сферах: «Сибирь очень мало исследована в военном отношении, и на это надо обратить должное внимание. За время господства большевиков все, что было собрано штабами военных округов, теперь уничтожено, и почти всю работу по составлению карт придется произвести заново» [48]. По решению съезда он был включен в состав статистико-экономического отдела созданного института. Сотрудником этого отдела состоял также генерал Г.Г. Христиани [16. С. 307; 49. С. 21].

Во время своего пребывания в Томске преподаватели академии активно занимались популяризацией военных знаний. Профессор М.А. Иностранцев прочитал цикл публичных лекций по истории только что закончившейся Первой мировой войны. Лекции собирали большое количество слушателей из всех слоев общества [48]. Его лекция «Германский империализм и пангерманизм как основные причины Великой Всемирной войны 1914-1918» печаталась с продолжением в номерах «Русской армии» с февраля по апрель 1919 г. Генерал-лейтенант Г.Г. Христиани читал лекции в Народном университете «по отделам международной политики и мирового хозяйства» [16. С. 307 (примеч.), 314]. Генерал А.И. Андогский выступал с аналитическими обзорами событий на фронте в газетах «Русская армия», «Сибирская жизнь» [50]. «Намечающееся проникновение военных в общественную жизнь Томска и всей Сибири только будет способствовать популяризации военных вопросов», - отмечал один из военных корреспондентов [Цит. по: 16. С. 314].

Генерал-майор М.А. Иностранцев принял непосредственное участие в организации Томского губернского

комитета помощи армии, а с 25 марта 1919 г. возглавил бюро комитета. В работе комитета наряду с представителями органов власти, общественных организаций, профессорами местных вузов участвовали также начальник Томского гарнизона, комендант города, генералы Военной академии Г.Г. Христиани и П.Ф. Рябиков [8. С. 228, 231–232, 237, 238]. Генерал А.Ф. Матковский являлся почетным председателем Общества помощи больным и раненым воинам. Контр-адмирал Е.В. Клюпфель входил в правление учрежденного осенью 1919 г. в Томске для борьбы с большевиками Братства св. Креста наряду с томским епископом Анатолием, профессором Ивановым и др. [Там же. С. 333].

При томском гарнизоне был создан отдел по внешкольному образованию и воспитанию войск, ставивший своей задачей «духовное развитие солдата и приобщение его к культурному творчеству нации» [11. 29 марта]. В апреле 1919 г., в бытность начальником гарнизона генерала Сергеева, в Томске был открыт гарнизонный театр-аудитория. На его открытии присутствовал находившийся в те дни в Томске премьерминистр Временного Российского правительства П.В. Вологодский [Там же. 7 мая].

Под руководством военных либо при их непосредственном участии в Томске проводились парады, устраивались торжественные молебны по случаю праздников, концерты. В частности, 25 мая 1919 г. чехословаки устроили празднование годовщины своего вооруженного выступления против советской власти. Состоялся парад войск Томского гарнизона, в котором приняли участие 7-й Чехословацкий и 1-й Югославянский полки, части 2-й Чехословацкой бригады, 12-й Сибирской стрелковой дивизии во главе с ее начальником генерал-майором Сергеевым, представители иностранных военных миссий, генералы-профессора академии Колюбакин, Иностранцев, командиры русских полков [Там же. 28 мая]. Спустя несколько дней, 30 мая, вновь состоялся парад чешских войск, на этот раз в честь прибытия в Томск генералов М. Жанена, Я. Сыровы и уполномоченного чешского военного министерства Б. Павлу [8. С. 271]. Еще один парад войск томского гарнизона, а также молебен и банкет состоялись 1 июня 1919 г. в связи с годовщиной освобождения Томской губернии от власти большевиков[Там же. С. 274]. Торжественные мероприятия, включая парад частей томского гарнизона, прошли 18 ноября 1919 г. по случаю годовщины провозглашения адмирала А.В. Колчака Верховным правителем России. В них приняли участие начальник гарнизона генерал А.Ф. Матковский, управляющий губернией Б.М. Михайловский, епископ Томский и Алтайский Анатолий, министр народного просвещения П.И. Преображенский, городской голова А.А. Грацианов [Там же. С. 343–344].

Запомнился горожанам «блестящий академический бал, о котором много говорил Томск как о самом выдающемся в сезоне». Один из его участников вспоминал: «Красиво и четко вырисовывались на фоне гир-

лянд и разных украшений бального зала туалеты дам и разнообразные формы офицеров. Мазурка, вальс и русские танцы затянулись до утра» [19. С. 679].

На заключительном этапе Гражданской войны большинство белых генералов покинули Томск. Декабрь 1919 г. стал роковым для 1-й Сибирской армии, основная масса солдат и офицеров которой перешла на сторону красных. Командарм генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев с остатками своих войск вынужден был в спешном порядке эвакуироваться на восток. Попавшие в плен генералы были в Томске расстреляны, в том числе председатель военно-следственной комиссии в армии А.В. Колчака генерал-лейтенант Е.Э. Трегубов, штаб-офицер для поручений при начальнике Артиллерийского управления белой армии генерал-майор Е.М. Римский-Корсаков, начальник Томского губернского управления государственной охраны генерал С.А. Романов [51. Т. 3. С. 28, 41, 270]. Умер в тюрьме врид инспектора артиллерии Омского военного округа генерал-майор К.Г. Козьмин [Там же. Т. 2. С. 98]. В 1920 г. в Томске были арестованы и в том же году расстреляны генерал-майоры Б.П. Богословский (бывший начальник штаба Сибирской армии, а затем Восточного фронта) и Н.П. Альбокринов [5. С. 413; 51. Т. 1. С. 44].

Трагичной оказалась судьба большинства других генералов, так или иначе связанных с Томском. В 1920 г. в Омске был расстрелян захваченный красными под Иркутском генерал-лейтенант А.Ф. Матковский. Впоследствии были репрессированы и погибли: Б.М. Колюбакин (в 1924 г. в Красноярской тюрьме), А.И. Медведев

(по некоторым данным – там же), А.Т. Антонович, Н.А. Эскин (в 1920–1921 гг. жил в Томске по подложным документам, расстрелян в 1937 г. в Новосибирске), А.Н. Пепеляев (расстрелян там же в январе 1938 г.).

Выбравшие эмиграцию генералы оказались разбросанными по разным странам и континентам. А.И. Андогский жил в Японии и Китае, в 1931 г. покончил жизнь самоубийством в Харбине. М.А. Иностранцев перебрался в Сербию, затем в Чехословакию и скончался в Праге в 1938 г. Там же в 1932 г. завершил свой жизненный путь П.Ф. Рябиков. Проживавший в Харбине Е.К. Вишневский, будучи арестован с приходом туда в 1945 г. советских войск, сгинул в ГУЛАГе.

Период Гражданской войны стал для Томска, таким образом, временем небывалого ранее скопления высших военных чинов. Пребывание на томской земле многочисленной «генеральской рати» (в течение полутора лет в разные месяцы свыше 30 человек) оказывало существенное влияние на военнополитическую обстановку, общественную жизнь как в самом городе, так и на территории Томской губернии. Будучи высшими военными должностными лицами, генералы прямо либо косвенно способствовали здесь милитаризации белой власти, предпринимали жесткие меры для сохранения и укрепления ее устоев. Вместе с тем пребывание в Томске элиты высшего офицерства, профессоров Военной академии Генерального штаба внесло некоторое разнообразие в научно-образовательную и культурную жизнь «Сибирских Афин».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Чернов К.А. Численность военного гарнизона г. Томска в последней четверти XIX начале XX вв. // Проблемы истории и исторического познания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.
- 2. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы : биобиблиогр. указатель. Томск : Ветер, 2012.
- 3. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
- 4. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918.
- 5. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.
- 6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54.
- 7. Рябиков П.Ф. В Военной академии // Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014.
- 8. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 3: Июнь 1918 декабрь 1919 г.
- 9. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : биогр. справочник. М. : Русский путь, 2003.
- 10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-537. Оп. 2. Д. 3а.
- 11. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
- 12. Тавров А. Письма из Томска (25 сентября 1919 г.) // Русская армия (Омск). 1919. 3 окт.
- 13. Томское пехотное училище. URL: http://towiki.ru/view/ (дата обращения: 01.04.2017).
- 14. Русский голос (Томск). 1919.
- 15. Вій. Томские будни // Родина (Томск). 1919. 10 нояб.
- 16. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014.
- 17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 147. Оп. 7. Д. 3.
- 18. Иванов Вс. В гражданской войне. Из записок омского журналиста. Харбин, 1921.
- 19. Т...г Б.Э. Лебединая песнь Военной академии (4-я ускоренная очередь) // Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014.
- 20. Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923.
- 21. Ганин А.В. Новые материалы об атамане А.И. Дутове // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015.
- 22. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг. : справочные материалы. М. : Русский путь, 2009
- 23. Кузьмин А. Чехословацкий легион, 1919 // Курган и курганцы. 2008. 3 фев. URL: http://kikonline.ru/newspaper_post/chehoslovatskiy-legion-1919/ (дата обращения: 12.11.2016).
- 24. Каминский В.В. От А.В. Колчака в Красную Армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального Штаба (Томск, апрель 1919 г.) // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 41. URL: http://istmat.info/files/uploads/39780/ot kolchaka v krasnuyu armiyu.pdf (дата обращения: 19.11.2016).

- 25. Авдеев В.В. Издательская деятельность Николаевской военной академии на территории «белой» Сибири // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : II Всерос. науч. чтения (21 дек. 2001 г.). Кемерово, 2002. С. 98–100. URL: http://history.kemsu.ru/oldversion/PUBLIC/read/s2/avd.htm (дата обращения: 18.09.2015).
- 26. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4.
- 27. ГА РФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4.
- 28. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008.
- 29. ГА РФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 2.
- 30. ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 75
- 31. Глос И. Чехословаки и Сибирская областная дума // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Т. IV.
- 32. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 1.
- 33. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47.
- 34. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917-1919 гг.): сборник документальных материалов. Томск, 1957.
- 35. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 4204. Оп. 1. Д. 36а.
- 36. Железнодорожник (Томск). 1918.
- 37. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 242.
- 38. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 81.
- 39. Историческая энциклопедия Кузбасса. Познань, 1996. Т. 1.
- 40. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 183.
- 41. Вестник Томской губернии. 1919.
- 42. Родина. 1990. № 10.
- 43. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5.
- 44. Сегодня (Томск). 1919.
- 45. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31.
- 46. Знамя революции (Томск). 1921.
- 47. ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 39.
- 48. Сажин А. Письмо из Томска (от собств. корр.) // Русская армия (Омск). 1919. 18 фев.
- 49. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. 16 сентября 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
- 50. Андогский А. Военный обзор // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 30 янв.; 2 фев.; 13 марта; 2, 4, 10, 25, 29 апр.; 4, 8, 28, 31 мая; 6, 7 июня и др.
- 51. Боль людская: книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х начале 1950-х гг.: в 3 т. / сост. В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

Larkov Nikolay S. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru.

ALL THE GENERAL'S MEN (TOMSK MILITARY AUTHORITY DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR)

Keywords: Civil War; militarization of the governance; Generals; the city of Tomsk.

The article's main goal is to deepen and enhance epyhistorical knowledge of the Siberian officer corps during the period of existence of the Anti-Bolsheviks governments in 1918–1919. The primary targets are the following: to specify the place and the role of the regional military elite in army—authority relationships; to identify the number and the quality of the higher command authority in Tomsk during the Russian Civil War; to describe the scope and the result of the military-organizational, socio-political activity of the Tomsk generals and to clarify their further destiny.

The author uses methods that are traditional for the historic research and the methods used in political studies such as structural-functional, institutional as well. The research is mainly based on the materials kept in two Russian central archives and two regional state archives, publications from periodicals, memoirs of the participants of the Civil War.

The research showed that during the military-revolutionary period, Tomsk was an important military and political center of Russia. The city's garrison was one of the largest in the east of the country. Until 1918 Tomsk's upper military echelons consisted mostly of colonels and lieutenant-colonels. There were very few generals. After the beginning of the Civil War their number increased sharply. The biggest reinforcement of the general officers happened when the commands and the headquarters of the 1st Middle Siberian Corps, the 1st Siberian Army, the Omsk military command region and of the Military Academy of the General Staff were settled there. During 1.5 years of "the White" rule in Tomsk more than 30 generals and one rear admiral (counter admiral) were there. Among them there were both old, pre-revolutionary generals, and those who were made generals when the Provisional Siberian Government and the Russian Provisional Government were in power. The relationships between generals of the "old school" and young generals were often tensed.

The author justifies that while the generals were in Tomsk, they were responsible for forming military units, for their armament, material supplies; they organized manpower training, inspection, etc. Their actions led to strengthening of the Anti-Bolsheviks forces with dozens of thousands of soldiers and officers. At the same time some generals headed the garrison of Tomsk, suppressed anti-governmental revolts not only in the city but far beyond its borders as well. Their activity was in line with the militarization of the "white" regime and with drawing the generals into politics. High ranking officers cooperated with Tomsk authorities and business community. Many generals-professors of the Military Academy of the General Staff participated in local scientific, social, cultural life.

After the Bolsheviks rule had been restored in Siberia, many generals who served in Tomsk, were taken captive and executed or died in Soviet prisons, some of them immigrated.

REFERENCES

- 1. Chernov, K.A. (2001) Chislennost' voyennogo garnizona g. Tomska v posledney chetverti XIX nachale XX vv. [The strength of the military garrison of Tomsk in the last quarter of the 19th early 20th centuries]. In: *Problemy istorii i istoricheskogo poznaniya* [Problems of History and Historical Knowledge]. Tomsk: Tomsk State University.
- 2. Yakovenko, A.V. & Gakhov, V.D. (2012) Tomskiye gubernatory [Tomsk Governors]. Tomsk: Veter.
- 3. Sibirskaya zhizn'. (1918)
- 4. Narodnaya Sibir'. (1918)
- 5. Simonov, D.G. (2010) Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 6. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 54.
- Ryabikov, P.F. (2014) V Voyennoy akademii [In the Military Academy]. In: Ganin, A.V. Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii 1914–1922 [The decline of the Nikolayev Military Academy in 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa.

- 8. Zinovyev, V.P. & Kharus, O.A. (2013) Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg. [Social and political life of Tomsk province in 1880–1919]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
- 9. Volkov, E.V., Egorov, N.D. & Kuptsov, I.V. (2003) Belyye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoy voyny [White generals of the Eastern Front of the Civil War]. Moscow: Russkiy put'.
- 10. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-537. List 2. File 3a.
- 11. Sibirskaya zhizn'. (1919)
- 12. Tavrov, A. (1919) Pis'ma iz Tomska (25 sentyabrya 1919 g.) [Letters from Tomsk (September 25, 1919)]. Russkaya armiya. 3rd October.
- 13. Towiki.ru. (n.d.) Tomskoye pekhotnoye uchilishche [Tomsk Infantry School]. [Online] Available from: http://towiki.ru/view/. (Accessed: 1st April 2017).
- 14. Russkiy golos. (1919)
- 15. Anon. (1919) Viy. Tomskiye budni [Viy. Tomsk everyday life]. Rodina. 10th November.
- Ganin, A.V. (2014) Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii 1914–1922 [The Decline of the Nikolayev Military Academy in 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa.
- 17. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 147. List 7. File 3.
- 18. Ivanov, Vs. (1921) V grazhdanskoy voyne. Iz zapisok omskogo zhurnalista [In the Civil War. From the notes of an Omsk journalist]. Kharbin: [s.n.].
- T...g, B.E. (2014) Lebedinaya pesn' Voyennoy akademii (4-ya uskorennaya ochered') [The swan song of the Military Academy (4th accelerated line)]. In: Ganin, A.V. Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii 1914–1922 [The Decline of the Nikolayev Military Academy in 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa.
- 20. Sakharov, K.V. (1923) Belaya Sibir'. (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.) [White Siberia. (The Internal War of 1918–1920)]. Munich: [s.n.].
- 21. Ganin, A.V. (2015) Novyye materialy ob atamane A.I. Dutove [New materials about Ataman A.I. Dutov]. In: Posadskiy, A. "Atamanshchina" i "partizanshchina" v Grazhdanskoy voyne: ideologiya, voyennoye uchastiye, kadry ["Atamanshchina" and "partisanship" in the Civil War: ideology, military participation, cadres]. Moscow: AIRO-XXI.
- 22. Ganin, A.V. (2009) Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoy voyny 1917–1922 gg.: Spravochnyye materialy [The corps of officers of the General Staff during the Civil War of 1917–1922: Reference materials]. Moscow: Russkiy put'.
- 23. Kuzmin, A. (2008) Chekhoslovatskiy legion, 1919 [The Czechoslovak Legion, 1919]. *Kurgan i kurgantsy*. 3rd February. [Online] Available from: http://kikonline.ru/newspaper_post/chehoslovatskiy-legion-1919/. (Accessed: 12th November 2016).
- 24. Kaminskiy, V.V. (2014) From Kolchak to the Red Army: The Career and Eventual Fate of the Graduates of the Junior Class of the "White" General Staff Academy's 4th Round of Accelerated Courses (Tomsk. April, 1919). Noveyshaya istoriya Rossii Modern History of Russia. 1(9). pp. 40–66. [Online] Available from: http://istmat.info/files/uploads/39780/ot_kolchaka_v_krasnuyu_armiyu.pdf. (Accessed: 19th November 2016). (In Russian)
- 25. Avdeyev, V.V. (2002) [Publishing activity of the Nikolaev Military Academy on the territory of the "white" Siberia]. *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Proc. of the Second Readings. Kemerovo. December 21, 2001. pp. 98–100. [Online] Available from: http://history.kemsu.ru/oldversion/PUBLIC/read/s2/avd.htm. (Accessed: 18th September 2015). (In Russian).
- 26. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 193. List 1. File 4.
- 27. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 189. List 1. File 4.
- 28. Gins, G.K. (2008) Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 [Siberia, the Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayris-press.
- 29. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 189. List 1. File 2.
- 30. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-72. List 1. File 75.
- 31. Glos, I. (1928) Chekhoslovaki i Sibirskaya oblastnaya duma [Czechoslovakia and the Siberian Regional Duma]. Vol'naya Sibir'. Vol. IV.
- 32. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-814. List 1. File 1.
- 33. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1362. List 1. File 47.
- 34. Flerov, V.S. (ed.) (1957) Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoy gubernii (1917–1919 gg.) [Struggle for the power of the Soviets in Tomsk Province (1917–1919)]. Tomsk: [s.n.].
- 35. Center for Documentation of Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). Fund 4204. List 1. File 36a.
- 36. Zheleznodorozhnik. (1918)
- 37. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 242.
- 38. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 81.
- 39. Mashkovskiy, V.P. & Khaliulin, G.G. (eds) (1996) Istoricheskaya entsiklopediya Kuzbassa [Historical Encyclopedia of Kuzbass]. Vol. 1. Kemerovo: Poznan'.
- 40. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1362. List 1. File 183.
- 41. Vestnik Tomskoy gubernii. (1919)
- 42. Rodina. (1990) 10.
- 43. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 193. List 1. File 5.
- 44. Segodnya. (1919)
- 45. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 33892. List 1. File 31.
- 46. Znamya revolvutsii. (1921)
- 47. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 1700. List 1. File 39.
- 48. Sazhin, A. (1919) Pis'mo iz Tomska (ot sobstv. korr.) [Letter from Tomsk (from own correspondent)]. Russkaya armiya. 18th February.
- 49. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. & Merkulov, S.A. (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the meetings of the board of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 50. Andogskiy, A. (1919) Voyennyy obzor [Military review]. Sibirskaya zhizn'. 30th January.
- 51. Uymanov, V.N. (2016) Bol' lyudskaya: Kniga pamyati zhiteley Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-kh nachale 1950-kh gg. [Human pain: A Book of Memory of Residents of Tomsk Region, repressed in the 1920s early 1950s]. Tomsk: Tomsk State University.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

УДК 39; 801.81

DOI: 10.17223/19988613/53/28

Н.А. Тучкова

ЭТНОГЕНЕЗ СЕЛЬКУПОВ С ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Анализируются подходы лингвистов и историков к классификации селькупского материала, а также предлагается авторская версия этноисторических процессов, приведших к формированию селькупоязычного населения в Нарымском Приобье, в основе которой лежит идея о двух самостоятельных древних группах в составе прасамодийцев (будущих «центральных» и «южных» селькупов). Обе группы разными миграционными путями осваивали Приобье: южные селькупы продвигались с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма; центральные, напротив, с истоков Чижапки, Чузика и Кенги через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада.

Ключевые слова: селькупы; этногенез; диалектно-локальные группы; диалектная классификация.

Анализ исследовательских подходов к классифицированию селькупского языкового и этнографического материала привел к важному выводу о том, что исследователи разных научных дисциплин - историки (археологи, этнографы) и лингвисты - неодинаково оценивают степень дифференциации селькупских данных. Для лингвистов установленным является факт наличия не единого селькупского языка, а языкового континуума, группирующегося в три диалектных ареала - южный, центральный и северный (тернарный подход) [1-6]. Сгусток северных диалектов возник позднее всех, и в его формировании принял участие, прежде всего, тымский говор центрального диалектного ареала. Таким образом, для лингвистов селькупы - это изначально достаточно автономные диалектно-локальные группы, язык которых объединен только «общей структурной моделью» [2. C. 43].

Историки (археологи, этнографы) всегда воспринимали селькупов состоящими из двух больших подразделений (бинарный подход): южных (нарымских) и северных (тазовско-туруханских), причем последних считали отделившимися от нарымских (т.е. предполагалась изначальная целостность селькупов, в рамках которой начали протекать процессы дивергенции, приведшие к появлению северных селькупов). Практически во всех энциклопедических и учебных изданиях их сообщество делят на «нарымских» и «северных», на «нарымских (среднеобских)» и «северных (тазовскотуруханских)» или на «южных» и «северных». Так, например, З.П. Соколова, предваряя свое исследование по этногенезу угров и селькупов, представила селькупов следующим образом: «Селькупы в настоящее время состоят из двух этнографических групп - северных (тазовско-туруханских) и южных, или нарымских» [7. С. 90]. Разницу между чумылкупами (носителями центральных диалектов) и сюссыкумами (южные диалекты) на уровне культурных реалий считают неглубокой.

Разные подходы к классифицированию селькупского материала предполагали построение принципиально разных гипотез о происхождении селькупов. Однако при этом наибольшую дискуссионность вызывал (и продолжает вызывать) не столько вопрос изначального единства или раздробленности древних селькупов, сколько вопрос об их автохтонности в пределах Нарымского края. Остроты и актуальности этой дискуссии добавляет проблема этнической принадлежности кулайской археологической общности, существовавшей в первой половине I тыс. н.э. на территории, частично совпадающей с ареалом расселения южных (южно-центральных) селькупов, каким он сформировался к середине II тыс. н.э. При этом все споры касаются только периода I тысячелетия; II тысячелетие вопросов не вызывает: все исследователи (и лингвисты, и археологи) едины во мнении, что в конце I – начале II тыс. группы селькупов уже точно населяли тот ареал, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства. Так, например, археологом А.И. Боборовой была выделена «нарымская археологическая культура», в IX-XVI вв. принадлежащая праселькупскому, с XVII в. – селькупскому населению [8. С. 79–86].

В ходе многолетней работы с селькупским этнографическим, лингвистическим, фольклорным и этноисторическим материалом у автора данной статьи сложилось свое видение этноисторического процесса. Автор подчеркивает, что выстраиваемая этноисторическая картина отражает историю формирования только тех сообществ, которые были носителями селькупского языка, т.е. историю формирования селькупоязычного населения, приведшего к той этнической ситуации в Нарымском Приобье, которую застали исследователи XIX–XX вв. Большое влияние в этом вопросе на автора оказали данные по селькупской диалектологии: в частности, опираясь на мнение лингвистов — А.П. Дульзона и С.В. Глушкова — о двух древнеселькупских диалек-

154 Н.А. Тучкова

тах, автор также считает, что внутри самодийского ареала с прасамодийского этапа сформировалось две группы селькупов (будущие «центральные» и «южные» селькупы). С.В. Глушков, вслед за Е.А. Хелимским, датирует период распада прасамодийцев рубежом эр [9. С. 27; 10. С. 408]. После распада у этих групп, возможно, не было единого общего праселькупского этапа или он был весьма кратким — длительность этого этапа вызывает дискуссии.

По предположению автора данного исследования, одна из этих групп по Кети проникает в Приобье, затем осваивает, помимо Кети, обское пространство между верхним устьем Кети и устьем Чулыма, тем самым формируется группа южных селькупов – сюссыкумы.

Представители другой группы проникают в Нарымское Приобье с истоков Чижапки, Парабели (рек Кенги и Чузика) и Чаи (реки Парбига, Евга) и в процессе освоения промысловых угодий на притоках они выходят к Оби с запада по Васюгану, Парабели. Таким образом, из левобережного населения формируются чумылкупы. Часть населения, вышедшего с Васюгана на Обь, перешло на Тым. Об этом красноречиво свидетельствуют названия селькупских поселков — топономическая модель этих названий едина для жителей Кенги, Чижапки и Тыма [11. С. 113—122].

Кроме того, в Приобье, выше устья Чаи, формируются «крайне южные» селькупы. Данное мнение основывается на предположении Е.А. Хелимского, который, опираясь на материалы Г. Миллера, А. Кастрена, К. Доннера, Н. Григоровского, предусматривал внутри южной группы диалектов особую диалектную подгруппу «крайне южных диалектов» – ныне исчезнувших – чулымский, чаинский и «верхнеобской» / «томский», отмеченные в материалах. Как вероятный ареал распространения «крайне южных» диалектов селькупского языка Е.А. Хелимский предлагает рассматривать юг Томского Приобья («вплоть до примыкающих к Томской области Мариинского и Яшкинского р-нов Кемеровской области») [12. С. 27].

Это фактически может говорить о возможном наличии в прошлом четвертого диалектного ареала — «крайне южного» или о процессе дивергенции «южного» ареала и выделении из него «крайне южной» части. Вопрос о направленности лингвистических процессов на селькупском юге — дивергенции «крайне южных» от других южных диалектных подразделений или, напротив, слиянии, сближении бывшего четвертого «крайне южного» ареала с остальным южным ареалом — на сегодняшний день является слабоизученным и остается открытым.

Можно предположить, что «крайне южные селькупы» явились еще одной волной исхода самодийцев (в языковом отношении очень близких к «южным» селькупам) с их самодийской прародины, и эта группа вышла в Приобье с востока не по Кети, а, возможно, через Томь, спустилась вниз по Оби и локализовалась в пространстве между устьями Чаи, Чулыма, Шегарки и Томи. Или же эта группа формировалась как обособляющаяся часть от сюссыкумов, поднявшаяся по Оби вверх от верхнего устья Кети до устьев Чулыма и Томи (подробнее см.: [12, 13]).

Именно это население освоило нижнее и среднее течение р. Чаи, и относительно одной из подгрупп этого населения в XVIII в. (1740 г.) Г. Миллером было записано родовое название Кünku. Так, Г. Миллер пишет буквально следующее: «Вдоль Чаи, от устья и до [рч.] Музура [Бакчара], а также на ½ дня пути вверх по Музуру живут остяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род Künku-аimak» [14. С. 182]. К сожалению, именно эта группа осталась практически не исследованной в этнографическом плане; в лингвистическом плане — это материалы Н.П. Григоровского [15, 16].

Низовья Чулыма осваивались селькупоговорящим населением с Оби, и, как писал Г. Миллер, именно жители Кортульской волости на Оби считали «своей собственностью» угодья в низовьях Чулыма «на 1,5 дня пути на маленьких лодках вверх против течения»; «некоторые немногие семьи из них также имеют здесь коегде жилища» [14. С. 178].

При этом на Оби сформировалось несколько контактных зон.

А) Между верхним и средним устьем Кети появилась зона контакта между чумылкупами и сюссыкумами (шло формирование шешкупов, однако этот процесс не был завершен ни в языковом плане, ни в плане этнографическом, иначе и диалектные особенности группы, и ее этнокультурная специфика были бы выявлены более четко). Причем в основе шешкупов находилась наиболее ранняя из вышедших на Обь подгрупп сюссыкумов (имевшая ў вместо s в анлауте).

Б) В районе Сондорово и Тайзаково также сложилась зона активного смешения между «крайне южными» и южными сюссыкумами, с одной стороны, и формирующимися шешкупами — с другой. В этом ареале были, вероятно, и вкрапления левобережных чумылкупов, вышедших с истоков Чаи — рек Парбиги и Евги. Е.А. Хелимский предлагал некоторые говоры на Оби между Нарымом и Колпашево (нарымско-обские), а также на Нижней Кети (кетско-обские) считать «переходными», или смешанными [12. С. 24–25; 17. С. 23].

Гипотетически самодийский ареал, из которого «выдвинулись» две группы будущих селькупов, можно было бы разместить южнее устья Томи. Возможно, в качестве места исхода для «южных» селькупов (сюссыкумов) можно рассматривать территорию среднего течения Томи (в пределах таежной (южно-таежной) зоны, но до предгорий Алтая), где позднее фиксируются шорцы. Однако более корректно было бы искать подобный ареал ближе к Енисею, и, вероятно, он должен включать в себя истоки р. Кети. Так, Е.А. Хелимский район «исходного расселения» селькупов видел в «треугольнике Томск-Красноярск-Енисейск» [9. С. 28]. Кроме того, по природно-климатическим харак-

теристикам этот ареал должен очень походить на территорию Нарымского Приобья — иметь развитую речную сеть (все селькупские группы формировались как рыболовы).

Для «центральных» селькупов (чумылкупов), возможно, такой территорией «исхода» могла бы стать лесостепь в районе Северной Барабы. Не случайно именно этот ойконим (сельк. Параба) так распространен в обском «чумылкупском» левобережье – крупные реки Парабель (по форме – фактически адъектив от слова Параба), Парбига (а также Род *Parbe*, который в XVIII в. зафиксировал Г. Миллер на истоках Чаи) [14].

Сдвигалось самодийское население из более южных широт, вероятнее всего, под натиском тюрков; волны тюркизации могли бы хронологизировать этот процесс. Таким образом, опираясь на лингвистические, исторические и фольклорные материалы, автор предлагает картину формирования селькупов, в основе которой лежит идея о двух самостоятельных древних группах в

составе прасамодийцев (будущих «центральных» и «южных» селькупов). Обе группы разными миграционными путями осваивали Приобье: южные селькупы продвигались с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма; центральные, напротив, с истоков Чижапки, Чузика и Кенги через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада.

Следует учитывать присутствие еще одной группы – «крайне южных селькупов», которая, вероятно, осваивала Нарымское Приобье с юга, спустившись по Оби от устья Томи вниз до устья Чаи и Чулыма. Вероятно, именно это «встречное» движение по Оби создало ту зону интенсивного смешения языковых и культурных данных в пространстве между верхним устьем Кети, устьями Чаи и Чулыма, которую зафиксировали исследователи XIX—XX в.

В конце I – начале II тыс. группы селькупов уже прочно закрепились в том ареале, в пределах которого их застали первые письменные свидетельства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Л., 1935. Т. IV, вып. 1. С. 5, 7.
- 2. Dulson A. Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhaltnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7. № 1. С. 35–43.
- Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978.
   P 77–104
- Хелимский Е.А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Dialectologia Uralica. Erstes Internationales Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen. Hamburg, 1984. С. 44–46.
- 5. Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.
- 6. Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 49–63.
- 7. Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 89–117.
- 8. Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Боброва А.И., Рыкун М.П. и др. Нарымское Приобье во ІІ тысячелетии н.э. (X—XX вв.). Томск, 2016. С. 7–117.
- 9. Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика : лекции и статьи. М., 2000. С. 26—40.
- Глушков С.В. О древнем периоде и праистории селькупского языка // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 405–409.
- 11. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
- 12. Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1988. 47 с.
- 13. Тучкова Н.А. «Крайне южные» селькупы // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования : сб. трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск : Изд-во Томю гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 205–223.
- 14. Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 172–186.
- 15. Григоровский Н.П. Азбука сюссогой гулани / сост. Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879.
- 16. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Bearbeitet und herausgegeben von E. Helimski. Hamburg, 2007.
- 17. Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка: введение // Морфология селькупского языка. Южные диалекты / Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.

Tuchkova Natalia A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natatutschkova@yandex.ru

THE ETHNOGENESIS OF THE SELKUP PEOPLE FROM THE LINGUISTIC AND ETHNOHISTORICAL POINT OF VIEW

Keywords: Selkups; ethnogenesis; dialect-local groups; migration routes.

The article analyzes the approaches of the linguists and historians to the classification of the Selkup data. It is indicated that linguists present the Selkup language in the form of a lingual continuum, grouped into three dialect areals – Southern, Central and Northern (ternary approach); whereas historians traditionally present the Selkup people divided into two groups – the Southern (Narym/ Middle Ob) group and Northern (Taz-Turukhansk) group. In addition, the article suggests the author's version of ethnohistorical processes that led to the formation of the Selkup-speaking population in the Narym region, which is based on the idea of the existence of two ancient groups of Proto-Samoyed people, who led to the formation of the future "Central" and "Southern" Selkup people.

After the disappearance of the Proto-Samoyed community, these groups probably did not have one common Proto-Selkup period or it was very short – the duration of this period is disputable among linguists.

Both groups by means of different migration routes explored the Ob region: the Southern Selkup group moved from the Upper Ket to the Ob and along the river up to the mouth of the Chulym river; the Central group, on the contrary, moved from the riverhead of the Chizhapka, Chuzick and Könga across the river Vasyugan and Parabel and came to the Ob from the West. It is proposed to take into

156 Н.А. Тучкова

account the existence of another group – so called "Highly Southern Selkup people", who probably explored the Narym region from the South

This opinion is based on the assumption of E. A. Helimsky, who on the basis of the materials by G. Müller, A. Castrén, K. Donner, N. Grigorovsky, assumed within southern dialectal group a special subgroup which can be called "extremely southern dialectal group" including now extinct Chulym, Chaya and Upper Ob / Tomsk dialects of the Selkup language. In addition, the formation of several contact zones is assumed: on the river Ob between the upper and the middle river mouth of the river Ket – the territory of the contacts between the Chumylkup and Süssykum people (formation of the Shöshkup group); in the area of Sondorovo and Tayzakovo – the zone of the active mixtures between the "Highly Southern" and the Southern Süssykum people on the one hand, and the forming Shöshkup group on the other.

The author suggests the hypothesis that the Samoyed area from which two groups of the future Selkups "moved forward" was the territory further south of the mouth of the river Tom. Perhaps, as a place of the "initial areal" for the "South" Selkup people (Süssykum) the territory of the middle reaches of the Tom river (in the limits of the taiga (southern taiga) zone can be considered, but to the foothills of the Altai), where Shor people lived later. However, it would be more correct to look for such an areal closer to the Yenisei, and probably it should include the sources of the Ket river, the territory which linguists considered to be the "initial areal" of the Selkups.

REFERENCES

- 1. Prokofyev, G.N. (1935) *Sel'kupskaya (ostyako-samoyedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North. pp. 5–7.
- 2. Dulson, A. (1971) Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhaltnis zu den alten Volkstumsgruppen [On the spatial structure of the Selkups in their relation to the old national groups]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye*. 7(1). pp. 35–43.
- Janurik, T. (1978) A szölkup nyelvjárások osztályozásához (Klassifizierung der sölkupischen Dialekte) [Classification of the Selkup dialects]. Nyelvtudományi Közlemények. 80. pp. 77–104.
- 4. Khelimskiy, E.A. (1984) *Kriterii klassifikatsii dialektov sel'kupskogo yazyka* [Criteria for classification of dialects of the Selkup language]. Hamburg: [s.n.]. pp. 44–46.
- Khelimskiy, E.A. (1985) K istoricheskoy dialektologii sel'kupskogo yazyka [Towards historical dialectology of the Selkup language].
   In: Khelimskiy, E.A. et al.. Leksika i grammatika yazykov Sibiri [The lexicon and grammar of Siberian languages]. Barnaul: GPI. pp. 42–58.
- 6. Glushkov, S.V., Baydak, A.V. & Maksimova, N.P. (2011) Dialekty sel'kupskogo yazyka [Dialects of the Selkup language]. In: Tuchkova, N.A. et al. Sel'kupy: ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka [Selkups: essays of traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 49–63.
- 7. Sokolova, Z.P. (1980) K probleme etnogeneza obskikh ugrov i sel'kupov [On the ethnogenesis of Ob-Ugric and Selkup]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Etnogenez narodov Severa* [The ethnogenesis of the peoples of the North]. Moscow: Nauka. pp. 89–117.
- 8. Bobrova, A.I. (2016) Narymskoye Priob'ye v epokhu razvitogo i pozdnego srednevekov'ya (arkheologicheskiy ocherk po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The Narym Ob' region in the epoch of developed and late middle ages (archaeological essay)]. In: Bobrova, A.I., Rykun, M.P. et al. *Narymskoye Priob'ye vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [The Narym Ob region in the II Millennium BC (the 10th–20th centuries)]. Tomsk. pp. 7–117.
- 9. Khelimskiy, E.A. (2000) *Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative studies. The Uralic studies. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 26–40.
- 10. Glushkov, S.V. (2010) O drevnem periode i praistorii sel'kupskogo yazyka [On the ancient period and prehistory of the Selkup language]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in historical context]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 405–409.
- 11. Tuchkova, N.A. (2014) Sel'kupskaya oykumena. Obzhitoye prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp [Selkup oecumene. Habitable space of Selkups of Southern and Central dialect groups]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
- 12. Khelimskiy, E.A. (1988) *Istoricheskaya i opisatel'naya dialektologiya samodiyskikh yazykov* [Historical and descriptive dialectology of the Samoyedic languages]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tartu.
- 13. Tuchkova, N.A. (2008) "Krayne yuzhnyye" sel'kupy ["Extremely southern" Selkups]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and Ethnography of Ob' region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 205–223.
- 14. Miller, G.F. (1996) Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera [Siberia of the 18th century in the travel descriptions of G.F. Miller]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 172–186.
- 15. Grigorovskiy, N.P. (1879) *Azbuka syussogoy gulani. Sostavlena N.P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraya* [The alphabet is the sussogoy gulani. Compiled by N.P. Grigorovsky for the natives of the Narym region]. Kazan: [s.n.].
- 16. Grigorovskiy, N.P. (2007) Yuzhnosel'kupskiy slovar' N.P. Grigorovskogo [Southern Selkups dictionary by N. Grigorovski]. Hamburg: Inst. für Finnougristik.
- 17. Bekker, E.G. (1995) Dialektnoye chleneniye sel'kupskogo yazyka [The dialectal division of the Selkup language. Introduction]. In: Bekker, E.G., Alitkina, L.A., Bykonya, V.V. & Ilyashenko, I.A. Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyye dialekty [Morphology of Selkup language. Southern dialects]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp.17–24.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930.1:271.2"19" DOI: 10.17223/19988613/53/29

А.А. Мицук

«НА ВСЕ ЕСТЬ СВОИ СПЕЦИАЛИСТЫ»: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТАРООБРЯДЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА И.Ф. НИЛЬСКОГО

Статья посвящена особенностям развития нового направления церковно-исторической науки в Санкт-Петербургской духовной академии второй половины XIX столетия — «расколосектанству». На материалах биографии и основных научных работ профессора И.Ф. Нильского выявлен процесс становления православного историка в качестве эксперта по церковному расколу, несогласного с резко негативной оценкой господствующей церкви оппозиционных религиозных течений, в том числе староверия. На примере корпуса рецензий И.Ф. Нильского установлено, что на начальном этапе формирования новой научной дисциплины научная критика способствовала повышению качества публикаций по теме и стала одним из условий формирования экспертного сообщества. специализирующегося на исследовании перковного раскола.

Ключевые слова: И.Ф. Нильский; старообрядчество; церковная историческая наука; научная экспертиза в религиоведении.

Развитие церковно-исторической науки в духовных академиях второй половины XIX в. невозможно представить без рассмотрения появившейся в это время новой учебной дисциплины — «расколосектанства». Именно в рамках богословского образования все более утверждалась идея о специальном изучении старообрядчества, которое имело бы не только теоретикометодологическое, но и прикладное значение. Желаемый результат введения науки, постигающей церковный раскол во всем его многообразии, виделся церковно- и священнослужителям в сглаживании негативных последствий, которые накопились в течение двух веков после проведения патриархом Никоном реформ в богослужении [1. С. 6].

Процесс преобразования духовных академий сегодня вновь актуализировал вопрос о включении в учебные планы курса расколоведения как обязательного при подготовке высших церковных кадров. В связи с этим важно обратить внимание на ранее приобретенный опыт, в частности на становление и расцвет данной богословской отрасли науки в дореволюционной России.

Одним из возможных подходов к рассмотрению формирования истории и обличения церковного раскола — неотъемлемой научной дисциплины в высшей и средней духовной школе Российской империи — является реконструкция исторической биографии, которая, по определению известного историка Л.П. Репиной, может выступать не только как цель исследования, но и как «сама история, показанная через личность» [2. С. 288]. Представляется необходимым рассмотреть жизнь и творчество профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Федоровича Нильского (1831—1894), занимавшего кафедру истории и обличения русского раскола почти с самого основания этой структуры вплоть до своей кончины.

Востребованность научного наследия И.Ф. Нильского в настоящее время подтверждают работы Е.В. Головань [3], Н.С. Гурьянова [4], А.П. Веселова [5], К.А. Кузоро [6] и др. Отдельно стоит выделить биобиблиографическую статью Д. Залетова, в которой исследователь приходит к выводу, что труды церковного историка «...несомненно, ждут своего изучения и анализа, тем более что вопрос происхождения и развития старообрядчества, а также диалог со староверами актуален и в наши дни» [7]. Соответственно, целью данной статьи является составление научной биографии профессора И.Ф. Нильского с последующим разбором его основных работ.

И.Ф. Нильский родился в 1831 г. в бедной семье сельского диакона псковской епархии. Получив первоначальное домашнее образование, он проходит классический путь детей священнослужителей – духовное училище, затем духовная семинария. Обучаясь в псковской семинарии, он обрел особое расположение епископа рижского Платона (позднее митрополит Киевский и Галицкий). В частности, своим авторитетом епископ спас его от исключения за нарушение правил внугреннего распорядка [8. С. 515–516]. Успешно окончив семинарию в 1853 г., И.Ф. Нильский как лучший студент был отправлен за казенный счет для дальнейшего получения богословского образования в Санкт-Петер-бургскую духовную академию [9. С. 189–190].

Важно отметить, что в 1855–1856 учебном году происходят существенные изменения в преподавании. Например, в число изучаемых студентами учебных предметов включается учение о русском расколе. Более того, по распоряжению митрополита Григория (Постникова) с 1857 г. этот предмет становится самостоятельной дисциплиной и ведется одним преподавателем, а не несколькими, как было ранее, что должно было

158 А.А. Мицук

повысить качество преподавания [10. С. 28]. В этом же году на открытую кафедру был отправлен инспектор Смоленской семинарии архимандрит Викторин Любимов. Однако еще до его назначения с разрешения митрополита Григория (Постникова) и тогдашнего ректора Санкт-Петербургской духовной академии епископа Винницкого Макария (Булгакова) чтение лекций по этому предмету было поручено только что окончившему академический курс И.Ф. Нильскому. Для этой ситуации нашлось «соломоново решение»: В. Любимов был переведен на вакантную должность инспектора академии, а И.Ф. Нильский с 11 ноября 1857 г. определен преподавателем кафедры и после шести лет работы получил звание экстраординарного профессора [8. С. 516; 10. С. 45].

Чем же заслужил И.Ф. Нильский такую благосклонность со стороны высших церковных лиц? Видимо, главная причина столь уважительного отношения к его персоне заключалась в написании магистерского сочинения «Об антихристе против раскольников» (1857) [11], которое стало первым полемическим произведением по данному вопросу, высоко оцененным в церковном научном сообществе. Это подтверждает ее публикация в 1859 г. и отзывы рецензентов: «...полнота в исследовании предмета, добросовестный и терпеливый труд в подборе мельчайших частей раскольнического учения, умение удачно воспользоваться ими как для изучения раскольнического учения об антихристе, так и для опровержения его, выбирать из них все нужное для целей книги - вот главные достоинства теоретико-полемической части сочинения» [7].

На следующем этапе изучения старообрядчества И.Ф. Нильский посчитал необходимым рассмотреть «интимные стороны раскольнической жизни, ознакомиться с внутренними движениями в расколе, вывести на свет раскольническую доктрину в ее историческом развитии» [12. Т. 1. С. 12], вследствие чего объектом нового исследования становился брак и семья старообрядцев. Стоит заметить, что на выбор темы повлияли проходившие в то время дискуссии о гражданском браке. Итогом ее научного осмысления стала диссертация на степень доктора богословия И.Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе» (1869), изданная в 2 томах и охватывающая период от начала церковного раскола до конца царствования императора Николая I [13, 14].

Получение высшей ученой степени в системе духовного образования в дальнейшем позволило И.Ф. Нильскому получить звание ординарного профессора академии [12. Т. 1. С. 14]. По регламенту утвержденного Устава духовных академий от 1869 г. степень доктора богословия присуждалась только после обязательной публичной защиты диссертации [15. С. 145—146]. Именно И.Ф. Нильский становится первым преподавателем церковно-исторического отделения, удостоенным степени доктора по результатам защиты своего сочинения в 1870 г. перед многочисленными слушателями [10. С. 121—122].

В дальнейшем направление научной деятельности И.Ф. Нильского значительно изменилось. Им было издано множество статей исторического, библиографического и в основном критического характера в различных журналах: «Христианское чтение», «Церковный вестник», «Странник» и др. [7]. Однако его ученик, известный к тому времени профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский, отрицательно оценивает работы, написанные им после «Семейной жизни в русском расколе»: «К сожалению, должно сказать, что и вообще интерес [И.Ф. Нильского] к разработке внутренней исторической жизни раскола как-то потерялся. Попадались и попадаются, конечно, в периодических изданиях небольшие отрывочные статейки, но они проходили бесследно и на общее направление исторической науки о расколе влияния не имели» [12. Т. 1. С. 15].

Действительно, И.Ф. Нильский в дальнейшем не публиковал больших научных трудов по истории староверия, но и занижать его роль в науке после 60-70-х гг. XIX столетия не следует. Причина, по которой И.Ф. Нильский переориентировался на написание критических заметок, связана с появлением большого количества работ по старообрядчеству светских и церковных лиц, нередко допускающих ошибки и неточности разного характера: исторические, логические или лингвистические. Такие труды, по его мнению, могли подрывать авторитет официальной церкви и давать староверам аргументы для полемики с православными миссионерами. Профессор И.Ф. Нильский посчитал своим долгом в новых сочинениях о церковном расколе не скрывать, а прямо указывать на допущенные ошибки, тем самым пытаясь показать старообрядцам, что эти недостатки относятся к отдельным исследователям и не должны переноситься на православную церковь в целом [16. С. 313-314].

Основополагающим методом И.Ф. Нильского для выявления некачественных работ по истории староверия становится критика, цель которой «состоит в том, чтобы, показав недостатки рассматриваемого сочинения, установить правильный взгляд на предмет его и наметить по возможности те его стороны, которые почему-либо требуют преимущественного раскрытия и уяснения» [Там же. С. 317-318]. Примечателен тот факт, что в написании критических заметок профессор добился ощутимых высот: например, за рецензию на сочинение профессора Московской академии Н.И. Субботина, написанную по поручению Академии наук в 1875 г., он был удостоен золотой Уваровской медали [10. С. 152].

Преподавательская нагрузка И.Ф. Нильского на кафедре истории и обличения русского раскола в течение 37 лет состояла в чтении лекций по «расколосектанству» студентам старших курсов. Аудитория профессора, по утверждению его учеников, всегда была полна слушателей [12. Т. 1. С. 6–7], а сами лекции «отличались богатством новых сообщаемых сведений, простотой и живостью изложения» [17. С. 515]. Отличитель-

ная черта изложения материала И.Ф. Нильским – приведение многочисленных примеров в ходе занятия [7]. Такой способ чтения лекций позволял, во-первых, лучше раскрывать теоретические основы предмета и, вовторых, включать студентов в обсуждение спорных и неоднозначных случаев из истории церковного раскола.

В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии до сих пор хранится немало студенческих конспектов лекций И.Ф. Нильского разных лет, отпечатанных литографическим способом [7]. Скорее всего, желание слушателей в таком массовом распространении материала обусловлено тем, что преподаваемый предмет во всех духовных академиях еще не был окончательно сформирован, а получение положительной отметки предполагало знание и понимание фактов, постоянно корректируемых и дополняемых профессором.

В отчете ревизии Санкт-Петербургской духовной академии 1875 г. уже в сане архиепископа Виленского и Литовского Макарий (Булгаков) оставляет лестный отзыв о профессионализме И.Ф. Нильского, но при этом указывает, что, следуя учебному плану, он едва успевает прочесть в лекционном формате только одну часть своей дисциплины – историю церковного раскола [18. С. 378].

Однако нехватка времени при изложении студентам полного курса была проблемой не только И.Ф. Нильского, но и всей преподавательской корпорации академии. В значительной степени, как показала ревизия, возникшая трудность связана с уже не соответствующим реалиям распределением часовой нагрузки между обязательными и специальными предметами по Уставу духовных академий 1869 г. К примеру, наставники церковно-исторического отделения, к которому был прикреплен И.Ф. Нильский, требовали исключения метафизики из числа общеобязательных курсов из-за «перегруженности» студентов [Там же. С. 398].

Помимо учебной и научно-исследовательской нагрузки И.Ф. Нильский занимал служебные посты в стенах «alma mater». Так, имея ученую степень магистра, он несколько лет (1858–1860) трудился в качестве помощника инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, а с сентября 1878 г. в течение семи лет был полноправным ее инспектором [8. С. 516]. В воспоминаниях его ученик - профессор А.А. Бронзов, отмечая строгость и принципиальность И.Ф. Нильского, пишет: «Если кому-либо нужно было сходить в лекционные часы... в город, то такой обычно уходил по Обводному каналу, не решаясь пройти мимо окон инспекторской квартиры из боязни попасть на глаза бдительному И.Ф. Нильскому или "в объятия" самому ректору...» [7]. К тому же занимаемая должность инспектора автоматически вводила И.Ф. Нильского в состав Правления Санкт-Петербургской духовной академии [10. С. 114], занимавшегося преимущественно хозяйственными вопросами: составлением смет, управлением собственностью, поддержанием чистоты в зданиях и т.д. [18. С. 391].

По указу Святейшего Синода от 31 июля 1869 г. И.Ф. Нильский с М.О. Кояловичем были назначены в Совет академии, где они отвечали за воспитательную и учебную функции студентов церковно-исторического отделения [10. С. 134]. Кроме того, члены Совета академии на заседаниях, которые проходили еженедельно, а иногда и дважды в неделю, обязывались решать важные вопросы жизнеобеспечения и развития академии [18. С. 391].

Высшее начальство Санкт-Петербургской академии осознавало, что главной движущей силой образовательного и научного потенциала являются ее учащиеся, поэтому в 1877 г. учредило Общество вспомоществования недостаточным студентам, оказывающее помощь студентам деньгами, вещами, частичной оплатой аренды жилья и т.д. Бюджет организации в основном состоял из пожертвований академических периодических изданий и преподавателей академии, которых нередко поощряли за благотворительность. И.Ф. Нильский оказался в числе тех, кто по распоряжению Св. Синода в 1881 г. был награжден за свою благотворительную деятельность грамотой [10. С. 183–184], а через два года на основании 9-го параграфа Устава 1869 г. «за особые труды по делам общества» был избран в его почетные члены [19. С. 12].

Кроме того, И.Ф. Нильский участвовал в работе разобщественно-религиозных объединений, например отдела Общества любителей духовного просвещения, открытого в столице в 1872 г. Предполагалось, что образованная организация, в которую входили священнослужители, светские лица и преподаватели академии, через лекционную и издательскую деятельность сможет вызвать интерес в православном обществе к религиозным вопросам [10. С. 164–165]. И.Ф. Нильский не раз выступал с докладами, посвященными истокам разногласий между старообрядцами и православной церковью в России. Так, на заседаниях Общества в течение января-марта 1872 года один из защитников старообрядцев Т.И. Филиппов сделал три сообщения о единоверии и его проблемах. Ответной реакцией на них, кроме коротких критических замечаний профессоров И.А. Чистовича, И.В. Чельцова и протоиерея И.В. Васильева, были «пространные и веские» возражения И.Ф. Нильского. Дискуссии между Т.И. Филлиповым и И.Ф. Нильским о трудностях единоверия в прошлом и современности возобновились в отделе общества через два года – в феврале и марте 1874 года [7].

В связи с большой учебной и административной нагрузкой у И.Ф. Нильского появляются проблемы со здоровьем. В июле 1885 г. он по собственному прошению освобождается от исполнения обязанностей инспектора и члена Правления академии [10. С. 200] и посвящает освободившееся время преподаванию истории и обличения русского раскола. Тем не менее его состояние продолжало ухудшаться, и несколько месяцев в 1893 г. он пролежал с тяжелой болезнью – пороком сердца. Восстановив силы, И.Ф. Нильский возвращается в академию и принимает летние экзамены у студентов – уже последних в его жизни [8. С. 515–516].

160 *А.А. Мицук*

Причина, по которой он оттягивал отставку, несмотря на ухудшающееся самочувствие, заключалась в размере пенсионного обеспечения преподавателей духовных академий тех лет. Для профессора И.Ф. Нильского, «завоевавшего трехтысячное жалованье», это означало переход «на скудную пенсию в какую-нибудьтысячу рублей, следовательно, из относительного довольства к бедности и недостаткам» [8. С. 517]. Нужда в материальном обеспечении заставляла его трудиться в духовной академии до конца жизни.

Рассмотрим основные труды И.Ф. Нильского в хронологической последовательности, чтобы показать развитие и динамику его представлений, связанных с изучением старообрядчества.

Еще в студенческие годы И.Ф. Нильский пишет свое первое крупное сочинение «Об антихристе против раскольников» (1859) [20], которое было посвящено эсхатологическому сознанию староверов. Во введении к этой работе автор излагает суть и историю формирования старообрядческого учения об антихристе. Затем И.Ф. Нильский выделяет составные части этого учения - «ложные мнения», которые в дальнейшем опровергает одно за другим. Свою задачу автор видит в выработке стратегии, которая поможет вести полемику со старообрядцами по вопросу о сущности антихриста [6. С. 148-149]. По его замыслу, следовало сначала опровергнуть основные характеристики антихриста («о лице антихриста; об образе рождения матери, от которой он родится; о продолжении царства антихриста на земле»), а потом «прямые и положительные доказательства раскольников, которые они приводят в подтверждение той главной мысли, будто антихрист уже царствует в мире» [21. С. 116].

Особое значение И.Ф. Нильский придавал источникам, на которых строил свои рассуждения о несостоятельности старообрядческого учения об антихристе. Понимая, что в полемике со староверами следует использовать определенную литературу, автор предлагает привлекать следующие источники: а) старопечатные книги и рукописи XI-XVI вв., созданные до реформы патриарха Никона и содержащие старославянские переводы свидетельств св. отцов; б) особо уважаемые староверами издания – Кириллову книгу, Книгу о вере, Большой и Малый катехизис и др. [20. С. 29]. Проявляя внимательное отношение к историческим источникам и избегая двусмысленных интерпретаций, И.Ф. Нильский изучает тексты, трактуя которые староверы приходили к оригинальным выводам. Историк приходит к заключению, что рассматриваемое учение старообрядцев содержит в себе множество противоречивых суждений и аргументов, следовательно, не является истинным [6. С. 148–149].

В сочинении «Об антихристе против раскольников» важное место И.Ф. Нильский отводит обличению трактовок старообрядцев об антихристе, а не научному осмыслению этого учения, как это было сделано, например, в работе Н.С. Гурьяновой [22]. Однако из-за

отсутствия трудов православных ученых по этой теме до середины XIX в., рассматриваемая студенческая диссертация после публикации получила признание и послужила отправной точкой в становлении И.Ф. Нильского как эксперта по церковному расколу.

В совершенно другой манере написана небольшая по объему брошюра И.Ф. Нильского «Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней» (1863) [23], где он отмечает отсутствие обсуждения в современной ему литературе вопросов, касающихся взглядов староверов «на разные житейские предметы» и ставит целью своего сочинения показать «воззрения раскольников на разного рода существующие в православном обществе обычаи и порядки жизни - без отношения к тому, что во взгляде раскольников есть справедливого и что должно быть признано плодом их неразвитого ума или запуганного воображения». Историк рассматривает взгляды старообрядцев на такие элементы общественной и политической жизни, как медицина, светская литература, современнаяю мода, устройство судов, полиция, паспорта, проведение народной переписи. В этом произведении автор подолгу не задерживается на каждом из предметов и не изучает все аспекты того или иного воззрения. Его сочинение, носящее просветительский характер, скорее всего, предназначалось для православных миссионеров и светских лиц, которые по роду деятельности взаимодействуют со староверами. Не обличить старообрядцев, а в доступной форме рассказать о них – это и является центральной идеей данного сочинения И.Ф. Нильского [6. С. 149].

И.Ф. Нильский в последующее время переориентировался на рецензирование научных работ. Наиболее значимые как для научной общественности, так и для последующего выбора ученым направления в изучении старообрядчества в этом ключе написаны «Об издании Стоглава в Лондоне» (1861) [24] и «Несколько слов о русском расколе» (1864) [25].

Стоглав - многоплановый исторический памятник права, утвержденный на церковно-земском соборе в Москве в 1551 г. Многие главы этого документа посвящены регулированию брачно-семейных отношений жителей Русского государства в XVI в. Впервые печатный Стоглав был опубликован в 1860 г. «Вольной русской типографией Тюбнера» в Лондоне, предположительно, старовером, имя которого скрыто инициалами – «И.А.». Церковный историк Д. Стефанович выдвинул гипотезу, что отсутствие публикаций Стоглава в России связано не с церковной цезурой, а с тем, что никто не брался за это трудное дело [26. Т. 2. С. 250]. Совершенно противоположную позицию занимал И.Ф. Нильский, утверждавший, что причина позднего издания Стоглава состоит в том, «что этого требовали условные обстоятельства, именно - полемика, завязавшаяся между православными и раскольниками, которые ссылаются на Стоглав» [24. С. 8]. Соответственно,

чтобы не дать старообрядческим начетчикам привлечь на свою сторону еще большее количество верующих, нужно ограничить распространение Стоглава как авторитетного источника в среде староверов.

В дальнейшем И.Ф. Нильский негативно оценивает лондонское издание Стоглава, указывая за наличие грубых ошибок в самом тексте, а в заключении пишет, что «...в тысячу раз лучше иметь у себя рукописный Стоглав, или даже вовсе не иметь, чем иметь печатный такой, в котором не только изменена «роскошная неграмотность XVI в.», вещь немаловажная для любителей старины, но испорчен по местам самый текст, извращен самый смысл памятника». Выявленные им недостатки, скорее всего, объяснялись стремлением издателей «перевести» Стоглав, сделать его современным [26. Т. 2. С. 250].

Другая рецензия И.Ф. Нильского – «Несколько слов о русском расколе» – вызвала критику основоположника демократического направления в изучении старообрядчества А.П. Щапова, который представил староверие как выражение социальных противоречий эпохи: народного протеста против многочисленных сборов и податей, закрепощения крестьянства. В сочинении «Земство и раскол» (1862) А.П. Щапов, рассматривая земство в славянофильском духе как народную массу, противопоставленную государству и высшим сословиям, видит в староверии «могучую, страшную общинную оппозицию податного земства» [6. С. 133–134].

Опровергая воззрения А.П. Щапова, И.Ф. Нильский доказывает, что старообрядчество состояло не только из податного земства. Это религиозное движение привлекало и объединяло лиц всех сословий и званий, включая самых высших: «последователей и в роскошных палатах бояр и князей, и в скромных хижинах протопопов и попов, и в тихих кельях архиереев, архимандритов, иеромонахов» [25. С. 7]. Помимо указаний на логику изложения и идей рецензируемого сочинения И.Ф. Нильский замечает за автором отсутствие ссылок на источники, из которых он заимствует какие-либо сведения для аргументации позиции [Там же. С. 46], что, конечно, дискредитировало А.П. Щапова в профессиональном научном сообществе.

Церковный раскол, по мнению И.Ф. Нильского, – явление только религиозного характера, а не протест податного земства против всего государственного строя. Профессор определяет свое отношение к старообрядчеству как восстание против православной церкви и отделение от нее верующих из-за некоторых обрядовых различий [27. С. 804]. Следовательно, чтобы полемика православных против старообрядцев достигала успеха, необходимо исследовать обряды и таинства, которые изменялись под влиянием конкретных причин. Именно поэтому И.Ф. Нильский концентрирует внимание на изучении старообрядческого учения о семье и браке.

С середины XIX в. исследования брачных отношений старообрядцев проходят в русле юридического под-

хода, и основным источником становятся документы, имеющие силу закона: правительственные законодательные акты, регулирующие семейно-брачные взаимоотношения староверов; полемико-догматические произведения о браке лидеров старообрядческих общин, которые имели нормативное значение для многих «раскольников». Становление данного направления, во-первых, обусловлено волной общего интереса к староверию и разносторонним характером научных сочинений, направленных на систематизацию всей накопившейся к тому времени информации о церковном расколе. Во-вторых, оно было связано с реформированием судебной системы в эпоху правления Александра II. В частности, долгие дискуссии проходили по проблеме определения и ограничения компетенций духовных судов, особенно в регулировании брачного права.

Именно на пересечении двух установок: общего интереса к староверию и поиска адекватных путей преобразования брачного права, находится исследование И.Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе» [28. С. 52].

Было ли совершение таинства венчания при отсутствии священства самым спорным вопросом для беспоповских старообрядческих толков и согласий? И.Ф. Нильский в начале своего сочинения указывает цель -«ознакомить читающий мир с этим вопросом в его постепенном историческом ходе и развитии». Поставленная автором цель носила научный характер: ученый не осуждает учение беспоповцев, а трактует его как имевшее реальное значение и место в прошлом. Несмотря на это, критической оценке подвергаются поступки лидеров и отдельных представителей старообрядческого мира. В числе многочисленных источников И.Ф. Нильский нередко обращается к сочинениям беспоповцев, к которым он относится именно как к историческому источнику, содержащему важные сведения об изменениях в учении староверов о браке [21. С. 117].

На наш взгляд, следует определить возможную схему разбора учения старообрядцев о браке в «Семейной жизни в русском расколе», где его отдельные положения рассматриваются И.Ф. Нильским в произвольном порядке:

- описание событий или процессов, которые влияли на восприятие таинства брака старообрядцев разных толков и согласий. Чаще всего в сочинении приводится появление новых трактовок и суждений лидеров староверов по вопросам брака (И. Алексеев, И.А. Ковылин, В. Емельянов и др.);
- реакция светской власти на появление новых форм брачных взаимоотношений в старообрядческой среде (всеобщее девство, блуд, «новоженство»). Политика государства в отношении старообрядцев показана в хронологическом порядке от современника церковного раскола царя Алексея Михайловича до конца царствования императора Николая I;
- меры церковной власти по разоблачению учения староверов о браке и восстановлению авторитета таин-

162 *А.А. Мицук*

ства венчания, совершаемого по канонам православной церкви.

В своей докторской диссертации И.Ф. Нильский опровергает представления А.П. Щапова о браках старообрядцев, высказанные последним в работе «Русский раскол старообрядства» (1859). А.П. Щапов утверждал, что староверы, установив безбрачие, пытались привлечь на свою сторону простых людей, «пренебрегавших нравственными постановлениями церкви» и имевших «привычку к грубой, ничем не сдерживаемой свободе жизни». И.Ф. Нильский рассматривал учение беспоповцев о безбрачии как имевшее серьезные догматические и обрядовые основания. С уважением к старообрядцам он пишет, что «как ни своеобразны были раскольники в своих понятиях о добродетели, все же они не были настолько грубы и дики, чтобы безнравственность стали считать нравственностью» [6. С. 152].

«Семейная жизнь в русском расколе» стала последней крупной работой И.Ф. Нильского. Возможно, одной из причин успеха и постепенного признания идей историка, а его самого в качестве эксперта в области брачных отношений староверов, являются мировоззренческие установки в отношении церковно-исторической науки, где И.Ф. Нильский реализовывал свои научные амбиции.

В целом он признавал существование закономерностей исторического развития общества, но, как ни парадоксально, с зависимостью от человеческого фактора, из-за чего ход исторических событий является «вовсе не прямолинейным, напротив, он идет прихотливыми извивами, то стремясь вперед, то уклоняясь в сторону, то возвращаясь назад, то отклоняясь вовсе от цели, или останавливаясь на известной ступени». Соответственно, И.Ф. Нильский рассматривает историю как результат «сталкивающихся и переплетающихся случайностей», рожденных действиями отдельных личностей под давлением внешних обстоятельств. На примере церковного раскола XVII в. историк утверждает, что причины раскола следует искать не только в религиозной жизни русского народа, но также в тех

случайных частностях, которыми была полна Россия в период патриаршества Никона [29. С. 138–139].

Анализ научных трудов И.Ф. Нильского приводит к следующим выводам. Во-первых, вектор развития исторической науки в Санкт-Петербургской духовной академии отразил научный интерес самого И.Ф. Нильского к старообрядческим учениям об антихристе и браке. По замыслу ученого, их изучение не только должно было помочь успешному ведению полемики православных миссионеров против староверов, но также имело целью выработать стратегию взаимодействий государства, русской православной церкви и общества со староверами.

Во-вторых, оставленный И.Ф. Нильским огромный корпус рецензий на научные работы, посвященные истории старообрядчества, как светских исследователей, так и коллег по «цеху», свидетельствует о том, что, несмотря на позднее появление новой научной отрасли в богословском образовании — «расколосектанства», именно эта область исторического познания быстро развивается и становится востребованной. Совокупный анализ издаваемых полемических и исторических сочинений и критических отзывов на них позволяет увидеть, какие гипотезы и теории утверждались в науке, а какие идеи были вовсе отброшены из-за слабости аргументации.

Биография И.Ф. Нильского свидетельствует о становлении качественно нового специалиста, который должен был стать по возможности независимым от отношения господствующей церкви к оппозиционным конфессиям и верованиям и уметь отказываться от убежденности в культурной несостоятельности старообрядчества. На протяжении всей своей жизни он пытался понять мотивы и причины, заставляющие людей оставаться в староверии, и это отразилось на содержательной стороне его работ, которые различаются по манере написания и структуре изложения. Однако главной заслугой И.Ф. Нильского в формировании сообщества экспертов, иными словами - корпорации ученых-расколоведов, стала научная коммуникация с другими представителями церковных историков, отраженная корпусом его критических статей и рецензий.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Слесарев А.В. Расколоведение. Введение в понятийный аппарат. М.: Новоспасский мужской монастырь, 2012. 207 с.
- 2. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже ХХ–ХХІ в.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- 3. Головань Е.В. Раскол в исследованиях второй половины XIX в. (по каталогам библиотеки костромского общественного собрания, (1899—1906)) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18441 (дата обращения: 03.11.2017).
- Гурьянова Н.С. О восприятии старообрядцами эсхатологических построений предшественника // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3.
   С. 58–61
- 5. Веселова А.П. Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 229 с.
- 6. Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII начало XX вв.) / под ред. Е.Е. Дутчак. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011, 182 с.
- 7. Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Федорович Нильский (к 110-летию со дня кончины) // Церковный вестник. 2004. № 10-11. URL: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/19_1890/1831_Nilsky.htm (дата обращения: 06.11.2017).
- Памяти профессора И.Ф. Нильского // Церковный вестник. 1894. № 33. С. 515–517.
- 9. Известия и заметки // Странник. 1894. № 9. С. 189–191.
- 10. Чистович И.А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб.: Тип. Св. Синода, 1889. II, 232, 164, 2 с.
- 11. Нильский И.Ф. Об антихристе против раскольников. Сочинение бакалавра Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: Тип. Николая Тихменева, 32, 1859. XXXVI, 511 с.
- 12. Ивановский Н.И. Памяти профессора Ив.Ф. Нильского // Собрание сочинений профессора Казанской духовной академии Николая Ивановского : сб. ст. / под ред. А. Волкова. Казань : Тип.-лит. Императ. ун-та, 1898. Т. 1. 490 с.

- 13. Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. От начала раскола до царствования императора Николая І. СПб.: Тип. департамента уделов, 1869. Вып. 1. 406, IV с.
- 14. Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Царствование императора Николая І. СПб.: Тип. департамента уделов, 1869. Вып. 2. 256, IV с.
- 15. Сухова Н.Ю. «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX начала XX вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 138–153.
- 16. Нильский И.Ф. Объяснение // Христианское чтение. 1865. Ч. 2. С. 280-326.
- 17. Слово, произнесенное протоиереем П.Ф. Николаевским во время заупокойной литургии, отслуженной пред погребением проф. И.Ф. Нильского // Церковный вестник. 1894. № 33. С. 514–515.
- 18. Карпук Д.А. «Я признаю состояние Санкт-Петербургской духовной академии вообще очень удовлетворительным во всех отношениях» : отчет архиепископа Макария (Булгакова) о ревизии Санкт-Петербургской духовной академии в 1875 г. / вступ. статья, публ. и примеч. Д.А. Карпука // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 365–410.
- 19. Отчет распорядительного комитета общества вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской духовной академии за седьмой 1883–1884 год // Церковный вестник. 1884. № 19. С. 12.
- 20. Нильский И.Ф. Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении) : в 2 ч. СПб. : Изд. книгопродавца И. Перевозникова, 1898, 382, 14 с
- 21. Кузоро К.А. Направления исследования старообрядчества в синодальной (церковной) историографии последней трети XIX начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 115–118.
- Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма.
   Новосибирск: Наука, 1988. 188 с.
- 23. Нильский И.Ф. Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней. СПб.: Тип. департамента уделов, 1863. 72 с.
- 24. Путешествующий. Об издании Стоглава в Лондоне (письмо из-за границы). СПб.: Тип. департамента уделов, 1861. 17 с.
- 25. Нильский И.Ф. Несколько слов о русском расколе. По поводу брошюры: «Земство и раскол» А. Щапова 1862 г. СПб. : в тип. департамента уделов, 1864. 160 с.
- 26. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.
- 27. По поводу тридцатилетия ученой деятельности Ивана Федоровича Нильского // Церковный вестник. 1887. № 46. С. 803–804.
- 28. Веселова А.П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300–3. С. 52–54.
- 29. Нильский И.Ф. Несколько слов о происхождении раскола // Христианское чтение. 1861. Ч. 1. С. 89-154.

Mitsuk Alexey A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rixalos@mail.ru

«EVERYTHING HAS ITS EXPERTS»: EXPERT REVIEW OF OLD-BELIEVERS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE TREATISES OF PROFESSOR I.F. NILSKY.

Keywords: I.F. Nilsky; old-believer's; church historical science; scientific expertise in religious studies.

In the second half of the XIX century, the highest spiritual institutions of Moscow, St. Petersburg, Kazan and Kiev went through significant changes in the research and educational spheres, in consequence a special branch of church history – "schismaticism" emerged. This branch was aimed to study the life and activities of the old-believers from the beginning of the church schism up to the Emperor Nicholas I modern orders on the civil and religious rights of the opposition confession. After the departments on the history and exposure of the church / Russian schism were opened at the theological academies, most of the church author's writings were focused on identifying the reasons and factors of the different understanding of church rites by official orthodoxy and old-belief. One of these writers was the professor of St. Petersburg Theological Academy I.F. Nilsky. Corpus of his works makes changes in the scientific understanding of church schism scientists the second half of the XIX century trackable, and in correlation with the biography of I.F. Nilsky it creates an important source for researching the processes of developing a scientific study of this topic.

Using the methodology of a scientific biography compilation, which is aimed at establishing the historical context of the creation of scientific texts, the author comes to the following conclusions. Firstly, the scientific interests of I.F. Nilsky, which set the vector for the development of historical science in the St. Petersburg Theological Academy, focused on the examination of the old-believers teachings on antichrist and marriage. According to the scientist's suggestion, their development could help special missionaries in disputes with the old-believers, and in addition, contributed to the formation of a strategy for interaction between the old-believers and state apparatus, church authorities and the different layers of the population of the Russian Empire.

Secondly, I.F. Nilsky's numerous reviews on the scientific works of secular and religious researchers of the history of the old-believers, show that the new church-historical discipline – "schismaticism", separated from the accusatory theology and became popular and socially relevant area of historical knowledge. The study of historical and polemic publications of that time and its critical reviews, gives an opportunity to track which hypotheses and theories were adopted in the scientific community, and which ideas failed because of insufficient reasoning. Accordingly, the scientific heritage of Professor I.F. Nilsky becomes a demonstrative example of the process of forming a qualitatively new specialist – an expert on church schism. His distinctive characteristic is a partial independence from the dominant church's critical attitude to oppositional confessions and beliefs, as well as the ability to abandon the stereotype of the cultural inadequacy of the old-believers. An important contribution of I.F. Nilsky in the formation of the community of experts is scientific communication with other church authors, reflected in the corpus of his critical articles and reviews.

REFERENCES

- Slesarev, A.V. (2012) Raskolovedeniye. Vvedeniye v ponyatiynyy apparat [Schismology. Introduction to the conceptual apparatus]. Moscow: Novospasskiy muzhskov monastvr.
- 2. Repina, L.P. (2011) Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI v.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika [History at the turn of the 21st centiry: Social theories and historiographical practices]. Moscow: Krug".
- 3. Golovan, E.V. (2015) The schism in the studies in the second half of the 19th century (according to the catalogs of the Kostroma Social Gathering Library (1899–1906)). Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya Modern Problems of Science and Education. 1(1). [Online] Available from: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18441. (Accessed: 3rd November 2017). (In Russian).
- 4. Guryanova, N.S. (2011) About the Old Believer's Interpretation of the Eschatological Ideas of Their Predecessor. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 3. pp. 58–61. (In Russian).
- 5. Veselova, A.P. (2007) Sem'ya v staroobryadcheskoy kul'ture: opyt istoricheskogo issledovaniya [Family in the Old-Believers culture: Experience of historical research]. History Cand. Diss. Tomsk.

164 *А.А. Мицук*

- 6. Kuzoro, K.A. (2011) Tserkovnaya istoriografiya staroobryadchestva: vozniknoveniye i evolyutsiya (vtoraya polovina XVII nachalo XX vv.) [Church historiography of the Old-Believers: Emergence and evolution (the second half of the 17th early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Zaletov, D. (2004) Zasluzhennyy professor Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii Ivan Fedorovich Nil'skiy (k 110-letiyu so dnya konchiny) [Honoured professor of the St. Petersburg Theological Academy Ivan Fedorovich Nilskii (to 110 years since his decease)]. *Tserkovnyy vestnik*. 10–11. [Online] Available from: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/19_1890/1831_Nilsky.htm. (Accessed: 6th November 2017).
- 8. Anon. (1894) Pamyati professora I. F. Nil'skogo [In memory of Professor I.F. Nilsky]. *Tserkovnyy vestnik.* 33. pp. 515–517.
- 9. Anon. (1894) Izvestiya i zametki [News and notes]. Strannik. 9. pp. 189–191.
- 10. Chistovich, I.A. (1889) Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya za posledniye 30 let (1858–1888 gg.) [St. Petersburg Theological Academy for the last 30 years (1858–1888)]. St. Petersburg: Tip. Sv. Sinoda.
- 11. Nilskiy, I.F. (1859) Ob antikhriste protiv raskol'nikov. Sochineniye bakalavra Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii [About the Antichrist against the Schematics. Bachelor's Thesis, St. Petersburg Theological Academy]. St. Petersburg: Tip. Nikolaya Tikhmeneva v Troitsk.
- 12. Ivanovskiy, N.I. (1898) Sobraniye sochineniy professora Kazanskoy dukhovnoy akademii Nikolaya Ivanovskogo [Collected Works by Professor Nikolai Ivanovsky of the Kazan Theological Academy]. Vol. 1. Kazan: Imperial University.
- 13. Nilskiy, I.F. (1869a) Semeynaya zhizn' v russkom raskole. Istoricheskiy ocherk raskol'nicheskogo ucheniya o brake. Ot nachala raskola do tsarstvovaniya imperatora Nikolaya I [Family life in the Russian schism. The historical analytical review of the schismatic doctrine of marriage. From the beginning of the church schism until the reign of Emperor Nicholas I]. Issue 1. St. Petersburg: Tip. departamenta udelov.
- 14. Nilskiy, I.F. (1869b) Semeynaya zhizn' v russkom raskole. Istoricheskiy ocherk raskol'nicheskogo ucheniya o brake. Ot nachala raskola do tsarstvovaniya imperatora Nikolaya I [Family life in the Russian schism. The historical analytical review of the schismatic doctrine of marriage. From the beginning of the church schism until the reign of Emperor Nicholas I]. Issue 2. St. Petersburg: Tip. departamenta udelov.
- 15. Sukhova, N.Yu. (2013) "Ideya akademii" v podgotovke i provedenii dukhovno-uchebnykh reform XIX nachala XX vv. ["The idea of Academy" in preparing and conducting spiritual and educational reforms in the 19th early 20th centuries]. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2(6). pp. 138–153.
- 16. Nilskiy, I.F. (1865) Ob"yasneniye [Explanation]. Khristianskoye chteniye. 2. pp. 280–326.
- 17. Nikolayevsky, P.F. (1894) Slovo, proiznesennoye protoiyereyem P.F. Nikolayevskim vo vremya zaupokoynoy liturgii, otsluzhennoy pred pogrebeniyem prof. I.F. Nil'skogo [The speech delivered by Protopriest P.F. Nikolaevsky during the funeral service before the burial of Prof. I.F. Nilsky]. Tserkovnyy vestnik. 33. pp. 514–515.
- 18. Karpuk, D.A. (2016) "I claim that the state of St. Petersburg Theological Academy is very satisfactory in all dimensions". Archbishop Macarius (Bulgakov) on the Review of St. Petersburg Theological Academy in 1875. *Khristianskoye chteniye*. 4. pp. 365–410. (In Russian).
- 19. The Society for the Supporting of Poor Students of St. Petersburg Theological Academy. (1884) Otchet rasporyaditel'nogo komiteta obshchestva vspomoshchestvovaniya nedostatochnym studentam Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii za sed'moy 1883–1884 god [The report of the Administrative Committee of the Society for the Supporting of Poor Students of St. Petersburg Theological Academy for 1883–1884]. Tserkovnyy vestnik. 19. pp. 12.
- 20. Nilskiy, I.F. (1898) Ob antikhriste protiv raskol'nikov (v obshcheponyatnom izlozhenii): v 2 ch. [On the Antichrist against the Schematics (in a generally understandable way]. St. Petersburg: I. Perevoznikov.
- 21. Kuzoro, K.A. (2009) Research trends of the Old Belief in a Synodal (church) historiography of the late of the 19th early of the 20th centuries. *Vest-nik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 320. pp. 115–118. (In Russian).
- 22. Guryanova, N.S. (1988) Krest'yanskiy antimonarkhicheskiy protest v staroobryadcheskoy eskhatologicheskoy literature perioda pozdnego feodalizma [Peasant antimonarchic protest in the Old Believers' eschatological literature of the late feudal period]. Novosibirsk: Nauka.
- 23. Nilskiy, I.F. (1863) Vzglyad raskol'nikov na nekotoryye nashi obychai i poryadki zhizni tserkovnoy, gosudarstvennoy, obshchestvennoy i domashney [The Old Believers on some of our customs and practices of church, state, public and domestic life]. St. Petersburg: Tip. departamenta udelov.
- 24. Puteshestvuyushchiy. (1861) *Ob izdanii Stoglava v Londone (pis'mo iz-za granitsy)* [On the publication of Stoglav in London (A letter from abroad)]. St. Petersburg: Tip. departamenta udelov.
- 25. Nilskiy, I.F. (1864) Neskol'ko slov o russkom raskole. Po povodu broshyury: "Zemstvo i raskol" A. Shchapova 1862 g. [A few words about the Russian schism. Regarding the brochure "Zemstvo and schism" by A. Shchapov, 1862]. St. Petersburg: V tip. departamenta udelov.
- 26. Gorskiy, A.D. (ed.) (1985) Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Russian legislation of the 10th 20th centuries. Legislation during period of establishing and strengthening of the Russian centralized state]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- 27. Anon. (1887) Po povodu tridtsatiletiya uchenoy deyatel'nosti Ivana Fedorovicha Nil'skogo [Regarding the thirtieth anniversary of Ivan Fyodorovich Nilsky's academic activities]. *Tserkovnyy vestnik*. 46. pp. 803–804.
- 28. Veselova, A.P. (2007) Issledovatel'skiye praktiki pri izuchenii staroobryadcheskoy sem'i: istoriograficheskiy obzor [The research practices related to the Old Believer's family: A historiographical review]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal. 300(3). pp. 52–54.
- 29. Nilskiy, I.F. (1861) Neskol'ko slov o proiskhozhdenii raskola [A few words about the origin of the schism]. Khristianskoye chteniye. 1. pp. 89–154.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (47)

DOI: 10.17223/19988613/53/30

В.П. Бойко

РЕЦЕНЗИЯ: ГАВРИЛОВА Н.И. КУПЕЧЕСКИЙ РОД СИБИРЯКОВЫХ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ / ПОД РЕД. В.П. ШАХЕРОВА. ИРКУТСК: ОТТИСК, 2017. 152 с.

Ключевые слова: Гаврилова Н.И.; Купцы Сибиряковы; Иркутск.

Среди многих книг по истории купечества не затеряется и книга Н.И. Гавриловой, посвященная истории купеческого рода Сибиряковых. Династия иркутских купцов Сибиряковых является одним из генеалогических исключений в сибирской истории, поскольку редкие роды насчитывали три-четыре поколения купцов, а у Сибиряковых на протяжении XVIII – начала XX в. их насчитывалось шесть. Выдающаяся роль этих купцов в истории края определяется не только колоссальными богатствами, которые они сосредоточили в своих руках, но и поистине щедрой и широкой благотворительностью. Многие миллионы были отданы не только на нужды церкви, как это делали большинство сибирских купцов, но и на развитие культуры, науки и просвещения. Например, на средства А.М. Сибирякова обследованы фарватеры Ангары и Енисея, внесен значительный вклад в освоение Северного морского пути, изучен кратчайший путь перевозки товаров с Оби на Печору. Деятельность этого купца была настолько значимой, что даже в советские времена его имя не было предано забвению.

Начало широкого и всестороннего изучения сибирского предпринимательства было положено в начале 90-х гг. прошлого века. Инициативу и последующее руководство проектом взял на себя новосибирский исследователь Д.Я. Резун. Широко эрудированный ученый, он в тяжелое для научных исследований время начал привлекать историков и краеведов к написанию «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири». Всего вышло 4 тома в 10 книгах, где было помещено более 4 тыс. разного рода статей энциклопедического характера, львиная доля которых касалась биографических данных купцов. В разных регионах Сибири появились и лидеры, которые своим примером вдохновляли историков на научные подвиги: на Алтае им стал В.А. Скубневский, в Томске -В.П. Зиновьев, в Иркутске – Л.М. Дамешек, в Красноярске – А.И. Погребняк и т.д. Многие статьи в этом издании носили чисто информационный характер (жил в том или ином городе такой-то купец, торговал такимто товаром на такую-то сумму). Но уже были и такие характеристики, где наряду с приличной источниковой базой можно было проследить позицию автора статьи, оценить стиль изложения изученного материала, отметить уважительное отношение автора к работам предшественников. Ради справедливости надо отметить, что одним из таких авторов была тогда еще аспирантка Иркутского университета Наталья Игоревна Гаврилова.

Книга Н.И. Гавриловой состоит из введения, двух глав и заключения, в качестве приложения представлена родословная схема Сибиряковых. В первой главе рассматриваются происхождение купцов Сибиряковых, их предпринимательская, общественная и благотворительная деятельность. На этом этапе становления купеческой династии обращает на себя внимание общественная позиция купцов Сибиряковых, которые начали осознавать свою значимость и в некоторых случаях могли противостоять местной администрации, которая притесняла местное население, вела себя как на завоеванной территории. Защищая свои интересы, представители клана Сибиряковых невольно вступали в ряды оппозиции и находились под следствием, терпели убытки и даже были осуждены. Наиболее дерзким из них был, конечно, М.В. Сибиряков, который больше 20 раз привлекался к суду, являлся главным действующим лицом в борьбе иркутян с сибирским губернатором И.Б. Пестелем и его ставленником в Иркутске Н.И. Трескиным. В результате долгих разборок дело дошло до Александра I, который наложил резолюцию: «Сибирякова предать суду». Иркутская уголовная палата положила лишить Сибирякова купеческого звания и доброго имени и записать в Нерчинск в работные люди. Три года хлопотал за отца его сын Ксенофонт, но все было напрасно (С. 27).

В этой связи вполне естественным и объяснимым стало общение членов семьи Сибиряковых с польскими повстанцами и декабристами, которые находились на поселении в Иркутской губернии. Они выступали учителями купеческих детей по иностранным языкам, музыке, являлись прекрасными собеседниками и высококультурными людьми, общение с которыми много дало Сибиряковым в плане общего развития. Ссыльные де-

166 В.П. Бойко

кабристы их жены (Трубецкие, Волконские, Муравьевы, братья Поджио) бывали у Сибиряковых и их близких родственников Медведниковых «запросто». В свою очередь, элита иркутских купцов также бывала в домах декабристов, например Волконских, где собирался цвет тогдашнего иркутского общества (С. 39). Влияние декабристов на своих воспитанников было настолько велико, что некоторые из них порвали с миром коммерции, учились в гимназиях и университетах, выбрали для себя профессии врачей и учителей, добившись на этом поприще немалых успехов.

Вторая глава посвящена истории рода Сибиряковых во второй половине XIX - начале XX в., когда ее представители достигли пика своих успехов и стали известны не только в Сибири, но и в России и за рубежом. Произошла переориентация предпринимательского дела Сибиряковых, которые, оставив традиционные сферы (торговля и промышленность), активно вторглись в золотопромышленность. Как пишет Н.Г. Гаврилова, «талантливый предприниматель, прозорливый хозяйственник М.А. Сибиряков стоял у истоков одной из крупнейших золотопромышленных компаний Сибири, входивших в число лидеров экономики региона, способствовал развитию судоходства в системе р. Лены» (С. 56). Благодаря ему была обеспечена преемственность семейных традиций в предпринимательстве и благотворительности. К сожалению, он, как и многие иркутские купцы, не смог избежать соблазна переселиться в Европейскую Россию. В Москве оказались В.Н. Баснин, А.К. Трапезников, И.Л. и А.К. Медведниковы, Е.Г. Лаврентьев и некоторые другие, которые перевели туда капиталы и завещали их на нужды столицы, а сам М.А. Сибиряков переселился в конце жизни в Петербург, где в 1874 г. и скончался в возрасте 59 лет.

Дело отца продолжил его старший сын Александр Михайлович, который выступил не только как делец и меценат, но и как исследователь Русского Севера и Сибири. Он получил прекрасное домашнее образование, окончил Иркутскую мужскую гимназию и Цюрихский политехникум. Самым значительным событием

стало участие А.М. Сибирякова в организации знаменитой экспедиции шведского исследователя севера А.Э. Норденшельда по Северо-Восточному проходу и вокруг Евразии в 1878-1880 гг. Участие в этой рискованной экспедиции не лишено было и коммерческого интереса, но расходы купца в несколько раз превышали доходы. В 1876 г., в разгар подготовки экспедиции по освоению Северного морского пути, Сибиряков передает 100 тыс. руб. Министерству народного просвещения на устройство и оснащение Сибирского университета. В это время только определялось место, где этот университет построить, и к моменту открытия университета в Томске эта сумма выросла до 176,3 тыс. руб. В 1879 г. Сибиряков жертвует Томскому университету приобретенную им за 2 тыс. руб. библиотеку поэта В.А. Жуковского (4 674 тома) и оплачивает ее доставку в Томск. В 1882 г. он жертвует Томскому университету ботаническую и зоологическую коллекции, собранные уже упомянутым Норденшельдом, а чуть позже - рыцарский костюм воина самурайского рода (С. 82). Показательно, что эти сведения о Томском университете в свое время кропотливо собрал и опубликовал безвременно ушедший из жизни томский историк О.Н. Разумов, и Н.И. Гаврилова об этом факте корректно сделала сноску.

В целом книга, изданная в Иркутске, производит приятное впечатление высоким качеством бумаги и переплета, подбором и четкостью воспроизведения многих иллюстраций. Некоторые из них из частных коллекций и публикуются впервые. Симпатизируют читателю и довольно часто встречающиеся фразы о том, что вопрос до конца не изучен и требует уточнений. Остается пожелать автору такой замечательной по форме и содержанию книги успехов в сборе материалов по истории рода Сибиряковых, а также Медведниковых, Трапезниковых, Басниных и других менее известных фамилий иркутских купцов, которых в свое время Г.Н. Потанин назвал негоциантами и меценатами и которые всегда отличались от остального сибирского купечества своей достаточно высокой культурой и щедростью пожертвований.

Boyko Vladimir P. Tomsk University of architecture and civil engineering (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru WRITE-UP: GAVRILOVA N. I. MERCHANT FAMILY SIBIRYAKOVA: PAGES OF HISTORY, ED. V. P. SHAKHEROVA. IRKUTSK: PUBLISHING HOUSE "IMPRINT", 2017. 152 p.

Keywords: Gavrilova N.I.; The Merchants of the Sibiryakovs; Irkutsk.

УДК 94(410)"1945-1964" DOI: 10.17223/19988613/53/31

Е.Ф. Троицкий

РЕЦЕНЗИЯ: ХАХАЛКИНА Е.В. МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ИМПЕРИЕЙ: ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕКОЛОНИЗАЦИИ. 1945—1964 гг. ТОМСК: ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2016. 334 с.

Проблематика монографии Е.В. Хахалкиной приобретает особую актуальность в связи с начавшимися переговорами о выходе Великобритании из Европейского союза. В экспертных сообществах и средствах массовой информации активизировались дискуссии о будущем внешней политики Великобритании, роли страны в международных отношениях после «Брекзита», новых параметрах отношений между Лондоном и континентальной Европой. Одним из важнейших доводов в пользу выхода Великобритании из ЕС стал переживаемый Евросоюзом в последние годы беспрецедентный миграционный кризис - и здесь рецензируемая монография вновь оказывается удивительно созвучной нашему времени, пытаясь увязать истоки послевоенной европейской политики Лондона с колониальной политикой и миграционными проблемами. В связи с современными дискуссиями несомненный интерес представляет историческое исследование, в котором в единстве и взаимосвязи рассматриваются эволюция британской политики в отношении европейской интеграции и трансформация Британской Империи в Содружество, а также истоки миграционной политики британских властей.

Структура работы вполне соответствует цели и задачам исследования, удачно отражая три качественно различных этапа послевоенного двадцатилетия британской внешней политики. Во введении автор дает квалифицированный анализ отечественной и зарубежной историографии исследуемой проблематики. Следует отметить, что Е.В. Хахалкина дает емкие, взвешенные характеристики анализируемых исследований, не забывая включить в круг рассматриваемых работ и труды социальных антропологов и социологов. Справедливо указывается на недостаток комплексных исследований, посвященных послевоенной европейской, колониальной и миграционной политике Лондона. Обращают на себя внимание обширность и разнообразие источниковой базы монографии; автор справедливо отмечает, что многие источники впервые вводятся в научный оборот.

В первой главе автор рассматривает деятельность лейбористских кабинетов К. Эттли. Подробно анализируются причины и обстоятельства отказа Великобритании от участия в переговорах о создании Европейского объединения угля и стали и Европейской армии,

надолго закрепившего за Лондоном роль стороннего наблюдателя континентальной экономической интеграции. Подчеркивается «крайняя непопулярность идеи передать часть суверенитета на наднациональный уровень» (С. 39). Рассматривая миграционные проблемы, автор останавливается на проблеме «цветного барьера» в Великобритании и приходит к справедливому выводу о том, что лейбористам не удалось решить «дилемму «выслать нельзя принять» (С. 62).

Во второй главе автор переходит к анализу политики консервативных кабинетов У. Черчилля и А. Идена. Обстоятельно рассматриваются попытки «размораживания» британо-советских отношений, предпринятые в середине 1950-х гг. Автор дает яркое описание государственного визита Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию в апреле 1956 г. Показано переломное значение Суэцкого кризиса 1956 г. для внешней политики Великобритании, подтолкнувшее Лондон к переходу на роль «второй скрипки» в дуэте с Соединенными Штатами и к статусу крупной региональной, но не глобальной державы. Убедительно показано, что британские власти недооценили серьезность и долгосрочные последствия миграционных вызовов, с которыми начала сталкиваться страна.

В третьей главе показаны причины активизации британской политики в отношении европейской интеграции при правительствах Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма. Автор останавливается на истории создания Европейской ассоциации свободной торговли (британской альтернативы ЕЭС) и анализирует причины, побудившие кабинет Макмиллана подать заявку на вступление в ЕЭС. Воссоздается полная драматизма картина первых переговоров о вступлении Британии в ЕЭС, политического торга между Лондоном, Вашингтоном и Парижем, закончившегося французским «вето» на британскую заявку. Успешнее шло стратегическое отступление Великобритании из колоний, позволившее Лондону сохранить влияние на внутреннюю и внешнюю политику освободившихся стран. Автор анализирует факторы, вынудившие правительство Макмиллана инициировать принятие Акта о мигрантах Содружества 1962 г., который положил начало ужесточению иммиграционного законодательства.

Е.В Хахалкиной проделан глубокий и обстоятельный анализ предмета исследования – анализ, за которым на

страницах монографии неизменно следует творчески нестандартный синтез, рождающий новое знание. Работа написана хорошим литературным языком, за строками монографии чувствуются «живая история», колорит времени. Хотелось бы выразить надежду, что автор не только продолжит исследование европейской и миграционной

политики Лондона и отношений Великобритании со странами Содружества во второй половине 1960-х — 1970-е гг., но и приложит свое незаурядное знание перипетий британской политики и специфики ее формирования к анализу современных проблем взаимоотношений Британии и ЕС. «Брекзит» уже ждет своего историка.

Troitskiy Evgeny F. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@dir.tsu.ru REVIEW: E.V. KHAKHALKINA. BETWEEN EUROPE AND THE EMPIRE: BRITISH POLICY TPOWARDS EUROPEAN INTEGRATION AND DECOLONIZATION IN 1945-1964. TOMSK; TOMSK STATE UNIVERSITY PRESS, 2016. 334 p.

УДК 94(47).084

DOI: 10.17223/19988613/53/32

С.А. Нефедов

РЕЦЕНЗИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ: СТЕЙНБЕРГ М. ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1905–1921. М.: ИЗД-ВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2018. 560 с.

Автор знакомит читателей с новой монографией известного историка-русиста Марка К. Стейнберга о Русской революции 1917 г. написанной в рамках новой культурной истории, считает монографию полезной и развивающей представления о революции в отдельных ее сюжетах.

Ключевые слова: К. Стейнберг; Русская революция.

Марк К. Стейнберг – известный американский русист, профессор университета штата Иллинойс, автор нескольких монографий по истории России конца XIX - начала XX в. Его новая книга называется «Великая русская революция» [1], однако надо сразу же оговориться, что это название обманчиво и может ввести в заблуждение читателя, незнакомого с современными направлениями в американской историографии. Еще недавно основным направлением изучения истории русской революции в американских университетах была «новая социальная история», исследовавшая главным образом социальные и экономические аспекты происходивших событий. Классиками «новой социальной истории» были такие известные историки, как Э. Актон, Л. Хеймсон, Ш. Фицпатрик, Р. Суни. Однако после падения Советского Союза интерес к социальной истории стал ослабевать. На первый план выдвинулась так называемая «новая культурная история», для которой характерно повышенное внимание к влиянию языка, культуры и местного контекста на формирование социальной идентичности [2]. В России аналогичные тенденции проявились в разработке перспективного направления «Человек и революция в XX веке», в котором социальные процессы в революционной России рассматривались сквозь призму «человеческого измерения» (обзор работ данного направления см.: [3])

В предисловии к книге Стейнберг предупреждает читателей, что они найдут в его книге не совсем то, что, вероятно, ожидают найти. «Разумеется, центральное место в нашем осмыслении истории занимают события, причины и последствия — они наделяют ее структурой и движут ее вперед. Можно сказать, что они составляют костяк истории. Но в этой книге я попытался выявить (продолжая эту метафору) плоть и кровь истории, ее разум и чувства, воплотившиеся в опыте людей прошлого во всей его полноте» [1. С. 8]. Что же такое опыт? «Одно из наиболее удачных определений предложил историк Мартин Джей: опыт — это наш внутренний диалог с окружающим нас миром, столкновение личности с тем, что существует вне ее, и в первую очередь "столкновение с иным", способное

изменить нас непредсказуемым образом» [1. С. 17]. В значительной степени опыт – это восприятие современниками происходящих событий. Этой теме в основном и посвящена книга Стейнберга.

Первая часть работы («Документы и сюжеты») посвящена рассмотрению наиболее «типичных и выразительных» текстов, которые позволяют автору сделать некоторые важные выводы. Стейнберг принципиально ограничивается рассмотрением лишь «первичных источников», т.е. документов, созданных в течение рассматриваемого периода. Это в основном газетные и журнальные публикации, что придает работе некоторый крен в сторону газетной публицистики. Автор признает этот недостаток работы: «Как журналистыочевидцы, так и современные историки сталкиваются с одними и теми же проблемами: показания свидетелей нередко недостоверны, факты страдают неполнотой, на понимание событий журналистами и историками влияют их личный опыт и ценности, так и опыт ценности их информантов...» [Там же. С. 25]. Однако журналисты передают в основном впечатления образованной публики. В тех случаях, когда необходимо проникнуть в мысли рабочих и крестьян, Стейнберг обращается к архивам - в основном это архивы газет и издательств, содержащие письма простых людей.

Изучение документов позволяет Стейнбергу сделать два важных вывода. Один из них касается роли женщин в Февральской революции. Известно, что революция началась как «голодный бунт», и первыми на улицы вышли женщины, требовавшие хлеба, чтобы накормить свои голодные семьи. Но они не только просили хлеба, отмечает автор, вместе с мужчинами они набрасывались на полицейских, а когда революция одержала победу - они не ушли с улиц. «Бабий бунт» продолжался; теперь женщины требовали равноправия, и после впечатляющей демонстрации 19 марта Временное правительство было вынуждено согласиться на предоставление им избирательных прав [Там же. С. 55-59]. Таким образом, Россия стала первым из больших государств Европы, где женщины завоевали право голоса. Это событие сыграло огромную роль в борьбе

170 С.А. Нефедов

женщин за равноправие: уже в следующем году правительства большинства европейских стран были вынуждены последовать русскому примеру.

Другое важное наблюдение Стейнберга касается понимания простым народом слов «свобода» и «воля». Рабочие и крестьяне понимали эти слова совсем не так, как понимала их либеральная «общественность», они придавали им оттенок социального и имущественного равенства. «Во время российской революционной весны, - отмечает Стейнберг, - многие рабочие, крестьяне и солдаты утверждали - особенно в письмах и обращениях в Петроградский совет... – что воля требует активного насаждения социального равенства и братства» [1. С. 63]. Таким образом, в устах простых людей слово «воля» было частью лозунга «земля и воля», подразумевавшего земельный и имущественный передел. Стейнберг вскрывает глубокую психологическую связь между февралем и октябрем: оказывается, «свобода» и «воля» – лозунги февраля – для очень многих рабочих и крестьян изначально были лозунгами социальных преобразований.

Вторая часть книги Стейнберга, «События», состоит из трех глав: «Революция, неопределенность и война», «1917 год» и «Гражданская война». Каждая глава начинается с конспективного описания событий, а затем следует анализ того, как эти события воспринимались различными слоями населения. Впечатление от революции 1905 г. передается в основном откликами газет на манифест 17 октября: «Свобода!», «Сегодня началась новая жизнь» и т.д. Правда, яркие картины омрачаются «тенью» последующего массового насилия, но преобладающим настроением газет на протяжении 1905–1906 гг. остается оптимизм [Там же. С. 84– 88]. Следует отметить, однако, что в данном случае Стейнберг ограничивается анализом журналистских впечатлений; он ничего не пишет о том, что думали о революции рабочие и крестьяне.

В последующий период, в 1906—1913 гг., отмечает Стейнберг, «представители всех классов и идеологических позиций были охвачены унылым настроением и даже подавленностью по причине явного исторического застоя и отсутствия каких-либо серьезных перемен». «Согласно описаниям репортеров страну захлестнула "грязная волна" массового "разврата"». «С "сексуально вакханалией" была тесно связана и "вакханалия насилия"». «Этим сюжетам целенаправленно придавался сенсационный и возбуждающий характер, но в то же время подобные сюжеты служили в качестве иллюстрации к "этим временам" и "духу эпохи"» [Там же. С. 97, 101, 102]. Но, опять же, вся информация опирается на газеты, и для читателя остается неизвестным, что же думали об этих временах простые люди.

Стейнберг уделяет сравнительно мало внимания военному периоду 1914—1916 гг. Речь снова идет преимущественно о том, как подавались события на страницах газет. «Оптимизм на страницах газет, по всей видимости, носил неподдельный характер и порой выливался в напыщенную риторику об историческом моменте. Даже мрачной осенью 1915 г. автор передовицы одной из петроградских газет утверждал: "Мы живем теперь во время великих возможностей. Под гром орудий... Россия, как организм, полный жизненных соков, находит силы, чтобы приступить к излечению своих внутренних язв"». Впрочем, «некоторые журналисты осторожно выражали беспокойство в отношении будущего...» По прочтении газет у Стейнберга сложилось впечатление, что «война сравнительно слабо затронула повседневную жизнь» [1. С. 109]. Здесь, конечно, приходится вновь напомнить о признании автора относительно субъективности журналистов, которые к тому же работали в условиях военной цензуры [Там же. С. 25, 110]. За пределами видимости для Стейнберга остаются жестокие реалии войны, страдания солдат на фронте и голодные бунты в городах. Эти темы подробно исследованы в работах российских историков (напр.: [4, 5]), и игнорирование этих работ автором трудно объяснить.

При описании реакции разных слоев населения на события 1917 г. Стейнберг возвращается к материалам, уже использованными в первой части книги. «Как мы уже видели в главе I, журналисты, нередко впадая в лихорадочный тон, описывали первые недели революции как чудесную весну свободы, воскрешения и возрождения, как долгожданный конец тьмы, рабства и страданий». Но «по мере того, как утопическая эйфория сталкивалась с суровыми реалиями истории как повседневной жизни... интерпретации и настроения становились все более противоречивыми и несвязными» [Там же. С. 134]. В этой главе Стейнберг не раз ссылается на работы Б. И. Колоницкого, также исследовавшего эволюцию массовых настроений от февраля к октябрю. Постепенно «противоречивые» настроения сменяются боязнью анархии, причем журналисты возлагали вину за нарастающую волну анархии на народ. «Как отмечал один репортер, к началу лета презрительные слова о "взбунтовавшихся рабах" были слышны "на каждом шагу"». После «июльских дней» газеты стали требовать «сильной власти» [Там же. С. 139, 144]. Опираясь на архивные источники (правда, немногочисленные), Стейнберг доносит до нас и голос солдатских масс - причем этот голос звучит очень решительно. «Типичной для этого периода была резолюция одного из солдатских комитетов, отправленная в газету Совета "Известия" 1 сентября: "Пора же сбросить с себя гипноз буржуазии; пора отбросить ее как гнойную коросту, чтобы она не разлагала революцию..."» [Там же. С. 143].

Октябрьская революция получила в прессе противоречивые оценки. «Известия» и другие большевистские газеты писали о том, что революция открыла дверь в беспрецедентную эпоху, о которой давно мечтали: пришла новая жизнь, в которой на стало «рабов, господ» и не было угнетения и насилия. Немногие еще уцелевшие оппозиционные газеты обвиняли большеви-

ков в том, что они спровоцировали простой народ «лживыми» и «пустыми» обещаниями, тем самым выпустив на волю кровавые и жестокие «инстинкты» [1. С. 176, 178]. После начала Гражданской войны эта словесная дуэль стала ожесточенной. «Авторы публикаций в поддержку большевистской власти объявляли революцию борьбой за святую "правду" — нравственную правду земной справедливости, любви и добра». Издававшиеся по другую сторону фронта газеты изображали белых как «спасителей». Красные же представали в обличье «грабителей и разбойников... авантюристов и шулеров... озверевшей черни... банда проходимцев, использовавших все великое народное невежество для своих темных, корыстных целей» [Там же. С. 185—187].

Третья часть книги Стейнберга («Места и люди») состоит из четырех глав. В главе «Уличная политика» более подробно развертываются сюжеты, которые уже рассматривались в первых частях книги. Автор описывает «повседневную улицу» с хулиганами и женщинами на панели, «революционную улицу» во власти насилия и «темной толпы». Описание теперь ссылается не только на газеты и письма, но и на воспоминания современников, а также на работы историков.

В главе «Женщины в революции и в деревне» Стейнберг впервые в этой книге обращается к анализу поведенческих практик преобладающей части населения России - крестьянства. Но делает он это в весьма своеобразной манере, основное внимание уделяя гендерным аспектам этой проблемы. Существенным препятствием при этом является недостаток аутентичных материалов. «Голоса крестьянок редко встречаются в документах», - признает Стейнберг. «Многое из вышесказанного - всего лишь размышления историков» [Там же. С. 320-321]. Стейнберг опирается в основном на работы Б. Эйнджел, О. Файджеса, П. Гатрелла и других западных специалистов и в целом дает достаточно полную картину роли женщин в событиях революционного времени. До революции «считалось, что семейная жизнь крестьян носит жестоко патриархальный характер и признает не только деспотичную власть старого главы семейства, но и обычаи домашнего насилия, обращенного на жен и детей» [Там же. С. 268]. Но во время крестьянских восстаний 1905-1906 гг. неожиданно выявляется активная роль женщин. «Женщины нередко стояли в первом ряду, защищая протестующих своими телами (иногда для большего эффекта они брали на руки детей...). Но в других случаях они могли швырять камнями в полицию и солдат или потрясать палками, граблями, лопатами, топорами и вилами» [1. С. 285]. Позже, в 1915-1916 гг., «солдатские жены играли ведущую роль во вспыхнувших во многих русских городах "голодных бунтах", известных также как "погромы" и "бабьи бунты"». В отсутствие мужей солдатки взяли на себя функцию защиты семьи, и материнский инстинкт заставлял их рисковать жизнью, чтобы обеспечить своих детей хлебом [Там же]. Как отмечалось выше, именно с такого «голодного бабьего бунта» началась Февральская революция.

К маю 1917 г. относится один из немногих документов, доносящих до нас голос женщин-крестьянок, — письмо, опубликованное в газете «Новая жизнь». «Довольно крови, довольно этого ужасного кровопролития, совершенно бесполезного для трудового народа», — писали крестьянки из Смоленской губернии [1. С. 321]. Естественно, что в первую очередь женщины желали остановить войну и вернуть с фронта своих мужей.

Временное правительство дало женщинам избирательные права, но вернувшиеся с фронта крестьянесолдаты пытались восстановить прежние патриархальные обычаи. «Даже скромные претензии женщин на новые роли и взаимоотношения - такие как обучение грамоте или возможность отправлять дочерей в школу - нередко встречали яростное противодействие со стороны крестьян-мужчин» [Там же. С. 325]. После начала Гражданской войны символом революции стал рабочий-мужчина, обычно кузнец, изображавший сильного труженика, кующего новый мир; женщину изображали на плакатах как помощницу кузнеца. Один из плакатов показывает, что (в идеале) дала революция работнице и крестьянке: «дом матери и ребенка», «детский сад», «школу для взрослых», «клуб работниц» и т.д. «Но все эти проблемы еще ни в коем случае не были решены», - скептически резюмирует Стейнберг [Там же. С. 337–343].

Следующая глава книги Стейнберга называется «Преодоление империи» и посвящена восприятию революции различными народами России. Этой необъятной теме посвящено огромное количество работ, и Стейнберг, не пытаясь объять необъятное, радикально ограничивает свою задачу. «В данной главе непростая история антиимпериалистической революции показывается глазами трех личностей: Махмуда Ходжи Бехбуди, среднеазиатского исламского активиста, Владимира Винниченко, украинского политического деятеля и литератора, и загадочного еврейского писателя Исаака Бабеля. Разумеется, - признает Стейнберг, - никакая подборка личностей или сюжетов не способна показать всевозможные оттенки восприятия людьми имперских различий и брошенного им вызова. И потому вниманию читателя предлагаются "поучительные сюжеты" - каждый из них по-своему раскрывает более широкий круг событий, но отнюдь не архетипические» [Там же. С. 351].

Последняя глава книги Стейнберга («Утописты») посвящена людям, которых раньше называли «пламенными революционерами». Стейнберг называет их «утопистами» и показывает их судьбу на трех биографических примерах: Льва Троцкого, Владимира Маяковского и Александры Коллонтай. «Они входили в число многочисленных борцов с узкими представлениями о том, что возможно и что – нет, с теми, кто предупреждал, что скачок в царство свободы – утопия. Призвав на помощь присущую им энергию и умение красиво изъясняться, они посвятили свою жизнь "отрицанию того, что просто существует", во имя того, "что

172 С.А. Нефедов

должно быть"» [1. С. 351]. Однако, как и в предыдущей главе, это лишь «поучительные сюжеты», не претендующие на какие-либо общие выводы.

В заключение остается сказать, что книга Стейнберга не представляет собой историю русской революции в традиционном понимании. Это скорее полезное чтение о некоторых аспектах русской революции – в основном о восприятии революции современниками. Некоторые из сюжетов, рассматриваемых Стейнбергом,

хорошо известны российским исследователям (и Стейнберг на них ссылается). Другие сюжеты представляют новую информацию, дополняющую наше знание о революции, притом некоторые выводы автора являются весьма важными (речь идет, в частности, о выводах, сформулированных в первой части книги). В целом книга дает представление о результатах, достигнутых новым направлением американской историографии, «новой культурной историей».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 560 с.
- 2. Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков (обзор) // 1917 год. Россия революционная / ред. В.М. Шевырин. М.: ИНИОН, 2009. С. 6–32.
- 3. Поршнева О.С. Человек в условиях российской революции 1917 г.: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика / ред. Л.Н. Мазур и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С 50–64
- 4. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- 5. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.

Nefedov Sergey A. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: hist1@yandex.ru

REVIEW: RUSSIAN REVOLUTION IN THE PERCEPTION OF SOVEREIGNMENTS RUSSIAN REVOLUTION IN THE PERCEPTION OF SOVEREIGNMENTS. STEINBERG M. THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION, 1905-1921. MOSCOW: PUBLISHING HOUSE OF GAIDAR INSTITUTE, 2018. 560 P.

Keywords: M. Steinberg; Russian Revolution.

The author introduces readers to a new monograph by the famous Russian historian Mark K. Steinberg about the Russian revolution of 1917 written within the framework of the new cultural history. The author considers the monograph useful and developing ideas about the revolution in some of its scenes.

REFERENCES

- 1. Steinberg, M. (2018) Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905-1921 [The Great Russian Revolution, 1905-1921]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- 2. Bolshakova, O.V. (2009) Russkaya revolyutsiya glazami trekh pokoleniy amerikanskikh istorikov (obzor) [The Russian Revolution through the eyes of three generations of American historians (a review)]. In: Shevyrin, V. M. (ed.) 1917 god. Rossiya revolyutsionnaya [1917god. The Revolutionary Russia]. Moscow: INION. pp. 6–32.
- 3. Porshneva, O.S. (2016) Chelovek v usloviyakh rossiyskoy revolyutsii 1917 g.: osnovnyye tendentsii i dostizheniya v izuchenii problemy [Man under the Russian Revolution of 1917: Main trends and achievements in the study of the problem]. In: Mazur, L.N. et al. (eds) 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika [1917 in Russia: Socialist idea, revolutionary mythology and practice]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 50–64.
- 4. Porshneva, O.S. (2004) Krest'yane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian peasants, workers and soldiers on the eve and during WWI]. Moscow: ROSSPEN.
- 5. Astashov, A.B. (2014) Russkiy front v 1914 nachale 1917 goda: voyennyy opyt i sovremennost' [The Russian front in 1914 early 1917: Military experience and modernity]. Moscow: Novyy khronograf.

УДК 39+930.85

DOI: 10.17223/19988613/53/33

Г.Ю. Колева

ИСТОРИК ДОЛЖЕН УМЕТЬ ЧИТАТЬ ИСТОЧНИКИ: РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ М.С. ЛИТВИНЧУК «СУРГУТЯНЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА РУССКИХ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.»

Современная историческая наука наряду с возросшими объемами исторических исследований проявляет тенденции, требующие осмысления и определенного противодействия. На это обращали внимание Н.С. Ларьков [1. С. 127], В. Журавлев, В. Рынков, Д. Симонов [2. С. 206–211]. Преодоление этих явлений авторы видят «в развитии институтов и механизмов рецензирования» [Там же. С. 211].

В статье М.С. Литвинчук «Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX - начале XX вв.» [3] рассматривается проблема, не имеющая ни историографии, ни существенной источниковой базы. И, конечно, столь не изученная проблема достойна исследовательского внимания. В статье речь ведется о населении городка севера Российской империи - Сургута, судьба которого резко изменилась во второй половине XX в. Численность горожан стала интенсивно расти, ядро коренного населения размывалось... Прошлое уходило, а источниковая база по истории города оказалась очень скудна. Вопрос, как могли выглядеть жители этого города в прошлом, при его бурном настоящем вызывает интерес. Основной вывод статьи М.С. Литвинчук претендовал на новое, открытое историком знание. Автор, опираясь на теорию фронтира, идеи «возникновения специфических этнографических групп русских в Сибири», пришла к выводу, что сургутяне к рубежу XIX-XX вв. «сформировались в особую этнографическую группу», наделенную определенными отличиями. При этом территориальные рамки исследования постоянно меняются, и не понятно, сургутяне для М.С. Литвинчук – это только жители города Сургуга или же и Сургутского уезда, а последний простирался до арктических зон.

М.С. Литвинчук учла выводы авторов исследования «Русские: история и этнография» [4. С. 60–100] о возникновении «в этнической истории русских» «локальных... сообществ» [Там же. С. 75] с отличиями в культуре, но сочла, что «специфика истории Сургута» привела к изменениям антропологических и фенотипических черт населения, проявившихся в «метисированном монголоидном облике». Главная причина этого коренилась в «малочисленности служилых людей Сургута», «взаимодействии между русскими и коренными жителями», отчего сургутяне напоминали «остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз» [3. С. 76].

Общеизвестно, что с конца XVI до конца XIX в. основную часть населения Сургута составляло казачество. Население формировалось выходцами с территории северо-запада России, пополнялось ссыльными, пленными, раскольниками, часто верставшимися в казаки [5. С. 125, 127]. Казаки представляли мобильную категорию населения, направлялись во вновь осваиваемые территории. При этом в Сургуте на протяжении веков отмечались повторяющиеся фамилии, что свидетельствовало о наличии постоянного контингента городского населения. Преобладание мужского населения и нехватка женского в Сибири изначально поставили вопрос о привлечении женщин: наборами на том же северо-западе России, разрешением увозить из городов «жен и девиц», чем казаки широко пользовались [6. C. 49].

Базовым и единственным источником в работе М.С. Литвинчук явилась публикация бывшего ссыльного С.П. Швецова [7]. Основания рассматривать книгу С.П. Швецова в качестве источника есть: он очевидец событий, наблюдатель жизни сургутян XIX в. Однако в работе с источником прослеживаются чрезмерная доверчивость и некритическое к нему отношение, в некоторых случаях невнимательное чтение текста. Из этого источника воспроизводится внешней облик сургутян, «обладавших низким ростом, приземистостью и невзрачностью всей фигуры», напоминающей «скорей медведя», а черты лиц «неправильны и резки», «развитые скулы, широкий некрасивый рот», «узкие глаза, без выражения, или, пожалуй, с выражением придурковатости» [Там же. С. 6]. Используя содержание книги С.П. Швецова, М.С. Литвинчук приходит к выводам о монголоидном облике сургутян. В основе возникновения этих черт внешности - смешение с остяцким населением. Однако при внимательном чтении книги можно увидеть, что С.П. Швецов выделял две группы сургутян: первая - «действительно русские», т.е. которые «сохраняют внешность, язык, обычаи»... присущие русским [Там же]; вторая - «смесь русского типа с остяцким», «происходящая от смешанных браков с остяками потомков русских крестьян». Следует подчеркнуть: указано на смешанные браки потомков русских крестьян с остяками. Но этот кусок текста С.П. Швецова М.С. Литвинчук оставляет без внимания,

Г.Ю. Колева

как и то, что С.П. Швецов писал, что «смешанными в Сургуте было 5–10 семей, и оговаривался — «по крайней мере, недавнего происхождения» [7. С. 76]. Исследователь должен был бы обратить внимание на то, что речь идет о смешении только крестьян с остяками, а далее нужно было бы выяснить долю крестьян в составе сургутян. Базовой категорией населения Сургута было казачество [8. С. 32–37] с преобладающим удельным весом. Крестьянство в структуре населения Сургута не могло составлять более 10–15%. Таким образом, доля «монголоидных сургутян» была такова, что ее нельзя распространять на все население.

Второе очень важное обстоятельство, на которое следовало бы обратить внимание в книге С.П. Швецова, касается «безнравственности» сургутян, проявившейся в издевательствах и насмешках над самоедами и «мертвым остяком» [7. С. 80]. На этих непривлекательных примерах С.П. Швецов делал вывод, что «инородцы отлично сознают, как враждебно и презрительно относятся к ним русские» [Там же. С. 82]. Можно только представить, в каком положении оказывался тот, кто осмеливался заключить брак, ведь, следуя логике этого сюжета, он обрекал себя на полное пренебрежение общества.

Книга С.П. Швецова полна противоречий: то он пишет о «грязи, толстым слоем покрывающим голову, лицо и руки» сургутян [Там же. С. 7], то указывает на «чистый, застланный половиками пол... стены... беленые, или оклеены... светлыми обоями» [Там же. С. 63]. Да и в умственном отношении сургутяне «стоят» «очень низко» [Там же. С. 71], хотя по данным государственной статистики мужское население Сургута по грамотности в Тобольской губернии занимало первое место место [9. С. 35].

Важнейшими источниками, свидетельствующими о том, из кого создавались семьи сургутян, являются метрические книги. Изучение метрических книг по поселениям юга Тобольской губернии с традиционным населением из числа казачества и их потомков показывает [10. С. 57-66], что заключение браков осуществлялось между историческими долговременными служилыми родами и их потомками и исторически связанными селами. Сургутское казачество как часть казачества Сибири не могло выработать иных черт в отношении базовых человеческих взаимодействий - заключения брачных отношений. Изолированность сургутян также не являлась абсолютной в силу того, что служба делала служилых людей очень мобильной категорией. С середины XIX в. Сургут получил окно в мир в условиях развития водного транспорта. Пароходы появились в жизни Сургута с 1846 г. В метрических записях Троицкой церкви Сургута [11] среди сургутян: Кайдаловы, Тверетиновы, Кондаковы, Клепиковы, Тарасовы, Новосильцевы, Куйвашевы, Проводниковы, Федуловы, Силины, Тупиковы. К середине и второй половине века фамилии сургутян становились более разнообразными, все чаще упоминались и новые поселенцы. Обнаруженный нами документ о сургутянах, отслуживших в Петропавловской крепости и направленных на службу в Тобольск, дает описание их облика: возраст, рост, цвет волос, цвет глаз. Все те, кто входил в эту команду, – представили крупных казачьих родов Сургута. Их указанный рост не очень высокий: 170-176 см [12. Л. 378 об.]. Уцелевшие по г. Сургуту в очень ограниченном количестве метрические книги показывают, что браки в среде казачества и их потомков заключались преимущественно между казачьими семьями. Однако усложнение положения казачества с начала XIX в. повлекло переход части его представителей в мещанское и крестьянское сословия. У казаков появлялись жены из мещан и крестьян. Упоминаются жены и из семей тундринских становщиков, под которыми следует понимать тех, кто нес службу вне Сургута. Также допускаем включение в брачные отношения выслужившихся до определенного положения семей инородческого населения. Факты подобного рода по метрическим книгам единичны, но имеются. Но могли ли эти обстоятельства повлиять на изменение облика сургутян? Ответ на этот вопрос находим в таких вещественных источниках, как фотографии сургутян, в частности семей Торопчиновых, которые своим появлением в Сургуте восходят к середине XVII в., веками активно включены в жизнь города [5. С. 124, 137, 144], широко представлены в метрических книгах на протяжении XVIII, XIX вв. На сохранившихся фотографиях отражен европеоидный тип лиц. То, что они не были единственными в своем европеоидном облике в Сургуте, показывает фотография 1951 г. выпускников 7-го класса сургутской школы, представлявших второе поколение сургутян XX в. Жизнь Сургута к тому времени оставалась традиционной, обновление состава населения еще не началось. Фотография полностью опровергает тезис о «монголоидном облике» населения Сургута как базовый вывод М.С. Литвинчук.

Таким образом, предлагаемое в статье М.С. Литвичнчук новое научное знание о сургутянах конца XIX - начала XX в. как особой этнографической группе, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования. Главный недостаток исследования заключается в том, что в его основу положен лишь один источник - «очерк» С.П. Швецова. Выводы исследования строятся на отдельных положениях источника, без его критического анализа. Ряд положений источника, противоречащих авторской концепции, игнорируется. Не привлечены архивные (метрические книги церквей г. Сургута) и вещественные (фотоматериал) источники. Следует учесть и то, что казачество, составлявшее на протяжении веков ядро населения Сургута, не могло руководствоваться иными принципами, чем казачество юга Тобольской губернии, в регулировании брачных отношений. Не являлась абсолютной и изолированность сургутян. Монголоидный тип лиц опровергается внешностью сургутян, зафиксированных фотографиями.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Ларьков Н.С. Количество без качества, или снова «в кроссовках по истории». Рецензия: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь). Новосибирск, 2014. 548 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 125–128.
- Журавлев В., Рынков В., Симонов Д. За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 206–211.
- 3. Литвинчук М.С. Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX начале XX вв. // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 3. С. 75–79.
- 4. Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. 752 с.
- 5. Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.
- 6. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири) / пред. авт. М.: Тип-фия т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 374 с.
- 7. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. [Б. м.], 1889. 87 с.
- 8. Колева Г.Ю. Сургутское казачество: Торопчаниновы-Торопчиновы (XVII–XIX вв.) // ХМАО-Югра: исторические вызовы и ответы : материалы Всерос. науч. конф., 6 декабря 2013 г. Сургут : ИЦ СурГУ, 2013. С. 32–37.
- 9. Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисловием] Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Цент. Стат. комитетом Мин-ва вн. дел, 1898–1905. Тобольская губерния. LXXVIII, 247 с.
- 10. Колева Г.Ю. Отголоски эпохи «Сибирского взятья»: Волковы из деревни Волковой у озера Волково // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 2. С. 57–66.
- 11. Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал. (ГАТО ТФ). Ф. И-156. Тобольская духовная консистория. Оп. 15. Д. 196.
- 12. ГАТО ТФ. И-154. Тобольская казенная палата. Оп. 1. Д. 2.

Koleva Galina Y. Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

THE HISTORIAN MUST BE ABLE TO READ SOURCES // REVIEW: ARTICLE M. LYTVYNCHUK «THE INHABITANS OF SURGUT RUSSIAN ETHNOGRAPHICAL GROUP IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES».

Keywords: The Inhabitans of Surgut; ethnographical group; the townspeople; the Cossacks; the inhabitants.

In the offered review the analysis of the article by M.S. Litvinchuk is given. The purpose of the publication is to show insufficient scientific validity of the main research conclusion about "Mongoloid shape" of residents of Surgut of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The reason of changes in anthropological shape of the Russians who were inhabiting Surgut, M.S. Litvinchuk connects with the prevalence of the marriage relations of residents of Surgut with ostyaks. There is only one basis for this research and that is a non-critical and inattentively used source, the book by S.P. Shvetsov, who was in exile in Surgut in the 19th century.

REFERENCES

- 1. Larkov, N.S. (2015) Quantity without quality, or superficial knowledge of history. Review: Kokoulin V.G. Democratic counterrevolution: Siberia, the Volga region, Ural (May-November 1918). Novosibirsk, 2014. 548 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 125–128. (In Russian).
- 2. Zhuravlev, V., Rynkov, V. & Simonov, D. (2016) Za predelami nauki: po stranitsam imitatsionnoy istoriografii [Outside of science: the pages of imitation historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 206–211.
- 3. Litvinchuk, M.S. (2013) Surgutyane kak etnograficheskaya gruppa russkikh v XIX-nachale XX vv. [Residents of Surgut Russian ethnographical group in the 19th early 20th centuries]. *Gumanitarnyye nauki Sibiri*. 3. pp.75–79.
- 4. Vlasova, I.V. & Tishkov, V.A. (eds) (2008) Russkiye: istoriya i etnografiya [The Russians: history and ethnography]. Moscow: AST.
- 5. Baranov, N. et al. (1994) Drevniy gorod na Obi. Istoriya Surguta [The ancient city on the Ob. History Surgut]. Ekaterinburg: Tezis.
- 6. Kiryakov, V.V. (1902) Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibiri (v svyazi s istoriyey zaseleniya Sibiri) [Essays on the history of colonisation in Siberia (in connection with the colonisation history of Siberia)]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
- 7. Shvetsov, S.P. (1889) Ocherk Surgutskogo kraya [Essay about Surgut region]. [s.l., s.n.].
- 8. Koleva, G.Yu. (2013) [Surgut Cossacks: Toropchaninovy Toropchinovy (the 17th 19th cc.)]. *KhMAO-Yugra: istoricheskiye vyzovy i otvety* [KhMAO-Ugra: Historical Challenges and Responses]. Proc. of the Conference. Surgut. December 6, 2013. Surgut. pp. 32–37. (In Russian).
- 9. Troynitsky, N.A. (ed.) (1898–1905) Pervaya Vserossiyskaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The First All-Russian Population Census of the Russian Empire, 1897]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
- 10. Koleva, G.Yu. (2014) Otgoloski epokhi "Sibirskogo vzyat'ya": Volkovy iz derevni Volkovoy u ozera Volkovo [Echoes of the "Siberian take" epoch: The Volkovs from the village of Volkovo near Lake Volkovo]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates UT Research Journal. Humanities Research. Humanities. 2. pp. 57–66.
- 11. The State Archives of the Tyumen Region. Tobolsky branch. (GATO TF). Fund I-156. List 15. File 196.
- 12. The State Archives of the Tyumen Region. Tobolsky branch. (GATO TF). Fund I-154. List 1. File 2.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 39+930.85

DOI: 10.17223/19988613/53/34

И.В. Рогачев

ПОБРАТИМСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И НОРВЕГИИ КРЕПНУТ. К 25-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ БАРЕНЦЕВА ЕВРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Сообщается о диалоге представителей семи коммун Северной Норвегии и девяти муниципальных образований Архангельской области в рамках знаменитой Маргаритинской ярмарки 22 сентября 2017 года в Архангельске. Ключевые слова: Россия; Норвегия; международные связи.

«С добрым умыслом» — это крылатое выражение начальника отдела культуры, туризма и спорта администрации Пинежского района Архангельской области Л.А. Житова, взятое из обихода предков, поддерживавших активное сотрудничество с норвежцами еще в XIX и начале XX в., стало лейтмотивом пленарного заседания российско-норвежского форума «Потенциал побратимства — для эффективного развития северных территорий», прошедшего в Архангельске в рамках знаменитой Маргаритинской ярмарки 22 сентября 2017 г.

Международный форум торжественно открыл сводный оркестр музыкантов Архангельска и Тромсе исполнением государственных гимнов России и Норвегии.

Деловой побратимский диалог представителей семи коммун Северной Норвегии и девяти муниципальных образований Архангельской области был организован совместными усилиями мэрии Архангельска, Представительства МИД России в Архангельске, Генерального консульства Норвегии в Мурманске, Почетного консула Королевства Норвегии в Архангельске А.А. Шалева и Баренцева Секретариата.

Участников форума приветствовали руководители Собрания депутатов Архангельской области В.Ф. Новожилов и городской Думы В.В. Сырова. В своем приветственном слове Валентина Сырова, в частности, подчеркнула, что в условиях расширяющейся санкционной политики ряда государств в отношении России на региональном уровне взаимодействие двух стран проходит в атмосфере взаимной заинтересованности, налаживания партнерских и деловых связей. В подтверждение этого депутат привела важность географических, исторических и социо-культурных факторов, которые превалируют над политическими аспектами в отношениях между Россией и Норвегией.

О значении побратимских связей северных муниципалитетов для укрепления взаимопонимания и сотрудничества между регионами Северной Норвегии и Архангельской области говорили Генеральный консул Норвегии в Мурманске Эрик Сведал, мэры городовпобратимов Архангельска и Варде – Игорь Годзиш и Роберт Йенсен.

Генеральный консул Норвегии в Мурманске Эрик Сведал отметил особое место Архангельска в области реализации приграничного сотрудничества двух стран, указав на возрастающий интерес норвежцев к взаимодействию со своими соседями. Одним из факторов, способствующих укреплению взаимодействия двух народов, Э. Свеадал назвал богатый опыт выгодной традиционной поморской торговли.

В своих выступлениях И. Годзиш и Р. Йенсен также подчеркнули, что со времени заключения первого российско-норвежского Соглашения о побратимстве между Архангельском и коммуной Варде в 1989 г. достигнуты весомые результаты по линии реализации двусторонних проектов в образовательной и культурной сферах, а также в формате взаимодействия молодежи двух стран. И. Годзиш обратил внимание гостей на тот факт, что Архангельск занимает лидирующие позиции среди муниципальных образований Архангельской области в развитии международных контактов благодаря богатому опыту реализации совместных программ и готов приложить все усилия для создания нового импульса для развития межрегиональных связей России и Норвегии.

М.А. Преминин, 3-й секретарь Представительства МИД России в Архангельске, выступил перед участниками пленарного заседания с анализом всестороннего сотрудничества России и Норвегии, подчеркнув, что торговый оборот между двумя странами в 2017 г., несмотря на санкционную внешнюю политику, имеет тенденцию к росту. Так, в январе—апреле 2017 г. объем двустороннего товарооборота увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 9,2%. «Региональное сотрудничество и особенно побратимские связи на севере Европы являются уникальным явлением, — подчеркнул Максим Александрович. — Их значимость в нынешних условиях неуклонно возрастает и отвечает современным и долгосрочным интересам как России, так и Норвегии». О конкретных проявлениях нараста-

ющей динамики сотрудничества поделился заместитель мэра Архангельска Н.В. Евменов.

Кристин Реймо, мэр муниципалитета Тромсе, подчеркнула: «Весь мир смотрит на нас! И наша задача — оправдать надежды мирового сообщества на устойчивое развитие Арктики. Немалая роль принадлежит нам и в развитии арктического туризма. 300 миллионов китайцев хотят познакомиться с Арктикой, и мы должны укреплять трансграничное сотрудничество, чтобы помочь им в реализации этого желания. Очень важно не на словах, а на деле демонстрировать единство, учитывая нашу общую ответственность за арктический макрорегион» в качестве «соседей на крыше Европы».

Президент Архангельской торгово-промышленной палаты В.Ю. Сидоровский предложил расширить текст резолюции разделом «Экономическое сотрудничество», активнее используя для этого канал торговопромышленных представительств России и Норвегии.

О необходимости баланса между официальными и народными отношениями говорил депутат областного собрания Финнмарка Реми Странд. «От вежливых фраз

чиновников — к истинному сотрудничеству между народами северных регионов Норвегии и России при поддержке Москвы и Осло — только так мы сможем убедить все категории населения в важности и выгодности сотрудничества норвежцев и россиян, — подчеркнул депутат.

Пленарная встреча дала старт работе секций, мастер-классов. Большим успехом пользовалась, в частности, выставка книг в Архангельской областной научной библиотеке им. Н.А. Добролюбова, посвященных истории сотрудничества стран Баренцева региона: от плаваний скандинавов по Белому морю на Русский Север в IX в. и развития поморской торговли до подписания Киркенесской декларации 11 января 1993 г. Посетители смогли познакомиться с исследованием К.Ф. Тиандера «Поездки скандинавов в Белое море», опубликованным в 1906 г., с альбомами фотографий о природе Баренцева региона и с исследованиями в различных областях, а также с ярмаркой «Идеи российсконорвежских проектов». Культурная программа завершилась вечером дружбы «соседей на крыше Европы».

Rogachev Ivan V. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk, Russian Federation). E-mail: i.rogachev@narfu.ru

FRIENDLY RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND NORWAY GROW STRONGER. BY THE 25TH ANNIVERSARY OF THE BARENTS EURO-ARCTIC REGION.

Keywords: Russia; Norway; international relations.

About dialog representatives of seven municipalities in Northern Norway and nine municipalities of the Arkhangelsk region were Informed about the dialogue within the framework of the famous Margarita fair on September 22, 2017 in Arkhangelsk.

УДК 39+930.85

DOI: 10.17223/19988613/53/35

В.Г. Кикнадзе

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАПИТАЛ РЕВОЛЮЦИЙ» (МОСКВА, 4–6 ОКТЯБРЯ 2017 г.)

Сообщается о международной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, посвященной 100-летию Русской революции.

Ключевые слова: Русская революция; 100-летний юбилей; научная конференция; финансовый университет при Правительстве России.

С 4 по 6 октября 2017 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации (Москва) была проведена международная научная конференция «Капитал революций», организованная совместно с Институтом российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН). Среди партнеров конференции: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российское общество исследователей экономической истории, Институт экономики РАН, Государственный центральный музей современной истории России, Государственная публичная историческая библиотека России.

Подготовка и проведение конференции проходило при содействии Совета молодых ученых Финансового университета и научного студенческого общества факультета социологии и политологии, а также библиотечно-информационного комплекса университета.

В рамках конференции совместно с Государственным центральным музеем современной истории России была открыта экспозиция плаката революционного времени. Кроме того, на конференции были представлены научные издательства «Дело», «РОСПЭН», «Инфра-М», «Аспект Пресс», ИНИОН РАН, «Прометей». Конференция была приурочена к 100-летию эпохального события - Великой российской революции 1917 г., предопределившей ход мировой истории XX в. Главные задачи мероприятия заключались в рассмотрении и осмыслении социально-экономических предпосылок, движущих сил, противостояния идеологий и применения политических технологий, определении исторических развилок революционных событий. В центре внимания научной дискуссии оказались вопросы капитализации, издержек и достижений революций, их влияния на переустройство мира и общества.

Открывая пленарное заседание, которое состоялось 4 октября, ректор Финансового университета доктор экономических наук, профессор Михаил Абдурахманович Эскиндаров в своем вступительном слове отметил, что всю жизнь интересуется историей, начиная со студенческих лет, когда вся его комната в общежитие Финансового университета была заставлена книгами по истории. Тем самым ректор подчеркнул роль историче-

ской литературы в патриотическом воспитании молодежи.

«Великая российская революция занимает важное место в истории. Многие годы казалось, что все достаточно ясно, но в последнее время в Институте российской истории Российской академии наук ввели в научный оборот понятие "Великая российская революция". Его содержание включает события, которые происходили в три этапа: Февральская революция, Октябрьская революция и Гражданская война. Я до сих пор нахожусь в сомнениях относительно такого определения Великой российской революции. Кроме того, в работе ИРИ РАН "История России" отмечается, что Великая российская революция принесла не только крушение монархии, но и гибель огромной культурной цивилизационной системы. С последним не могу согласиться», отметил ректор Финансового университета. По его мнению, коммунистическая эпоха, которая просуществовала три четверти века, требует дальнейшего исследования.

Отличную от Института российской истории точку зрения представил заместитель председателя ЦК КПРФ, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по международным делам Дмитрий Георгиевич Новиков. Он заострил внимание на историческом наследии Октябрьской революции, идеях социальной справедливости и завоевании СССР статуса сверхдержавы. Среди главных событий XX в. Дмитрий Георгиевич отметил Великую февральскую революцию, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и Великую Победу. По его мнению, Октябрьская революция 1917 г. не была случайным эпизодом. Она была предусмотрена всем ходом истории, накопившимися социальноэкономическими противоречиями. Февраль и Октябрь предлагали разные пути развития, поэтому это два разных события. Успешному решению задач, по оценке Дмитрия Георгиевича, способствовало решение земельного вопроса. «Утверждение о развязывании Гражданской войны большевиками неоправданно. Для большинства она превратилась в войну Отечественную, освободительную, против 14 иностранных госу-

Результатом революции стал дарств-интервентов. гражданский раскол общества и государства. Советская власть создала Союз советских социалистических республик. Именно это государство дало всему миру пример быстрого выхода из кризиса и динамичного развития, вплоть до прорыва в космос. Кроме того, был достигнут высокий социальный минимум. Сегодня же в нашей стране более 20 млн человек находятся в нищете. «Самое главное, после Октябрьской революции и Великой Победы нашим государством был предложен всему миру новый путь развития, и мир стал более справедливым и гуманным. В дальнейшем политика Советского Союза способствовала сдерживанию от возможных крупных военных угроз», - отметил в своем докладе Дмитрий Новиков.

Оценивая современную политику, Дмитрий Георгиевич выделил самостоятельность таких понятий, как «социальная революция» и «цветные революции». Если первое предусматривает разрешение социально-экономических противоречий, и социальную революцию сложно отменить, то «цветные революции» — это продукт политтехнологий, в результате которых с вмешательством извне в государстве меняется только политический режим. Кроме того, «цветную революцию», по определению Дмитрия Новикова, можно профилактировать.

Особенность международного форума «Капитал революций», по мнению президента Российской ассоциации политической науки (РАПН), заведующей кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России доктора политических наук, профессора Оксаны Викторовны Гаман-Голутвиной, заключается в том, что он инициирован союзом историков и политологов. События 1917 г. она предложила оценить с позиций политической науки. «На тот момент по темпам развития Россия вышла на первое место в мире. Государству нужна была политическая модернизация, концепция элитного компромисса. Сделать это могла историческая личность, сопоставимая с Петром I. Однако концептуального усилия не состоялось по причине дисфункции управленческого капитала (политикоуправленческой подсистемы) Российской империи. Именно это является главной причиной Февраля», отметила Оксана Гаман-Голутвина. Особая ответственность за судьбу России, по ее мнению, лежала на имперской бюрократии: «Это примерно полмиллиона чиновников, на содержание которых уходило 15% государственного бюджета. Для сравнения в Англии, Франции и Германии этот показатель составлял от 3 до 7%. Причины кризиса заключались в снижении качества ротации управленческого слоя, как горизонтальной, так и вертикальной; по сути, тусовалась одна и та же колода чиновников. В результате - зашлаковывание, окостенение управленческого слоя. Попытка отмены чинов не была реализована. Проблема усугублялась низкой сплоченностью чиновников».

Что же из себя представляла российская буржуазия? Оксана Викторовна предложила следующую характе-

ристику: «Это практически полтора миллиона человек из трех миллионов российских элит. Именно она должна была сменить российскую бюрократию, но не сумела ни завоевать, ни сохранить власть: они были тепличные, во многом зависимые от государства. Руководящий экономический класс не смог стать объектом социального конструирования». При этом, по мнению Оксаны Гаман-Голутвиной, первая волна большевиков выполнила по большей части отрицательную функцию – расчистить поле для новых управленцев, осуществивших в дальнейшем модернизацию страны. Однако по-прежнему необходимым условием развития государства, что актуально и для современной России, являлась ротация управленческого слоя.

Соведущий конференции Юрий Александрович **Петров** задал Оксане Викторовне вопрос о целесообразности детализации в оценке российской буржуазии, которая в большинстве своем, особенно московская, была самостоятельной, в отличие, например, от санкт-петербургской. Профессор Гаман-Голутвина согласилась с директором ИРИ РАН, что ей не удалось избежать упрощения при выступлении по столь обширному вопросу.

На конференции присутствовали потомки исторических личностей, которые в годы Великой российской революции «стояли по разные стороны баррикад», были непримиримыми врагами. Президент Американской торговой палаты в России (AmCham) Алексис Родзянко, приходящийся правнуком председателю Государственной Думы Российской империи третьего и четвертого созывов М.В. Родзянко, поделился воспоминаниями своих предков о подорвавших человеческие силы страны революционных событиях и положениями теории революций. Именно его прадед сформировал Временное правительство, был сторонником конституционной монархии, как в Англии, и противником Распутина: «Я согласен, что Февраль, Октябрь и Гражданская война – звенья одной цепи. Возможный урон ВРР – это численность населения России, которая могла быть в настоящее время около 320 млн человек».

Генеральный директор Государственного центрального музея современной истории России И.Я. Великанова рассказала о масштабной тематической выставке «Код революций», обозначила необходимость формирования образа будущего на историческом основании, преодоления разрыва между академическим и народным знаниями истории своей страны. Ирина Яковлевна отметила, что невозможно формировать образ будущего, не зная своей истории. Так же как и ректор Финансового университета, она обратила внимание аудитории на проблему исторической грамотности молодежи (лишь 11% респондентов правильно ответили, кого свергли в Октябре большевики). По мнению Ирины Великановой, существует разрыв между академической наукой и гражданами; школа самостоятельно не справляется с задачей исторического воспитания молодежи. «Мы, музеи, готовы подставить плечо и активно со**В.Г. Кикнадзе**

трудничать, предлагая популяризирующие историю проекты», — отметила Ирина Яковлевна, пригласив всех посетить специально открытую выставку, посвященную истории переломного периода в истории России.

Директор Института российской истории РАН доктор исторических наук Юрий Александрович Петров отметил, что по всей стране проводятся те или иные мероприятия, посвященные 100-летию Великой российской революции. «Мы, Институт российской истории, пишем книги. Например, вышел в свет двухтомник "История России: власть, общество, культура". Современная российская власть, к счастью, не диктует, как относиться к истории, не навязывает своих трактовок и оценок, обращается к экспертам, использует их оценки", - выделил особенности современной российской исторической и политической культуры Юрий Петров. По его оценке, в начале XX в. Россия оказалась в эпицентре великих потрясений, особенно как участница Первой мировой войны. «Считаем оправданным подход и термин "Великая российская революция", включающий в себя и Февраль, и Октябрь, и Гражданскую войну. Важно подчеркнуть, что в слове "великая" нет положительной коннотации, имеется в виду масштабность события. "Российская" - значит революция, произошедшая на территории государства, в его границах на тот момент. До Февраля ситуация на фронте и в тылу еще была устойчивой. Революция же принесла нашей стране громадный ущерб. Потребовались громадные усилия для выхода из кризиса», - пояснил научную позицию ИРИ РАН его директор Юрий Петров.

В выступлении члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Бориса Сафаровича Эбзеева было сделано сравнение Великой французской революции и Великой российской революции. В результате первой, по мнению профессора, произошло только политическое переустройство Франции. Великая российская революция привела к политическим, экономическим и социальным изменениям. «Думаю, что историки правы, объединяя Февраль и Октябрь как этапы в один процесс. Революция оправдала социальные ожидания народа: переселение в квартиры буржуазии; образование как фактор объединения народа; улучшение материального быта людей. Те, кто делал Великую российскую революцию, были образованными людьми, обучавшимися в лучших европейских университетах. Вместе с тем советское государство не смогло решить проблему соотношения индивидуального и коллективного. Нашему обществу, нашей науке необходимо извлечь уроки из опыта Великой российской революции. «Надеюсь, мы поумнеем со временем», - отметил Борис Эбзеев. «Цветные Революции», по его мнению, лишь перевороты, которые не затрагивают формационных основ государств, в которых они происходит. Сейчас основные противоречия заключаются между трудом и капиталом, знанием и незнанием, профессионализмом и невежеством. При этом частный капитал утратил свою фундаментальность. В качестве выводов Борис Сафарович отметил, что французская революция привела к появлению правового государства, в то время как Великая российская революция вызвала к жизни социальное государство, которое внедряется и в экономику, и в социальную сферу. Сегодня такое вмешательство должно быть только на законной основе.

Живой интерес аудитории вызвало выступление Г.Г. Сокольниковой (Тартыковой), дочери революционера, первого советского наркома финансов Григория Яковлевича Сокольникова. С ее слов, в анкетеавтобиографии отца указано, что штурма Зимнего дворца не было, он с В.И. Лениным двое суток ночевал в Смольном до того момента, как пришел секретарь Петроградского военно-революционного В.А. Антонов-Овсеенко и доложил о сложении полномочий Временным правительством. При этом Григорий Яковлевич в полной мере соответствовал уже данной в выступлении Бориса Эбзеева оценке лидеров революционного движения в России как высокообразованных людей: он окончил Сорбонну, знал шесть языков, имел ученую степень доктора экономических наук. Поэтому не случайно считал, что проведению денежной реформы должно предшествовать ее строго научное обоснование.

Также на пленарном заседании представили свои доклады посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ В.Е. Чуров, Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета В.В. Федоров, первый президент Южной Осетии Э.Д. Кокойты, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра социальных исследований Е.Н. Кириллова, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН Д.Е. Сорокин. Участники отметили, что пленарное заседание оказалось крайне информативным и содержательным. Осмыслению революционных событий способствовали также доклады, которые представили заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Соловьев, вице-президент французской ассоциации экономистов «Кружок Кондратьева», профессор Университета Paris-Est Créteil Жан-Луи Трюэль (Jean-Louis Truel) (Франция), председатель правления РАПН, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС Л.Н. Тимофеева, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова В.И. Коваленко, профессор Университета Модены и Реджо-Эмилии Джан Паоло Казелли (G.-P. Caselli) (Италия), председатель профессорского клуба Финансового университета Я.А. Пляйс, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАН-О.Ф. Шабров, профессор НИУ А.Н. Медушевский, заведующая кафедрой политологии

и международных отношений РГСУ, профессор Кембриджского университета (RSSU University of Cambridge) Г.Ю. Никипорец-Такигава, член экспертного совета Института социально-экономи-ческих и политических исследований А.Ю. Зудин.

В последующие дни работа конференции была продолжена в формате заседаний по четырем направлениям (Политический капитал революций; Экономический капитал революций; Социальный капитал революций; Культурный капитал революций; 5 октября) и в формате студенческой конференции по шести направлениям (Политические дебаты; Политическое измерение революций; Экономическое измерение революций; Социальное измерение революций; Культурное измерение революций; Экспресс-доклады молодых ученых; 6 октября).

Всего за три дня работы международной конференции в ней приняли участие около 700 человек. С научными докладами и выступлениями заявились более 350 человек. Работа во время конференции велась на 16 площадках.

По итогам конференции вышел в свет специальный выпуск научного журнала «Гуманитарные науки» (2017. № 6), в дальнейшем будут изданы коллективная монография и сборник научных статей молодых ученых.

Уверены, что предложенный Финансовым университетом и Институтом российской истории РАН разносторонний и многоуровневый формат обсуждения истории и значения Великой российской революции для современности будет способствовать формированию в России исторической культуры, развитию российской науки и гражданского общества.

Kiknadze Vladimir G. Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "CAPITAL of the REVOLUTION" (MOSCOW, OCTOBER 4-6, 2017) Keywords: Russian revolution, 100th anniversary, scientific conference, Financial University under the Government of Russia.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ Марк Владимирович, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: mark150795@gmail.com

АЛТУХОВА Светлана Алексеевна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, методист Экскурсионно-просветительского центра Томского государственного университета. E-mail: lana.asol@mail.ru

АРШИНЦЕВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: arol-s@yandex.ru

БАРМИН Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул). E-mail: valbarmin@mail.ru

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политологии Томского архитектурно-строительного университета. E-mail: ypbojko@yandex.ru

ВОЛКОВ Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета, заместитель начальника Департамента международных и региональных связей – председатель комитета международного сотрудничества Администрации Томской области. E-mail: u66@yandex.ru

ВОЛЬФСОН Савелий Вольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: volfson@dir.tsu.ru

ГРОМОВА Дарья Владимировна, преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. Email: putdarya@yandex.ru

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва). E-mail: KiknadzeVG@mail.ru

КИРИЛЛОВА Сэсэгма Валерьевна, консультант Организационно-технического управления (Общественная приемная Народного Хурала Республики Бурятия), соискатель кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: sesegkirillova@mail.ru

КИРСАНОВА Екатерина Семёновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Северск). E-mail: zavkir@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Института менеджмента и бизнеса Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОРНЕВА Лидия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail korneva 21@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Мария Александровна, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: 79528818483@yandex.ru

ЛАРЬКОВ Николай Семенович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: larkov@mail.tsu.ru.

ЛИЦАРЕВА Елена Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета E-mail: elits2011@mail.ru

МЕТЕЛЬ Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: olgametel@yandex.ru

МИРОНОВ Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vvm 512@rambler.ru.

МИЦУК Алексей Алексеевич, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: rixa-los@mail.ru

НЕФЕДОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета. E-mail: hist1@yandex.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: lenin-partiya@mail.ru; nikitds33@gmail.com

РОГАЧЕВ Иван Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. (Архангельск). E-mail: i.rogachev@narfu.ru

РУМЯНЦЕВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru.

САФОНОВА Евгения Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, магистрант Томского государственного университета. E-mail: esafonova@list.ru

СМОЛЯКОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: smol ln@mail.ru

СОКОЛОВ Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: sokolov.nsokolov@yandex.ru

СУПРЫГИНА Галина Гавриловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: askis@ngs.ru

ТАЛОВСКАЯ Бэла Марковна, студентка магистратуры Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторический наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@dir.tsu.ru

ТРОЙНИНА Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук. E-mail: shkrob_katya@mail.ru

ТУЧКОВА Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: nata2017juli@gmail.com

ФОМЕНКО Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: fomenk@gmail.com

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 53

Председатель редакционного совета — Э.В. Галажинский Главный редактор — В.П. Зиновьев Ответственный секретарь — В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.06.2018 г. Формат $60x84^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 21,6. Тираж 50 экз. Заказ № 3279. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.07.2018 г.

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета 634050, г. Томск, Ленина, 36 Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: http://journals.tsu.ru/history

$Founder-Tomsk\ State\ University$

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles. Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ. История» Телефон 8(382-2)–52-96-67 Факс 8(382-2)–52-98-46 Ответственный секретарь В.С. Воробьева Е-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, Издательский Дом ТГУ Телефон 8(382-2)—52-96-75 E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University 34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050 Tel: 8(382-2)–52-96-67 Fax: 8(382-2)–52-98-46 Executive Editor: Veronica Vorobyeva E-mail: petroom@mail.ru

Publisher

Publishing House of Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050 Tel: 8(382-2)–52-96-75 E-mail: rio.tsu@mail.ru